ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

ЖУРНАЛ ВСЕУКРАИНСКОЙ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И К.П.(б.)У.

N4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1923

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВ.) УКРАИНЫ

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

Журнал Комиссии по изучению Истории Октябрьской Революции и Коммунистической Партии (большевиков) Украины.

№ 4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1923

Зак. № 414—Тираж 5000 экз.

Р. У. П. № 595. Кременчуг.

Гос. Обр. Типо-Лит. „Кремпечать“ им. Петровского.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I. СТАТЬИ

ОТДЕЛ II. ВОСПОМИНАНИЯ

ОТДЕЛ III. ГЕРОИ и ЖЕРТВЫ РЕВОЛЮЦИИ

ОТДЕЛ IV. МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ

ОТДЕЛ V. ВОКРУГ ИСТПАРТА

Ответственный редактор М. Равич-Черкасский.

ОТДЕЛ 1

СТАТЬИ

Очерк из истории социал-демократического движения в Киеве *)

(80—90 г.г.)

ГРУППА «РАБОЧЕЕ ДЕЛО»

1896 год в истории рабочего движения России является поворотным пунктом. Невиданная еще по размерам и организованности стачка Петербургских ткачей летом 1896 года (участвовало около 30.000 человек) была в сущности грандиозным прологом той величественной пролетарской борьбы, венцом которой является Октябрьская революция 1917 года. На полях классовых битв с капитализмом появился, в лице питерских рабочих, авангард новых легионов победоносной пролетарской рати.

Русский рабочий положил на весы истории свою тяжелую руку и громко на весь мир возвестил о наступлении новой эры для человеческого общества. Прокатным эхом прошла по всей России весть о героической борьбе питерских рабочих, вдыхая новые и новые силы, новую и новую веру в ряды борющихся классов. В то же время, это был новый этап в истории нашей партии.

Под влиянием роста рабочего движения растут и крепнут социал-демократические организации, в целом ряде мест выступающие уже как руководители стихийно развивающейся пролетарской борьбы...

В целом ряде социал-демократических групп, в одних раньше, в других позже, начинается пересмотр и проверка форм и методов борьбы, выработанных в период относительного затишья в рабочем движении. Этот общий процесс, в зависимости от местных условий, в различных городах проявился в различное время. Для Киева «конец 1895 и 1896 год был годом борьбы и споров в Киевских социал-демократических кружках. Шла борьба между сторонниками агитации и пропаганды» **).

Трудно восстановить картину тех страстных споров, которые разыгрывались по этому поводу между членами русской социал-демократической группы. В споре впоследствии принимают участие и рабочие кружки. Тов. Карвацкий рассказывает об этом следующее: «Еще до с'езда был резко поставлен вопрос о переходе от пропаганды к агитации. Помню было одно собрание носившее бурный характер, спор был в квартире Эдуарда Францевича Плетата, а вторично собрались у Святенко на Шулявке, где был Сапежко Борис Львович, я, Марцелли и Марьян Конопко. Спор

---

*) Продолжение, начало см. „Летопись Революции“ № 3.

**) Цитированная статья Б. Эйдельмана.

был такой, что даже Эдуард Францевич грозил Борису Львовичу. Плетат и другие лица, не помню какие, не были согласны с этим преждевременным переходом от пропаганды к агитации, так как рабочая масса не подготовлена, а если перейти к агитационной работе, имеющей в виду массу, то это может повлечь за собой жертвы»... (Воспоминания Карвацкого).

В результате победа осталась за сторонниками более широкой агитационной работы. Тогда почти вся работа приостановилась, а русская группа, после ухода одного члена к польским социал-демократам, переименовавшись в группу «Рабочее Дело», приступила к новой тактике агитации. Первым изданием этой группы была Киевская рабочая газета «Вперед» № 1 *).

К концу 1896 года в группу «Рабочее Дело» вступает Павел Лукич Тучапский, сыгравший крупную роль в рабочем движении и посланный впоследствии делегатом от Киева на 1-й С‘езд.

Вот как описывает П. Л. Тучапский этот период: «Группа состояла из небольшого количества интеллигентов, среди которых особенно выделялся Б. Л. Эйдельман; Б. Л., в те времена отличался своей силой воли, неутомимой энергией и большой требовательностью к себе и другим в том, что касалось нашей работы. Преданность нашему делу была чрезвычайно велика, он только для него и жил. Немудренно, что, поэтому, он имел громадное влияние на группу «Рабочее Дело», и фактически являлся ее главой. Из других членов группы упомяну о Н. А. Вигдорчике, чрезвычайно талантливом авторе листков и газетных статей в газете «Вперед». Как раз ко времени моего вступления в группу «Рабочее Дело» группа решила соединить пропаганду с агитацией, т. е. кружковую работу с выпуском листков к рабочим тех или других предприятий по всяким волновавшим нас вопросам» **).

С этого времени деятельность группы все более и более расширяется, принимая на протяжении 1897 года солидный по тому времени размах. Выпускается масса прокламаций, издается рабочая газета «Вперед» и в то же время продолжается пропаганда в кружках. Именно на протяжении 1897 года созревает и приводится в исполнение мысль об издании общерусской социал-демократической газеты и, наконец, Киевские социал-демократы осуществляют давно назревающую в разных городах мысль о созыве с‘езда. В беглом очерке, каким является настоящая статья, нет возможности охватить во всей своей широте столь богатый материалом 1897 год. Придется останавливаться на некоторых моментах.

Мысль о необходимости об‘единения и координирования действий разрозненных социал-демократ. групп назревала уже во многих, наиболее крупных, организациях того времени. Группа «Рабочее Дело» чувствует себя в это время настолько окрепшей, что берет почин в деле созыва совещания представителей отдельных организаций. «Член Киевской группы «Рабочее Дело» Эйдельман был послан группой повидаться с Виленской, Петербургской и Московской организациями. Цель поездки была намечена в трех пунктах: во первых, просить эти организации, чтобы они признали за группой «Рабочее Дело» право издавать газету «Вперед» от имени всех

*) Цитированная статья Б. Эйдельмана.

**) П. Л. Тучапский „Из пережитого“.

этих групп; во вторых, просить регулярно осведомлять газету «Вперед» корреспонденциями о событиях борьбы и рабочего движения и, в третьих, просить прислать своих делегатов в Киев для совещания. Вероятно, по выслушанию отчета Эйдельмана об этой поездке, группа «Рабочее Дело» приняла решение созвать на 17-е марта делегатов в Киев на с'езд или, как тогда называли, на «коллоквиум». По крайней мере, на масленице группа послала Н. Вигдорчика снова с'ездить в Вильну, Петербург и Москву. Сам он не помнит о цели этой поездки, но так как ни в одном из этих городов не останавливался долее чем на сутки, то надо думать, что он только передал всюду пароли явки и сообщал окончательно установленную дату коллоквиума» *). Это предположение Акимова подтверждает в своих воспоминаниях Б. Эйдельман.

«Я хочу назвать товарищей, с которыми в разное время наша группа вела переговоры. В Вильне это был, главным образом,—Александр Кремер, а раньше—Копельзон. В Питере велись переговоры с Б. Гольдманом, С. М. Радченко, Саммером. Кроме меня, из нашей группы принимал участие в переговорах и ездил по поручениям Н. Вигдорчик. Он развозил приглашения на Киевскую конференцию 17—18 марта 1897 г.»

В статье Б. Эейдельмана подробно описана эта, как он ее называет, «Киевская конференция 17—18 марта 1897 г.». Конференция эта, как первая попытка созыва общероссийского с'езда, была неудачной и превратилась в совещание представителей двух Киевских групп и Петербургского Союза Борьбы. (Участвовали: от группы «Рабочее Дело»—Н. Вигдорчик, от польской социал-дем. группы—Казимир Петрусевич, от Петербургского Союза Борьбы—Б. Гольдман). Аким Махновец в числе делегатов упоминает также неизвестного ему делегата от Киевской группы, примыкавшей к П.П.С... Насколько верно это утверждение по жандармским материалам невозможно установить, так как они, повидимому, об этой конференции ничего не знали. Думаю, что т. Эйдельман в своих работах сделает указания по этому поводу.

«Итоги этой конференции, происходившей 17—18 марта: сближение групп, выяснение ближайших потребностей организации, постановление об именовании всех нарождающихся социал-демократ. организаций «Союзами Борьбы за освобождение рабочего класса»**). Первый шаг по пути об'единения социал-демократ. организаций был сделан.

КИЕВСКИЙ СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

«В конце 1896 или в начале 1897 года, одновременно с возникновением в столицах и в других крупных центрах России тайных преступных сообществ социал-демократического характера, известных под именем «Союзов Борьбы за освобождение рабочего класса», такое же сообщество составилось и в Киеве из лиц, принадлежащих частью к интеллигентской среде, частью к рабочему классу. К нему же примкнули впоследствии и вошли в его состав Екатеринославский революционный кружок и группа лиц, издававших «Рабочую газету»,—подпольный социал-демократический

*) Акимов-Махновец—Первый с'езд Р.С.-Д.Р.П. „Минувшие годы“ № 2.

**) „Пролетарская революция“ № 1, статья Б. Эйдельмана.

орган. Установив правильную организацию сообщества, с Центральным «Рабочим Комитетом» во главе, вступив в сношения с другими революционными группами и имея целью ниспровержение, в более или менее отдаленном будущем, существующего в России государственного и экономического строя, названные в предыдущем изложении интеллигентные представители Киевского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса, ближайшей своей задачей поставили воздействие на рабочую среду, об'единение рабочих и подготовление их к экономической и политической борьбе, путем возбуждения их к неисполнению распоряжений Правительства, к устройству стачек и вражде с работодателями, при чем для осуществления этой задачи организовали рабочих в отдельные кружки, собирали их на сходки, снабжали их нелегальной литературой, устраивали чтения, пропагандировали социал-демократические идеи и вообще воспитывали их в революционном духе, стараясь, и не без успеха, выработать в среде их деятельных агитаторов и помогая материально стачечникам и арестованным за рабочее дело товарищам»... *)

Так подводил итоги деятельности «Союза» «Господин прокурор» в своем заключении по делу о Киевском Союзе Борьбы за освобождение рабочего класса. Целый ряд фактов неверны. Умозаключения прокурора, конечно, пропитаны ненавистью к деятелям и деятельности «Союза», но интересно, что стараясь вскрыть преступную, с его точки зрения, деятельность «Союза», он в то же время намечает почти все основные вехи его работы.

Факт об'единения 3-х Киевских групп—группы «Рабочее дело», группы П. П. С. и группы Польских социал-демократов—в общую организацию, под названием «Киевск. Союз Борьбы за освобожден. рабочего класса», несомненен. Об'единение это произошло, по воспоминаниям П. Л. Тучапского, весной 1897 года, по указанию Махновца—в мае 1897 года. Дату установить трудно. Думаю, что об'единение это произошло в апреле 1897 года. Тов. Эйдельман указывает, что «первым актом вновь образовавшегося «Союза» было издание перво-майской прокламации». Имеющийся же в архиве экземпляр этой прокламации датирован 18 апреля 1897 года. Отсюда несомненно вытекает, что образование «Союза» произошло раньше 18 апреля 1897 года. Какие причины способствовали тому, что эти три до сих пор самостоятельные группы слились воедино? В то время, как группа «Рабочее Дело» перешла к более широкой агитационной деятельности, польские группы держались прежней, устаревшей уже в изменившихся условиях, точки зрения замкнутой кружковщины. Их отпугивала широкая агитационная (в том смысле слова, как тогда понималась) деятельность. Однако, логика событий привела к тому, что группы «по своей деятельности все более и более сближались между собой» (Б. Эйдельман). С одной стороны, группа «Рабочее Дело» сочетала распространение прокламаций с пропагандой в рабочих кружках, с другой—агитация «не повлекла за собой тех ужасных последствий, каких так опасались польские товарищи» (П. Тучапский).

*) Историко-революционный Архив. „Заключение прокурора Киевской Судебной Палаты по делу о К. С. Б. за О. Р. К.“ Дело прокурора Киевск. Судебн. Палаты за 1899 г.

Акимов указывает, что после слияния всех организаций в Киевский Союз Борьбы был выработан устав этой новой организации. Среди «документов, отобранных при обыске у одного из членов «Союза», имеется проект устава. В делах этот документ не сохранился, имеются только выдержки из заключения прокурора». (Возможно, что это и есть тот устав, о котором говорит Акимов).

«Обнаружен проект устава, выработанный комиссией из трех членов. Устав разбит на отделы: а) компетенция «Союза» и групп, б) компетенция Комитета «Союза», в) компетенция членов и представителя в Рабочем Комитете. Каждый отдел разбит на подразделения: 1) законодательная власть, 2) власть исполнительная, 3) финансовые права групп, 4) выборные права групп и т. п.».

Такого-же характера рукопись под заглавием «Конституционный акт», в коей говорится об организации «Союза» и условиях его деятельности. Насколько можно понять из не совсем ясных положений «акта», «Союз» образовался из двух отдельных, более или менее самостоятельных, групп. Каждая группа отдельно выбирает абсолютным большинством двух членов в Комитет «Союза» и по одному члену в «третейский суд». Большинством членов группы определяется Комитету сумма для текущих расходов на дела «Союза». В группе во время ее заседания председательствует член, назначенный по выбору, и должен быть архивариус (клерк), который заведует доставкой литературы и сохранением документов «Союза». Исполнительная власть предоставлена Комитету «Союза», отдающему ежемесячно отчет в своей деятельности группам или общему собранию. Он-же расходует вотируемые ему суммы на революционное дело и является первой судебной инстанцией в случаях требующих немедленного устранения обвиняемого от революционной деятельности, а также издает законы, не противоречащие конституции. Вспомогательным органом Комитета служит «техническая секция», на обязанности которой лежит воспроизведение, хранение и доставка нелегальных сочинений» *).

У меня нет данных о том, принят-ли был проект этого устава. Надо полагать, что в этом проекте речь идет именно о создании «Союза Борьбы». Некоторые пункты «проекта» как будто совпадают с тем, что пишет об уставе Акимов-Махновец: «Был выработан устав новой организации в высшей степени типичный для этой стадии развития движения.

Членами организации считались члены обеих групп, но они собирались порознь по конспиративным условиям. Решения свои они сообщали друг другу. Над ними стояла администрация, состоявшая из 5-ти членов: четыре избирались группами, по два от каждой, как избирался пятый мне не известно, но по всем вероятиям, кооптацией» **).

Образование Киевского Союза Борьбы было несомненно большим достижением. Устранены были излишние групповые трения, произошло об'единение сил. Все это отразилось на работе союза, достигшей на протяжении 1897 и начала 1898 года большого размаха. Ярким показателем является увеличение количества прокламаций.

*) Заключение прокурора Киевской Судебной Палаты.

**) Акимов-Махновец. „Очерк развития социал-демократии в России“.

Прокламации

Приведу прежде всего в хронологическом порядке список прокламаций, изданных в период с 1896—1898 г.г. Список этот не претендует на полноту; точные названия и даты некоторых прокламаций установить не удалось:

1. Письмо Киевским рабочим о притеснениях в мастерских Общества пароходства по Днепру.

Январь 1896 года.

2. «Письмо Киевским рабочим».

Подпись: «Ваш товарищ рабочий». Февраль 1896 года.

3. Письмо Киевским рабочим по поводу стачки в мастерских Людмера.

15 марта 1896 года.

Подпись: «Один из Ваших товарищей».

«Тотчас после стачки у Людмера появилось «третье» письмо к товарищам, очень талантливо написанное и пояснявшее тесный союз между правительством и капиталистами. Но в нем не говорилось, что надо начать борьбу с правительством, а лишь заявлялось, что борьба будет вестись, несмотря на насилия правительства» *). (Акимов).

4. Название не установлено. Обращена к рабочим Графа.

Ноябрь 1896 года.

1897 года

5. Ко всем Киевским рабочим по поводу стачки в мастерских Общества пароходства по Днепру.

Январь 1897 года.

6. Письмо ко всем Киевским рабочим.

Подпись: «Ваши товарищи». Киев, 2 февраля 1897 года.

Вероятно, это была та прокламация, по поводу которой тов. Сонкин рассказывает, что 4 февраля он бросил пачку прокламаций на завод Гретера. Надо полагать, что прокламация была откликом на стачку Питерских ткачей.

7. Письмо к Киевским сознательным рабочим. 23 марта 1897 г.

Подпись: «Социал-демократическая группа «Рабочее Дело».

Прокламация эта является как-бы ответом на призыв группы социал-революционеров к рабочим—принять участие в демонстрации по поводу самоубийства М. Ветровой.

Вот, что пишет этот листок: «Ярмо царского деспотизма давит нас, рабочих, особенно сильно. Оно преграждает нам путь к улучшению нашего положения. Лишая нас права союзов, сходок, свободы слова, наказывая нас за каждую попытку создать для себя лучшую жизнь, опутав нас сетями шпионства и предательства, держа всегда наготове против нас штыки и нагайки, оно делает для нас в высшей степени трудной борьбу с нашим непосредственным врагом—классом капиталистов. Вот почему рабочий класс

*) Письмо отпечатано в № 5 „Листка работника“.

никогда не дойдет до окончательной победы, не сокрушив предварительно сил царского правительства. К этому должен стремиться всякий сознательный рабочий. Но как сокрушить? Приблизимся-ли мы хоть сколько-нибудь к победе *над деспотизмом тем, что примем участие в предполагаемой демонстрации. Мы убеждены, что не только не приблизимся, а напротив, отдалимся*». (Подчеркнутая фраза выделена курсивом).

И дальше говорится: «Наши рабочие еще только начинают понимать противоположность своих интересов и интересов капиталистов, и только начинают усваивать мысль о необходимости борьбы за улучшение своего экономического положения. Где-же им понять политическое движение. Побуждайте их к экономической борьбе, к борьбе за насущный хлеб—такая борьба им понятна, на ней их воспитывайте. Пусть они сами почувствуют и поймут, что правительство мешает им бороться. Тогда они сделаются сознательными сторонниками политической борьбы»...

Приведенные выдержки указывают, что общие воззрения группы носили ярко-политический характер. Ошибалась-ли группа, призывая рабочих не идти на демонстрацию? «Если это и был шаг ошибочный, то эта ошибка для нас тогда была необходима», пишет тов. Эйдельман. И, действительно, это был период после Киевской конференции 17—18 марта, только подготовлялось об‘единение всех Киевских групп и разворачивалась широкая работа. Демонстрация рабочих в это время вызвала бы, несомненно, массовые аресты и разгром рабочих кружков. Таким образом, учитывая об‘ективную обстановку, группа была права, удерживая рабочих от участия в демонстрации. Но формулировку этих мыслей прокламации следует признать безусловно неудачной. «Пусть они пройдут необходимую школу борьбы экономической и тогда зовите их на политическую борьбу»... От этой фразы веет душком «экономизма».

8. Листок к 1-му мая. 18 апреля 1897 года.

Прокламация эта отпечатана в типографии «Рабочей газеты» и была, как пишет тов. Эйдельман, «первым актом новообразовавшегося Союза». В фразе: «присоединимся-же и мы Киевские рабочие к всемирному рабочему празднику 1 мая»,—слово «Киевские» написано от руки. Подпись прокламации: «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса», рядом с ней оставлено пустое место для приписки названия Союза. Таким образом, прокламация печаталась, вероятно, не только для Киева, но и для тех городов, где имелись к этому времени «Союзы Борьбы».

«Мы, русские рабочие», пишет прокламация, «далеко отстали от наших заграничных товарищей. Наш рабочий день длиннее чем у них; наша заработная плата меньше; они имеют право устраивать стачки, собираться на сходки, открыто обсуждать свои дела, они имеют право устраивать союзы и кассы. Мы этих прав не имеем, нас наказывают за стачки и собрания, наши газеты и союзы преследуют»...

Политический характер этой прокламации несомненен. Она выходит из рамок местных интересов и связывает классовую борьбу Российского пролетариата с Западно-Европейским.

По свидетельству П. Л. Тучапского, листок этот распространялся в целом ряде южных городов.

9. Письмо к рабочим машиностроительного завода Шиманского. 29-го апреля 1897 года.

«В воззвании этом, начинающемся с указания на то, что положение рабочих на заводе Шиманского хуже положения рабочих на других заводах, рабочие приглашаются дружно постоять за свое дело и сообща потребовать: а) чтобы рабочий день продолжался 12 часов, б) чтобы часы висели в мастерской, в) чтобы положено было льготное время после гудка и г) чтобы при расплате не задерживали ни копейки» *).

10. Письмо к рабочим машиностроительного завода Гретера, Криванека и К⁰. 1 мая 1897 года. «1 мая днем, работавшие на чугунно-литейном заводе Гретера, Криванека и К⁰, австрийский подданный Казанск и крестьяне Бондаренко и Вербицкий нашли в заводских мастерских в отхожем месте более 30, воспроизведенных посредством пишущей машины, экземпляров воззвания от 1 мая 1897 года, озаглавленного: «Письмо к рабочим машиностроительного завода Гретера, Криванека и К⁰», и приглашающего рабочих, дружно «как один человек», начинать работу не в 5 час. утра, как того требует администрация завода, а по крайней мере, не раньше 6 часов.

11. Письмо к работницам корсетной фабрики Дютуа. «7-го мая на корсетной фабрике Дютуа, несколькими мастерицами подняты были, разбросанные в мастерских и на площадке лестницы, сто десять, воспроизведенных тем же способом, экземпляров воззвания от 6 мая под заглавием: «Письмо к работницам корсетной фабрики Дютуа», в котором работницы, для того, чтобы добиться увеличения заработной платы и избавиться от притеснений хозяина, приглашаются бороться с ним посредством стачек.

12. Письмо к папиросницам табачной фабрики Эгиза. 15 мая 1897 г. «В воззваниях работницы призываются путем стачки добиться увеличения сдельной платы и улучшения тех невозможных гигиенических условий, при которых им приходится работать на фабрике Эгиза».

13. Название неизвестно. Прокламация обращена к рабочим мебельной фабрики Киммаера. Май 1897 г.

14. Письмо к рабочим мебельной фабрики Дабелонга. 31 мая 1897 г.

15. Письмо к рабочим Киевской слесарной дверочной мастерской Примака. 20 июля 1897 года. Подпись: «Киевский Рабочий Комитет».

16. Письмо к рабочим металлического завода Южно-Русского Общества. 25 июня 1897 г.

«Прокламация призывает рабочих к стачке, чтобы посредством ее добиться уменьшения рабочего времени, увеличения расценок и расплаты во время работ, а не в праздничные дни, как это делается на заводе в настоящее время»**).

*) Содержание этой, как и других не уцелевших прокламаций, беру из дела прокурора Киевской Судебной Палаты.

**) Заключение прокурора.

17. Письмо к рабочим Киевских железнодорожных мастерских от 9-го июля 1897 г. «В воззвании этом, начинающемся с рассказа о нанесенном всем рабочим оскорбления в лице одного из них, подвергшегося дикому насилию и возмутительной несправедливости со стороны заведующего железнодорожным оркестром мастера Богданова,—говорится о неправильном взыскании с рабочих за перерасход материала и неравномерном распределении премий и рабочие призываются «соединиться», ответить дружным напором на все притеснения и потребовать удаления Богданова, равномерного распределения премий и уничтожения всяких взысканий за перерасходы»*).

18. К работницам папиросной фабрики. 5 июля 1897 г.

19. К рабочим машиностроительного завода Брандта. Фастов, 15-го августа 1897 г. На прокламации печать Киевского Союза Борьбы.

«Воззвание приглашает рабочих вступить в борьбу за улучшение своего положения по примеру рабочих в других городах и оканчивается возгласом: «Дружная сила рабочих все победит!».

20. Название неизвестно. Прокламация обращена к рабочим железнодорожных мастерских от 28 августа 1897 года.

«Однажды, мастер ударил рабочего в мастерских железной дороги. 28-го августа по этому поводу была выпущена прекрасная прокламация». (Акимов) **).

21. Письмо к рабочим Киевской городской железной дороги от 26-го сентября 1897 г. «Охарактеризовав тяжелое положение рабочих, прокламация указывает исход: «есть, однако, средство помочь и нашей беде, оно в наших руках и все дело в том, чтобы мы поняли его и захотели им воспользоваться. А медлить с этим нечего—каждый день уносит слишком много наших сил. Средством этим является заявление своих требований, а в случае отказа — всеобщая стачка. Только этим путем добились наши заграничные товарищи сокращения рабочего дня, увеличения числа выходных дней и двойной смены».

...«Смелее пойдем на борьбу за более человеческую жизнь, дружно будем держаться и добьемся своего!».

Так заканчивается прокламация. Подпись: «Киевский Рабочий Комитет». Издание Киевского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса.

22. Письмо к рабочим железнодорожных мастерских от 24 октября 1897 года.

23. Письмо по поводу закона 2 июня 1897 г. (выпущено 2-мя изданиями—2-е издание 1 ноября 1897 г.) ***).

«И вот тот самый министр», пишет прокламация, «который год тому назад не допускал даже мысли о какой нибудь уступке рабочим, собирает теперь комиссию для выработки закона. А государь император? Ведь это он в 1895 году об'явил свое «царское спасибо» солдатам, стрелявшим в рабочих во время стачки в Ярославле... И тот самый Николай второй,

---

*) Заключение прокурора.

**) Акимов. „Очерк развития социал-демократии в России“. Оттуда же я беру выдержку из этой прокламации.

***) Акимов. „Очерк развития социал-демократии в России“.

который благодарил солдат за пролитую кровь рабочих, теперь высочайше утверждает закон об ограничении рабочего дня». Дальше прокламация раз'ясняет, что это все потому, что петербургские ткачи дружно и смело вели борьбу с хозяевами и призывает к тому и Киевских рабочих.

24. К рабочим городской железной дороги от 3 ноября 1897 г.

25. Письмо ко всем Киевским рабочим. 26 ноября 1897 г.

«Этот длинный листок—4 больших страницы убористого письма на «Ремингтоне»—подводит итоги годовой деятельности и приходит к следующим выводам: «Борьба русских рабочих первоначально была направлена исключительно против хозяев. Это была борьба чисто экономическая. Но правительство быстро поторопилось заявить рабочим, что оно слуга капиталистов и враг рабочих. Оно бросило вызов рабочим и рабочим остается только принять этот вызов. Добиваясь уступок от капиталистов, рабочие будут в то же время вести войну против всех полицейских и жандармских хитростей и беззаконий, помогающих фабрикантам грабить и притеснять рабочих. Всякая стачка, всякое рабочее собрание, всякий союз будет средством борьбы не только против капиталистов, но и против правительства, преследующего, в угоду капиталистам рабочие союзы и стачки. Кроме борьбы с хозяевами, борьбы экономической, рабочим приходится вступить в борьбу с правительством—борьбу политическую» *).

27. Заглавие неизвестно. Обращена к рабочим машиностроительного Днепровского завода. Декабрь 1897 г.

28. Письмо ко всем Киевским рабочим. 19 декабря Киевский Рабочий Комитет. Издание Киевск. Союза Борьбы за освобождение рабочего класса.

29. Письмо к рабочим машиностроительного завода Брандта. Фастов, 27 ноября 1897 г.

30. Письмо к рабочим Южно-Русского машиностроительного завода **). 7 декабря 1897 года. Киевский Рабочий Комитет. Издание Киевского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса.

Заканчивается прокламация словами: «Коли не уступят нам хозяева, бросим работу, потребуем на первый раз хотя бы только выдачи полной заработной платы в предпраздничные дни и уменьшения штрафа для мальчиков—и если мы потребуем это дружно все вместе—мы должны победить».

31. Название неизвестно. Прокламация обращена к рабочим машиностроительного завода Зарембского. Декабрь 1897 г.

32. К рабочим и работницам посада Клинцы—дата неизвестна. Воззвание призывает «товарищей к устройству кассы и стачек в целях сокращения рабочего дня».

33. Письмо к портным дамского платья—дата неизвестна. «Письмо приглашает мастеровых не уступать хозяевам в борьбе с ними, не приниматься за работу, пока владельцы мастерских дамского платья в Киеве не отменят своего распоряжения о понижении поштучной платы и об увольнении 16 мастеровых, которых они считают зачинщиками стачек ***).

*) Акимов. „Очерк развития социал-демократии в России".

**) См. приложение.

***) Заключение прокурора.

1898-й год

34. Письмо к мельничным рабочим. Одесса, февраль 1898 г. Письмо это редактировано и отпечатано «Киевским Союзом Борьбы».

35. Письмо к Киевским рабочим. Март 1898 год. Киевский Рабочий Комитет (издание Киевск. Союза Борьбы за освобождение рабочего класса).

36. Воззвание к 1 мая. Апрель 1898 г. Киевского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса.

(Последние два воззвания возможно были написаны в одно время и во всяком случае, вероятно, одним и тем же лицом. Целые выражения двух воззваний совпадают).

Таким образом, с января 1895 года по апрель 1898 года отпечатано и распространено, как мне удалось установить, 36 прокламаций. Из этого числа 29 были изданы в 1897 г., так что даже по количеству воззваний можно сказать, что 1897 г. был годом самой напряженной и успешной работы Киевского Союза Борьбы. Большинство воззваний за подписью Киевский Союз Борьбы за освобождение рабочего класса. Многие из них в значительном количестве экземпляров распространялись на Киевских заводах и фабриках в 1897 и 1898 г.г.*).

Акимов-Махновец считает в 1897 г. на 25 фабриках и заводах было распространено 6 с половиной тысяч экземпляров прокламаций. Из этих цифр видно, насколько развилось дело печатной агитации на протяжении 1897 года. Что касается содержания прокламаций, то все они теснейшим образом связаны с рабочей жизнью. Берут с малолетних тяжелые штрафы, листок зовет бороться против этого, сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения гигиенических условий, протест против оскорблений и т. д. и т. д.,—вот основные мотивы листков. Простым, понятным языком, жгучими режущими выражениями они зовут рабочих к борьбе, к организации, к победе. Каждый факт использовывается авторами листка, чтобы доказать противоположность интересов капиталиста и рабочего. Этого мало. На протяжении 1897 года, листки все более и более окрашиваются политическими лозунгами, стремятся приобщить Киевских рабочих к борьбе всего Российского пролетариата.

Уже письмо по поводу стачки у Людмера в феврале 1896 г. выясняет рабочим связь между правительством и капиталистами.

В прокламации от 23 марта 1897 года этот политический момент выдвигается на первый план: «ярмо царизма, деспотизма давит нас рабочих особенно сильно», говорит прокламация. Рабочий не добьется победы, не сокрушив предварительно силы царского правительства». Листок 1 мая 1897 г. связывает борьбу Киевских рабочих с борьбой международного пролетариата. Опять выдвигается мысль о политическом бесправии рабочего класса в России: «нас наказывают за стачки и собрания, наши кассы и союзы преследуют...».

Следующие прокламации углубляют, расширяют мысль о необходимости борьбы против самодержавного правительства. «Кроме борьбы с хозяевами, борьбы экономической, рабочим приходится вступить в борьбу с

*) Заключение прокурора.

правительством—борьбу политическую», пишет ноябрьский листок. Правительство расстреляло в Домброве рабочих, боровшихся за свои права. Киевский Союз откликается на зверские расстрелы пламенно-призывной прокламацией. «Всякому сознательному рабочему известно, что между правительством и капиталистами существует тесный дружественный союз». И дальше: «Кровью рабочих правительство думает залить негодования, громом пальбы оно надеется заглушить призыв к борьбе против гнета и насилия... Рабочие сквозь лес штыков и стены ружей проложат себе широкую дорогу к таким порядкам, при которых не будет ни обмана, ни грабежа, ни насилия... Пусть же погибнет это правительство, запятнанное кровью и насилием, пусть скорее наступит освобождение от ига царских чиновников и разбоя доблестных войск». Эта прокламация лишена уже и тени спокойствия, она будит огонь пролетарского негодования, она указывает уже более широкие задачи борьбы, набатным звоном революции возвещает она, что пора уже выйти на новую дорогу, пора пробиваться «сквозь лес штыков» к новым порядкам социальной справедливости.

«Русский рабочий понял, что правительство самодержавного царя дорожит интересами одних только капиталистов, что капитал это тот бог, на которого оно не перестает молиться», пишет прокламация Киев. Союза Борьбы в марте 1898 г.

Резюмируя, следует сказать, что прокламации Киевского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса на протяжении 1897 года все более и более проникаются лозунгами политической борьбы. Перед рабочим отчетливо ставится задача борьбы с самодержавием. Листки откликаются на важнейшие события в жизни России. Первомайские воззвания зовут Киевских рабочих присоединиться к мировой пролетарской колонне. Наряду с этим, листки зовут рабочих к стачечной борьбе с хозяевами, борьбе за улучшение своего экономического положения. Задачи борьбы за социализм еще не ставятся, только в одной прокламации неопределенно намекается о «новых порядках». Киев печатает прокламации для целого ряда других городов: Одессы, Фастова и т. д. Перелом в деятельности Киевских социал-демократов находит, таким образом, свое отражение. Прокламации в основном отмечают моменты эволюции Киевского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса.

Следующим этапом в развитии печатной агитации союза было издание газеты «Вперед».

КИЕВСКАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА «ВПЕРЕД»

Мысль об издании популярной рабочей газеты в Киеве была приведена в исполнение группой «Рабочее дело», явившейся преемницей «русской социал-демократической группы». Для того, чтобы судить, насколько удачно была выполнена эта мысль, необходимо ознакомиться с содержанием газеты. В историко-революционном архиве Киевщины не сохранился к сожалению ни один номер этой газеты (всего вышло до I с'езда 3 номера и подготовлялся 4). Первый номер этой газеты, вышедший 6 января 1897 г., помечен 8 декабря 1896 г. Привожу содержание этого номера, взятое мною из

заключения прокурора Киевской судебной палаты по делу «о Киевском Союзе Борьбы за освобождение рабочего класса». Начинается номер статьей: «зачем нужна рабочим газета», в которой проводится мысль о том, что пробуждающийся от умственного сна рабочий сознал, что своей тяжелой работой он для других создает богатство и роскошь, тогда как сам добывает себе лишь жалкий кусок хлеба,—для своего об'единения и разумного направления своей деятельности в борьбе с капиталистами, рабочие должны не только быть осведомлены о всех отдельных случаях проявления рабочего движения, но и иметь на страницах газет правильную оценку этих событий, из которой рабочие могли бы ознакомиться, как с приемами борьбы, так и с причинами ее малоуспешности. Далее редакция газеты заявляет, что она настоящим своим изданием будет служить делу рабочего просвещения, так как дозволенные к обращению в России издания или совершенно замалчивают даже такие крупные факты рабочего движения, как происходившая в Петербурге летом 1896 г. стачка 30.000 рабочих, или дают этим фактам неправильное освещение в интересах администрации и крупных капиталистов. Отвечая дальнейшим своим содержанием этой программы, газета в отделе «Местные Известия» приводит случаи местных стачек в Киеве на заводе Графа и в мастерских Коссовского и Райгородецкого, указывает на необходимость для рабочих табачной фабрики Когена потребовать от своего хозяина увеличения свободного для обеда времени и заключая этот отдел сообщением в неправосудии мирового судьи, отказавшего в иске, пред'явленном расчитанным без предупреждения рабочим к работодателю, сводит свою оценку этих фактов к положениям: «Если мы хотим быть людьми, то мы должны защищаться. Если мы хотим защищаться, то мы должны поддерживать друг-друга, должны об'единиться». Поместив затем на своих страницах подробное сообщение о стачке в Гамбурге портовых рабочих, небольшое стихотворение «Вперед», призывающее рабочих восстать и свергнуть нужду, обиды и гнет—и фельетон, в котором в форме сказки говорится, как чорт, взявши однажды к себе всех рабочих, отпустил их лишь после усиленной просьбы о том депутации от начальства и хозяев, и проводится мысль, что если бы попали к чорту все хозяева и чиновники, то неизвестно еще, просили бы рабочие об их возвращении,—газета заканчивается об'явлением об изданиях социал-демократической группы «Рабочее Дело» без указания склада этих изданий и статей. Несколько слов о Гроссе, в которой указывается, что несмотря на прекрасный закон о фабричной инспекции, старший фабричный инспектор Киевской губернии, инженер-технолог Гросс, никогда не появляется на фабриках и заводах, недоступен для рабочих, не только не охраняет их интересов, но отказывает в своем содействии даже в тех случаях, когда за ним обращаются рабочие, потерпевшие увечья».

Девизом газеты были слова: «Счастье рабочих в их собственных руках, сила рабочих—в их союзе». Таким образом, первый номер этой газеты не ставит перед собой больших задач. В нем нет ничего о политической борьбе, перед рабочими выдвигается, главным образом, задача о борьбе с капиталистами. Издан был первый номер на гектографе.

О содержании второго номера газеты «Вперед», вышедшего 28 февраля 1897 г., у меня материалов нет. В период между выходом второго и третьего номера «Вперед» произошло об'единение Киевских социал-демократических групп в общую организацию под названием «Киевский Союз Борьбы за освобождение рабочего класса». «Вперед» становится изданием этого союза.

«Выпущенный 1-го января 1897 года 3 номер «Вперед» представляет собой тетрадку в 8 страниц текстом, воспроизведенным с пишущей машины посредством мимеографа. Вслед за заголовком с девизом «Счастье рабочих в их собственных руках», «Сила рабочих в их союзе» помещено заявление редакции о том, что первые два номера газеты были изданы социал-демократической группой «Рабочее Дело», а с номера 3-го «Вперед» становится изданием «Киевского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса». Редакция просит читателей содействовать успеху газеты доставлением сведений и распространением ее среди рабочих. Затем следует статья, в которой обсуждается значение нового фабричного закона об ограничении рабочего времени на фабриках и заводах, причем указывается, что закон этот издан правительством не с искренним желанием облегчить тяжелое положение рабочего класса, а с единственной целью прекратить хоть на время начавшееся серьезное движение рабочих—является совершенно бесполезным для последних и может представлять из себя, очевидно, только наглое надувательство рабочих со стороны правительства, которое никогда не решится «серьезно задеть интересы фабрикантов».

«Интересы фабрикантов—это бог, которому молится царское правительство». В заключение высказывается уверенность, что рабочие, которые не могут конечно удовольствоваться таким законом, собравшись с силами, окончательно разделаются с обманывающим их правительством и добьются права самим принимать участие в издании законов и управлении страною. Следующее место отведено небольшому стихотворению, в котором «рабочий А.» высказывает сожаление, что «не вздумают машины, чтоб работников кормить». Далее следует статья под заглавием «С Новым Годом». В статье этой, оканчивающейся пожеланием, чтобы Новый год принес новые успехи рабочему делу,—проводится мысль, что для правильного и прочного развития рабочего движения необходимо создание рабочей интеллигенции, вожаков, у которых было бы ясное понимание задач рабочего дела и близкая связь с рабочими-товарищами. Необходимо также в целях победы для рабочего класса соединение борьбы экономической с борьбой политической, т.-е. с борьбою за свободу союзов, стачек и слова, за право участвовать в Управлении государством. Кроме приведенных статей в номере помещены: 1) переведенный с немецкого рассказ о том, как работавшая на какой-то фабрике молодая девушка Елена Петц, под угрозою увольнения с фабрики ее отца и брата, вынуждена была согласиться на гнусное предложение сына владельца фабрики, 2) ряд заметок и сообщений.

а) По поводу имевшего место в Киеве доноса на рабочих-евреев; в заметке сильно порицается поступок доносчика и подчеркивается особотяжелое положение ремесленников-евреев, которых «страшный, возмущаю-

щий душу гнет русского правительства давит гораздо тяжелее, чем русских рабочих». Автор заметки с нетерпением ожидает того времени, когда «рабочие поймут, что они братья и что у них одни враги—капиталисты и правительство, с которыми им нужно бороться до последней капли крови».

б) По поводу поднесения владельцу типографии С. В. Кульженко именинного подарка от «благородных наборщиков», при чем указывается на возмутительные условия труда у Кульженко, на неправильную расценку и грубое обращение хозяина с рабочими.

в) По поводу «голодного бунта» политических арестантов в Киевской тюрьме.

г) Об увольнении нескольких рабочих в мастерской городской железной дороги, не пожелавших работать в табельный день за обычную плату.

д) О стачке рабочих на заводе Ницкого и проч.*)

Третий номер газеты «Вперед», в отличие от первого, выдвигает перед рабочими определенную задачу завоевания свободы союзов, стачек, слова и права, участие в управлении государством. Таким образом, и здесь можно проследить основную тенденцию в развитии социал-демократического движения в Киеве, отмеченную уже при анализе прокламаций—все более и более усиленное выпячивание моментов политической борьбы. Вышедший 22 августа 1897 года 1-й номер «Рабочей газеты», по замыслу ее основателей, должен был стать общероссийским партийным органом. Газета же «Вперед» должна была быть газетой для широких рабочих масс, написанной популярным понятным языком.

В марте месяце 1898 года подготовлялся к изданию 4-й номер «Вперед». Аресты в ночь с 11—12 марта помешали изданию 4-го номера. У Льва Всеволодовича Теслера, одного из деятельнейших членов «Киевского Союза Борьбы», при обыске был захвачен жандармами мимеограф и отпечатанный 12-й лист 4-го номера газеты «Вперед». Привожу, сохранившийся в делах Жандармского Управления, 12-й лист первой в Киеве и одной из первых в России рабочих социал-демократических газет:

Киевская рабочая газета «ВПЕРЕД»

Новый благодетельный закон о продолжительности рабочего дня уже успел проявить свое действие. Нами получены сведения о целом ряде стачек и волнений, которыми рабочие в некоторых местах встретили введение этого закона. Особенно сильные волнения имели место в Московской и Владимирской губ. В Орехово-Зуеве на знаменитых морозовских фабриках, администрация ввела двусменную работу по 9 часов, нисколько не повысив плату. И без того очень незначительный заработок ткачей и прядильщиков, вследствие этого еще более понизился. А так как это уменьшение заработка совпало с вздорожанием хлеба, то рабочие заволновались, требуя повышения платы. Во время волнений было разрушено и подожжено несколько фабричных корпусов. В Иваново-Вознесенске от 23 декабря 10.000 рабочих

*) Заключение Прокурора Киевск. Судебн. Палаты по делу о К. С. Б. за О. Р. К.

(по другим сведениям гораздо более) забастовали, выставив следующие требования: 5 праздничных дней в месяц (закон устанавливает для непрерывных работ только 4), точную меру кусков материи, месячный отпуск для работниц во время родов. Стачка продолжается до сих пор. Иваново-Вознесенские рабочие держат себя очень умело. Насланные со всех сторон войска, несмотря на все свое желание, не могли найти повода для столкновения. Ходят слухи только об убийстве одного приказчика, который, переодевшись, шпионил в толпе.

Волнения происходили также на мануфактурах г. Богородска. Для раз'яснения рабочим благодетельных последствий нового закона, сюда присланы из Москвы казаки.

Через редакцию «Вперед» переданы в «Красный Крест» следующие пожертвования:

От рабочих одного большого механ. завода . . .	20 р. — к.
От рабочих механического завода	7 р. 20 к.
От 1 раб.	1 р. — к.
От рабочих	2 р. 25 к.
	30 р. 45 к.

На издание газеты «Вперед» пожертвовано: от М. К. 11 руб.

На деятельность «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса» одновременно пожертвовано . . . . 257 руб.

Издание «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса»*).

Так, в невероятно трудных условиях подполья социал-демократическое движение г. Киева, придя к мысли о необходимости газеты для рабочих осуществило ее. Киевская рабочая газета «Вперед» широко распространялась в рабочих кружках, сея сознание неизбежности и необходимости борьбы с капиталистами и самодержавием.

КРУЖКИ ПРОПАГАНДЫ

Деятельность Киевского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса не ограничивалась печатанием и распространением прокламаций, изданием рабочей газеты «Вперед», т.-е. областью, так сказать, печатной агитации.

Работа эта сочеталась с длительной и упорной пропагандой марксизма в небольших кружках рабочих от 3—5, редко до 10 человек. Кроме того, «когда три об'единившихся организации образовали Союз Борьбы, тогда газета «Вперед» (с 3-го номера) передана была в ведение союза, а бывшая редакционная комиссия, пополнившись, составила группу, которая принялась за издание общерусского органа «Рабочая газета». Группа эта собирала материалы для газеты и вела переговоры с другими группами об основании

---

*) Историко-революционный архив Киевщины. Дело Киевского Губернск. Жандармского Управления № 20 за 1898 г. т. I, стр. 204-я.

партии *). О роли, которую сыграла группа «Рабочей газеты» в подготовке и созыве 1-го С'езда, я скажу ниже. Отмечу мимоходом, что члены группы «Рабочей газеты» были в то же время членами К. С. Борьбы.

В качестве руководителей кружков пропаганды — жандармские документы называют: Бориса Шена, Адама Рабчевского, П. Л. Тучапского, Л. Теслера, В. Г. Крыжановскую, А. Дмитриевского, К. Шуляковского, Л. Заливского. Эта группа интеллигентов, которые вели усиленную пропаганду среди рабочих. Многие из них занимались с двумя и даже тремя кружками. (Данные эти относятся к 1897—98 г.г.). Но, повидимому, к этому времени сказались результаты предшествовавшей пропагандистской деятельности, так как жандармские материалы указывают на целый ряд рабочих, самостоятельно занимающихся пропагандой. Это—Двося Богорад, Григорий Рудерман, Малка Альтшулер, Песя Зиман, Владимир Соболев, Иван Колесник, Вениамин Люльев, Григорий Макаренко и другие. Те же источники указывают на наличие в Киеве к 1897 году 10—12 рабочих кружков.

Кружок I—на квартире братьев Хаима и Давида Гехт, Степановск. 19-а. В кружке участвовали рабочие: Лейзер Шеренцись, Михаил Теличко, Моисей Яголковский, Шлема Хаскин, Лука Терпило, Платон Петров. В кружок приходил для чтений интеллигент Борис Шен и, вероятно, Лев Теслер. Жандармские источники называют фамилии обоих интеллигентов. Вероятно, они не ошибались, так как нередки были случаи, когда интеллигенты-пропагандисты часто сменялись. Делалось это в целях конспирации. Затем в средних числах февраля 1898 г. Б. Шен выехал из Киева и его заменил, в качестве руководителя кружка бр. Гехт, А. Рабчевский.

Кружок II—собирался на квартире слесаря Гумберта Валенцкого; руководил кружком сначала А. Рабчевский, вскоре его сменил Л. Заливский. Об этом кружке материалы дознания пишут: «Заливский посещал Валенцкого, читая и об'ясняя ему, а также приходящим к нему рабочим Иванову, Ильюку и Высоцкому, новейшую историю Англии Сеньобоса и для умственного развития говорил с ними о разных предметах между прочим о положении рабочих».

Кружок III—так называемый, женский кружок, в состав которого входили работники Раиса Страж, М. Альтшулер, Роза Брауде, Двося Богорад и др. Занятия происходили под руководством В. Г. Крыжановской. Вероятно, это был кружок повышенного типа, так как многие члены его занимались уже самостоятельной пропагандой. Приходили в этот кружок также рабочие Сонкин и Фроим Прицкер.

Кружок IV—состоявший, главным образом, из ремесленников, собирался на квартире Вениамина Люльева. Посещали рабочие Иодис, Рудерман и др. Занятиями руководил Борис Шен.

Кружок V—упоминается в обзорах, что в квартире столяра Севастьяна Каленского по М.-Васильковской улице д. № 21 собирались члены рабочего кружка—токарь Мордух Пекерский, слесарь Василий Ткаченко, чертежник Филипп Тарара; на сходках этих под руководством интеллигентов читались брошюры: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему» и др.

*) Б. Эйдельман. Пролетарская революция № 1, стр. 34-я.

Кружок VI—На квартире Василия Степанова собирался небольшой кружок рабочих, в том числе бр. Асмоловы, столяр К. Зборович, приходил заниматься Казимир Шуляковский.

Кружок VII—На Подоле по Волошской улице в доме Скворцова собирался кружок (1896-97) при участии рабочих Ш. Давидовича, Б. Кауфмана, М. Гинзбурга, И. Баглея. Руководил рабочий-заготовщик Гриша Рудерман.

Вот что пишут об этом кружке жандармы. «В этой квартире ежедневно по субботам устраивались собрания рабочих, в которых принимали участие кроме Лазебника, Гинзбурга, Кауфмана, Баглея, еще маляр Н. Мининберг, слесарь Д. Фрейдик, обойщик Ш. Давидович, кузнец М. Завалков, обойщик И. Мирский, ювелир Исаак Гельфманд, модистка Д. Богорад. Сходки эти происходили сначала под руководством Баглея, которому помогал Кауфман, избранный представителем кружка в Рабочий Комитет, и Гельфанд. Читалось рабочим: «Труд и капитал», «Кто чем живет», «Рабочий день» и проч. Вскоре для чтения и об'яснения брошюр, был приглашен Гриша Рудерман, который, не ограничиваясь чтением и об'яснением, давал некоторые книги на руки некоторым участникам кружка. На сходках в доме Скворцова бывал рабочий Павел Руден, Моисей Энтин, столяр Виктор Штейнберг, А. Слосман. Месяца за два до сходки за Днепром (1897 г.) кружок распался, но спустя некоторое время Лазебник, Зисман и Давидович, поселившись вместе по Кирилловской улице в доме Матлина, снова организовали кружок... На сходках читались учителем А. Дмитриевским сочинения Дарвина и разные нелегальные брошюры—«Эрфуртская программа» и т. д.».

Кружок VIII—На квартире кузнеца Ивана Капрана, Кадетское шоссе № 409. Приходили рабочие Лука Терпило, Глуглевич. Занимался Борис Шен.

Кружок IX—На квартире слесаря Арии Модавского. Руководитель занятиями П. Л. Тучапский. Чтобы показать, как интеллигенты из К. С. Борьбы за О. Р. К. связывались с рабочими, приведу одну, чрезвычайно любопытную, картинку из показаний Молдавского, который, к слову сказать, после ареста «перешел», как выражались жандармы, «к более откровенным показаниям»:

«Молдавский рассказал, что однажды осенью 1897 года он, задумав пойти в театр, остановился возле афишного столба, на котором было наклеено об'явление о предстоящем общедоступном спектакле для учащейся молодежи. В то же время подошел к столбу какой-то господин, оказавшийся впоследствии Тучапским. Молдавский обратился к нему с просьбой указать, где и как можно достать билет на спектакль. Тот об'яснил ему. Запасшись билетом, он на другой день отправился в театр и встретил там того же господина. Последний, обменявшись местом с своим соседом, подсел к Молдавскому и, назвавшись Иваном Петровичем, стал расспрашивать его об его жизни, работе, порядках на заводе Южно-Русского Общества, где он тогда работал и т. п. При прощании Тучапский записал его адрес и обещал зайти к нему, говоря, что очень интересуется рабочими и любит их. В последних числах декабря Тучапский пришел к нему на квартиру и повел речь о положении рабочих, при чем высказывал, что лучше живется тем рабочим, которые ближе держатся друг-друга; что рабочим необходимо умственное

развитие, и что лучшим средством для достижения рабочими намеченных ими целей служат стачки. После этого Тучапский еще неоднократно навещал его, читал и об'яснял ему сочинения Водовозовой «Жизнь Европейских народов» и вел те же разговоры. В одно из своих посещений Тучапский высказал желание заниматься одновременно с несколькими лицами, вследствие чего Молдавский пригласил к себе на занятия своих знакомых рабочих Романа Маевского и Людвига Трубного, которые, впрочем, были у него только один раз*).

Приведенный отрывок ясно характеризует, как интеллигенты социал-демократы старались использовать все представлявшиеся возможности к тому, чтобы познакомиться с отдельными рабочими, распропагандировать их и сделать агентами марксистских идей.

Все материалы говорят о том, что обычными формами пропаганды была читка нелегальных брошюр, переходившая к беседам о положении рабочих отдельных предприятий, доказывалась на примере Западно-Европейских рабочих мысль о возможности добиться изменения этого положения путем борьбы с хозяевами. Повидимому, к этому времени (речь идет о 1897-98 г.г.) работа в кружках все больше и больше сочеталась с постановкой практических задач. Вероятно, существовали и кружки повышенного типа, подготовлявшие наиболее способных рабочих к самостоятельной пропагандистской работе. Деятельность эта давала, несомненно, результаты: к 1897-98 г.г. выделилась уже вышеуказанная группа рабочих, проводивших самостоятельную работу.

Вероятно, к середине 1897 г. относится создание второго Рабочего Комитета, о целях которого П. Л. Тучапский пишет следующее: «Для постоянного контакта с рабочими, в связи с образованием новых кружков, выпуском и распространением прокламаций и т. д., был образован особый Рабочий Комитет из наиболее передовых рабочих».

Это был уже второй Рабочий Комитет**). Б. Эйдельман относит образование второго Р. К. к периоду после марта 1897 года. «Через второй Рабочий Комитет при единой социал-демократической организации, какой был К. С. Б. за О. Р. К., должно было произойти соединение всех рабочих соц.-дем. кружков, касс, библиотек с Союзом Борьбы. Союзу, при новой тактике агитации, необходим был орган для широкого распространения литературы, особенно, для многочисленных прокламаций. Наконец, второй Рабочий Комитет был созван или собран. Во второй Комитет, как и в первый, вошли наиболее сознательные и активные рабочие социал-демократы. Но ни первый, ни второй Комитеты рабочими не выбирались»***).

О составе 2 Рабочего Комитета ни Тучапский, ни Эйдельман ничего не говорят. Жандармские источники указывают на следующих рабочих, входивших в Комитет: М. Альшуллер, Песя Зиман, Б. Кауфман, Иван Колесник, Веньямин Люльев, Соломон Сонкин, Григорий Рудерман, Альберт Поляк, Плетат. Достоверность этих указаний нуждается в проверке. Во 2-й

*) Заключение прокурора Киевской Судебной Палаты по делу о К. С. Б. за О. Р. К.

**) П. Л. Тучапский „Из пережитого".

***) „Пролетарская революция" № 1, статья Б. Эйдельмана.

Рабочий Комитет, в качестве представителя от Киевского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса, входил Б. Л. Эйдельман, «после, одно время был и Вигдорчик, а потом П. Л. Тучапский». Таким образом, Киевский Союз Борьбы за освобождение рабочего класса был как бы самостоятельной организацией, состоявшей из интеллигентов; он являлся тем резервуаром, откуда рабочие социал-демократы, об'единенные Комитетом, черпали теоретические пропагандистские силы. К. С. Б. за О. Р. К. был тем центром, откуда приходили для занятий интеллигенты, откуда шла нелегальная брошюра, газета, прокламация. Центр этот был очень хорошо законспирирован и представлялся рабочим кружкам чем то неуловимым и недосягаемым. Позже, из числа наиболее выдающихся деятелей К. С. Б. за О. Р. К., выделяется группа «Рабочей газеты», деятельность которой выходит уже из местных Киевских рамок.

Набросанная мною выше картина рабочих кружков относится, главным образом, к 1897-98 г., т. е. к тому времени, «когда пропагандистские кружки принимают характер специальной подготовки только выдающихся и подходящих единиц в агитаторы» *).

В. МАНИЛОВ

---

*) „Пролетарская революция“ № 1, статья Б. Эйдельмана.

В мире предательства

I

Начало девяностых годов XIX столетия нужно считать поворотным в истории революционного роста Екатеринославщины. Вся губерния, с примыкающими к ней Криворожским и Донецким бассейнами, из чисто хлебородных переходит в промышленную и начинает играть большую роль в истории нашей фабрично-заводской, рудничной и угольной промышленности; губерния становится притягательной точкой не только русского, но, главным образом, Западно-Европейского капитала. Одновременно она делается и рабочим центром. Это было только на заре рабочего движения, и оно носило еще чисто стихийный, неорганизованно-бунтарский характер, что ярко сказалось, например, на «рабочем бунте» в Юзовке, где пришлось пустить в ход оружие. Вполне естественно, если губерния сделалась притягательным центром всех партий, а революционное настроение превратилось в базу для агитационной деятельности революционеров всех марок *).

Но эта роль Екатеринославской губернии бросилась в глаза не только революционерам, но и охранникам. С лихорадочным под'емом промышленности в начале девяностых годов, начинает лихорадочно работать и охранка. По почину центра, и частью по своей инициативе, Екатеринославские жандармы начинают энергичную борьбу с «крамолой». Деятельность Екатеринославского жандармского управления становится заметной. Сфера его деятельности расширяется и углубляется. Вместе с тем, увеличиваются его штаты, количество офицеров, нижних чинов и филеров. Управление пускает, наконец, в ход последнее и самое гнусное оружие охранного дела—предательство, провокацию. И тут Екатеринославская охранка заняла также заметное место, дав даже некоторых знаменитостей, как Батушанский и Бакай.

Дать не только связный очерк, посвященный вскормленным Екатеринославскими жандармами провокаторам и предателям революции, но даже мало мальски исчерпывающий список их, не представляется теперь возможным. Как теперь выясняется, даже из поверхностного обзора уцелевших частей жандармского архива, жандармы работали, главным образом, при помощи провокаторов. Вот почему они их всячески бережно охраняли. Фамилии их редко фигурируют в делах, даже клички их шифруются. Мало того, есть сведения, что первым (и последним) делом местных жандармских властей, как только появились слухи о февральской революции,—было уничтожить списки секретных своих сотрудников. Тем не менее, есть возможность—

*) Ельницкий. История рабочего движения, стр. 134.

на основании частью печатного материала, появившегося в России и за границей, и на основании архивного материала Екатеринославского Музея Революции—небольшой список составить. Само собою разумеется, в этот список попадут имена, принадлежность коих к предателям революции не возбуждает никаких сомнений.

II

Конец 1902 и весь 1903 год был временем наиболее оживленной деятельности местной охранки. В Екатеринославском Музее хранится только часть дел, прошедших через охранку, но уже по одному этому остатку видно, как лихорадочно она работала в течение этого периода. Но независимо от количественной стороны дела, при обзоре этой деятельности бросается в глаза ее—если можно так выразиться—целесообразность или, как аттестует эту работу департамент полиции в докладе его директора Белецкого, как блестящую. И действительно, «работа» охранки в конце 1902 и в 1903 г. перестает носить характер бессмысленного хватания направо и налево как это было в предыдущие годы. Охранка начинает действовать спокойно и уверенно. Чувствовалось, что она располагает подробными и обстоятельными сведениями о происходивших во всех организациях формированиях и изменениях, о крупных шагах в их деятельности, о трениях среди партий, о сношениях местных политических деятелей с центром, о директивах последнего и проч. и проч. Мало того, как это позже оказалось, Екатеринославское охранное отделение на этот раз, не получая сведений из Петербурга, знало на месте об идейной работе политических центров, о расколе среди социал-демократов, о разделении их на «искровцев» и «рабочую группу», о выдающихся деятелях, примкнувших к той или другой группе. Чуть ли не раньше самого департамента полиции местная охранка имела в своих руках в рукописи воззвания сформировавшегося «Организационного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», которые предполагалось выпустить к 1-му мая 1903 года; знала многих делегатов, которые выехали в Россию для организации группы «искровцев».

Не менее ценными сведениями обладала Екатеринославская охранка о политических группировках, организациях и их деятелях на месте, в Екатеринославе. Все местные конспиративные замыслы, как с.-д., так и с.-р., были охранке известны. Раскрыт был Организационный Комитет Высшего Горного училища; были известны охранке делегаты, приехавшие в Екатеринослав для организации группы «искровцев». Была захвачена новая тайная типография, поставленная Азриелем и С. Кущел, равно как и типография на Больничной улице в д. Крена. Когда политические заключенные летом 1903 года задумали отравить мышьяком чинов тюрьмы, чтобы устроить общий побег, власти были об этом предупреждены, и побег не совершился. Осенью того-же года была раскрыта типография социалистов-революционеров, выяснены главные деятели Екатеринославского Социал-Демократического Комитета.

Смятение в Екатеринославе, в связи с успешной деятельностью охранки, было большое. Циркулировали всяческие слухи, делались десятки догадок,

назывались имена провокаторов, усиливалась конспирация, но существенных результатов все это не дало.

Прошло много лет, революционное движение росло и ширилось, достигло своего зенита в 1905 г., а затем пошло на убыль. И только в 1909 году выяснилась причина загадочной осведомленности много лет назад Екатеринославской охранки. Выяснилось, что энергичный деятель заграничной охранки Батушанский, «освещавший» департаменту полиции все эмигрантские кружки и их политическую деятельность, особенно усердно выдававший социал-демократов, организовавший за границей отряд боевиков-максималистов (в 1908 г. Емельянова, Коломейцев, Пулепянский, Мышецкая) и предавший их жандармерии—все пошли на каторгу—оказалось, что этот Батушанский и был причиной осведомленности Екатеринославской охранки в 1902—1903 годах. Переехав из Кишинева в Екатеринослав в 1902 году и пользуясь доверием революционеров, он тогда-же завязал сношения с охранкой и числился агентом охранки под кличкой «Бабаджанов» *). На средства Екатеринославского жандармского управления он оборудовал себе зубоврачебный кабинет и начал энергичную работу по... предательству. Хотя он не состоял ни в одной партии, но пользуясь доверием всех организаций, он имел возможность вес знать, и его осведомленность придала охранным властям особый блеск и вес в глазах департамента полиции.

«Блестящие» способности Батушанского были оценены по достоинству. Помимо прекрасного жалованья, ему была дана, уже непосредственно департаментом, командировка за границу. Карьера его закончилась в 1909 году, когда он был «провален». Тогда-то, благодаря Бурцеву, и выяснилось все прошлое Батушанского, включая сюда и его «работу» по Екатеринославу.

В 1910 году, когда Батушанскому нечего было уже скрывать, он просил департамент полиции за свою усердную службу с 1902 года—со дня приезда в Екатеринослав—назначить ему пенсию. Департамент удовлетворил просьбу заслуженного провокатора и предателя.

III

Другое значительное имя, связанное с Екатеринославом—это имя, получившее известность на весь мир, М. Бакая **). Биография последнего, а равно его деятельность, слишком известны, и мы можем поделиться только некоторыми о нем воспоминаниями. Бакай, кончивший в Екатеринославе

---

*) Некоторые дневники хранятся в Ек. Муз. Революции.

**) До Батушинского и Бакая Екатеринославщина дала крупную фигуру в мире предательства в лице М. И Гуровича, связанного с Екатеринославщиной только рождением и ранней своей революционной деятельностью. М. Гурович был фармацевтом и содержал аптекарский магазин в Луганске. В конце 80 годов он попался за участие в революционном кружке и был выслан в Сибирь. С репутацией пострадавшего за убеждения он вернулся в Россию и завязал сношения с охранкой. Деятельность Гуровича была разнообразна и обширна. Имея большие связи в революционном мире, он выдал много революционеров (в том числе, Яковлева-Богучарского, см. воспоминания в „Гол. Минувшего“ Кранихфельда). Деятельность его была настолько „блестяща“, что его перевели на службу в Московское, а затем в Петербургское охранное отделение. В Петербурге он начал издавать первый легальный с.-д. журнал „Начало“ при участии Струве, Туган-Барановского и других видных марксистов. В 1902 г. он был разоблачен, и тогда началась его официальная служба, на которой он преуспел, дослужившись до поста заведующего политической частью (на правах директора) департамента полиции.

фельдшерскую школу, служил тут-же и фельдшером городской амбулатории. Если мне память не изменяет, он попался впервые в апреле 1902 года. В ожидании первомайских демонстраций, жандармские власти захватили много народу. Это был не первый массовый арест в том году. Тюрьмы были переполнены. Не хватало ни рук, ни помещений для политических. По ордерам охранки аресты производились наружной полицией, и политических сажали в полицейские участки. Сначала мы сидели в кордегардии первого участка на Крутогорной улице, затем перевели в III-ий (во дворе отдела управления,), а затем в помещение IV участка, рядом с тюрьмой. Здесь нас скучилось около 100 человек. Помню, однажды утром, мы узнали, что в камере новые соседи: фельдшера—Бакай и Степанов. Не успели мы познакомиться с новыми гостями, как Бакая вызвали к приставу на квартиру. Он вернулся и самым наивным образом рассказал нам, что к нему пристали с требованиями «откровенных» показаний, с разными посулами. Ничего необычайного в этих требованиях не было. Но что крайне нас всех интриговало и что придавало маленькой фигурке Бакая особый вес в наших глазах—это то, что в продолжение всего его пребывания в участке, ни к кому не ездило так много властей. Бесцеремонность властей дошла до того, что они являлись в участок, забирали Бакая в камеру (днем мы свободно расхаживали по корридору) и там с ним беседовали. Бакай после этих свиданий имел всегда расстроенный вид, но ничего не скрывал от своих знакомых по заключению. Его скоро перевели, кажется в тюрьму, а затем, как это видно из дел Екатер. жандармского управления, по требованию Полтавских жандармских властей, в Полтаву. Должен установить одну подробность, что жандармский офицер Кременецкий, на письме которого основывался Бакай при разоблачении знаменитых провокаторов—Татарова и Азефа, проходил в это время службу в Екатеринославской охранке. Нам и в голову не приходили в это время мысли о предательстве Бакая, хотя, как это видно из данных, приведенных Бурцевым в заграничном «Былом», с этого времени, приблизительно, и началась служба Бакая*) в качестве сотрудника охранки. Во всяком случае, мы—его невольные соседи—были свидетелями необычайного давления, которое производилось властями на совсем тогда юного Бакая, и поэтому так охотно веришь Бурцеву, писавшему о Бакае, что он служил в полиции случайно и ему была эта служба противна, но по инерции служил и дослуживался. Припоминая расстроенный вид, который имел жизнерадостный молодой Бакай после каждого свидания с властями, начинаешь понимать, почему так охотно Бакай расстался с охранкой и почему его покаянная деятельность по выдаче всех тайных сотрудников и предателей революции носила такой отрадный характер.

IV.

В 1902 году отдельные кружки социалистов революционеров, как известно, сплотились в могучую партию **). Первые 2 года жизни партии

*) В 1902 г. в Екатеринославе уже циркулировали листки о провокаторской деятельности М. Бакая. При аресте в конце 1902 г. с.-р. Кузнецова у него нашли 3 экземпляра прокламаций о деятельности Бакая.

**) Аргунов. „К возникновению партии с.-р.“. „Былое“ 1907, X.

составляют период быстрого ее роста. Идет организационное строительство, налаживается дело пропаганды и агитации, прочно ставится издательская работа, с «Революционной Россией» во главе. Партия звала всех в свои ряды, заманчивая теория, активный дух, проникавший ее программу, включая сюда террор, оживили народников, старых и молодых народовольцев и еще не сформировавшую своих взглядов молодежи. Образуются ячейки, кружки, организации, наконец, Комитеты, устанавливающие сношения с Центральным Комитетом, снабжающим их литературой, средствами и типографиями *). Формируется, наконец, «Боевая организация».

Как и в этот горячий период, так и в предшествовавший ему, Екатеринослав занимал не последнее место. На Киевском с'езде (в августе 1898 г.), когда решено было сформироваться в партию и начать террористическую борьбу, фигурировали представители Екатеринославского кружка **), усиленно занимавшиеся пропагандой среди интеллигенции и городских рабочих. Работа в деревнях Екатеринославщины, согласно образовавшейся в 1900 году «Аграрно-социалистической Лиги», не выяснена, но ее литература для крестьянства в Екатеринославских кружках получалась. Екатеринославский Комитет работал и открывал группы в уездных городах (в Александровске в 1902 г.). Официальный историк партии отмечает, что «наиболее правильно работа была поставлена в Екатеринославе», где была выработана обширная программа работы, изложенная в листках «Организация и деятельность рабочих Екатеринославского Комитета партии соц.-рев.» и в «Уставе рабочей кассы» ***). Здесь-же усиленно распространялась, изготовлялась и печаталась в своих типографиях литература. Наконец, Екатеринославские кружки и выдвинули человека для «Боевой организации» партии, Фому Качуру, оказавшегося впоследствии предателем.

В начале девятисотых годов душою «Боевой организации» партии был знаменитый Гершуни. После организованного им убийства министра внутренних дел Сипягина (2 апреля 1902 г.), было решено организовать покушение на Харьковского губернатора Оболенского, что должно было явиться казнью за его зверскую расправу с участниками крестьянских беспорядков. Екатеринославская организация, как одна из наиболее активных, еще в октябре 1901 года выставила одного из своих членов, готового совершить террористический акт. Это был Качура. Гершуни поручил навести тщательные о нем справки. Организация поручилась за Качуру. Он был принят в «Боевую организацию». Так как у него было намерение пробраться в Петербург, чтобы убить Победоносцева, то ему предложено было оставаться в Екатеринославе и выполнять ответственные поручения.

Но Качуре не сиделось в Екатеринославе. В апреле 1902 года он вместе с товарищем своим Чепегиным пробрались в Киев. Последний под влиянием Качуры тоже просился в «Боевую организацию». Ему было отка-

*) Энциклоп. словарь. См. слово „Социалисты-революционеры“ т. 22 стр. А. Спиридович. Партия Соц.-Революционеров, стр. 92—129.

**) А. Спиридович. Партия с.-р., стр. 72 и послед.

***) Там-же, стр. 96—97. О том-же свидетельствует хранящееся в Екатерин. Музее Революции большое „Дело“ Ек. Жан. Упр. „О преступной деятельности организации с.-р.“ за 1902 г. № 710.

зано. Тогда он, по собственному почину, произвел покушение на генерала Вейса, приняв его за начальника Киевского жандармского управления генерала Новицкого. Гершуни поторопился вызвать Качуру. Ему даны были соответствующие инструкции. 29 июля эротоман Оболенский, получив письмо от якобы умиравшей от любви к нему женщины, явился на свидание в сад Тиволи. Качура в него дважды стрелял, но промахнулся, и третьей пулей ранил полициймейстера Безсонова. Качуру арестовали. У него нашли приговор Оболенскому и револьевер с надписью: «Смерть царскому палачу». И при задержании, и на допросах, Качура держал себя гордо, как боевой революционер. Он не называл своей фамилии. Ее удалось установить только после того, как брат его, Андрей, живший в Екатеринославе, узнал его по фотографической карточке. Но уже на суде Качура вел себя по предательски. Мало того, что он раскрыл все, что знал, что дало жандармам возможность произвести опустошения в рядах с.-р. и всех лиц, имевших сношения с Гершуни. Мало того, что благодаря указаниям Качуры был арестован Мельников, ближайший помощник Гершуни (особенно в организации убийства Сипягина и подготовлений покушения на Победоносцева), офицер Григорьев с целой группой лиц. Качура лгал, и Гершуни в предсмертном письме вынужден был писать, что он им «оклеветан» *). Клеветал не только на других, но и на себя. Так, забыв о том, что он сам просился в «Боевую организацию», что хотел самостоятельно совершить террористический акт на Победоносцева **), что его приходилось сдерживать и в Екатеринославе, и в Киеве, он говорил, что его вовлекли в движение, что его искусственно склонили к террору. Его все же приговорили к смертной казни, хотя заменили крепостью. Но озлобление его и в крепости не прошло. Когда, благодаря его указаниям, Гершуни, наконец, арестовали 13 мая 1903 года, он фигурировал на военном суде, судившем Гершуни, вместе с другим предателем Григорьевым, в качестве свидетеля и изобличителя. Это был почти ненормальный, психически расстроенный человек. Но свои предательские показания он повторил и здесь, склонив суд к смертному для Гершуни приговору.

V.

В дни усиленной деятельности Екатеринославской охранки, в числе арестованных в 1902 году, часто фигурировала фамилия Федора Голубничего. У Голубничего не было постоянного места работы. Он переходил то с Брянского завода в железнодорожные мастерские, и наоборот. Но Чечелевского и прилегающего к нему района он не оставлял и вращался среди рабочих. Неопределенна была и его партийность. Сам он называл себя (по крайней мере весною 1902 года) социалистом-революционером. Но охранка его арестовывала весною 1902 г., когда «ликвидировались» эсдеки и зимою того-же года, когда арестовывались эс-еры. Молодой, горячий, подвижной, он заражал в тюрьме всех новичков своею жизнерадостностью и бойкостью. Когда весной 1902 года в 4-ой части сидели до 80 арестованных, были моменты удручающего свойства. Помню, это было в середине апреля. Нас

*) В энцикл. словаре т. 21 статью о Гершуни. У А. Спиридовича стр. 124, 125.

**) В Екатеринославе он рвался убить губернатора гр. Келлера.

перевезли из III участка в IV-ый. Общую любимицу Е. П. Громон-Духонину накануне увезли неизвестно куда. Настроение было решительное, и молодежь готовилась противиться нашему размещению по отдельным участкам, чтоб избежать скопления арестованных. Когда-же нам об‘явили, что нас перевозят в IV часть из-за сырости, что там просторнее, что мы будем жить в незапертых камерах, мы сдались. Нас привезли в сумерки, разместили по камерам и заперли, как нам сказали, до проверки. Но пришла ночь. Наступило утро, а мы все под замком. И вот, из камеры, где сидел Голубничий, последовал совет снять с нар доски и выбить двери. Совету последовали. Начался невероятный стук. Стража выбежала из корридора и подняла тревогу на «бунт». Сбежались полицейские, околодки, пристав Левицкий с обнаженными шашками. С револьвером в руках Левицкий вошел в корридор и заявил, что будет стрелять. Ему заявили претензии. Он просил подождать пока поговорит по телефону. Вскоре приехал полицийместер Мошевский, велел открыть камеры, разрешил свидания с детьми, обещал простые столы для обедов и дал в наше распоряжение городового для посылки на базар. Мы использовали свои права широко.

Но больше всех пользовался его услугами Голубничий, который ухитрился через его посредство не только добывать свежие номера газет, но и прокламации. Нельзя ему отказать и в осведомленности. Так, сидя с нами в части, он накануне 1 мая ознакомил нас с содержанием завтрашней первомайской прокламации и назвал пункты ее наибольшего распространения. Стражник принес нам 1 мая прокламации, и оказалось, что Голубничий не ошибся.

Действовал ли Голубничий не умело, но после больших арестов среди рабочей группы с-ров, о нем пошли слухи, как о провокаторе, хотя Голубничий и оказался среди арестованных. Что крайне характерно (и непредусмотрительно) для Голубничего—это то, что хотя он фигурирует в списке арестованных, но «в сведениях о привлекаемых» о нем в деле нет ни слова. Очевидно, его прихватили для антуража.

Слухи о сотрудничестве Голубничего то всплывали, то исчезали, но не были упорны. Это видно из того, что еще в 1903 году он продолжал числиться секретным сотрудником, а Екатеринославская охранка немедленно расставалась с теми, кто оказывался в числе разоблаченных. Да что пользы было от такого «сотрудника»!

Был ли Голубничий действительно предателем? Хотя все признаки были на лицо и на жизнь Голубничего покушались в июле 1905 года, но документальных данных не было. Теперь это может быть подтверждено в самой категорической форме. Среди попавших в Екатеринославский Музей Революции дел Екатеринославского охранного отделения, есть любопытное дело об агенте его Коржуке, и в нем донесение начальника охранки Шульца на имя директора департамента полиции (27 января 1906 г. № 1), и в нем есть разоблачающая Голубничего фраза: «в июле минувшего года впал в подозрение один из моих секретных сотрудников Федор Афанасьев Голубничий (псевдоним «январьский»)».

Комментарии к этому излишни....

VI

С тем-же делом связано имя другого предателя, давшего «откровенные» показания сразу о двух городах—Екатеринославе и Кременчуге. Из дела не видно, чтобы Яков Минулин был сотрудником охранки. Нужно думать, что показания Минулина были вынужденные, но предательский их характер несомненен, но начальник Полтавского жандармского управления, препровождая их своему Екатеринославскому коллеге, был прав в оценке показаний Минулина: «хотя Минулин, говоря о лицах, занимающихся преступной противоправительственной деятельностью, в большинстве случаев называет их только по именам, но при этом он сообщает такие сведения и отдельные подробности (адреса, время задержания, сношения с другими лицами и т. п.), которые дадут возможность выяснить личности почти всех, на кого в показании Минулина имеются показания». Мало того, несмотря на вынужденность откровенных показаний, Минулин проявил при этом и некоторое усердие. Так, начальник Полтавской охранки удостоверяет, что он сообщал ему сведения не только относящиеся к периоду до его ареста, но и полученные им во время пребывания в тюрьме.

Как видно из «откровенных» показаний Минулина, он был «массовым членом революционной партии «Красное Знамя», состоявшей в начале 1902 года из 40 интеллигентов и около 200 Екатеринославских рабочих. Несмотря на принадлежность к массовке, он сообщает много подробных сведений о конструкции партии с.-р., подразделении ее на организации, о деятельности групп и отдельных лиц, из которых многих знал по фамилиям (Абрамова, братьев Медведовских, Хасона, Дубровенского, Рабинович, Бездабову, Басса) и других. Выдает он также и Екатеринославских социал-демократов. Еще больше лиц он называл по именам, кличкам и роду занятий вообще и политической в частности (кто крадет шрифт, кто печатает прокламации, кто распространяет, кто агитирует среди крестьян)...

Еще более ценные, с жандармской точки зрения, сведения он сообщил о Кременчугских организациях эс-еров и с.-демократов.

Показания свои Минулин дал 4 и 5-го июня 1903 года. Большинство екатеринославцев, которых он назвал, были арестованы еще в декабре 1902 года. Он мог этого и не знать, так как был арестован 17 сентября 1902 г. Сопоставляя список лиц, им названных и арестованных, не трудно сделать вывод, что Минулин многое знал. Другой предатель его предупредил. Это единственное смягчающее предательство Минулина обстоятельство. Быть может его предательство по отношению к Кременчугским организациям дало жандармам более обильную жатву.

VII

Деятельность трех предателей из одной и той же семьи, трех родных братьев Верецких и интересна, конечно, сама по себе. Но независимо от психологического интереса, работа Верецких представляет и политический интерес.

Старший Верецкий, Николай, еще будучи на школьной скамье учеником 7-го класса Павлоградской гимназии, предложил свои услуги Екатеринославской охранке. Его оставили в Павлограде и потребовали сведения о

Павлоградской с-дековской группе. В делах охранки сохранилось не мало следов деятельности Верецкого, он же Новиков и Мухин (клички Верецкого, из которых видно, что целый ряд арестов, совпавших с началом деятельности Н. Верецкого, дело его рук*).

Так, в течение 1904 г. в охранку, а отсюда в департамент полиции, попадает ряд обстоятельных донесений о руководителях эсдековской группы в Павлограде—Могилевском, Шпермане, Хмельницком, Вильнянском, Ольховском. По настоянию Верецкого, в Павлоград были высланы филера для наблюдения за группой. В марте была выяснена конспиративная ее квартира и задержана сходка гимназистов, на которой оказались Могилевский, Кнабе, Назаренко, Поздняков. При обыске оказалось много нелегальной литературы. Одновременно с Могилевским и Кнабе был арестован Вильнянский. Вслед за тем, Верецким были выданы солдаты Фишгендлер, Лекиг, Кац, вольноопределяющиеся Кривошеев, Таран, гимназистка Эпштейн. Роль его никому не была известна, и когда выпущенные под надзор из тюрьмы Могилевский и Вильнянский собирались бежать за границу с поручениями от местных организаций, то Верецкий об этом узнал и сообщил Екатеринославской охранке.

Нужно думать, что этим «работа» Верецкого не ограничилась, и что охранка была довольна его деятельностью. Это видно по тому, что когда в 1905 году он поступил в Петербургский университет, то был зачислен сотрудником Петербургской охранки, состоя, одновременно, членом «Боевой организации» при Петербургском комитете с.-д. Здесь он проявил много энергии. Приобретая значительные партии оружия в Финляндии для «Боевой организации», он большую часть отдавал охранке. Когда среди с.-д. возникли подозрения против Верецкого, охранка пустила в ход ловкий аллюр. У Верецкого был произведен обыск, при чем обнаружено оружие, за что он был приговорен к трехмесячному аресту, который он исправно отбыл.

Вслед за этим, он уезжает за границу, поступает в заграничную агентуру и, одновременно, помогает Бурцеву. Он был так к нему близок, что знал о всех делах, которые разрабатывал Бурцев, особенно, по обвинению, в предательстве и провокации.

В декабре 1913 г. выяснилась, впрочем, и роль самого Верецкого, и он вынужден был вернуться в Россию на амплуа почетного пенсионера в 30 лет**).

VIII

Второй Верецкий, Михаил, также начал с предательства своих товарищей—Екатеринославских семинаристов. В 1904 году он предложил Екатеринославской охранке свои услуги, при чем указал на склонность группы семинаристов к с.-рам. Но деятельность его была прервана в том же году. В семинарии, в связи с недовольством, вызванным инспектором, возникли беспорядки, носившие буйный характер и, увы, среди буйствовавших оказался и Михаил Верецкий. Инцидент закончился закрытием семинарии, роспуском семинаристов по домам, а затем, исключением целой группы

*) В музее хранятся его донесения.

**) В Екат. Музее Революции хранятся его дневники под кличкой „Мухин".

буйствовавших. Исключен был и Верецкий. Улики против него были так сильны, что даже заступничество начальника губ. жандармского управления не помогли, и Верецкий обратно не был принят. Чем занимался почти 4 года Верецкий—данных об этом нет*). Но от охранки, нужно думать, он не ушел. Это видно по тому, что в 1907 году был командирован департаментом полиции в заграничную охранку; затем, вернувшись в 1909 году, поступил в охранную команду Петербургского охранного отделения. Но М. Верецкий не родился под счастливой звездой. Политические организации, куда пытался проникнуть охранный неудачник, разгадали его физиономию, и он решил сойти со сцены и поступить на службу приставом.

IX

Чтобы покончить с дегенеративной семьей предателей, приходится забегать вперед, к 1910 году, когда началась предательская деятельность самого юного Верецкого, Бориса, безусого мальчика, который под кличкой «безусый» и служил в Екатеринославской охранке. Служба его началась с 1910 года в той же семинарии, где начал свою неудачливую карьеру средний его брат.

В октябре 1904 г. в его руках уже был «материал»», и он поспешил к начальнику охранки с докладом о кружке «учащихся украинцев» **). Ему приказано было продолжать наблюдения и доносить. Результатом его деятельности были аресты и обыски во второй половине декабря 1910 года. Кружок украинцев с октября 1910 года завел сношения с другими семинарскими кружками с целью слияния в один «Всеобщий семинарский союз». Союз должен был, при обсуждении в Государственной Думе школьного вопроса, выступить с петицией об улучшении быта семинаристов и, в частности, о праве их поступления в университет. Забастовка Житомирских семинаристов и недовольство строгим режимом Екатеринославской семинарии ускорили события. В 20-х числах октября семинаристы потребовали разрешение собрать сходку для обсуждения своего положения. Разрешение было дано. На сходке было решено пред'явить требования об улучшении пищи, об отмене стеснительного надзора за семинаристами, о пополнении библиотеки новейшими писателями, об изменении отношения учащих к учащимся, об устройстве экскурсий и о праве поступления семинаристов в университет.

Правление семинарии отказало во всех требованиях, при чем инициатор сходки, Щеголев, был уволен, а Чикидовский получил 3 балла по поведению.

Постановление вызвало сильное брожение среди семинаристов. Готовились к забастовке; появились воззвания с девизом «в борьбе обретешь ты право свое». Обнаружилось, что в семинарии издается журнал «Промінь» на украинском языке, что он выписывает другие украинские издания.

10 декабря охранка, на основании донесений Верецкого, имела в своих руках список всех участников кружка, адреса и указания, где, у кого, что

*) В архиве охран. дела нами обнаружены интересные дневники секретного сотрудника Комарова Мих. По многим данным это псевдоним Верецкого. Дневник обрывается 1906 г.

**) „Дела“ Ек. охр. отделения №№ 77 и 195.

хранится. В ночь на 16 декабря кружок был ликвидирован. Обыск был произведен у 14 семинаристов и дал жалкие результаты. Задержан был один Коробчанский. Ликвидация была признана очень поспешной. Верецкий был заподозрен товарищами, и он должен был оставить семинарию.

X

Весною 1902 года в Екатеринославе появился еще безусый мальчик, Иван Мрачек. Хотя он носил матросскую форму и всем говорил, что состоит учеником мореходных классов в Николаеве и что он приехал в Екатеринослав на время, но из Екатеринослава он не уезжал и начал работать в типографиях в качестве наборщика. Работал он неровно, делая частые прогулы. Заработки наборщиков были тогда ничтожные—14—16 к. с тысячи. И, однако, Мрачек, никогда не нуждался, был всегда с иголочки одет, несмотря на прогулы. В связи ли с этими обстоятельствами, или другими, но о Мрачеке скоро стали говорить, как о секретном сотруднике, розыскного отделения. Время тогда было в истории партий горячее. Среди рабочих велась широкая агитация. Много энтузиазма и горячности вносили тогда, особенно, эс-еры, формировавшие в Екатеринославе Рабочую Группу. Кроме крупных заводских предприятий, агитация широко велась среди наборщиков, как наиболее интеллигентного слоя рабочих, который к тому же легко мог быть использован при постановке типографий.

Как позже выяснилось, Мрачек действительно служил в розыскном отделении и имел наблюдение за типографиями. Сейчас трудно установить, но несомненно, что в так называемую, «Представительскую Рабочую Группу» при «Центральной Рабочей Группе» эсеров входило много наборщиков и типографских переплетчиков. Мрачек был вхож во все типографии, и на первых порах ему доверяли. Нужно, поэтому, думать, что сведения, о входивших в 1902 году в Рабочую Группу с-ров наборщиках Шапиро, Бурштейне, Мильнере, Фишзоне, типографском переплетчике Еренбурге, имеющиеся в донесении начальника Екатеринославского розыскного отделения от 24 декабря 1902 г., было делом рук Мрачека. Правда, позже, когда Мрачеку пришлось маску ученика мореходных классов и наборщика снять, он уверял, что «никогда своим не пакостил». Но верить ему трудно было. И действительно, пересматривая сейчас дела розыскного отделения, не находишь среди его сотрудников лица, более близкого к типографиям, чем Мрачек. *).

Мрачеку, впрочем, не долго суждено было работать секретно. Молва разошлась по всем типографиям. К тому же он вел себя крайне легкомысленно: при хронических прогулах и погоне за выпивкой и женщинами, он всегда был при деньгах, не скрывая своих связей и дружбы с наружной полицией, которая тогда, почти исключительно, занималась политическими делами и, кроме того, еще упорно штрейкбрехерствовал. Но служба его и в розыскном отделении также оказалась неудачной, и после недолгой отлучки, вскоре появился на улицах Екатеринослава в полицейском мундире.

*) Дело № 180 за 1902 г. о преступной деятельности „Рабочей Группы“ Екатерин. организации эсеров.

Мрачек не был рядовым полицейским. Ему поручили команду над всей конной стражей, которая несла чисто политическую службу. Район действий Мрачека и стражи это рабочий район Чечелевки и привокзальной стороны, населенных исключительно рабочими. Разгон митингов, сходок, забастовщиков, вылавливание революционеров, а главным образом, максималистов, анархистов всех марок—таковы были функции Мрачека и его стражи. К тому же он обнаружил необычайную, собачью преданность к службе и, говорят, неподкупность. Он выслеживал, вынюхивал, не спал ночей и, как снег на голову, появлялся там, где его не ожидали. Усердие его было известно всей администрации и, числясь официально только околоточным надзирателем, он занимал совершенно самостоятельное положение, гарцуя впереди выдрессированных им ищеек-стражников. Недавно безобидный мальчик, он превратился в садиста и даже похудел от усердия. Надо отдать справедливость его личной храбрости. В те годы—1906—1907—амплуа, взятое на себя Мрачеком, было небезопасное. Доминирующее положение среди партий занимали анархисты-коммунисты. Мрачек выслеживал и выискивал днем и ночью. Он один заходил в трактиры, кабачки, подозрительные квартиры. При арестах и первых допросах он подвергал заключенных избиениям. Его показания на суде—часто военном, где пахло всегда виселицей—были всегда убийственные. Мрачеку предсказывали плохой конец за его усердие. И он пришел.

26 января 1908 г. на самой людной части Чечелевки (угол I-ой и Сквозной), когда улицы были запружены народом, Мрачек был убит выстрелами из револьвера. Об убийстве его губернатор счел нужным оповестить телеграммами Петербург. Похороны состоялись на казенный счет с военной музыкой, губернатором во главе пышной процессии, стражниками, союзом русского народа и представителями черносотенной городской управы. Директор трубного завода, губернская земская управа (по предложению губернатора), департамент полиции—назначили вдове Мрачека пособие. Словом, Мрачек за предательскую службу—тайную и явную—удостоился полицейского триумфа.

XI

В 1905 году на Мариупольских заводах циркулировало предостережение против провокатора Луки Кржеминского Последний переезжал с места на место, то пристраиваясь на заводах, то внезапно исчезая, как только до рабочих доходил слух о его предательской деятельности. Одно время рабочие решили, что Кржеминского оклеветали. С него—сняли бойкот, пригласили вступить в с-д. организацию и дали возможность поступить на Никопольский металлургический завод. В 1907 году его марка революционера была так высока, что как только Мрачек узнал о его пребывании в Екатеринославе, он его арестовал и избил до полусмерти. Кржеминский говорил несколько раз знакомым, что он Мрачеку отомстит. После убийства Мрачека, его, вместе с его приятелем Кишоном, арестовали по обвинению в убийстве Мрачека. Улики были против Кржеминского, и он спустя 8 месяцев послал свою исповедь губернатору, в которой уверяет его, что он

страдает напрасно, и что всю свою жизнь служил «верой и правдой на пользу государя» т. е. всю жизнь занимался предательством *).

«Осмеливаюсь обратиться к Вашему Превосходительсту с об'яснением моего несчастного положения (начинает свою исповедь Кржеминский), в которое я попал по наговору моих врагов, недовольных мною вследствие того, что я верой и правдой служил государю... в качестве сотрудника охранного отделения.» Вступление свое Кржеминский иллюстрирует массой фактов, рисующих его крупным предателем. Оказывается, что вступил он в партию с-деков летом 1905 года, а декабрьские массовые аресты в Мариуполе произошли по его предательству. В декабре 1906 года он выдает директору Никополь-Мариупольского завода участников экспроприации на этом же заводе. Благодарный директор направляет его с рекомендательным письмом к жандармскому ротмистру Власову. Этот приглашает его в секретные сотрудники, на что Кржеминский «охотно» согласился, отсюда он переезжает в Юзовское охранное отделение, проваливается при выдаче и уезжает в Екатеринослав. Здесь он вступает в партию анархистов-коммунистов и выдает их. В 1907 году он вновь в Мариуполе среди с.-д. и, хвастает Кржеминский, «следствием моей работы, по 1-е мая были произведены массовые аресты социалистов, а к роспуску II Государственной Думы была ликвидирована вся социал-демократическая организация». Затем, он «верой и правдой» работает в Баку, где выдает группу террористов. Затем он отправляется в Екатеринослав, где Мрачек арестовывает и избивает его как видного революционера.

Уверяя губернатора, что он, не щадя своей жизни, борется с революционерами, Кржеминский умоляет губернатора посодействовать его освобождению.

Улики против Кржеминского были, однако, важные, и его еще долго гноили в тюрьме.

XII

Другой сотрудник «охранки», также работавший среди коммунистов-анархистов, человек совсем иного склада, европеец с ног до головы. Его карьера гораздо сложнее, и Агафонов в своей интересной книге о заграничной охранке отводит его деятельности шесть страниц мелкой печати.

Долин, еще до своего сотрудничества в Екатеринославской охранке, имел славное прошлое. Бывший начальник Виленской охранки, с 1904 г. Екатеринославской—Шульц—в нем души не чаял. Он аттестовал Долина департаменту полиции, как ценного работника с огромными связями среди Житомирских бундистов. Благодаря Долину, удалось ликвидировать всю организацию «Бунд» в Житомире в начале девятисотых годов и захватить наиболее выдающихся деятелей. Долин при этом обнаружил значительную выдержку и дальновидность. Когда Шульц предложил ему в 1903 году переехать в Екатеринослав, Долин заявил ему, что в такой революционный город он должен приехать с большим престижем. Он потребовал, чтоб его привлекли в Житомире по 252 статье, чтоб заключили под стражу и

*) Дело об убийстве Мрачека 1902 г. № 40

чтоб освободили всех Житомирских бундистов, вину которых он возьмет на себя. Весь план был выполнен безупречно, осторожно и выдержано, и Долин не только усыпил подозрение товарищей, но вышел из тюрьмы с ореолом героя.

С таким престижем приехал Долин в Екатеринослав. После 1905 г. доминирующую роль начинали играть анархисты-коммунисты, и Долин, «разочаровавшись» в осторожной тактике бундовцев, переходит к анархистам-коммунистам. Долина здесь приняли с распростертыми об'ятиями и он завоевал здесь прочное положение. Он знает не только, что делается в Екатеринославе, но и в других центрах и даже за границей. Он знает, где печатается «Буревестник», все адреса, в которые он рассылается, может указать несколько типографий, несколько складов анархистской литературы (в 100 пудов), лиц, занимающихся транспортом, тайники с оружием. Когда из Одессы бежала знаменитая анархистка Ольга Таратута, приговоренная к смертной казни и считавшаяся неуловимой, Долин взялся ее розыскать. Но все это он делал хладнокровно, не спеша и торгуясь. Кроме жалованья он требовал отдельных выдач и всегда предварительных. Так, за выдачу Таратуты он запросил и предварительно получил 500 рублей. Таратута была арестована в Екатеринославе и пошла на каторгу. Долин получил деньги и росписался фамилией «Ленин». За русские адреса получателей «Буревестника» Долин получил 200 руб.

В Екатеринославе такому большому кораблю, как Долин, было, конечно, тесно, и он уезжает за границу, где работает под кличкой «Шарль» и заведует политическим розыском. В 1909 г. он работает в Одессе и ведет себя с большим тактом, осторожностью и выдержанностью. Ввидах этого, «Александрову» (третья кличка Долина) пришлось долго сидеть в Одесской тюрьме, затем, ему пришлось, в качестве административно-ссыльного с пути в Архангельск «бежать» в Петербург, «нелегально» выехать за границу под чужим паспортом.

Во время войны он втирается в военный шпионаж. Здесь дело, очевидно, сорвалось, и Долин покончил самоубийством, оставив исповедь о своей громкой деятельности.

XIII

Среди этой своры провокаторов довольно двусмысленную роль играл, кажется, еще не разоблаченный (ни той, ни другой стороной) провокатор из эсеров Кореницкий. Поведение его было до того подозрительно, что когда в 1905 году охранное отделение почувствовало, что в его недрах что-то неблагополучно, что кто то сообщает политическим организациям его тайны, то оно встревожилось и направило свои взоры в сторону Кореницкого, он же «Кавказский». В своем секретном докладе на имя директора департамента полиции, начальник охранки о Кореницком пишет: «Занимая видное положение в революционной организации (с.-р.), Кореницкий находился в связи с лучшими революционными силами и был весьма осведомлен о ходе противоправительственных событий, но, как было мною установлено путем перекрестной агентуры, многое замалчивал, сообщая довольно поверхностные

и малоценные сведения. Изложенные обстоятельства заставили меня относиться к Кореницкому с известной осторожностью и дали повод думать, что все толки о нахождении среди служащих отделения сообщника революционеров относятся именно к нему, тем более, что, по сведениям Кореницкого, за время в течение полуторых лет (приблизительное время его сотрудничества) не было произведено ни одного задержания*).

Подобное отношение к своему сотруднику нужно об'яснить пресыщенностью начальника охранки, избалованного такими крупными провокаторами, как Батушинский, С. Черток и др. и некоторой его неосведомленностью. Дело в том, что Кореницкий вовсе не играл такой крупной роли в организации, которую ему приписывал Шульц. Может быть, действительно, Кореницкий не проявлял особого усердия, но дело свое он делал все же аккуратно.

Перед нами некоторые дневники-донесения Кореницкого. Чуть ли не в каждой записи фамилия, адрес и род революционной деятельности. Вот рабочий бельгийского завода Анфилов (указан адрес), с.-р. пропагандист; далее слесарь Бабич, с.-р.; Воронов, организующий «рабочую боевую дружину». Вот 2 февраля 1905 г. приехал из Одессы Быков с транспортом литературы; того же числа на квартире Воронова обсуждается вопрос об отомщении инженеру Юреневу за срыв забастовки. 26 февраля: «Завтра к Курокину (адрес) будут принесены прокламации». 21 марта: «Рабочий Ошко готовит террористический акт эсеров. Тукманкин принес 95 шт. прокламаций». Совершенно секретно «Кавказский» предупреждает, что с.-р. готовят ограбление на Пасху казенных винных лавок в п. Амур. В записи по 24 мая есть указание на типографию эсеров, 18 июня на агитаторскую сходку на Амуре и предстоящую забастовку заводов и железнодорожных мастерских в п. Амур-Нижнеднепровск. Под 17 сентября интересная запись об областном с'езде эсеров с представителями из Харькова, Полтавы, Кременчуга, Екатеринослава, Елисаветграда. Под 4 ноября «У меня находятся 2 бомбы, одну из них дал мне Рудницкий («Станислав»), который поехал еще за бомбами». Есть, наконец, сведения об Иваницком, покушавшемся на жизнь полицеймейстера и потом бежавшим из Харьковской тюрьмы.

Этих выписей достаточно, чтобы «реабилитировать» в глазах бывших чинов охранки Кореницкого: он был по своему «добросовестен» и выдавал, кого мог.

XIV

«В средних числах минувшего декабря (1905 г.)», пишет в том же донесении начальник охранки, «в глухом пригороде был убит революционерами мой лучший секретный сотрудник—Самуил Чертков (псевдоним «фабричный»); при чем, по полученным мною агентурным сведениям, перед убийством ему были пред'явлены организацией настолько веские доказательства его виновности, что он даже не имел возможности представить какие либо доказательства в свое оправдание, и во всем сознался.

*) Донесение нач. Екат. охран. отд. от 27 янв. 1906 из „Дела" о филере Коржуке. Хранятся в Екат. Музее Революции.

Убийство Черткова, по имеющимся агентурным сведениям, было организовано появлявшимся периодически, довольно часто, в г. Екатеринославе, последнее время неизвестным комитетским деятелем организации с.-д., конспиративная кличка коего «Артем». Чертков держался в организации в высшей степени корректно; получаемые деньги отправлял домой; жил более чем скромно и своей работой не подал организации ни малейшего повода предполагать в нем сотрудника».

Слеза так и чувствуется из-за этих строк. И, действительно, жандарм говорил правду. В Черткове или Чертке потеряла лучшего сотрудника. Воспоминания старых революционеров и знакомых Чертка, его записи для охранки, находящиеся в музее Революции, подтверждают все слова начальника охранки.

Черток казался своим друзьям настолько преданным революционному делу, что никто в нем не сомневался и его сотрудничеством настолько дорожили, что кооптировали его в Комитет с.-д. организации. Пользуясь своими связями с охранкой, он часто предупреждал обыски и аресты, оберегал сходки и собрания. Это создало ему престиж в партии и репутацию самоотверженного работника, но одновременно он «добросовестно» и умно работал для охранки. Это было самое горячее время для работы той и другой стороны—весна и лето 1905 года—и Черток, этот маленький Азеф, работал на оба фронта. Комитет работал во всю среди интеллигенции, рабочих, вел устную и печатную пропаганду, ставил типографии, печатал прокламации, получал их, входил в сношения с Центральным Комитетом, вызывал его представителей, следил за действиями охранки. Черток, скромно проживая получаемые от Комитета 30 руб., был в курсе во всех делах, и работая энергично в партии, осторожно, но все же и многих выдавал, и это ему было тем легче делать, что многие деятели у него же жили и у него же устраивали собрания. В его дневниках для охранки, кроме массы лиц (и очень видных, напр. Гоннер), есть указания на склады литературы, оружия, шрифта, на типографии (и не только в Екатеринославе и в Юзовке, напр.). Он доносит о расколах среди с.-д. на большинство и меньшинство (с именами работников), о намерениях совершать террористические акты, о боевой организации, вооруженных демонстрациях, предупреждает убийства шпионов.

Перед всяким значительным арестом он принимает меры против своего провала. 20 июня он советует захватить большевистскую тайную типографию (угол Новосельной и Кладбищенской) но, пишет он в охранку, необходимо заарестовать и меня и т. д.

Все данные Чертка—значительные, веские, с точным указанием адресов, фамилий, примет, места и времени «преступных» занятий. Нужно думать, что при его помощи охранники никогда не попадали впросак и начальник охранки не даром пролил по Чертке слезу. Это был идеальный секретный сотрудник, и только измена в недрах самой охранки могла провалить такого осторожного предателя. Как это случилось, мы расскажем в другой статье *).

*) Чертка убило 3 лица (в том числе и Артем) по приговору Комитета. На этом заседании К-та, между прочим, выяснилось, что Черток участвовал в октябрьском погроме.

XV

Дневники предателей, из которых мы черпаем материал для нашей статьи, написаны хорошим почерком и весьма грамотно. Если нет сильной грамоты, то, во всяком случае, видна толковость, знание партийной жизни в полном об'еме, терминология, группировка и проч. Обращение с начальником охраны, иногда дружеское, но, полное чувства собственного достоинства, во всяком случае, лишено низкопоклонства, а иногда носит характер указаний и наставлений.

В провинции дело обстояло иногда проще. Приходилось прибегать к людям малограмотным и едва ли разбирающимся в том «ответственном» деле, которое ему поручено. Курьез в этом отношении представляет предатель Потемкин, командированный из Екатеринослава в Юзовку. Раньше всего это, очевидно, не псевдоним, а подлинная фамилия, так как в дневниках рядом с кличкой обыкновенно писалась подлинная фамилия, густо замазанная чернилами, чего в настоящем случае нет. Записи представляют верх безграмотности. Начальника охранки Потемкин не именует иначе, как «Ваше Высоко-Благородие» и «Ваша Милость». Он не доносит и не докладывает, а всегда «имеет честь Пред'явить» (с заглавной буквой). Товарищей рабочих, на которых он доносит, он характеризует, что они «стоят на стороне социализма, много Богохульствуют и не признают Бога, а Его Императорское Величество и Его Свиту совершенно не признают и многим дают плохие наставленія против правительства». Запрещенные издания он именует «неофициальными брошурами», к слову Петербургский соц.-демократ. Комитет он обязательно прибавляет «санкт». Дневники Потемкина заканчиваются 25 октября 1903 г., начавшись 4 октября. С ним, очевидно, скоро расстались, ибо дальше безграмотных указаний на рабочих, которые на стороне «соцыализма» и дающие каждому «нотаціи» он не пошел....

XVI.

И вообще, Екатеринославская охранка не могла похвастать своими провинциальными сотрудниками и попадалась с ними часто впросак. Достаточно припомнить хотя знаменитое дело сотрудника Хорольского. Это было в 1904 году в разгаре борьбы правительства с профессиональным движением. Нужно было во чтобы то ни стало ликвидировать профессиональные рабочие организации—этот последний оплот сплоченности рабочих. Профессиональные союзы сдерживали распыление рабочих сил. Пролетариат Екатеринославщины это понимал, чувство самосохранения в нем сильно жило, и он цепко держался за эти организации, устраняя из него часто (под напором гонений, конечно), политику и низведя профессиональную организацию до уровня чуть ли не кассы взаимопомощи. Но Екатеринославская охранка в свою очередь, хорошо понимала значение профессиональных организаций и пускала в ход все, чтоб их уничтожить. Чаще всего делалось довольно тонко, но иногда охранка нарывалась на скандал.

Одной из сильных профессиональных организаций на Екатеринославщине было профессиональное общество Донецко-Юрьевского Металлургического

Общества. Сверху диктовалось, что профессиональные общества являются центром революционной пропаганды и чуть ли не подготовляют вооруженное восстание (слова тов. министра внутренних дел Курлова). Нужно было выслужиться и закрыть общество. Но оно занималось самыми невинными делами. Тогда на помощь являются агенты охранки Хорольский и Короткий (оба рабочие). Вместе с приставом Стояновым вырабатывается хитроумный план. Нужно скомпрометировать активного члена правления общества, такими являются Токарев и Боборыкин. И вот на их квартире оказывается бомба и взрывчатые вещества. Их принес, в отсутствие членов правления при помощи Короткого, Хорольский. Квартирная хозяйка Лаврищева это видела. Она вызывается к приставу (тоже агенту охранки). В уста безграмотной женщины вкладываются заученные речи, иначе она попадет в тюрьму. Затем производится обыск, Токарева и Боборыкина арестовывают и предают военному суду.

По ососой случайности Боборыкина, которого держали предварительно 2 года в тюрьме, судили раньше и приговорили к 6 годам каторги (общество, само собою, было закрыто). Дело было так грубо сфабриковано, что оно вскоре раскрылось. Когда 25 ноября 1909 года состоялось заседание военного суда в Екатеринославе по делу Токарева, то суд не признал его виновным в хранении взрывчатых веществ с целью совершения террористических актов, так как доказано было, что снаряды и вещества были 16-го июня 1908 года принесены на квартиру подсудимого без его ведома сотрудником охранки Хорольским.

Дело это облетело всю Россию и послужило предметом запроса в Государственной Думе в декабре 1909 года.

Г. НОВОПОЛИН

Очерк по истории революционного движения в Луганске

1901—1921 гг.

ВСТУПЛЕНИЕ

Великая волна пролетарской революции, пронесшаяся неудержимым потоком гражданской войны, всколыхнула не только густо населенные города и столичные центры, но абсолютно все уголки России, включая самые захолустные села и деревни, куда до этих пор никогда еще не проникал малейший проблеск социально-политической жизни.

Оторванные не только от политических центров, но и от своих ближайших уездных городов, предоставленные непроходимому болоту местных условий, спокон-веку жили все эти «медвежьи углы» каждый своею обособленной от внешнего мира жизнью, ни мало не помышляя об органической связи с другими обитателями таких же малонаселенных мест.

Только в условиях самодержавно-царского режима с его феодально-крепостническим укладом и могло сложиться подобное расслоение, а если к этому прибавить, что полицейско-административный аппарат, каким располагало самодержавие, в корне пресекал малейшие возможности общественных отношений между отдельными поселениями, то станет ясным, почему до революции 1917 г. нельзя было видеть более или менее заметных успехов массового общественного движения в среде провинциальной России.

Единственно существовавшая торговая связь между отдельными поселениями, сложившаяся еще с давних времен на почве экономических отношений, вытекающих из основ натурального хозяйства, естественно, не могла служить проводником общественного сознания масс. Поддерживаемая, по преимуществу, мелко-буржуазным кулачеством, своей идеологией чуждой всякой общественности, подобная связь никогда не выходила за пределы чисто торговых отношений.

Но если в центральных губерниях в силу тяжелых условий ведения своего хозяйства крестьянство зачастую принуждалось отказываться от занятия земледелием и уходило на отхожие промысла, благодаря которым оно постепенно втягиваясь в обстановку уже не индивидуальных, а общественных отношений, то на Украине крестьянство, наоборот, продолжало еще крепко держаться за основы земледельческого хозяйства. (?)

Таким образом, постепенное обобществление крестьянской массы на Украине протекало при гораздо более сложных условиях, чем подобное обобществление крестьян в центральной России, где оно находилось в более близкой связи с пролетарской массой, втягивающей его в общую обстановку промышленной жизни.

Поэтому, революционное движение на востоке Украины до момента развития промышленности, не могло вылиться в более или менее внушительные формы, те же отдельные крестьянские бунты, которые иногда все же имели место, в силу своей неорганизованности, бесследно растворялись и не оказывали заметные влияния на общую гущу крестьянской массы. А раз крестьянская масса являлась пока еще незатронутой в сфере общественных устремлений, то, естественно, и рост пролетарского движения не мог найти благоприятных условий для своего развития, ибо крестьянская масса по отношению пролетариата является ничем иным, как резервуаром, питающим истоки социальных устремлений рабочего класса.

Не могла расшевелить крестьянскую стихию и прокатившаяся волна революционного и стачечного движения 1905 года. Только пролетарская революция 1917 года вывела, наконец, украинское крестьянство из состояния социальной спячки и принудила вольно или невольно, но все же втянуться в общую стихию революционного движения, открыть, таким образом, полосу интенсивного роста своего общественного сознания.

А так как набежавший шквал гражданской войны развернулся по преимуществу на полях Украины, то он не мог не увлечь за собою и украинского крестьянства. Ценою крови и тяжелых страданий теперь связалось украинское крестьянство с рабочим классом в общей великой пролетарской борьбе, запечатлев в каждом самом отдаленном и захолустном уголке яркую страницу революционной эпопеи Красного Октября.

Сейчас пока нет еще связной истории революционного движения последних лет,—она разбросана по необозримым полям и лесам, городам и селам, рудникам и заводам всей России и особенно Украины. Яркие страницы ее пока еще невыявленные покоятся в памяти украинского народа. Собрать их, систематически проанализировать,—такова ближайшая задача нашей истории.

В этом отношении предлагаемый очерк является всего лишь попыткой отметить одну из ярких страниц революционного движения на Украине, каковой является гор. Луганск, сосредоточивший в себе самые кипучие схватки пролетариата Донбасса против капитала.

Пусть еще не закончился период революционных борений, пусть еще не достаточно окристаллизовался сырой материал прошедших дней, все же это не может остановить частичных попыток оформить отдельные этапы революционных борений на Украине.

История никогда не пишется сразу,—она подготавливается предшествующим периодом собирания исторических материалов, рядом отдельных исторических экскурсов. Даже некоторая поспешность и та все же имеет свои основания. Благодаря гражданской войне, выливавшейся в неоднократной смене властей на Украине, большинство местных архивов теперь уже растеряно или разрушено целиком. Многие исторические факты сохранились всего лишь в воспоминаниях отдельных работников, показания которых являются до некоторой степени единственным материалом, которые нужно во что бы то ни стало поскорее собрать.

Составляя «Очерк по истории революционного движения в Луганске» за период времени с 1901 г.—момент организации первой социал-демократической

ячейки в гор. Луганске—по 1921 год—момент окончательного закрепления Советской власти—приходится оговориться—что данная работа не является законченной историей, а только лишь попыткой собрать имеющийся уже материал, состоящий из ряда исторических заметок и справок, вкрапленных в современную литературу, собранных частью Луганских, а частью Донбаєских прокламаций, а также устных и письменных воспоминаний старых партийных работников, из которых приходится отметить т. т. Шмырова, Шелехова, Погребного и Николаенко, пополнивших уже имеющийся материал.

I. ПРОМЫШЛЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДОНБАССА К КОНЦУ XIX СТОЛЕТИЯ

Город Луганск, являвшийся до момента окончательного закрепления Советской власти на Украине составной частью быв. Екатеринославской губернии, в настоящее время входит в Донецкую губернию или иначе Донбасс, образованный путем выделения промышленной частью Екатеринославской, Харьковской губернии и Донской области в самостоятельную административную единицу.

Обнимая собою наиболее промышленные районы восточной Украины и Донской области с их богатейшими местонахождениями железных руд, каменного угля и соли, Донбасс при Советской власти, наконец, получил свои естественные границы, охватив собой десять наиболее промышленных районов: Бахмутский, Дебальцевский, Гришинский, Луганский, Мариупольский, Славянский, Старобельский, Таганрогский, Юзовский и Шахтинский.

А так как история революционного движения в Луганске не может рассматриваться вне связи с историей промышленного развития всего Донецкого бассейна, то на последней и приходится, до некоторой степени, остановить внимание.

Первой исторической датой в истории промышленного развития Донецкого бассейна приходится считать петровский указ от 22-го декабря 1722 года, определяющий начало изысканий и разведок по месторождению железных руд и каменного угля в придонецких степях, целиком вошедших в состав нынешнего Донбасса. Таким образом, в своей истории Донбасс насчитывает более 200 лет.

За этот двухсотлетний промежуток времени промышленное состояние Донбасса претерпевало целый ряд изменений, распадаясь на отдельные промышленные этапы, когда разработка его ископаемых богатств то замирала, то снова воскресала, пока окончательно не определилась в виде мощного фактора промышленной индустриализации, занявшего руководящее положение в нашем народном хозяйстве, параллельно ставши одним из активнейших очагов революционного движения в России.

По мнению Н. Фукса, одного из исследователей Донбасса, промышленное развитие Донецкого бассейна довольно отчетливо распадается на четыре отдельные периода, каждый продолжительностью около пятидесяти лет.

Если в первый период, обнимающий собой промежуток времени от петровского указа до конца XVIII столетия, когда на месте нынешнего

Луганска был построен чугунно-литейный завод, долженствующий вести плавку на местных железных рудах и каменном угле. В то время Придонецкие степи являлись почти незасеянной местностью, к тому же не безопасной для жилья. Следующее пятидесятилетие ознаменовалось, благодаря Луганскому чугунно-литейному заводу, рядом планомерных разработок Лисичанских, Белянских и Гундоровских каменноугольных копей, обнаруживших богатейшие залежи ископаемых.

Ко времени третьего пятидесятилетия, была окончательно произведена колонизация края и заложен прочный фундамент научного опознания всего Донецкого бассейна, давшего в течение этого пятидесятилетия, т.-е. с 20-х по 70-е годы, возможности определить наличие всех местных богатств и выработать первую геологическую карту Донбасса.

Следующее за этим последнее пятидесятилетие, от 70-х годов прошлого столетия и по настоящее время, в свою очередь, распадается на два резких этапа,—один до проведения железных дорог, а другой, уже позднейший, обнимающий время с момента установления железнодорожного транспорта и по настоящее время, когда промышленность Донбасса окончательно определилась и заняла прочное положение в развитии всего нашего хозяйства.

Таким образом, наличие каменноугольной, железнорудной и металлургической промышленности в Донбассе, наблюдавшейся еще до XIX сотлетия, реально начинает определяться всего лишь к семидесятым годам девятнадцатого столетия.

Но даже и об этом периоде, пока еще предшествующем проведению железных дорог, не приходится много говорить, так как упомянутый промежуток времени с начала 70-х и до конца 80-х годов обуславливался для Донбасса состоянием промышленный депрессии, вызванной отвлечением промышленного внимания в сторону усиленной постройки железных дорог на юге и юго-востоке Украины.

Лишь с момента окончательного определения характера, размеров и направлений железно-дорожного транспорта и начинается, собственно говоря, настоящая история промышленного развития Донбасса.

Этот интенсивный промежуток времени усиленного развития железнодорожного транспорта на юге России обнимает собою период с 1868 по 1878 год. За это время был построен целый ряд железнодорожных линий, наметивших основную структуру Южных железных дорог.

В течение этого десятилетия была построена Курско-Харьковско-Азовская (в 1861 году), Козлово-Воронежско-Ростовская железная дорога (1868—1871 г.г.), затем Харьковско-Николаевская (1870—1873 г.г.), Константиновская (1872 г.), Лозово-Севастопольская (1873 г.), Ростово-Владикавказская (1875 г.), Фастовская (1876 г.) и, наконец, Донецкая каменноугольная (1878 г.).

Но не смотря на такой быстрый рост железнодорожной сети на юге России, давший к концу означенного периода 19813 верст рельсового пути, транспортное положение Донбасса оставалось по старому далеко не разрешенным. Лишь с проведением целого ряда железных дорог, проходящих уже непосредственно через зону Донецкого бассейна, и начинается собственно реальные условия промышленного роста Донбасса.

Период усиленной постройки железных дорог в Донбассе охватывает промежуток времени с 1880 по 1910 год.

За это время была построена самая главная для Донбасса магистраль,— Екатерининская железная дорога (1880—84 г.г.), затем Вторая Екатерининская (1899—1904 г.г.), потом Юго-Восточная (1893 г.), после же стопятиверстный участок—Луганск-Миллерево (1897 г.) и, наконец, Северо-Донецкая (1911 г.). Из них две последние линии, собственно говоря, и являются самыми важными артериями, питающими один из крупнейших центров тяжелой индустрии Донбасса,—гор. Луганск. Кроме упомянутых основных линий, был построен еще целый ряд под'ездных путей, связавших абсолютно все уголки промышленного Донбасса, так что к этому времени Донбасс имел настолько развитую железнодорожную сеть, что с ним могла соперничать всего лишь одна Бельгия.

Параллельно с развитием железнодорожного транспорта, открывшего, наконец, возможность вывоза из Донбасса местного сырья в виде каменного угля, соли, железных, марганцевых и ртутных руд, и возможно было возникновение целого ряда крупных и мелких промышленных об'единений.

Сопоставляя протяженность вновь открываемых железнодорожных линий с количеством возникающих акционерных компаний, экономическо-промышленная кон'юнктура Донбасса за период времени с 1891 по 1898 год может представиться в следующем виде:

1891	г.	проведено	118	верст	ж.-д.	возникло	24	акционерн.	компан.
1892	»	»	490	»	»	»	31	»	»
1893	»	»	1691	»	»	»	50	»	»
1894	»	»	2117	»	»	»	47	»	»
1895	»	»	1839	»	»	»	86	»	»
1896	»	»	2272	»	»	»	120	»	»
1897	»	»	2394	»	»	»	118	»	»
1898	»	»	2865	»	»	»	153	»	»

Следовательно, рост промышленного развития Донбасса является параллельным спутником общего увеличения железнодорожного транспорта в Донецком бассейне, давшего целый ряд крупных индустриальных центров, как то: Никополь-Мариупольский, Краматорский, Алчевский, Юзовский, Петровский, Щербиновский, Луганский и ряд других.

Таким образом, лишь к концу XIX столетия развитие железнодорожного транспорта, а вместе с ним и рост промышленных предприятий в Донбассе начали принимать размеры, позволяющие занять ему руководящее место в развитии общего промышленного хозяйства, а вместе с тем стать тем активным фактором и очагом пролетарского движения, который в дальнейшем все время определял физиономию всего рабочего движения востока Украины.

Далее. В связи с ростом промышленности, естественно, возник вопрос и о характере расселения в Донбассе живой рабочей силы. Огромный спрос, вызванный небывалым развитием промышленности, требовал для Донбасса несколько десятков миллионов рабочих рук, что, конечно, не могло быть выполнено одним лишь коренным населением допромышленного Донбасса.

Громадный спрос на живую силу требовал прилива новых кадров работников, тем более, что коренное земледельческое население не особенно охотно на первых порах расставалось со своим косно-патриархальным укладом жизни.

Поэтому, развитие промышленности в Донбассе не удовлетворялось наличием местных рабочих рук и требовало самой широкой колонизации его пришлым элементом из центральных губерний.

По статистическим данным, сообщенным Туган-Барановским за десятилетие между 1887—1897 г.г., выясняется, что средний ежегодный прирост населения в Донбассе на крупных капиталистических производствах достигает $6^1/_2\%$, между тем, как нормальный прирост населения, являющийся в результате российской рождаемости, равен всего лишь $1^1/_4\%$.

Следовательно, процентное отношение роста населения в Донбассе превосходит нормальное увеличение населения в остальной России почти чуть ли не в пять раз, что и приходится отнести всецело за счет пришлых рабочих рук из центральных губерний.

Таким образом, невольно напрашивается прямой вывод, что до наступления полного процесса индустриализации Донбасса, и невозможно было ожидать заметных успехов революционного движения. Рост революционного движения начинает определяться более или менее заметно всего лишь к концу XIX столетия, когда промышленность успела достаточно отстояться, резко обозначив классовые противоречия между Трудом и Капиталом.

Но несмотря на наличие резко выраженных классовых противоречий, процесс оформления пролетарского сознания выявлялся не везде одинаково. Более крупные промышленные предприятия давали и более резкие классовые расслоения. В тех же местах, где промышленность еще покоилась на формах полукустарного производства, даже при наличии активных революционных элементов, классовое оформление значительно тормозилось и задерживалось в общем поступательном своем развитии.

Этому не в малой степени способствовали специфически-местные условия расселения пришлого из центральных губерний рабочего элемента среди коренного патриархально-земледельческого населения, которое пока еще довольно туго поддавалось общему процессу пролетаризации, задерживая, таким образом, и рост революционного осознания рабочих Донецкого бассейна в целом.

Громадный наплыв пришлого населения не мог, конечно, не породить своеобразных условий взаимоотношения между пришлым и коренным населением, выливавшихся иногда в форму открытой борьбы или скрытой враждебности. Самодержавно-царские условия дореволюционной России только способствовали наличию национальных расслоений.

Подогреваемая борьба между украинцами и великороссами—«хохлами» и «кацапами»—долгое время мешала выявлению общего классового лика трудящихся.

Должны были пройти долгие годы прежде, чем окончательно выкристаллизовалось, в результате выварки в общем промышленном котле, единое классовое сознание донбасских рабочих и стерлось о неприязненное отношение одной части населения к другой. Долгий процесс взаимного

воздействия путем ассимиляции постепенно видоизменял специфические признаки как тех, так и других.

Влияя, с одной стороны, на изменение характера патриархально-земледельческого быта путем протравления его неизбежной промышленной горячкой, пришлое население, в свою очередь, не мало само поддавалось влиянию со стороны того же самого коренного населения.

В качестве иллюстрации можно сослаться на языковые признаки нынешних донбасских рабочих. Все специфические признаки языка тех и других настолько деформировались, что вряд ли в настоящее время можно провести резкую грань между наличием коренного, чисто украинского диалекта и своеобразием первичного говора каких нибудь выходцев из центральных великорусских губерний.

Первоначально резские диалектологические признаки великоруссов и украинцев под влиянием взаимной ассимиляции настолько видоизменились, что своеобразие говора донбасских рабочих может рассматриваться сейчас, как нечто законченное, вылившееся в специфические, одному Донбассу присущие, формы.

Таким образом, нормальный процесс выравнивания общепролетарской классовой линии в сознании донбасских рабочих невольно натыкался на целый ряд не только полицейско-административных препятствий, но и на ту косную среду коренных обитателей Донбасса, которые ставили пришлый, общественно настроенный элемент до некоторой степени в островное положение.

Правда, это не исключало возможности отдельных революционных выступлений в Донбассе, но все они носили исключительно единоличный характер, а если и достигали более или менее внушительных размеров, то всегда, в силу своей общей неорганизованности легко разбивалисьо холодную косность количественно преобладающей массы населения, еще незатронутой классовой борьбой.

Следовательно, весь горючий материал революционных настроений, который таила в себе наиболее сознательная рабочая масса, зачастую растворялся, не достигая реальных результатов.

Этим то и об'ясняется, почему пионерам революционного движения зачастую приходилось выдерживать борьбу не только с враждебно настроенной администрацией заводов, рудников и фабрик, не только с полицией и казаками, но и со своими собственными товарищами по производству, что, конечно, могло только лишь ослаблять силу коллективно-организованного натиска пролетариата, расшатывая единство классового фронта.

Для того, чтобы выравнялась общая линия классовой борьбы, для этого должны были понадобиться целые годы совместной индустриально-промышленной жизни, в результате которой, пестрая и разношерстная по своим устремлениям рабочая масса Донбасса, мало по малу, могла выковаться, в сплоченную пролетарскую армию, проникнутую единством классовых интересов.

А так как Донбасс сравнительно молодой район в семье других промышленных центров России, то легко можно установить, что в первичной

стадии своего развития классовое оформление пролетарских рядов еще не достигало должной высоты, позволяющей ему выявить свою определенную, четко-выраженную революционную позицию и откликнуться на ряд революционных выступлений, имевших место в Центральной и Западной России, где промышленность давно уже успела отстояться и где имелись все необходимые предпосылки для роста революционного движения.

Знаменитые Петербургские стачки 1895—1897 года, когда рабочий класс впервые проявил себя, как вполне организованная сила, заставив царское правительство итти на целый ряд уступок, конечно, могли наблюдаться только в центре России, где рабочий класс достаточно успел уже окрепнуть.

Но не то представлял собою в то время Донбасс. Здесь движущие силы находились еще в стадии первичного оформления. Промышленность еще не успела развернуться в конечные формы своего развития, при которых только и началась вырисовываться резкая пропасть между Трудом и Капиталом, между классом эксплоатируемых и классом эксплоататоров.

Вот почему в истории классовой борьбы конца XIX столетия Донецкий бассейн и не занимает видного места. Его исключительная роль начинает выявляться значительно позднее, в период промышленных кризисов, наступивших непосредственно после промышленного под'ема, т. е. к началу XX столетия.

1900 год является поворотным годом в истории классовой борьбы в России. В Донбассе же он явился лишь изначальным моментом, когда рабочее движение определенно начало развиваться под флагом исключительно классовой борьбы.

II. ЛУГАНСК НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—6 г.г.

Луганск сравнительно молодой город в Донбассе. Как город, он существует всего лишь с восьмидесятых годов прошлого столетия, а до этих пор это было обыкновенное земледельческое село Каменное—Каменный Брод, с прилегающим к нему Луганским казенным заводом, входящим в административную единицу Славяносербского уезда, Екатеринославской губернии.

Существование его, как города, начинается всего лишь с момента, когда все административные и уездные учреждения из Славяносербска были переведены в Луганск. Но став даже городом, он по прежнему оставался такой же деревней, какой был и раньше, количественно в нем все же преобладало земледельческое население. Получив все уездные учреждения, он даже не приобрел наименования уездного города, оставаясь до самого 1920 года заштатным городом Славяносербского уезда, только ~~в 1920~~ году он из безуездного превратился прямо в губернский центр всего Донбасса.

О развитии промышленности в раннем периоде истории Луганска не приходится много говорить, хотя существование ее относится к концу XVIII столетия, когда в 1795 году, по инициативе правительства, англичанином Гаскойном был построен Луганский чугунно-литейный завод, являющийся источником истребления местного топлива и железных руд.

Отсутствие более или менее сносных условий транспортирования местного сырья на внутренние рынки, полная непригодность для этих целей

гужевого транспорта и водных путей Донца, заставили правительство положить начало металлургической промышленности на месте нынешнего Луганска.

А так как этого все же было недостаточно, то в результате, существование Луганского чугунно-литейного завода явилось предприятием мало удачным. Не рассчитав реальных возможностей существования такого крупного предприятия, отстоящего чуть ли не на тысячу верст от Центральной России и к тому же заброшенного в безлесную и малонаселенную степь, правительство руководствовалось скорее не потребностями чисто промышленного характера, а условиями стратегических соображений, связанных скорее с необходимостью широкой колонизации сравнительно недавно присоединенного края.

Этим то и об'ясняется, почему колонизация Луганского района носит следы военных поселений. Сохранившиеся и до сих пор названия некоторых сел вокруг Луганска с подразделением их на «роты», как например: «3 рота», «8 рота», «9 рота», «11 рота» и т. д., являются продуктом принудительной колонизации, которая не могла, конечно, служить надежной базой развития промышленности.

Но все же Луганский завод в деле развития промышленности Донецкого бассейна сыграл довольно важную роль. Являясь в течение всего своего существования единственным сосредоточием горных инженеров, или, как их называли по терминологии того времени—«горных офицеров», Луганский завод служил опорной базой по производству всевозможных изысканий, связанных с определением месторождений каменного угля и железных руд. В этом, кажется, и заключается единственно реальная заслуга Луганского чугунно-литейного завода в истории промышленного развития Донбасса.

Оставаясь оторванным на протяжении целого столетия от центрально-промышленных очагов России, Луганск по существу своему мало чем изменился за это время, сохранив все тот же специфически-земледельческий характер, каким был он в дни первых поселений. Об'ясняется это тем, что обслуживающие чугунно-литейный завод «казенные люди», в силу крепостного положения, не влияли на общественные силы города.

Только лишь с проведением Екатерининской железной дороги в 1880—84 г.г., впервые связавшей город через Южные дороги с остальной Россией, внутренний облик Луганска начинает резко меняться. Несмотря на пресловутый по своему нелепому назначению чугунно-литейный завод, закрытый в конце-концов в 1886 году, город начинает быстро расширяться и расти за счет целого ряда вновь открываемых фабрик и заводов.

В 1895 году на месте уничтоженного старого чугунно-литейного завода был выстроен новый патронный завод, оборудованный по всем правилам существующей техники, который с самого начала привлек громадные кадры совершенно свободных рабочих. Деятельность патронного завода в этот период развития еще тем замечательна, что он впервые допустил у своих станков труд женщин, поставив, таким образом, их труд в одинаковых условиях с мужским трудом, что, конечно, при невыветрившихся еще крепостнических взглядах на женщину, являлось громадным шагом вперед в деле пролетаризации всего населения Луганска.

Будучи связанным помощью вновь открытой дороги, к тому же прошедшей по самым угольным местам Донбасса, Луганск становится теперь сосредоточием всей обрабатывающей промышленности, попутно выявляя и остальные реальные факторы своего развития. Территориальная близость к каменноугольным и железнорудным месторождениям окончательно упрачивает выгодное положение Луганска.

В связи с этим, в 1896 году в Луганске предпринимается постройка огромного паровозостроительного завода Гартмана, долженствующего стать источником снабжения подвижным составом как дороги Донбасса, так и вновь открытого Великого Сибирского пути. Параллельно с постройкой Гартманского завода ведется и горячая работа по расширению железнодорожной сети вокруг Луганска. В 1897 году проводится стопятиверстный участок Луганск-Миллерево, окончательно связавший Луганск с западно-промышленным районом Донской области.

Лихорадочный темп жизни, в связи с начавшейся постройкой Гартманского завода, проведением новой железнодорожной линии и общим расширением производства на других фабриках и заводах, естественно, всколыхнул весь существующий коренной уклад патриархального быта.

Огромный наплыв пришлого населения только лишь подогревал общую промышленную горячку города, заставив коренное население перенесть центр своего внимания с земледелия на фабрики и заводы. Слабо обеспечиваемое занятие земледелием принуждало коренное население концентрироваться вокруг фабрично-заводских единиц. Началась лихорадочная распродажа земельных участков под вновь открываемый завод и проходящую железнодорожную линию. Совершенно пустынная восточная часть города начинает быстро покрываться рабочими домиками. На месте бывших полей и огородов вскоре возникает рабочий поселок, получивший название «Нового Света».

К началу XX столетия Гартманский завод был окончательно оборудован и пущен. Вскоре последовал и выпуск первого паровоза, разукрашенного для торжественности гирляндами зелени. Патриархальный до этих пор город почти весь сбежался посмотреть на железное чудовище. Для Луганска начинался новый период его промышленного развития, открывающий первые страницы рабочего движения.

Параллельно с развитием промышленности начинают увеличиваться обороты Луганска, а также и весь его общественный антураж. Для этого достаточно привесть цифры, до некоторой степени характеризующие рост города хотя бы за период времени с 1895 года по 1910 год. Имея около 20 фабрик и заводов, Луганск в 1895 году насчитывал 22160 человек при обороте в 180 тысяч рублей. В 1910 году, т. е. спустя всего пятнадцать лет своего развития, Луганск уже вмещал в себе 60313 человек, выросши почти втрое. К этому времени промышленный оборот Луганска достигает 15 миллионов рублей, из которых на тяжелую индустрию приходится больше 13 миллионов рублей. Но и в дальнейшем Луганск продолжает быстро рости, дойдя к началу революции до 100 тысяч, а в 1921 году—до 120 тысяч человек.

Все эти цифры, и при том далеко еще не полные, указывают на несомненно быстрый рост Луганска, причину которого надо искать в мощной деятельности Гартманского машиностроительного завода, который один только впитал в себя до 6.500 человек. А если принять во внимание и другие фабрики и заводы, то общее число всех занятых на предприятиях рабочих достигнет 10.000 чел., что вместе с семьями дает цифру в 60.000 рабочего населения в Луганске. О его мощности можно судить по тому, что в 1906 году Гартманский паровозо-строительный завод выпустил тысячный по счету паровоз, доведя к этому времени свою продуктивность до одного паровоза в сутки.

Но не долго продолжался период промышленного под'ема в Луганске. Связанный органическими узами со всей Россией, Луганск вскоре попал в полосу промышленной депрессии, явившейся в результате общего промышленного кризиса России. Насколько до 1898 года промышленность России характеризовалась несомненным под'емом, настолько с 1898 года она начинает резко падать, в первую голову обрушиваясь со всеми своими ужасами на рабочий класс.

Воспользовавшись предшествующим периодом страшного неурожая и голода в 1891—1892 г., когда разоренное крестьянство массами было принуждено отдать свои рабочие руки на производство, обесценив, таким образом, свой собственный труд, капиталистическое производство вскоре зашло само в тупик. Не находя подходящего сбыта на внутренних рынках и не имея возможности конкурировать с заграничным, промышленники, естественно, должны были сократить свое производство, сокращение же производства в первую голову выливалось в массовое увольнение рабочих с предприятий. Наступивший кризис промышленности в 1900 году особенно тяжелую форму принял в 1902 году.

Закрывая фабрики и заводы и выбрасывая на улицу целые кадры рабочих, капиталисты тем самым способствовали росту рабочего движения. Страшная безработица, охватившая рабочий класс в начале XX столетия, принуждала их подыматься в защиту своих рабочих прав. Таким образом, начинались волнения рабочих, а вместе с тем, и рост революционного движения. Не останавливается и разоренное крестьянство, которое начинает подыматься против своих помещиков. Вспыхивающие отдельные крестьянские бунты в 1902 г. охватывают Харьковскую и Полтавскую губернии. По всей России начинают вспыхивать демонстрации и стачки рабочих.

Еще не успело улечься воспоминание о Петербургских стачках 1897 г., Московских 1900 г., как на Юге России 15 декабря 1901 года возникает Екатеринославская демонстрация, где выступило до 800 человек рабочих и студентов. За Екатеринославской демонстрацией проходит знаменитая стачка Ростовских рабочих в 1902 году, за которой открывается уже целая полоса забастовок на Юге России с многолюдными уличными митингами и столкновениями с полицией.

Не спит и Луганск в это время. Располагая внушительной армией рабочих, занятых как на крупных, так и на мелких предприятиях, он лихорадочно прислушивается к общему пульсу рабочей жизни, несмотря на

то, что сравнительно молодая промышленность его не успела еще развить в рабочих классовой солидарности. Но слишком были выпуклы вокруг классовые противоречия, чтобы луганчане могли обойти молчанием такой героический акт, как рабочая стачка в Екатеринославе в 1901 году, с которым Луганск был связан, как часть его губернии.

В то время Луганск не был еще отделен от Екатеринославской губернии. Поэтому, если в одном из исследований по истории рабочего движения говорится, что «Екатеринослав и Екатеринославская губерния занимают особое место в истории рабочего движения», то это в равной степени относится и к Луганску.

«Здесь изумительно быстрый рост промышленности в 90-х годах стянул массу рабочих со всех концов России. Здесь разнузданная эксплоатация, дорожащая своим рабочим материалом гораздо меньше, чем машиной, очень мало заботящаяся не только о материальном благополучии рабочих, но и о их жизни и здоровьи, вызвала массовые протесты, часто принимавшие очень буйный характер. Только воздействие сознательных рабочих и организаций могло направить рабочее движение по более целесообразному руслу». («Общественное движение в России в начале XX века» т. I, стр. 201—202).

И вот, вслед за Екатеринославской стачкой возникает в Луганске первая социал-демократическая ячейка на машиностроительном заводе Гартмана в 1901 году. Правда, до возникновения этой ячейки, положившей основание самостоятельной организации в Луганске, попадались отдельные революционные единицы, как например, высланные за студенческие беспорядки в 1882 г. Харьковские народовольцы А. Ф. Белоусов и Ешин (см. воспом. проф. Макаревского), а также отдельные социал-демократы, которые вели самостоятельную пропаганду путем распространения нелегальной литературы соседних социал-демократических организаций. Но можно с уверенностью сказать, что, до образования ячейки на Гартманском заводе, никакой планомерно организованной работы в Луганске не было.

Лишь с возникновением первой социал-демократической ячейки в 1901 году партийная работа начинает принимать ясный и отчетливый характер, распространявший свое влияние не только на остальные Луганские заводы, но и на целый ряд ближайших рудников и заводов Донбасса.

Пионерами, положившими основание первой социал-демократической ячейки на Гартманском заводе, были т.т. Клим, Ворошилов, Пузанов и приехавший из Екатеринослава рабочий Паловой. Являясь организаторами ячейки, они в то же время являлись и единственными членами ее. Первоначальная работа этой ячейки выражалась, главным образом, в разборе социал-демократической литературы. А так как среди них тов. Ворошилов являлся наиболее передовым, то все занятия происходили преимущественно под его руководством.

В первые дни возникновения Гартманской ячейки мало кто знал о существовании ее за пределами Луганска. Но вот в 1902 году вспыхивает знаменитая Ростовская стачка, прокатившаяся широкой волной железнодорожного движения, и Луганская ячейка, к этому времени имевшая уже

до 3—4 рабочих социал-демократических кружков, начинает сразу разворачивать свою деятельность.

Ободренная успехом, а главное, инициативой Ростовского выступления, Луганская ячейка выходит из узких рамок кружковой работы и переносит центр тяжести на широкую работу в массах, подготовляя Луганский пролетариат к активному выступлению. Начинающая проникать в сознание рабочих волна первомайских забастовок докатывается и до Луганска. Чтобы раз'яснить сущность и значение первомайского праздника, Луганская ячейка впервые выпускает подпольную первомайскую летучку с призывом прекратить работу в этот день по образцу других городов. Правда, до открытой демонстрации в этот день Луганские рабочие пока еще не дошли—заводы продолжали работать.

Связываясь с целым рядом других организаций и распространяя сферу своего влияния на Патронный и Эмалировочный заводы, а также и на железнодорожные мастерские, об'единяя существующие там кружки в единую Луганскую организацию, рабочее движение в городе начинает шириться и расти как в количественном, так и в качественном отношении.

Под знаком организационно-партийной работы и обсуждения вопросов, связанных с развитием рабочего движения и выяснения тактики социал-демократической партии в нем, проходят первые два года существования в Луганске социал-демократической организации. К тому времени Луганская организация насчитывала в своей среде несколько десятков членов.

В 1903 году Луганская организация узнает о предстоящем заграничном с'езде социал-демократической партии в Лондоне, связанном с разрешением кардинального вопроса партийной тактики. Учитывая важность такого вопроса, организация в августе делегирует на Лондонский с'езд тов. Ворошилова, как наиболее стойкого и активного члена. С от'ездом тов. Ворошилова работа, правда, несколько замирает, но не на долго. Возвратившийся с знаменитого Лондонского с'езда, где произошел окончательный раскол между большевиками и меньшевиками, тов. Ворошилов делает обстоятельный доклад Луганским рабочим о Лондонском с'езде, подчеркивая единственную приемлемость большевистской тактики для успеха рабочего движения, после чего Луганская организация, выявив основные пункты расхождения, окончательно определяет себя «большевистской».

Таким образом, Луганская организация почти с самого начала своего существования взяла верный курс, не изменяя его на протяжении всей истории своего развития. Верно взятый политический курс способствовал минимальному распылению партийных сил, что являлось довольно важным обстоятельством при наличии количественно еще слабых сил. После, уже в революции 1905 года и, особенно, в героические дни 1917—19 г.г., Луганский пролетариат блестяще доказал исключительную четкость своей классовой линии.

Во всяком случае, в ранних прокламациях, выпущенных Луганской организацией еще в 1903 году, довольно отчетливо звучат большевистские ноты. Характер прокламаций довольно четок и ясен. В простых, незатейливых словах, как это и полагается в хорошей прокламации, перед рабочими

вскрывается безотрадная картина его классового принижения, основанного на каторжной эксплоатации Труда Капиталом.

«Но пусть рабочий не думает, что враг у него один хозяин. Когда рабочие открыто высказывают свое недовольство и, когда рабочие соберутся поговорить о своем несчастном житье-бытье, то на выручку хозяев появляется тут как тут начальство. Рабочих разгоняют, зачинщиков берут и сажают в тюрьмы, а если рабочие оказывают сопротивление, то царь и министры присылают войска стрелять в народ; кроме хозяев, у нас, значит, другой есть враг, еще посильнее—это царское правительство. Оно помогает хозяевам грабить нас. Сами знаете, что все законы писаны не в пользу нас, бедняков—рабочих, а в пользу богачей—хозяев, а на вашего хозяина нет суда,—что хочет с вами, то и делает: захотел убавить плату—убавляет. Труд рабочего стоит 3 рубля, а он дает рабочему 70 копеек, а остальные денежки, не им заработанные, он кладет в свой карман; захотел хозяин за 3—4 месяца задержать плату рабочим,—он так и делает» и т. д. (Прокламация № 662 Центр. Архив Революц. за 1903 г.).

В этой незатейливой прокламации, призывающей дальше рабочих Луганска сплотиться вокруг своей организации для борьбы с царем и хозяевами и заканчивающейся «долой царское правительство, обирающее народ», «да здравствует товарищество среди рабочих и Земский Собор, издающий законы и управляющий страной», ясно слышится боевой клич большевистской организации.

Прокатившиеся на Юге России в 1903 году массовые забастовки с многолюдными уличными демонстрациями лишь влили бодрость в сознание Луганских рабочих, благодаря чему деятельность Луганской организации начинает постепенно оживляться. Часто возникаемые массовки, на которых начинают присутствовать и беспартийные товарищи, к 1904 году приводят к мысли об устройстве первой забастовки, приуроченной ко дню 1 мая.

Накануне 1 мая рабочие чугунно-литейного отдела завода Гартмана, решив провести забастовку, перерезывают канат электрического крана и, пользуясь благовидным предлогом, не выходят на работу в день 1 мая, за что и пришлось многим поплатиться, отсиживая в тюрьме.

Отголоском этой забастовки явилось избиение 18 мая 1904 года политических заключенных в Луганской тюрьме, где разыгралась возмутительная сцена расправы над арестантами. По сохранившейся прокламации Луганской организации от 27 мая 1904 года (№ 658 Центральн. Архива Революции), эта расправа рисуется в следующем виде:

Вечером 18 мая 1904 г., когда все заключенные сидели по камерам, запертые на ночь, вдруг по корридору тюрьмы раздался душу раздирающий крик: «Товарищи, товарищи,—помогите!». Оказывается, что по приказанию тюремного инспектора, за яко-бы непочтительное отношение к его особе, в это время тащили в карцер больного политического заключенного, которого по дороге жестоко били.

Одинокий крик больного среди мертвой, но напряженной тюремной тишины так подействовал на заключенных, что они, с криками: «не дадим вести в карцер», «не допустим так обращаться с больным товарищем»,

повыламывали двери и, выскочив, набросились на тюремных надзирателей, желая прекратить насилие. В это время больного уже утащили в карцер.

Взбешенный такой самостоятельностью политически-заключенных, тюремный инспектор, специально назначенный для подавления всякой крамолы и не раз уже расправлявшийся с заключенными, приказал стражникам и тюремным надзирателям пустить в ход оружие. Послышались выстрелы, многие полегли в первую минуту, других же связали и, избив предварительно до полусмерти, бросили по карцерам, где они пролежали на холодном полу около 6 суток, так как столы, табуретки, койки и матрацы перед этим были удалены.

Провалявшись по карцерам около 6 суток, заключенных перевели снова по камерам, предварительно, по приказу начальника тюрьмы князя Гагарина, забив досками окна в камерах на $^2/_3$ их первоначальной величины. Тогда заключенные, среди которых уже находились больные и даже душевноненормальные, решили в количестве 42 человек об'явить голодовку, как последнее средство борьбы, находящееся в их распоряжении. Голодовка продолжалась больше недели; во всяком случае, прокламация говорит о ней, что «она протекает уже 7 дней» и «что некоторые товарищи во время голодовки умерли».

Весть об этой расправе над политически-заключенными мигом облетела по всем фабрикам и заводам гор. Луганска. Рабочие заволновались, требуя освобождения товарищей. Заволновались и соседние районы Донбасса, так что Горным Комитетом Р. С.-Д. Р. П. была выпущена специальная прокламация, посвященная выяснению зверств в Луганской тюрьме (проклам. № 738 Центр. Арх. Revол.), которая заканчивалась на ряду с возгласами: «Долой самодержавие», «Да здравствуют товарищи Луганской тюрьмы» и «Да здравствует политическая свобода».

В это время не только Донбасс, но и вся Россия кипела в огне рабочего движения. Спавшая волна забастовок отразилась на рабочем классе новой полосой массовой безработицы. Отдельные предприятия начали постепенно закрываться, выбрасывая на произвол судьбы целые кадры рабочих. Поддерживая бодрое сознание в среде рабочих, организация приступает к реальной помощи, но от этого движение начинает еще больше разростаться, усиливая попутно и влияние самой организации среди рабочих.

Последовательно развертывающиеся события подготовляли рабочий класс к единому революционному выступлению. Тогда царское правительство, желая избегнуть грозы, решило отвлечь внимание рабочих и об'явило Японии, нелепую от начала до конца, войну. Для организации наступил ответственный момент—пробудить сознание рабочих масс и направить его по руслу противоправительственных выступлений. Это тем более было необходимо, что в связи с Русско-Японской войной Гартманский завод получил большие заказы по постройке паровозов для переотправки войск через Сибирские железные дороги. Благодаря этим заказам понадобился усиленный приток рабочих рук, который мог сократить размеры безработицы, а вместе с тем, и ослабить классовое возмущение рабочих.

Поэтому, чтобы не дать успокоиться революционному сознанию рабочих, организация повела усиленную агитацию против войны, раз'ясняя товарищам смысл и преступную авантюру правительства на Дальнем Востоке, направленную против Японии, в которой рабочий класс, точно так же, как и русский, изнывает под ярмом японских капиталистов.

В прокламациях, относящихся к периоду Русско-Японской войны, ясно и отчетливо звучит интернациональная нота, указывающая на солидарность российского и японского пролетариата, одинаково ненавидящего войну и одинаково несущего все тягости ее в угоду японских и русских капиталистов.

Таким образом, острота классовых противоречий, под влиянием широкой агитации Луганской организации, становилась все более и более отчетливой. Становилось ясным, что нелепая и преступная по своим империалистическим замыслам Русско-Японская война, в корне обрушивалась на рабочий класс, способствуя дальнейшему разорению и обнищанию его.

Обострившийся вместе с войной промышленный кризис не замедлил вызвать новую безработицу. Первоначальное сокращение ее в первые дни войны снова увеличилось. Громадные кадры рабочих вынуждены были остаться без крова и пищи, что вызывало сильное возмущение во всех слоях рабочего класса, а тем более находящихся на больших предприятиях с тяжелой индустрией, как Луганск. Всем ясно становилось, что «жить так дальше нельзя».

С таким вот умонастроением в среде рабочих Луганска заканчивался 1904 год и наступал знаменитый 1905 год.

III. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОД'ЕМ 1905 г.

Началом революционного движения 1905 года в столице обычно принято считать январьское выступление Петербургского пролетарита, организованное охранным попом Георгием Гапоном, с пресловутой петицией к царю, а в провинции—ряд тех выступлений, которые явились отголоском кровавой расправы над Петербугрским пролетариатом в день 9-го января 1905 года.

Преступно-нелепая по своим хищническим вожделениям Русско-Японская война страшно обострила промышленный кризис, вызвав безработицу и сильнейшее возмущение всего рабочего класса. В результате этого возмущения родилась мысль у Петербургских рабочих итти к царю с петицией, которая так дорого досталась пролетариату, оставившему на улицах столицы более тысячи жертв.

Расстрел Петербургских рабочих 9 января не только не остановил революционное движение масс, но, наоборот, лишь способствовал еще более сильнейшему возмущению рабочего класса. Стихийная волна забастовок, прокатившаяся по всей России, от Польши до Урала и от Петербурга до Кавказа, свидетельствует об единодушном возмущении и классовой солидарности всего российского пролетариата. Дремавшие революционные силы были сразу разбужены. В ответ на царские пули заволновалось, забурлило молодое рабочее движение России.

Поднявшаяся волна революционного движения докатилась и до Луганска. Январьские события в Петербурге воочию убедили Луганский пролетариат насколько права была социал-демократическая организация, беспрерывно указывающая, что капиталисты вместе с царем одинаково ненавидят рабочий класс и одинаково готовы встретить его пулями, если он только подымется в защиту своих бесчеловечно попранных прав.

Узнав о Петербургских событиях не только организация, но и самые широкие беспартийные массы рабочих Луганска зашевелились, забурлили, намечая каждый единственно возможный ответ на выступление царя против рабочих.

Если организация, решив использовать опыт Петербургских рабочих, стала готовиться к первой в Луганске массовой забастовке, то массы еще продолжали болтаться между самыми нелепыми предположениями и догадками относительно событий 9 января 1905 г. Во всяком случае, каждый рабочий пытался по своему об'яснить кровавые события. Если наиболее отсталые рабочие поддавались полицейскому шантажу, что «восстание рабочих куплено и организовано японскими шпионами» (а к этому довольно часто прибегает царское правительство, да и не наше одно, а абсолютно все капиталистические правительства мира, сваливая выступления рабочих на козни своих иноземных врагов,—пример: продажность Парижских коммунаров 71 года—англичанам, Ленина и Зиновьева—в июльские дни немцам и т. д.), то, наоборот, сознательная часть рабочих беспрерывно указывала, что Петербургское восстание является логическим следствием, вызванным чрезмерной эксплоатацией рабочего класса капиталистами. (Шмаров).

При такой разноголосице во взглядах на причины такого простого явления, как восстание Петербургского пролетариата, социал-демократической организации Луганска предстояла громадная работа—направить движущие силы своих малосознательных товарищей по единственному классовому руслу.

Луганская организация к этому времени насчитывала около 50 человек своих членов и имела несколько рабочих кружков, как на Гартманском заводе, так и на Патронном, Эмалировочном и железнодорожных мастерских, в которых велась лихорадочная работа по партийной подготовке рабочих масс.

Здесь, в этих кружках, преимущественно состоящих из рабочей молодежи, занятия велись путем об'яснений целого ряда волнующих рабочее сознание вопросов, а также путем чтения и разбора нелегальной литературы, трактующей об отношении к частной собственности, прибавочной стоимости, налоговой системе, к существующей государственной системе, к царю и целому ряду других вопросов.

Обыкновенно, кружковая работа велась на квартире одного из членов организации, который, под видом каких нибудь безобидных чтений и обсуждений, а то и просто—в целях конспирации—под видом вечеринки, стягивал рабочую молодежь, и когда она, достаточно наэлектризованная происходящими событиями, речами руководителя и спорами своих товарищей, докапывалась до первопричин, руководитель, обыкновенно, посвящал

молодежь во все формы рабочей жизни, возлагая ряд возможных поручений на молодежь, но пока еще не посвящая ее в скрытые пружины всего партийного аппарата. Да молодежь и не допытывалась, предпочитая скорее ревностно выполнять возложенные поручения, сознавая, что этим самым она принимает участие в общей партийной работе организации.

Подогретая, таким образом, кружковой работой молодежь уходила на завод, где сталкивалась уже непосредственно с действительной жизнью. Вступая в обсуждение тех или иных вопросов со взрослыми, здесь она проверяла и шлифовала свои собственные отношения к действительной жизни, вырабатывая, таким образом, критический подход в оценке ряда вопиющих вопросов. Как нельзя лучше подобная система социалистического воспитания рабочей молодежи являлась целесообразной в условиях существующего еще самодержавно-полицейского строя, когда каждой организации приходилось глядеть в оба,—с одной стороны, направляя сознание рабочих масс по должному руслу, а с другой—все время оглядываясь в предвидении провала или провокации со стороны какого нибудь предателя из своей собственной, рабочей среды.

Но как не трудно было, а все же организация вела свою работу довольно успешно. И настолько успешно, что сумела подготовить первую в Луганске всеобщую забастовку. Слишком уже была наэлектризована окружающая атмосфера после событий 9-го января, весть о которых докатилась до Луганска, приблизительно, во второй половине января.

Несмотря на колебания многих рабочих, 3 февраля 1905 г. вспыхнула забастовка на Гартманском машиностроительном заводе. Она была настолько искусно подготовлена, что явилась полной неожиданностью как для администрации завода, так и для самой Гартманской полиции, тщательно следившей за малейшим проявлением движения рабочих.

Еще за несколько дней до забастовки рабочие глухо волновались, выражая свое недовольство против чрезмерно тяжелых условий заводской жизни. Насторожившаяся еще с утра полиция дежурила у прохода, не подозревая, что для забастовки почти все уже было подготовлено и что агитаторы с прокламациями уже прошли в мастерские.

Прийдя в завод, рабочие нашли чуть-ли не каждый в своем ящике по прокламации, специально приготовленной заранее. Прокламации были выпущены от имени Горного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии специально на имя рабочих завода Гартмана. Естественно, все набросились на прокламацию и начали читать, живо обсуждая каждый пункт выставленных в ней требований. Мастерские загудели и заволновались. К работе никто не приступал. Чувствовалось, что должны явиться ораторы и повесть за собою массы. Во всяком случае, слышались ободрительные возгласы, что, мол, больно уж ловко все подготовлено. Массовое сознание рабочих медленно, но верно переваливалось на сторону необходимости открытого выступления.

Прокламации разбрасывали наиболее молодые члены организации, из которых в механическом отделе двоих чуть было не захватила проникшая уже в мастерские заводская полиция, но молодежи удалось скрыться,

вскочив в листопрокатный цех, где как раз в это время происходила утренняя смена рабочих. Сквозь ворота медленно вливалась и выливалась рабочая волна, дул маленький ветерок через сквозные ворота. В это время в ворота цеха влетел молодой человек и, выхватив из под блузы пачку прокламаций, швырнул ее поверх голов. Сквозным ветром прокламации понесло по всему цеху. Увидевши прокламации, рабочие потянулись собирать их. Подоспевшие городовые заводской полиции, в свою очередь, начали подбирать прокламации, вырывая их у рабочих, но напрасно,—большинство прокламаций уже были в руках рабочих. А тем временем молодой человек, разбрасывающий прокламации, выскочив через другие ворота, бросил еще несколько пачек и незамеченным скрылся в толпе. (Шмыров).

Становилось ясным, что полиция бессильна была помешать распространению прокламаций. Наэлектризованные успехом распространения, рабочие начали вышучивать городовых, которые, боясь осложнений, решили быстро ретироваться из мастерских.

Все прокламации были одинаковы, так что содержание их мигом стало известно почти всем рабочим.

Приводим полностью эту прокламацию.

«Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

К рабочим завода Гартмана.

Товарищи! Гнет наших притеснителей—капиталистов и их защитника—царя и его министров дошел до самых крайних пределов. Во всех концах России: в Петербурге, Риге, Варшаве, на Кавказе и Урале, везде и всюду рабочим не в моготу стало дольше терпеть этот гнет. Они сознали свое ужасное положение, они сознали, что действительно дольше терпеть и выносить этот гнет на своих плечах невозможно, и об‘явили всей России, всему миру, что и они люди, что и они хотят жить не как вьючное животное, а как разумно мыслящие их братья, заграничные рабочие. Товарищи! Пора и нам присоединиться к общей борьбе наших товарищей—рабочих и на ряду с ними пред‘явить свои требования:

1) 8-часовый рабочий день;

2) Государственное страхование рабочих за счет капиталистов;

3) Увеличение заработка на 20%;

4) Увеличение поденной платы чернорабочим и женщинам на 30 копеек в день;

5) Постоянная комиссия из выборных от рабочих и лиц администрации для установления расценки и выяснения недоразумений между рабочими и администрацией завода;

6) Отмена сверхурочных работ;

7) Полная отмена штрафов;

8) Не высчитывать за порчу инструмента;

9) Устроить вентиляцию в мастерских завода и улучшить санитарные и гигиенические условия;

10) Вежливое обращение администрации и служащих с рабочими;

11) Улучшение больничных условий и более внимательное отношение доктора, фельдшеров, акушерки к рабочим;

12) Не рассчитывать и не арестовывать рабочих и выборных от них как во время забастовки, так и после нее;

13) За дни забастовки уплатить полный заработок.

Товарищи! На ряду с такими требованиями наши товарищи Петербурга, Москвы, Екатеринослава, Харькова и многих других городов пред'явили свои политические требования, к которым и мы должны присоединиться:

1) Участие народных представителей в управлении государственными делами;

2) Свободы слова, печати и собраний, союзов и стачек;

3) Освобождение всех пострадавших за убеждения.

Товарищи! Во время забастовки ведите себя тихо и спокойно, не разбивайте машины и вообще заводского имущества, не громите лавочек, не громите евреев, словом, держите себя так, как держали и держат себя рабочие других городов. В этом и заключается наша организованная борьба, борьба, которая принесет нам одну лишь пользу и докажет всем, что и мы умеем бороться за улучшение своего положения и за светлое будущее.

«Горный Комитет Рос. Соц.-Демокр. Раб. Партии» *).

Прочитав такую прокламацию, в которой полностью были намечены все те экономические и политические требования, которые давно уже назрели в сознании Луганских рабочих завода Гартмана, рабочие мигом побросали работу и собрались в паровозном цехе, где ожидали уже ораторы.

Из ораторов наиболее выделялись тов. Пилькевич, Фридкин и Гурьев, которые, на основе уже выставленных в прокламации требований в резких и сильных словах развернули картину заводского произвола и бесправия рабочих масс.

На этом летучем митинге решено было послать депутацию к директору завода для переговоров о выполнении всех экономических требований прокламации, но, как это и нужно было ожидать, переговоры ни к чему положительному не привели; рабочим было категорически отказано. Оставшиеся рабочие ждали возвращения депутации и когда депутация сообщила об отказе директора, то решено было ни в коем случае не приступать больше к работам и разойтись по домам с тем, чтобы на следующий день демонстративно снова собраться около завода.

На другой день утром рабочие начали медленно стекаться к заводу, но не проходить в него, а останавливаться около проходных как со стороны Гусиновки, так и со стороны Каменного Брода. Проходила преимущественно рабочая молодежь, как наиболее подвижная и революционно-активная.

К двум часам дня около первой проходной завода собралось до 500 человек. Разбившись на небольшие кучки, они живо начали обсуждать впечатления дня. В это время среди рабочих появился тов. Пилькевич. Стянулись рабочие к нему. Не стесняясь в выражениях, что особенно импонировало общему настроению, он развернул перед рабочими картину силы и мощи тесно спаянного коллектива рабочих и тут же предложил

*) Ист.-револ. арх., деп. деп. пол. № 4, IV деп., 1905 г. ч. 17, л. 128, 142).

немедленно отправиться всем на другие заводы и снять всех рабочих с их производств.

Решено было отправиться в первую очередь в железнодорожные мастерские, отстоящие от завода на расстояние более трех верст, почти на противоположном конце города. Это предложение было единодушно принято всеми, дабы, заручившись согласием железнодорожников, более многочисленной массой, снять рабочих абсолютно со всех фабрик и заводов гор. Луганска.

Идти пришлось по полотну и вдоль полотна железной дороги по направлению к вокзалу. Длинной процессией растянулись рабочие. На полдороге к железнодорожным мастерским, почти у самого полотна железнодорожной линии, находился пока еще работающий казенный патронный завод, охраняемый казаками.

Чтобы не осложнять успешно начатый день, решено было рабочих патронного завода не снимать, пока не подойдут все вместе с железнодорожниками. При известии о казаках многие начали покидать ряды процессии, но пристыженные товарищами в трусости и отсутствии стойкости, сейчас же возвращались обратно, так что настроение по старому оставалось таким же бодрым и даже воинственным.

Этому не в малой степени способствовало то обстоятельство, что по дороге рабочие не встретили никаких препятствий. Даже стереотипные в таких случаях конные казаки и полицейские и те куда то скрылись. Ободренные таким началом рабочие благополучно добрались до железнодорожных мастерских; здесь рабочим мастерских было предложено немедленно присоединиться к гартманцам, и уже всем вместе снять рабочих с других предприятий.

Но так как железнодорожники были менее организованными рабочими, то они сначала было отказались бросать работу. Тогда гартманцы предприняли более внушительный метод воздействия. Пробрались в машинное отделение и дали тревожный гудок, который волей-неволей заставил приостановить работу и присоединиться к демонстрантам, а тех кто еще продолжал оставаться в мастерских, гартманцы просто повыгоняли, пустив при этом в ход болты и гайки. Конечно, такие внушительные приемы воздействия, как болты и гайки, являлись всего лишь «картинным» приемом воздействия, при которых абсолютно никто не пострадал.

Но как бы там ни было, а железнодорожники все же присоединились к гартманцам и направились вместе с ними на соседние с железнодорожными мастерскими заводы, эмалировочный и костыльный, где тоже сняли всех рабочих. Таким образом, вместе с присоединившимися к гартманцам железнодорожниками, рабочими эмалировочного и костыльного заводов, набралось до трех тысяч человек, которые решили во что бы то ни стало снять рабочих и с патронного завода.

По дороге к патронному заводу шествие было настолько многочисленным, что проходя по городу рабочие запрудили все прилегающие улицы, не давая возможности проехать попадающимся по дороге извозчикам. Ободренные таким успехом, а еще больше внушительной численностью

своих рядов, по дороге рабочие снимали и ремесленников с мелких предприятий, так что в рядах демонстрантов оказались портные, сапожники, парикмахера, служащие и приказчики. Волей-неволей торговцам пришлось закрыть на этот день свои магазины.

Наконец, рабочая волна докатилась до единственного, оставшегося еще не бастующим, казенного патронного завода, охраняемого воинской частью. Подойдя к воротам, рабочие потребовали, чтобы администрация добровольно отпустила рабочих. Вышедший для переговоров генерал, начальник патронного завода, вначале ответил категорическим отказом, но слишком уж были внушительны ряды рабочих, так что администрация завода, очевидно струсив, решила отпустить и патронцев.

Таким образом, к концу дня не оставалось больше ни одного крупного предприятия, которое не примкнуло бы к забастовке. Всех бастующих было до 5—6 тысяч человек. Поддерживая порядок и не допуская никаких эксцессов, рабочие мирно разошлись по домам, решив не выходить на работу, пока не будут удовлетворены все требования.

К этому времени выпущена была вторая прокламация, обращенная уже к рабочим и работницам железнодорожных мастерских, заводов патронного и эмалировочного и др. промышленных заведений гор. Луганска. Вот ее начало:

> «Товарищи! Вчера мы, рабочие и работницы гор. Луганска, присоединились к товарищам рабочим завода Гартмана и об'являем забастовку с целью улучшения своей жизни, своего быта. Соединившись, этим самым мы примкнули к той великой борьбе, которую ведет весь рабочий класс в мире давно, а у нас в последнее время,—за лучшую жизнь, за светлую будущность. Первый враг рабочих—это капиталист, высасывающий из нас все соки и дающий нам столько, чтобы не умереть с голоду. Второй враг наш—это царское правительство со своими чиновниками и полицией: оно не дает говорить и писать нам о наших нуждах, не дает собираться и обсуждать их; для нас у него всегда готовы нагайки и штыки. Вспомните, товарищи, как встретил царь наших Петербургских товарищей рабочих, когда они пред'явили свои требования о нуждах рабочего класса: они получили штыки и пули. Потребуем прежде всего...»

далее перечисляются абсолютно все требования, выставленные в первой прокламации, между которыми вставлен новый § 3—«чтобы скорей была окончена война с Японией» (Ист. рев. арх. Дел. деп. полиц. № IV, дел. 1905 г., ч. 17, ст. 130).

Вторично подтвердив свои требования новой прокламацией, рабочие заняли выжидательное положение. На следующий день большинство выставленных требований были удовлетворены, что позволяло рабочим считать забастовку удачной. Таким образом, забастовка продолжалась всего лишь два дня, после чего рабочие приступили к работам. На самом же деле забастовку нужно было считать не совсем удачной.

Учитывая исключительный под'ем и единодушие всего Луганского пролетариата, с каким забастовка началась, рабочие, при известном опыте,

могли требовать выполнения абсолютно всех требований и не приступать к работам, пока они полностью не были бы удовлетворены. В данном случае они попали на удочку своих предпринимателей, выполнивших ряд наименее значительных требований. Такие кардинальные требования, как 8-часовый рабочий день, государственное страхование за счет предпринимателей, не говоря уже о чисто политических требованиях, конечно, не были удовлетворены.

Но как бы там ни было, а эта забастовка для луганского пролетариата имела колоссальное значение. Она влила ясность в сознание рабочих масс, внушила им, что при известной сплоченности и массовом единодушии можно заставить хозяев выполнить наболевшие требования рабочих. Кроме того, эта забастовка открывала опыт и давала возможности организации еще раз проверить наличие своего непосредственного влияния на рабочие массы.

Благодаря достигнутому в этой забастовке успеху, жизнь организации значительно оживилась, организация приобрела несомненный авторитет в глазах даже мало сознательных масс. После забастовки закипела и внутренняя работа в кружках, которые до этих пор как то мало соприкасались друг с другом. Перезнакомившись, во время массового соприкосновения, друг с другом, члены этих кружков начали встречаться теперь уже на нейтральной почве.

Таким местом для встреч была главная в Луганске улица—Петербургская, где по вечерам обычно фланировала праздная публика, скопляясь в массы, и где полицейское око совершенно бессильно было уловить участников кружков. Здесь, на Петербургской улице, в условном месте встречались члены кружков и, под видом праздного шатания, делились накопившимися событиями и новостями за последние дни. Таким образом, Петербургская улица стала своеобразной политической биржей, как ее называли рабочие.

Не менее важным местом для свиданий являлась и парикмахерская одного из участников кружка, тов. Кульчицкого, в восточной части города, неподалеку от завода. Здесь под видом стрижки и бритья, собирались по вечерам рабочие для решения иногда довольно серьезных вопросов. Захаживали сюда и старые члены организации, как товарищ Ворошилов, Рыков и другие. В скором времени эту квартиру постигло несчастье—она провалилась. Полиция давно уже следила за некоторыми рабочими, выискивая ту тайную типографию, которая беспокоила ее своими прокламациями. Как то раз полицией была открыта эта нелегальная типография, в которой захватили находившихся там тов. Кульчицкого и Рыкова. С арестом Кульчицкого был произведен обыск и в его парикмахерской. Но хотя полиция там ничего не нашла, все же посещение этой парикмахерской стало небезопасно для рабочих.

Волей-неволей пришлось искать другие места для собраний. С наступлением весны таким местом оказалась река, куда чаще всего по воскресениям сходилась рабочая молодежь и, наняв лодку под видом катания, продолжала свои кружковые занятия. Здесь в тени развесистых ив, на фоне нескольких десятков таких же лодок, было совершенно безопасно обсуждать всякого рода вопросы. Обычно во время таких прогулок кто нибудь из старых

членов «читал лекцию», т.-е., сидя где нибудь на корме, вел устную беседу. Во время таких занятий зародилась мысль создать свою собственную небольшую библиотечку по рабочему вопросу. Эта мысль нашла горячий отклик среди молодежи. Решено было вскладчину собрать немного денег и купить книги для кружка. Не откладывая в долгий ящик, тут же собрали что то около 12 рублей, положив, таким образом, основание кружковой библиотечки.

Приближался день 1 мая. К этому времени была выпущена первомайская прокламация Донецким Комитетом, в которой раз'яснялась суть, значение и история первомайского праздника и оканчивающаяся призывом прекратить работу в день 1 мая.

«Пусть остановятся все фабрики, заводы и мастерские. Пусть закроются магазины. Товарищи! Собирайтесь в этот день с оружием в руках, обсуждайте как бороться с самодержавием и капиталистами, выставляйте на знаменах общепролетарские требования: восьмичасовый рабочий день, охрану труда рабочих законами, замену постоянных армий вооружением народа. Требуйте немедленного прекращения войны и созыва Учредительного Собрания на основе общего, прямого, равного и тайного голосования. Долой войну! Долой самодержавие»! (Центр. рев. архив. Дело охран. отделен., дел. № 4, т. III 1905 г., пр. № 106).

Но эта прокламация, явившаяся в результате провала забастовки во всем Донецком районе, развернувшейся значительно позже Луганской, в силу того, что запоздала, не дала возможности подготовить первомайскую забастовку.

Но за то все последующее время было восполнено целым рядом «массовок», происходивших в окрестностях Луганска, чаще всего где-нибудь в загородней балке или далеко за мельницей. На «массовки» сходились преимущественно под вечер; были и такие, которые происходили глубокой ночью. Популярность массовок становилась с каждым разом все большей и большей, сначала ходили человек по пятьдесят, но потом количество участников возросло до 500 человек.

Эти массовки оказывали громадное организующее влияние на сознание рабочих масс. Многие смотрели на них, как на известное священнодействие и безусловную обязанность. Здесь на массовках выковывались и намечались очередные вопросы дня и подготавливалось новое выступление. Пронюхавшая о массовках полиция заставляла рабочих каждый раз избирать все новые и новые места. Во время массовок часто происходили схватки с полицией и казаками, и не раз казацкая нагайка гуляла по спинам рабочих. Были случаи и арестов во время массовок. Таким образом, к средине лета атмосфера настолько была сгущенной, что уже чувствовалась непосредственная близость неминуемого взрыва.

В том месяце была подготовлена вторая забастовка на Гартманском заводе, но она оказалась менее удачной, чем первая. Большинство рабочих отказывалось бросать работу в назначенный день; пришлось в таких случаях, прибегать к физическим средствам воздействия, как болты и гайки. А тем временем, пока шла потасовка с штрейкбрехерами, в завод нагрянула

полиция и арестовала т.т. Ворошилова, Бондарева и ряд других видных партийных работников. Таким образом, предпринятая попытка второй забастовки окончилась полной неудачей.

Но несмотря на неудачу, постигшую июльскую забастовку, и провал целого ряда партийных товарищей, конец лета прошел в усиленной работе по вербовке новых членов партии, благодаря чему организация начала пополняться все более и более новыми членами.

Удачный выстрел Каляева, направленный против великого князя Сергея Александровича, сразу всколыхнул рабочие массы. После временного затишья и летних событий в Польше, Одессе и на Кавказе, революционная волна начала снова переливаться через край. Могучая и грозная, она неудержимым потоком продвигалась все дальше и дальше, захватывая по пути ряды революционных бойцов. Нагрянувшие вслед за этим сентябрьские залпы в Москве по безоружным рабочим, породили и ответные выстрелы со стороны рабочих. Все чаще и чаще начинают доноситься единоличные выстрелы в ответ на полицейские пули или казацкую нагайку. Вся рабочая Россия, точно об'ятая единым революционным пламенем, от крупных центров до глухих, одиноко затерянных, шахт, напряженно ждет нового сигнала. Призывы к оружию становятся все настойчивей и настойчивей. Редкая прокламация того времени не заканчивается призывом к вооруженному восстанию. Чувствуется, что достаточно бросить искру и огромная необ'ятная Россия сразу вспыхнет революционным пожаром.

Наступают памятные октябрьские дни. Открытое движение неудержимым потоком проносится над рабочей Россией. Вспыхнувшая 21 сентября в Москве типографская стачка становится началом дальнейшего массового движения октябрьских дней 1905 г. К этому времени все заводы, фабрики в Москве останавливаются, и не только в Москве, а по всей России катится рабочая волна. 13 октября в Петербурге открывается первое заседание Совета Рабочих Депутатов, а вслед за ним, через четыре дня этой волной и выходит пресловутый манифест 17 октября о свободах.

Когда этот манифест докатился до Луганска (21 октября), картина значительно изменилась. Если до сих пор единственным способом общения рабочих при обсуждении политических вопросов были массовки, то теперь, благодаря начавшемуся движению среди местных либералов—конституционалистов-демократов (к.-д.), устроивших, с разрешения полицейских властей, митинг в большом здании Народной Аудитории (театр), рабочие могли беспрепятственно выступить в общественном здании.

Но так как инициаторами этого митинга являлись кадеты, то они были страшно поражены присутствием революционно настроенных рабочих Гартманского завода. Здесь впервые рабочим пришлось столкнуться с местной либеральной буржуазией и дать ей бой по самым кардинальным вопросам политики.

На втором собрании в той же самой Народной Аудитории, на котором присутствовал и исправник, рабочие категорически потребовали немедленного освобождения томившихся до этих пор в тюрьме за июльскую забастовку т.т. Ворошилова, Бондарева, Чипкина и других. Настроение и

общий под'ем рабочих был такой, что исправник, боясь осложнений, тут же отдал приказ об освобождении из тюрьмы лидеров социал-демократического движения в Луганске.

Немедленно освобожденные т.т. Ворошилов и Бондарев были сейчас же доставлены из тюрьмы в здание Народной Аудитории, где при бурных рукоплесканиях и восторженной овации были встречены рабочими. Произнесенные ими тут же на митинге революционные речи сразу наэлектризовали атмосферу и определили дальнейшее направление рабочей мысли.

Приехавшие к этому времени из Центра, а отчасти вновь появившиеся ораторы от местных революционных группировок, каждый по своему определял сущность начавшегося движения, выдвигая на повестку дня вопрос о преобладании той или иной революционной группировки в общем освободительном движении. Начавшаяся межпартийная борьба между большевиками, с одной стороны, и эсерами, кадетами и меньшевиками, с другой, заставила Луганскую организацию резко поставить вопрос об окончательном отмежевании большевиков от меньшевиков. Благодаря резко выдвинутой позиции, движение начало принимать более или менее определенную большевистскую окраску, чему в не малой степени способствовало количественное и качественное преобладание большевиков среди остальных группировок.

К этому времени в Луганске неожиданно вспыхнул еврейский погром. Правда, в Луганске, где евреев насчитывалось до 8%, погромная агитация и неприязнь к евреям наблюдались и раньше, но никогда они не давали реальных результатов. Лишь ко дню об'явления манифеста они начали выливаться в форму открытых выступлений. С'ехавшиеся к этому времени в город какие то подозрительные лица, не то черносотенцы, не то просто хулиганы, руководимые местной полицией, сначала устроили патриотическую манифестацию с портретом царя и пением гимна, в которой ясно чувствовалась направляющая рука погромщиков. Встречающиеся по дороге этому шествию евреи подвергались сначала оскорблению, а потом уже и насилию. К вечеру погромная агитация приняла реальное направление—начали громить лавки, магазины и поджигать еврейские дома. Настроение становилось страшно тревожным.

При попытке со стороны рабочих остановить погромщиков, рабочие встречали противодействие со стороны полиции, которая указывала им, что это не их дело. Для рабочих ясно становилось, что весь погром был организован полицией. А так как был уже вечер, то некоторые члены социал-демократической организации бросились на биржу (Петербургская улица)— узнать, какие меры предприняла организация против предотвращения еврейского погрома.

Но на бирже нельзя было ничего узнать. Собравшаяся группа человек в пятнадцать партийных товарищей решила во что бы то ни стало организоваться в отряд, пройти по улицам и в случае, если попадутся хулиганы, просто избивать их. Организационным боевым отрядом руководил т. Пархоменко. Но так как улицы к этому времени значительно опустели, то отряду, за исключением двух-трех хулиганов, с которыми пришлось разде-

латься при помощи рукояток револьверов, никто не попался. Пробродив целую ночь, рабочие, посоветовавшись, решили разойтись по домам.

На утро вспыхнул уже настоящий погром, длившийся два дня. Так как завод по случаю праздников в эти дни не работал, то со стороны рабочих нельзя было принять никаких мер для предотвращения погрома.

После погрома настроение значительно понизилось. Чувствовалась какая то растерянность, а главное—бессилие. Благодаря начавшимся арестам, выступавшие ораторы должны были уехать или скрыться, даже обычная работа в организации как будто на время замерла. Но не долго продолжалось такое затишье.

В скором времени в Луганск приехали видные партийные работники, как т. Анатолий и т. Никита. С приездом их работа быстро закипела. Обозначившиеся к этому времени партийные разногласия между большевиками и меньшевиками ясно определили, что Луганский пролетариат в подавляющем большинстве всецело на стороне большевиков. Это обстоятельство тем более важно, что вокруг Луганска почти на всех рудниках и заводах преобладали меньшевики. В самом же Луганске, где гартманцы составляли $^{3}/_{5}$ всего Луганского пролетариата, меньшевиков на заводе было не более 3—4 человек.

Об'ясняется это тем, что Луганская организация с самого начала своего существования взяла верный большевистский курс и никогда его не изменяла вплоть до наших дней.

Для характеристики Луганского пролетариата можно привести пример вспыхнувшего в конце декабря восстания Горловских и Дружковских шахтеров и рабочих, которое нашло самый живой и горячий отклик со стороны гартманских рабочих и вообще всей Луганской организации.

Как только гартманские рабочие узнали о восстании в Горловке и Дружковке и что восставшие, благодаря отсутствию средств, а главное оружия, очутились в безвыходном положении, то сейчас же все гартманцы зашевелились, решив во что бы то ни стало помочь горловцам и дружковцам. Увлекая за собою рабочих и с других предприятий, гартманцы начали лихорадочно работать по снабжению восставших горловцев бомбами, пиками и необходимым продовольствием.

Во время этой работы авторитет Луганской организации настолько возвысился, что достаточно было указать, что изготовление оружия ведется по заданию социал-демократической организации, как это являлось священным долгом для остальных и исполнялось беспрекословно.

С таким вот настроением в среде Луганского пролетариата заканчивается 1905 год и наступал 1906 год.

IV. ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА (1906—1907 г.г.).

19 декабря 1905 года в Москве было подавлено вооруженное восстание рабочих. Этот день, явившийся для Российского пролетариата поворотным днем в истории его освободительного движения, определил собою дальнейший характер событий, как в столицах, так и в провинции, наметив неизбежный перелом в революционном движении.

Реакция начала постепенно торжествовать. Открывшаяся полоса репрессий, точно паутиной, стала опутывать русское общество, убивая в

самом зародыше малейшие проявления свободы. Но если вся тяжесть ее падала на все слои общества, то с особенной жестокостью, граничащей с крайним озверением, она обрушивалась на вождя всей революции—рабочий класс. Все козни правительства были направлены к тому, чтобы вернуть рабочий класс снова в положение былой нищеты и невежества.

Но не так было еще легко сломить окончательно революционное сопротивление рабочих масс. Во многих местах рабочие проявляли такую геройскую стойкость, что несмотря на бесчисленные расстрелы, ссылки, тюрьмы и каторги, революционное движение, казалось, начинало развиваться с еще большей силой. Вспыхивавшие то там, то здесь отдельные выступления ясно определяли, что только с оружием в руках рабочие и могут противопоставить свои требования неумолкаемым залпам царских пуль. И рабочий класс начал вооружаться.

Когда декабрьские события докатились до Луганска, то он не был еще достаточно подготовлен к вооруженному сопротивлению. Вспыхнувшее восстание в Горловке и Дружковке окончательно убедило Луганский пролетариат вооружиться самому и с оружием в руках выступить против своих угнетателей. Но так как положение горловцев было к тому времени безвыходным, то все внимание Луганских рабочих, естественно, сосредоточилось на снабжении, в первую голову, оружием своих соседних товарищей.

Обозначившиеся к концу 1905 года партийные разногласия в начале 1906 года настолько обострились, что в кружках, где молодежь еще не была достаточно проникнута тонкостями партийных расхождений, дело иногда доходило до драк. Не вдаваясь в тонкости теории, молодежь своим непосредственным чутьем улавливала, что меньшевики гнут соглашательскую линию с либеральной буржуазией, но, благодаря преобладающей численности большевиков, победа всегда оставалась за ними.

Особенно резко сказалась эта борьба во время выборов в Государственную Думу. Как известно, большевики с самого начала отказались принимать участие в выборах и повели усиленную агитацию против Государственной Думы. Меньшевики же держались совершенно обратного взгляда. Вот на этой то оценке значения Государственной Думы и скрещивались шпаги большевиков и меньшевиков.

Явившаяся следствием обостренной классовой борьбы, когда рабочий класс еще занимал командные высоты в революционном движении, Государственная Дума, с ее куцыми правами, для большевиков являлась не чем иным, как простым компромиссом перед идеей Всенародного Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Только одному Учредительному Собранию и могли доверять большевики, за него одного и могли только подавать свои голоса.

Государственная же Дума, явившаяся в результате революционного нажима на правительство со стороны рабочего класса, по первоначальному закону от 6 августа 1905 года, совсем не допускала рабочих в качестве избирателей. Изданный впоследствии под ударами октябрьских событий закон 17 октября о расширении прав Государственной Думы тоже не разрешал вопроса о полном участии рабочих в качестве представителей,

не помог этому и последующий закон 11 декабря, по которому только рабочие крупных предприятий, да и то только имеющие известный имущественный ценз, могли пользоваться куцыми правами. Становилось очевидным, что правительство, идя на уступки, тщательно оберегало Думу от участия в ней рабочего класса; поэтому, не желая идти на уступки, но чувствуя за собою известную силу, перед большевистской партией невольно встал вопрос о полном непризнании Государственной Думы со стороны революционного пролетариата и его авангарда, социал-демократов большевиков.

Поэтому в одной из январьских прокламаций, выпущенной в Луганске Донецким Комитетом, мы читаем:

> «Когда настигаемый вор бежит, он, чтобы задержать погоню, выбрасывает одну вещь за другой, думая так спастись. И самодержавные воры, крадущие у народа его деньги, в виде податей и налогов, воровским образом хозяйничающие чужим трудом, лишившие нас наших прав, тоже, удирая от народной грозы, от все увеличивающегося разлива революции, выбрасывают то куски свобод, то один, то другой манифест, обманывая, мороча настрадавшихся граждан до конца. Народ требует Учредительного Собрания, этого истинного народного представительства, а ему преподносят кадетскую Думу» (пром. Ц. А. Р. № 189).

«Долой самодержавие»,«Долой Государственную Думу»—таковы конечные лозунги всех прокламаций, относящихся к тому времени. И действительно, первая Государственная Дума со стороны рабочего класса подверглась самому решительному бойкоту.

Охватившая волна революционного под‘ема, в ответ на декабрьские выстрелы в Москве, вызвала полосу новых репрессий по отношению к рабочему классу. Над Луганском повисло военное положение. В то время, как сотни вопросов, возникших в сознании рабочих, требовали ответов на них, гнет военного положения все сильнее и сильнее давал чувствовать себя. В результате этого все рабочие, независимо от их партийной принадлежности, невольно потянулись за ответами к Луганской организации, единственно могущей встать на защиту попранных прав.

Благодаря этому, к весне 1906 года влияние Луганской организации на столько возросло, что с ней считались почти все рабочие. Выдвигая единственно приемлемый лозунг для загнанного в потемки сознания рабочего класса,—путь вооруженной борьбы в союзе с революционным крестьянством и частью войск,—организация этим самым намечала единственный выход, чтобы положить предел произволу царского правительства, сосредоточив все внимание и симпатии рабочих вокруг себя.

Поэтому, когда организация в 1906 году решила отпраздновать 1 мая забастовкой на всех заводах и мелких предприятиях, включая даже парикмахерские и магазины, то она нашла, что боевые силы для этого были достаточно подготовлены. Забастовка 1 мая 1906 г., проведенная под знаком интернационального рабочего движения, вследствие начавшихся к этому времени грандиозных стачек горнорабочих Франции и Америки, прошла в высшей степени удачно и настолько, что заслуживает быть особенно отмеченной.

Еще с утра часть забастовавших рабочих явилась в завод в совершенно чистых костюмах в знак исключительной демонстрации. С завода часть рабочих направилась в город с целью закрыть все магазины и снять приказчиков. Дошло даже до того, что по настоянию рабочих некоторые школы со взрослыми учениками были тоже распущены на этот день. Владельцы магазинов, зная о постановлении организации—закрыть магазины, ждали только благовидного повода, чтобы отпустить своих приказчиков.

Город действительно принял праздничный вид. Только наиболее реакционные торговцы, как Грудинин, Лузгин и Николаев, не захотели выполнить распоряжения рабочих. Направившаяся было к ним группа рабочих встретила сопротивление со стороны дежурившей около их магазинов конной полиции, которая разогнала нагайками бастующих рабочих, частью избив, а частью арестовав тут же на улице некоторых рабочих. Узнав о таком неподчинении, организация решила оштрафовать неподчиняющихся торговцев, а когда они отказались внесть установленный штраф, то им был об‘явлен бойкот.

Некоторое время они и слышать не хотели о бойкоте, считая это ничем иным, как пустой угрозой, но когда организацией по этому поводу была выпущена специальная прокламация, призывавшая рабочих, а самое главное, крестьян, отказаться от покупки у них товаров, двое из них—Лузгин и Николаев—не замедлили внести установленный штраф, так как благодаря бойкоту торговля у них значительно понизилась.

Не унимался только один Грудинин. Тогда к нему был применен совершенно иной метод, как торговцу мануфактурой. Во первых, всем портным было совершенно запрещено брать у него товар, а когда и это не помогло, то решено было предпринять более реальные меры: рабочие стали заходить к нему в магазин за мануфактурой и когда покупателю, после установленной процедуры предварительного торга, заворачивали отрезанный кусок материи, он должен был, как будто спохватившись, вспомнить, что магазин Грудинина еще находится под бойкотом и, извинившись вежливо, уйти, оставивши отрезанный кусок на прилавке. Рабочие так и поступали—они заходили в магазин, выбирали товар, его им отрезывали, но спохватившись, они отказывались и уходили. А так как такие случаи начали повторяться все чаще и чаще, благодаря чему Грудинин рисковал перерезать весь свой товар, то он немедленно же решил внесть установленный штраф и даже просил организацию за его счет отпечатать прокламацию о снятии бойкота с его магазина (Шмыров).

Этот случай с торговцами достаточно красноречиво свидетельствует о несомненной силе организации не только среди рабочих, но и среди торговцев, подчинившихся решению организации.

Усилившееся к этому времени влияние первого Совета Рабочих Депутатов гор. Луганска, возникшего на заводе Гартмана из цеховых старост дошло до того, что Совет Рабочих Депутатов стал играть довольно значительную роль в жизни Луганского пролетариата. В нем, как в фокусе, начали постепенно концентрироваться все вопросы рабочей жизни. Здесь происходило разрешение целого ряда конфликтов между рабочими и мастерами, здесь находили поддержку отдельные парикмахеры, портные и при-

казчики, если хозяева почему либо отказывались им выплачивать жалованье или увольняли со службы, здесь определялись вопросы о бойкоте тех или иных торговцев и даже разрешались чисто семейные дела. Словом, функции Совета Рабочих Депутатов обнимали собою все вопросы внутренней и внешней жизни Луганского рабочего класса.

Но насколько ширилась и росла мощь Луганского пролетариата, настолько росла и правительственная реакция. В силу об'явленного военного положения, Луганск был подчинен действию целого ряда чрезвычайных мер. Пример Московского подавления рабочих и Горловского восстания шахтеров, разгромленных силою оружия, заставил правительство установить целую систему карательных экспедиций, которые свирепствовали, как вокруг Луганска, так и в самом городе.

Успешно начавшаяся революция постепенно начала перекатываться со своей кульминационной точки и превращаться не только в арену демонстративных выступлений, а в своеобразную систему баррикадной борьбы, этого единственного средства противопоставить силу рабочего класса начинающему зарываться правительству. Поэтому пред всем Российским пролетариатом и Луганским в частности, встал вопрос об организации специальных боевых дружин из среды самих же рабочих.

В систему организации боевой дружины было положено подчинение одного боевого десятка сотенному начальнику, руководившему целым десятком подобных боевых единиц. На собранные среди рабочих деньги, по поручению организации, тов. Ворошиловым было приобретено около 20 револьверов системы «Смит и Виссон» большого калибра, которые и были розданы отдельным, вполне надежным, дружинникам. Но так как охотников становилось с каждым днем все больше и больше, то возникал вопрос об увеличении количества оружия, для чего был произведен вторичный сбор среди рабочих.

Но так как средствами одних рабочих нельзя было создать мощного вооружения, то решено было обратиться к местной либеральной буржуазии, которая довольно охотно решила помочь рабочим. На собранные таким путем деньги решено было закупить достаточную партию оружия, чтобы снабдить им всех имеющихся в распоряжении организации дружинников. С этой целью организацией был командирован тов. Ворошилов в Финляндию, где, благодаря имеющимся у него связям, удалось закупить и благополучно доставить в Луганск 60 браунингов, 20 наганов и 400 пачек патронов, привезенных в изящных дамских коробках.

В связи с усилением боевых дружин, снабженных теперь достаточным количеством оружия, характер организации начал резко меняться. Если до сих пор центр тяжести всего внимания партийной организации исключительно покоился в плоскости теоретических рассуждений, то теперь он был перенесен в плоскость практических мероприятий. Для координации боевыми действиями дружин был избран специальный Боевой Комитет, который ведал определением тех или иных политических актов. Взяв оружие в руки и сконцентрировав его среди какой нибудь сотни дружинников, организация незаметно для себя самой невольно должна была уклониться от ясной

социал-демократической линии, приблизившись на некоторое расстояние к существующей уже тактике эс-еров.

Но как бы там ни было, а приобретенное оружие было направлено исключительно против приспешников царского строя. Пронюхавшая о начавшемся вооружении рабочих полиция, в свою очередь, решила готовиться к целому ряду массовых арестов. Таким образом, тюрьма в скором времени должна была поглотить целый ряд видных работников. Чтобы помешать возможному переполнению тюрем, Боевым Комитетом решено было разрушить в первую голову старую тюрьму, что и было блестяще выполнено боевым десятком во главе с братьями Чекменевыми. Не обошлось при этом и не без столкновения с полицией, во время которого был убит наиболее свирепый городовой, дежуривший у публичного дома, расположенного неподалеку от тюрьмы.

Подобного рода выступления, открывавшие возможность широкой инициативы для молодых и горячих боевиков, способствовали разрушению общепартийной дисциплины. А если принять во внимание, что возникшая к тому времени полоса всевозможных экспроприаций, руководимых эс-ерами и анархистами, легко могла соблазнять и мало дисциплинированную часть молодых дружинников, то станет ясным, что пред Боевым Комитетом встала задача о неизбежном сокращении боевой организации и роспуске некоторых десятков, как совершенно неподчиняющихся директивам Боевого Комитета. Прежде выданное оружие некоторым дружинникам пришлось снова отобрать, что вызвало огромное недовольство. Большинство последних решило покинуть ряды организации.

Вызванным недовольством со стороны некоторых дружинников, в связи с сокращением боевых единиц, воспользовались эс-еры, начав постепенно перетягивать недовольную молодежь в свою партию, благодаря чему эс-еры начали приобретать некоторое влияние в среде самих же рабочих. А так как эс-еры в Луганске являлись формацией довольно молодой, то многие, не разбираясь совершенно в тонкостях их программы, довольно охотно шли в эс-еровскую организацию.

В связи с этим, перед социал-демократической организацией большевиков в Луганске снова встал вопрос о резкой критике всей эс-еровской программы и борьбе с ними, что и было проделано во время занятий в рабочих кружках, как наименее устойчивой части Луганской организации. Проведенный ряд лекций по этому вопросу не столько вскрывал программу эс-еров, сколько рассматривал ее практические результаты, идущие вразрез с социал-демократической тактикой.

А так как эс-еровская организация в Луганске являлась довольно уязвимой, благодаря беспринципному подбору своих членов, не брезгая выброшенными членами боевых организаций, меньшевиками и всяким сбродом, то руководителям кружков легко удавалось проводить аналогию между эс-ерами и всякого рода грабителями, проводившими свои грабежи под видом политических актов. Такая упрощенная система агитации вызывалась исключительно ненормальностью самой эс-еровской организации и должна быть отнесена исключительно за счет беспринципности последней.

На этой почве со многими эс-ерами происходили серьезные столкновения, иногда доходившие до взаимных потасовок и угроз со стороны наиболее рьяных эс-еров перестрелять большевиков, но этими угрозами только и ограничивалось дело. Антиэс-еровская агитация принесла кой какие результаты для организации, так как молодежь во многих своих вожделениях значительно отрезвела и поглядывала на эс-еров, как на рядовых врагов рабочего дела.

Успешность подобной борьбы с эс-ерами, которую вела Луганская организация, только тогда могла быть реальной, когда организация сама опиралась бы на широкие слои рабочих масс, а они то в Луганске в подавляющем большинстве всецело находились на стороне большевиков, считая себя, по крайней мере, если не членами партии, то, во всяком случае, сочувствующими социал-демократической организации. Этим то и об'ясняется, почему Луганская организация чувствовала себя довольно прочно. Ее влияние и авторитет простирался далеко за пределы заводов, находя иногда своеобразный отклик в среде местной либеральной буржуазии, материально помогавшей содержанию некоторых партийных товарищей (Шмыров).

Слишком уж был очевиден правительственный гнет, слишком уж был резок поворот вправо, чтобы его не могли чувствовать все слои общества, до либеральной буржуазии включительно. В глазах даже либералов большевистская организация являлась живым оплотом и напоминанием былых революционных достижений.

В качестве иллюстрации, характеризующей влияние большевистской организации, можно привесть систему сбора членских взносов среди рабочих. Во время каждой получки сборщики различных партий являлись в контору за взносом. Те рабочие, которые являлись членами партий, конечно, без всякой агитации вносили установленную сумму. Обыкновенно сборщиками обращалось внимание на колеблющуюся часть рабочих, которых осаждали и эс-еры и меньшевики. Но стоило какому нибудь рабочему по неопытности рискнуть внести эс-еровскому сборщику, как подымался такой гвалд и раздавались такие реплики, что пристыженный товарищ сейчас же вносил деньги большевикам и никогда уже не повторял своей ошибки. Иногда случалось, что поднятые на смех меньшевистские и эс-еровские сборщики так и уходили из конторы с пустыми руками.

При таком отношении рабочих к большевикам, организации не трудно было проводить внушительные воздействия по адресу наиболее зарвавшихся представителей администрации. Особенно доставалось при этом всякого рода мастерам, грубо или несправедливо обращавшимся с рабочими. Практиковавшаяся при этом система публичного вывоза на тачке приобрела известного рода право гражданства. Внушение совершалось каждому по его чину. Маленьких подлецов обычно вывозили на тачке и тут же вываливали за проходной, с большими же поступали ссоблюдением некоторой помпы. Так, например, при вывозе мастера Закопырки был устроен почетный конвой из рабочих с метлами на-караул, тачку же, в которой его везли, предварительно вымазали нефтью. Расправа с администрацией дошла даже до того, что такой участи подвергся сам начальник паровозно-механического отдела

Таусон, которого не только что вывезли, а предварительно завязав в мешок, выволокли в грязь. Когда же Таусон через несколько дней снова появился в мастерских, против него поднялся почти весь отдел и, бросив работу, принудил директора удалить Таусона совершенно из завода. Главным инициатором в этом деле был рабочий Нагих, будущий член Государственной Думы второго созыва.

Но боевое настроение рабочих не только проявлялось в подобного рода эксцессах. Не имея возможности, в силу военного положения, легально проводить митинги, рабочие устраивали их в самом заводе, куда не допускалась никакая полиция. Но однажды полиция, вопреки запрету директора, ворвалась в завод с целью арестовать выступавшего перед этим на митинге видного партийного рабочего, тов. Никиту. Но стоило лишь войти полиции в механический отдел, где находился тов. Никита, как сейчас же на нее со всех сторон посыпались болты и гайки. Полиции пришлось волей-неволей поскорее унести ноги. Прерванный же митинг продолжался своим обычным порядком.

8 июля 1906 г. Государственная Дума была разогнана. Несмотря на то, что Луганские рабочие бойкотировали Думу и сами в выборах не участвовали (от Луганска в первую Думу прошли учитель Гартманского завода Рыжков и кадет Радаков), все же в этом акте усматривали резкий поворот правительства вправо, и что с ним теперь предстояла, действительно, решительная борьба. А так как олицетворением правительственной власти в Луганске являлась полиция и та сотня казаков, которая поддерживала военное положение, то организацией было обращено внимание на агитацию среди них, дабы сдержать силу возможных ударов реакции.

Поэтому, внимание некоторой части организации было перенесено на агитацию в среде самих казаков, являвшихся к тому же и соседями по Луганску (Донская область расположена всего-на-всего в 14 верст. от Луганска). Работа среди казаков некоторое время велась успешно. Распропагандированные при помощи специальных прокламаций, среди казаков вскоре оказывались сочувствующие. Но как только начальство обнаруживало среди них «большевистскую заразу», так сейчас же уже распропагандированная сотня удалялась из Луганска и на ее место появлялась новая. Вследствие частой смены казачьих частей, организации не удавалось склонить на свою сторону единственное страшилище Луганских рабочих. Зато работа среди полиции иногда достигала успеха—полицию просто подкупали. Особенно это было важно по отношению тюремной полиции, которая могла передавать все нужные сведения как из тюрьмы, так и в тюрьму. Таким путем только и можно было установить полную связь с тюрьмой.

Но несмотря на это, настроение в среде рабочих становилось все тревожнее и тревожнее. Разгон Думы 8-го июля, предание суду Первого Совета Рабочих Депутатов 19 сентября 1906 г.—все это в значительной мере способствовало ослаблению боевой стойкости рабочих. Слишком уж были тяжелы внешние условия и слишком сурова была окружающая жизнь, чтобы Луганские рабочие не почувствовали, что настает полоса глухой реакции. Отказываясь в начале от участия в выборах в Государственную Думу, социал-демократическая организация, после разгона ее и оттяжки выборов на 20 января 1907 года, т. е. спустя еще семь месяцев, увидела, что правительство за этот семиме-

сячный промежуток времени решило укрепиться возможно сильнее и собраться с силами, чтобы потом нанесть рабочему классу последний и решительный удар. Не желая терять последнего козыря, как Государственная Дума, партия должна была пересмотреть свое отношение к ней. Об‘явленное решение Ц.К., использовать участие в думской кампании путем выступления в об‘единенном списке с левой группой социалистов, заставило Луганскую организацию начать предвыборную кампанию во II-ую Государственную Думу. В выдвинутом списке на первом плане значился тов. Нагих, рабочий завода Гартмана, которого нужно было во что бы то ни стало провесть депутатом в Думу.

В агитации за участие в выборах по намеченному списку прошел конец 1906 г. и наступил 1907 год.

Назначенные на 20 января 1907 года выборы во вторую Государственную Думу заполнили весь промежуток времени начала 1907 г. В Думу, как и нужно было ожидать, прошел тов. Нагих, рабочий завода Гартмана и член Луганской организации.

По окончании предвыборной кампании и торжественных проводов своего депутата в Петербург, во время которых многотысячная масса рабочих почти со всех Луганских заводов провожала тов. Нагих до самого вокзала, где был произнесен целый ряд революционных речей и дан наказ своему депутату об амнистии всех политических заключенных, жизнь Луганской организации начинает медленно брать курс в сторону профессионального движения.

К этому времени, приблизительно, к весне, был окончательно выработан устав Луганского Профессионального Общества при заводе (всякого рода союзы в то время не допускались). В состав правления и руководителей Общества было выделено около 40 человек наиболее крупных партийных товарищей, вследствие чего, центр тяжести всей организации постепенно начал переноситься с партийной работы на профессиональную. Таким образом, получалось, что все вопросы, которые раньше разрешались в порядке революционного действия, теперь начали разрешаться, в рамках выработанного устава, Профессиональным Обществом.

Уклон в сторону профессионализма ослабляюще подействовал на организацию, так как частью вошедшие в состав общества меньшевики вносили неизменное в таких случаях революционное расслоение. А если принять во внимание, что с отливом в Профессиональное Общество видных партийных работников, как тов. Ворошилов, Волошин, Гурьев, то станет ясным, что организация постепенно теряла непосредственное руководство в судьбах Луганского пролетариата.

Тем не менее, 7 марта 1907 года все же была сделана попытка об‘явить всеобщую забастовку. Но так как на этот раз рабочие оказались менее единодушными, чем при февральской забастовке 1905 года, то забастовка не увенчалась успехом.

В ответ на частично продолжавшуюся забастовку был об‘явлен локаут Требования рабочих были не только не удовлетворены, а наоборот, все рабочие были поголовно расчитаны с завода. Началась острая полоса безрабо-

тицы, ударившая Луганскую организацию по самому больному месту. В связи с локаутом, настроение в рабочих массах начало сильно падать. Наступивший затем приступ реакции начал постепенно затягивать петлю над Луганским пролетариатом.

В связи с локаутом и последующей за нею массовой безработицей, влияние и авторитет Профессионального Общества начали сами собою быстро таять. Многие из ораторов, ранее активно выступавшие среди рабочих, в силу начавшихся массовых арестов, принуждены были или совсем выехать из Луганска, или скрыться на некоторое время, заняв нелегальное положение. В связи с этим и работа нелегальной типографии тоже на некоторое время замерла. Прокламации перестали выходить, что окончательно лишало возможности печатного общения с рабочей массой.

Этим то и об'ясняется, почему время, последующее за локаутом 1907 года, явилось поворотным моментом в истории Луганской организации, после чего ей волей-неволей пришлось уйти в подполье. Начиналась слежка, поэтому, имеющиеся склады оружия и документы были перевезены в более безопасное место, да и сама организация принуждена была, в целях конспирации, переменить квартиру.

Но несмотря на такие тяжелые условия почти подпольного существования, организация все же провела кампанию по выборам на V партийный с'езд в Лондоне. Воспользовавшись некоторым ослаблением большевистской организации в Луганске, из Центра для проведения предвыборной кампании были присланы заметные в качестве ораторов меньшевики, которые старались во что бы то ни стало провести своего кандидата. Претендентами на с'езд являлись т.т. Ворошилов и Наташа. Но как не распинались меньшевики, а все же при голосовании подавляющее большинство голосов было отдано т. Ворошилову, основателю Луганской ячейки, который и был послан на с'езд.

С от'ездом товарища Ворошилова на Лондонский с'езд жизнь организации еще больше замерла. Работали только более или менее интенсивно лишь одни рабочие кружки, где занятия велись уже по несколько расширенной программе, начиная от теории возникновения солнечной системы, астрономии, и кончая математикой. Но это только могло способствовать расширению умственного кругозора большинства молодых членов. Работой в кружках по астрономии руководил тов. Костя, хоть и меньшевик, но человек искренно и горячо переданный рабочему делу.

Из этого летнего периода можно отметить убийство пристава Григорьева, специально назначенного в Луганск для «искоренения крамолы» на Гартманском заводе и прославившегося перед этим зверской расправой с крестьянами в Макаро-Яровской волости Луганского уезда. Через подкупленных ранее полицейских удалось узнать, что Григорьевым, вместе с жандармским управлением, составлен обширный список подлежащих аресту рабочих, начиная от видных, как тов. Ворошилов, и кончая рядовыми «районщиками».

Узнав об этом, организация волей-неволей должна была предпринять меры против новоявленного экзекутора. Охотников участвовать в убийстве,

конечно, было достаточно, но выбраны были три человека: т.т. Рыжов младший, Стояновский и Кокарев, которые и решили прикончить с Григорьевым в общественном (городском) саду в то время, когда он отправится на гуляние. Выследив Григорьева на одном из поворотов в конце аллеи, заговорщики произвели выстрел прямо в упор, отчего Григорьев тут же замертво упал. Бывший при нем надзиратель попытался было задержать рабочих и даже ранил т. Рыжова в руку, но безрезультатно,— оставшиеся т.т. Кокарев и Стояновский подхватили Рыжова и увлекли в кусты, а оттуда, перескочив через забор сада, добежали до реки и, сев на заранее приготовленную лодку, благополучно скрылись.

Это убийство было настолько смело и дерзко по своему выполнению, что полиция первое время так растерялась, что ничего не могла предпринять. Во время суматохи, произошедшей в это время в саду, она даже потеряла всякие следы, так что участники убийства так и не были обнаружены.

К концу лета возвратился и т. Ворошилов с Лондонского с'езда. С его приездом работа несколько оживилась, был устроен целый ряд успешных массовок, отчего рабочее движение как будто бы снова начало подыматься вверх. Наступившие холода положили конец массовкам и заставили призадуматься над дальнейшим существованием организации, так как зимние занятия, в отличие от летних—массовочных, концентрировались преимущественно вокруг кружковой работы, руководителей для которой со стороны большевиков почти уже не стало. Типография с полгода уже ничего не печатала и была так запрятана, что найти ее для молодых членов требовало больших усилий. Наконец, типография была найдена, правда, далеко не в исправном виде, но все же могущая положить основание для дальнейшей, теперь уже глухой подпольной жизни организации.

Вокруг установки типографского станка и изучения типографского производства сосредоточилось внимание оставшихся членов, которое заняло весь конец 1907 года.

V. ПЕРИОД РЕАКЦИИ (1908—1916 г.г.)

1908 год—год жесточайшей реакции. Революционная волна почти можно сказать, спала. Социал-демократические организации частью были разгромлены, а частью принуждены были уйти в глубокое подполье. Настали тяжкие и мрачные дни для рабочего класса. Казацкая нагайка безудержно гуляла по спинам рабочих, пресекая малейший повод каких бы то ни было массовых сборищ, так что в этот промежуток времени никакой организационной работы почти и не велось. Видные партийные работники многие сидели уже по тюрьмам, томились на каторге или давно уже лежали по одиноким могилам. Поэтому, если где и велась какая либо работа, то она находилась в руках молодых членов партии, еще не навлекших на себя подозрение полиции.

Начало 1908 года застает Луганскую организацию почти разгромленной. Единственно вокруг чего еще вертелась партийная работа, так это вокруг постепенно налаживаемой типографии, которая, благодаря тому, что никто из находившихся вокруг нее лиц, не был знаком с типографским делом, не

могла выпустить ни одной прокламации. Наконец, типография была налажена, постепенно, почти самоучкой уразумела небольшая группа рабочих процесс набора и печатания и, наконец, выпустили первую прокламацию, эту единственную гордость подпольной работы.

Но так как появление слишком обильного количества прокламаций в городе, где считали уже организацию почти уже не существующей, могло вызвать слишком ретивые поиски ее, то руководителям типографии пришлось пуститься на некоторую хитрость. Войдя предварительно в соглашение с ближайшим Алмазно-Юрьевским районом, решено было печатать Луганские прокламации от имени Алмазно-Юрьевской социал-демократической группы и распространять их сначала вокруг Алчевска, а потом уж в самом Луганске. Делалось это с единственной целью отвлечь внимание полиции от подлинного местопребывания самой типографии.

И действительно, полиция, видя, что прокламации выпускаются от имени Алмазно-Юрьевской группы, перерыла в Алчевске абсолютно все квартиры, но типографию, конечно, так и не могла найти. А между тем, как типография в это время преспокойно себе работала в Луганске, выбрасывая одну прокламацию за другой, рассылая их под видом тщательно упакованной мануфактуры по всем районам Донбасса. Деятельность типографии настолько разрослась, что пришлось даже расширить штат и привлечь целый ряд еще непосвященных в это дело товарищей.

Так продолжалось, примерно, до весны 1908 года. Но однажды, весною в том дворе, где находилась в землянке типография, был произведен по поводу происшедшего накануне скандала обыск. Хотя обыск был произведен в доме, нисколько не подозревавшая полиция не догадывалась, что рядом в землянке находится та самая типография, которая являлась предметом поисков ее почти во всем уезде.

Учитывая возможнось всякого рода случайностей и не желая подвергать риску дорогое детище подполья, организаторы типографии решили перевесть ее в другое место. Долго искали подходящего места, где бы можно совершенно безопасно развернуть работу, наконец, оно было найдено в одной из заброшенных старых каменоломень. Ловко замаскировав местность и приспособив имеющуюся пещеру в горе специально для данного дела, типография по частям была перенесена в каменоломню.

И вот в этой то каменоломне и происходила дальнейшая подпольная работа типографии. Прорыв предварительно ход в 10 саженей и установив станок, наконец, социал-демократическая группа могла спокойно приступить к печатанию прокламаций. Приближалось 1 мая. К этому дню из подпольной типографии вылетела и первомайская прокламация с призывом прекратить на этот день всякую работу. Забастовка частично удалась, рабочие не вышли на работу, но не все. Но, во всяком случае, еще чувствовалось, что не окончательно еще замерла пролетарская солидарность и еще теплится кое в ком искра неугасаемого революционного порыва.

Но как бы ни была неудачна первомайская забастовка в 1908 году, оставшаяся в живых социал-демократическая организация продолжала свое прежнее дело. Тщательно пряча всякие следы, организации пришлось не

мало подумать и об оставшемся на руках оружии еще со времен существования боевых дружин. В течение двух лет оружие хранилось у одного из товарищей, но когда ему, в силу чего то, понадобилось продать дом, то невольно возник вопрос о переноске оружия. Решено было оружие спрятать на старом Каменобродском кладбище под одним из памятников, накрыв предварительно тяжелой каменной плитой. Но так как посвященный в это один из товарищей мог как нибудь, совершенно без всякого умысла, разболтать об оружии, то в одну прекрасную ночь оружие решено было перенесть снова на другое место, а оттуда на третье, пока оно не попало окончательно в ту пещеру, где находилась и типография. Здесь, в этой пещере, оно пролежало вплоть до самого 1917 года, откуда оно было передано в Комитет партии вместе с архивом всего подполья.

Но не долго пришлось проработать в подполье более или менее спокойно. Однажды, какие то мальчики подложили порох под окно одному мастеру котельного отдела. Узнав об этом, полиция решила отнести этот инцидент за счет Луганской организации. Все это было так неожиданно, что в одну ночь было арестовано до ста человек, самых различных партийных группировок. Это произошло, приблизительно, в конце мая 1908 года. Всех арестованных посадили в полицейское правление, где им пришлось проваляться до самого допроса, во время которого большинство было освобождено. Оставшихся 50 человек перевели во временную тюрьму. Тут оказались не только большевики, но и эс-еры, меньшевики и даже либеральная буржуазия.

Спустя три месяца пребывания в тюрьме, одних повыпускали на свободу, а других или снова засадили еще поглубже, или сослали в Вологодскую губернию. После произведенной встряски от Луганской организиции почти ничего не осталось. Массовый арест деморализующе подействовал на сознание рабочих. Последний листок из подпольной типографии был выпущен в июле месяце, как протест против массового ареста, после чего типография совершенно прекратила свои функции вплоть до самого 1913 г.

После разгрома социал-демократической организации рабочая жизнь начала концентрироваться вокруг трех образовавшихся организаций:— Профессионального Общества, Ссудо-сберегательной Кассы и Луганского Потребительного Общества, но здесь работа уже не носила определенного политического характера, так что можно определенно сказать, что в этот период времени, с лета 1908 г. вплоть до 1912 года, в Луганске не было никакой политической организации, как общегородского центра рабочей жизни.

В 1912 году, в связи с прокатившейся волной рабочего оживления, вызванного Ленскими событиями, постепенно начинает оживляться и жизнь Луганской организации. К этому времени большевистская ячейка насчитывает уже до 12—13 человек членов, которой все же удается провесть однодневную забастовку по поводу Ленских событий. Благодаря оживившейся работе, начинают завязываться связи с Центром; выписываются газеты «Звезда» и «Правда», которые в значительной мере сорганизовали разбитое и разрозненное сознание рабочих.

Постепенно оживающая работа приводит организацию к мысли снова возобновить кружковую работу. Но сколько не делали попыток в этом направлении, реальных результатов они пока еще не достигали. В это время было задумано издание особой рабочей газеты, и даже был намечен подставной редактор, но пронюхавшая об этом полиция раскрыла тайный замысел, так что губернатором было наложено запрещение на предполагаемую газету.

Только в 1913 году, когда возвратились из ссылки некоторые старые члены, партийная работа начинает приобретать несколько планомерный характер. К этому времени как раз и относится выход отдельных прокламаций и листовок, прекратившийся еще в 1908 году.

В строительной работе по воссозданию разрушенной организации проходит время до самого начала империалистической войны.

Но тут приходится отметить одно обстоятельство. В первый день мобилизации в Луганске, правда, независимо от организации, вспыхнул настоящий бунт. Поводом к бунту послужило чрезмерное скопление мобилизованных в городе, до 20.000 человек, которые насильно были вырваны из деревень, шахт и согнаны в город, не приспособленный пока еще к удовлетворению продовольствием нового двадцатитысячного населения. Как то вышло, что хлебопекарни не смогли выпечь в этот день достаточного количества хлеба и удовлетворить мобилизованных, которые будучи наэлектризованы всей нелепостью войны, вышли из своих временных казарм (биографов) и начали громить закрытые перед этим винные лавки. Разгромив несколько винных лавок, они прошли волной по всему городу и разрушили почти все магазины на главной Петербургской улице.

Растерявшаяся было полиция в первое время ничего не могла предпринять. Высланные конные отряды были разогнаны камнями мобилизованными. Даже приехавший на место происшествия исправник Экк, решивший прикрикнуть на мобилизованных, был жестоко избит. До самой глубокой ночи шла сплошная вакханалия разрушения магазинов. На утро было получено распоряжение пустить в ход оружие, раздались залпы, в результате которых многие полегли на месте, многие были арестованы, а некоторые даже расстреляны через два дня по постановлению военно-полевого суда.

Этот факт не мог, конечно, пройти незамеченным в жизни Луганской организации. Он явился как бы первым бурным симптомом возмущения всего рабочего класса против империалистической бойни, направленной против трудящихся одной национальности на другую. И хотя Луганский бунт 20 июля 1914 года являлся фактором беспартийного движения, но все же он имел колоссальное значение. Прокатившаяся по всему Донбассу, вслед за Луганским бунтом, волна неорганизованного рабочего движения, свидетельствовала, что в сознании трудящихся рано или поздно, но наступит момент уже организованного выступления против империалистической войны. Таким образом, партийной организации оставалось только оформить, реально вылить и направить по кратчайшему пути неминуемый теперь уже революционный взрыв. За это то организованное оформление и взялся с самого начала войны Луганский Комитет социал-демократической рабочей партии.

В связи с охватившей в первое время волной патриотического движения, в среде социал-соглашателей выплыл вопрос о поддержке войны. Эта мысль нашла особенный отклик в существующем в то время Луганском Профессиональном Обществе, в котором хотя и преобладали меньшевики, но все же удалось выделить небольшую группу, до конца остающуюся верной идее международной солидарности трудящихся. Созданные в это время Военно-промышленные Комитеты заставляли и рабочий класс реагировать так или иначе на этот факт.

Выплывший сам собою вопрос об оборончестве или пораженчестве, заставил Луганских рабочих призадуматься над самым фактором войны. В возникших спорах по этому поводу, Гартманская большевистская ячейка, несмотря на усиленную агитацию меньшевиков за поддержку Военно-промышленных Комитетов, резко заняла пораженческую позицию и сорвала вопрос о Военно-промышленных Комитетах. В этих спорах вокруг Комитетов еще раз обозначилось принципиальное расхождение большевиков и меньшевиков в вопросе войны.

Заняв с самого начала резкую позицию в вопросах о войне, Луганская организация все внимание теперь сконцентрировала на антимилитаристической пропаганде в среде рабочего класса. За этой работой прошел весь конец 1914 года и начало 1915 года. К этому времени организацией был выпущен ряд листовок, направленных против войны.

А когда до Луганска в сентябре месяце 1915 года докатилось известие о состоявшейся интернациональной социалистической конференции в Циммервальде, где окончательно был намечен путь дальнейшего использования создавшейся международной ситуации в связи с войной в целях интернационального об'единения рабочего класса, и до Луганска докатился и самый манифест социалистической конференции, большевистская организация не замедлила распространить его и широко использовать для антимилитаристической пропаганды.

После открытого выступления на одном из собраний, во время которого распространялся Циммервальдский манифест, все наиболее видные противники Военно-промышленных Комитетов были арестованы. Из арестованных оказались два эс-ера и четыре большевика. Продержав арестованных в течение 6 месяцев под следствием, эсеров отправили на фронт, а большевиков выслали в Иркутск на три года в ссылку.

Арест наиболее активных членов Луганской организации хотя и отразился на ходе всей партийной и организационной работы, но все же не в такой степени, чтобы можно было считать организацию окончательно парализованной. Организация в это время была настолько крепка, что сумела подготовить в июле 1916 года забастовку на всех заводах.

Забастовка продолжалась целых 11 дней и, может быть, достигла бы своих результатов, если бы ряд наиболее видных рабочих, принимавших участие в забастовке, не был бы неожиданно вырван из рабочих рядов и не отослан немедленно на фронт. Поэтому, об'явленную забастовку некоторые и признают неудачной.

В связи с разгромом партийных рядов, Луганская организация значительно пошатнулась. Но несмотря все же на ослабление большевистской организации, рост боевого настроения среди широких слоев Луганского рабочего класса был настолько велик, что к концу года, можно сказать, почти все рабочие Луганских заводов были всецело на стороне большевиков.

Приехавший к этому времени один из видных Луганских рабочих, т. Лутовинов, работавший до этого времени в Центре для созыва конференции, нашел большевистскую ячейку только на одном Гартманском заводе, но за то он увидел, что все Луганские рабочие были всецело на стороне большевиков. Таким образом, к началу февральской революции, Луганская ячейка, хотя и не сохранила мощной организации, но за то подготовила Луганский пролетариат к восприятию социальной революции 1917 года.

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР ГАМБАРОВ

ОТДЕЛ 2

ВОСПОМИНАНИЯ

Брянские заводы в 80—90 годах

Вспоминая свои детские годы, проведенные на Брянском заводе при ст. Бежица, Риго-Орловской жел. дор., я как то смутно помню кладбище, яму, гроб и причитания женщин: «бедные сиротки, как то вы будете теперь жить без отца».

Мне было тогда три и брату пять лет, когда умер отец. Мать моя, оставшись вдовой, имея на руках меня и брата, скоро после смерти отца вышла замуж за чернорабочего Брянского завода А. Т. Введенского.

В то время, в 1878 году, Брянский завод считался одним из крупных металлургий в России и производил всевозможные работы: паровозы, вагоны, рельсы, пароходы, мосты и литье: медное, стальное и чугунное.

Все население завода составляло, приблизительно, тысяч семь-восемь. За счет заводов были построены для чернорабочих бараки, а для семейных казармы. Для детей был детский дом-сад, где преподавание велось по системе Фребеля: рисование, лепка, шитье, пение, игры и т. п. В этот детский дом-сад и носили нас, маленьких детей, чтобы своим криком и суетой мы не мешали дома работать матерям.

Для более взрослых от 8 лет была одна 4-классная сельская школа совместного обучения мальчиков и девочек.

Особенностью преподавания в этой школе по тому времени было полное отсутствие физических наказаний. Причиной тому было следующее.

Незадолго до моего поступления в школу старший учитель (их было шесть) Петр Ильич, болезненный и нервный человек, рассердившись на одного ученика за плохое знание урока, схватил его за уши и стал трепать. Трепал до тех пор, пока у мальчика пошла кровь и оказалась половина уха надорвана. Узнав об этом, рабочие потребовали от заводской администрации удаления учителя и прекращения всякого физического воздействия на учеников.

Как семейным, нам полагалась отдельная заводская квартира и мы жили в казарме,—большой 2-этажный деревянный дом на 32 семейства. На две семьи с детьми давали одну комнату, с кухней небольших размеров, длиною арш. 9 и шир. арш. 4—5.

Благодаря такой скученности живущих в казармах, заболевания среди детей не прекращались: оспа, дифтерит, скарлатина и др. заразные болезни уносили в могилу почти половину детского населения и были постоянными явлениями.

Мой отчим работал в рельсопрокатном цехе завода крючником. Работа его заключалась в том, чтобы по выходе из вальц накаленной

до красна рельсы, подхватывать ее на специальное приспособление—крючек с блоком, ходившее по подвешанным продольным рейкам и передавать в другой прорез вальц.

Работа эта тяжелая и требовала большого внимания, быстроты и силы, все вальцовщики и крючечники были сильные, рослые и представляли как бы гвардию завода. Как пример: отчим мог одной рукой креститься четырех пудовой гирей, а среди рабочих рельсопрокатного цеха были и такие, что поднимали десять-пятнадцать пудов шутя, но, несмотря на это, жалование им было лишь восемь-десять рублей в месяц, так что семейным рабочим приходилось едва-едва сводить концы с концами.

Как общее правило, труд расценивался на заводе поразительно дешево.

При такой работе и тяжелом материальном положении рабочие быстро теряли здоровье. Поступив здоровыми и сильными, они через 4—5 лет работы в заводе делались развалиной.

Плохое питание, постоянная нужда, сквозняки во время работы, 12-часовый рабочий день—все это служило тому причиной.

Хотя в то время жизнь была дешевая, но мы голодали, а тут еще стала прибавляться и семья.

Отчим был неграмотный, но очень способный и трудолюбивый и для улучшения материального положения в семье, как и другие семейные рабочие, после ночной смены, что нибудь делал дома.

Нельзя не поражаться его энергии. То капканы делает и ставит на зверье, то ловит в сети птиц для продажи. Когда мы стали подростать, он выучил нас играть на скрипке незатейливые танцы и мы всей семьей ходили играть на вечеринки, устраиваемые заводской молодежью, получая за это небольшое вознаграждение; но все таки наша жизнь была тяжела и не все молодые члены нашего семейства (нас было девять человек) перенесли ее; большинство братьев и сестер, не успев вступить в жизнь, умирало.

Напротив, мать моя по тому времени была среди заводского населения хорошо грамотной. Она кончила городское училище и квартира наша являлась каким то прибежищем для живущих при заводе женщин, так что мне невольно приходилось быть свидетелем их горя, слез и нужды.

Не проходило дня, чтобы к ней не обращался кто либо с просьбой: кто написать письмо или прочитать полученное, кто уладить ссору между мужем и женой, а кто и просто за советом, и Авдотья Кузьминична, так звали мою мать, писала, читала и шла улаживать чужое дело часто в ущерб своему хозяйству.

С восьми лет, учась в заводской школе, я попал, благодаря своему голосу, в певчие и через некоторое время стал приносить по праздникам копеек 20, чему мать чрезвычайно была рада—все таки от сына помощь.

Кроме посещения школы и спевок, на мне лежала обязанность смотреть за меньшими братьями и сестрами; остававшееся же свободное время мы проводили летом—в лесу и на реке, зимой—в заводе на паровых котлах или газовых печах.

Как то раз зимою мы, дети, пошли в завод на паровые котлы печь картошку. Положили в золу, разговариваем; вдруг слышим крики—«бросайте работу!»—и вслед за этим, мимо нас пробежала большая толпа рабочих, направляясь в рельсопрокатный цех, держа в руках кто молоток, кто клещи, кувалды, ломы, а кто и просто топоры. В тот же момент и мы вскочили на ноги и побежали вместе с толпой.

Добежав до места, где сгрудилась толпа, мы увидали директора Брянского завода Барбера, стоявшего около вальц, бледного, как снег; кругом его рабочие с угрожающими жестами кричали и спорили между собой.

Одна часть рабочих требовала пустить машину в ход и прокатать директора через вальцы за его грубое отношение к рабочим и уменьшение платы за работу; другая, более умеренная, требовала, чтобы директор завода сделал распоряжение о прибавке жалования и повышения расценки за изделия.

Пока они спорили и кричали, один из рабочих подошел к Барберу и ударил его кулаком по голове, шляпа отлетела на пол, другой, подняв и надев шляпу на голову, прихлопнул тоже кулаком.

Неизвестно чем бы все это кончилось, если бы директор не упал на колени перед рабочими и не стал бы просить и плакать, чтобы не убивали, пожалели его детей, что же касается платы и повышения расценки, то он сейчас же прикажет вывесить во всех цехах об‘явление об этом, лишь бы его оставили в живых.

Отпустив директора, часть рабочих отправилась громить заводские продовольственные магазины и винные лавки, другая часть мирно разошлась по домам.

Чем же было вызвано такое волнение среди рабочих завода, вылившееся в бунт? Бесправным положением рабочих и небрежным отношением к ним со стороны администрации; издевательством младших агентов—монтеров и десятников—над неграмотными и забитыми нуждой рабочими, произвольно расчитывавшими рабочих; постоянными несчастными случаями с рабочими, бывшими почти каждый день: то пальцы оторвет шестерней, (машины не огораживались), то при ковке или обрубке литья глаза поранит (не было предохранительных очков) и рабочие делались слепыми и калеками, оставаясь без всякой помощи от завода; отсутствием среди рабочих солидарности для защиты своих интересов. Все это, постепенно накопляясь, и вылилось в бунт, поводом к которому послужило происшедшее за несколько дней до бунта несчастье с рабочими Бессемеровского цеха, взволновавшее все население завода. В то время, когда человек пятнадцать рабочих приготовляли под «конвертом» *) формы для отливки, конверт не удержался почему то в горизонтальном положении, перевернулся отверстием к низу, и вся масса расплавленной жидкой стали, весом пудов пятьсот, вылилась на работающих формовщиков. Крик ужаса вырвался у присутствующих рабочих, не могущих оказать помощи при виде

*) Так называемый, „конверт“—вагранка, в которой подготовляется сталь для отливки болванок на рельсы и стального литья по формам-изложницам.

гибели своих товарищей, сгоревших живыми; а трагическая смерть крючечника Афанасьева в рельсопрокатном цехе, поскользнувшегося и упавшего на пол во время подхватывания им раскаленной до красна рельсы из вальц, перерезавшей его пополам, вызвала такое сильное раздражение и резкий протест, тем более, что уже не раз рабочие требовали переменить гладкие плиты пола—рифленами, но получали отказ.

Дня через два после бунта, во время работы завода, прибыли из Брянска солдаты во главе с директором завода Барбером, уехавшим в Брянск за солдатами после того, как его отпустили рабочие.

Расправа была коротка: часть рабочих была выпорота, а некоторых забрали в Брянскую тюрьму, во всех же цехах сбавили расценки на работу...

Скажу теперь о повседневной жизни на заводе.

Как я указывал, большинство рабочих завода было неграмотно и отсутствие разумных развлечений в свободное от работ время давало простор для устройства кулачных боев. Когда шли стена на стену Старый и Новый Базар, тогда участие в боях принимало почти все население завода. Такие бои обыкновенно заканчивались смертью и увечьем с той и другой стороны. Не меньшее зло было пьянство, в особенности, во время получения заработка. День и ночь в воздухе стояла брань, крик, ругательство, в семействах разлад, ссоры и, что всего хуже,—в выпивках часто принимали участие малолетние дети.

Врезался мне в память случай в семье Сергея Носова, товарища отчима по работе. В пьяном виде он был тираном своей семьи, состоящей из пяти душ. Дети его были так перепуганы постоянными побоями матери, что услышав голос пьяного отца, спешили уйти спрятаться, чтобы переночевать у соседей.

Жена его, безответная труженица, забитая мужем и нуждой, чтобы хотя чем либо помочь своему семейству, ходила по квартирам стирать белье и там ей давали за стирку кто хлеб, кто одеженку для ее детей, так что она кое как перебивалась в ожидании получения мужем за работу денег.

В конце месяца, когда рабочие получали заработанные деньги, толпа женщин и детей, ожидая у ворот завода, не пускала своих мужей и отцов по трактирам пропивать заработок. Но, обыкновенно, случалось так, что мужья, получив деньги, шли через другой ход из завода и бедные женщины, прождав напрасно, в слезах возвращались домой, со страхом ожидая возвращения пьяного мужа или отца.

Одной из таких мучениц и была жена Сергея Носова.

Долго мучилась она с мужем, и что только не делала, чтобы муж перестал пить водку: ни просьбы, ни знахарки, ни наговоренная вода,—ничто не помогало—Сергей не переставал пить. Тогда, потеряв всякую надежду на лучшее будущее, она решилась на отчаянное средство. Когда муж вернулся ночью пьяный и стал требовать водки, она без возражения и упрека, подала ему полную бутылку. Выпив, муж потребовал еще, она подала другую, отпив немного и еле держась за столом, он приказывает

убрать оставшуюся водку на завтра. Но не послушалась жена, а повалив мужа на пол, стала насильно лить ему в рот оставшуюся водку.

«Пей»,—в исступлении кричала она,—«пей, тиран, пей, мучитель!» «Все равно нам с детьми помирать с голоду»,—кричала она, продолжая лить ему водку. Скоро муж потерял сознание и остался без движения. Опомнившись, бедная женщина с ужасом поняла, что она стала убийцей своего мужа.

Если до бунта было плохо жить, то после стало еще труднее. Как-то раз отчим, придя с работы, стал советоваться с матерью: ехать-ли в гор. Екатеринослав по предложению правления завода на вновь открываемый завод Брянского Акц. О-ва. После недолгого колебания, наше семейство, совместно с другими в числе 25—30 семей, в апреле 1889 года, погрузившись в товарные вагоны, выехало в Екатеринослав, где уже работали в рельсопрокатном цехе наши родные.

Лучшая оплата труда на новом месте работы дала возможность улучшить жизнь и питание семьи, а через некоторое время и я 15 лет поступил работать в завод учеником в Мостовой Корпус под руководством И. А. Плехина в разметную. С первых месяцев жалование мне положили, как ученику, 35 коп. в день, и я ревностно принялся изучать под руководством Плехина ранее неизвестные мне тайны определения углов и извлечения квадратного корня.

В круг моих работ входила и разноска чертежей по цехам завода, где приходилось сталкиваться с более грамотными и развитыми рабочими завода, советовавшими и мне заняться самообразованием.

Среди этой молодежи были Мазанов, Гудимов, Дедаков, Ефимов и др. Условия работы хотя и были тяжелы, но, в сравнении с заводом при станции Бежица, несравненно лучше, хотя администрация плохо смотрела на рабочих и делала, что хотела.

Помню издевательства начальника проходной конторы завода над безработными.

Часов в 6 утра возле проходной конторы толпились безработные, надеясь поступить в завод, и вот, желая позабавиться, начальник проходной приказывает сторожам открыть пожарный кран и обливать водою собравшихся безработных или разгонять от завода стражниками.

Многих рабочих поступок начальника проходной возмутил, но все как-то не доверяли друг другу и молча переносили обиду за товарищей, нуждающихся в работе.

Продолжая работать в разметной, я ближе узнал Ивана Андреевича Плехина. Обязанный только своему усердию и терпению, он, не учась ни в одном дипломированном учебном заведении, знал математику не хуже патентованного инженера, а практически о постройке мостов мог поспорить с любым и умел посмеяться над их ученостью.

В задачу разметной входила по преимуществу разметка мостов, изготовление шаблонов и указывание десятникам и сборщикам, как соединять разные части моста в одно целое.

Обыкновенно для приема железнодорожного моста приезжали на завод ученые инженеры. При мне произошел такой случай: приехавшие для

приема моста инженеры (их было человека четыре) потребовали, чтобы Плехин указал на собранном вчерне пролете моста, длиною в 35 саж., центр тяжести.

Сначала Плехин как бы растерялся от такого требования, но потом, взяв с собой двух учеников, рулетку и мел, пошел вместе с инженерами к собранному мосту, разделил рулеткой пополам, отметил мелом деление и, указав на проведенную черту, сказал: «здесь центр тяжести моста». Инженеры обиделись и потребовали научно доказать правильность проведенной черты. Тогда Плехин, обращаясь к присутствующему при этом начальнику чертежной завода—Иванову и указывая на инженеров, попросил их, чтобы они проверили и указали допущенную им ошибку.

Иванову пришлось взять на себя неблагодарную задачу—раз'яснить, когда и при каких условиях проверяется центр тяжести моста.

Долго рабочие смеялись по поводу шутки Плехина, пользовавшегося уважением среди рабочих за его заступничество перед начальством о них.

Другой, более серьезный, случай произошел при следующих обстоятельствах. При сдаче почти законченного моста в несколько пролетов, длиною в 35 саж., предназначенного, если не ошибаюсь, через Днепр у гор. Кременчуга, одним из приемщиков инженеров при приемке было обнаружено, что железные угольники-вертикали и полотно моста были сварочного железа, а по договору, заключенному с заводом, мостовые части должны быть литого железа. Разница в цене на пуде сварочного железа против литого была на 30% дешевле, да и прочность моста была не такая, которая требовалась по расчету устойчивости.

Инженер был в этом деле новичек и поднял крик, но когда переговорил с директором завода Горяиновым и начальником мостового цеха Масюковым, то продолжал уже без всяких замечаний принимать мостовые пролеты. Поставленные им клейма на забракованных мостовых частях в ту же ночь были зачеканены и закрашены.

Через неделю были сбавлены расценки рабочих мостового цеха и рабочие начали говорить, что сбавка пошла на уплату за литое железо.

Так поступали те люди, которые обвиняли рабочих в краже металла, а в то же время не стеснялись изготовлять мосты из плохого материала и брать взятки.

Жизнь нашей семьи была тесно связана с жизнью завода, и всякая несправедливость на заводе делалась среди знакомых рабочих предметом обсуждения, при котором старались найти выход из создавшегося положения. Отсутствие элементарных удобств для рабочих, например, очки для обрубщиков, рукавицы на зиму для работающих по железу, бани и, наконец, школы для детей рабочих, практикуемая довольно часто сбавка расценок, массовые расчеты в то время, когда завод зарабатывал большие прибыли, не имея себе конкурентов, вызывали со стороны рабочих естественное недовольство.

Среди рабочих все чаще и чаще стали раздаваться голоса за об'единение всех, искали людей, могущих помочь организовать это об'единение,

чтобы совместным выступлением заставить администрацию завода пойти на уступки рабочим в их справедливых требованиях...

Спустя некоторое время был организован тайный кружок С.-Д.Р.П. на Брянском заводе, и мне пришлось быть одним из участников первого социал-демократического рабочего кружка в г. Екатеринославе *).

В ночь под 24-е августа 1895 года я, вместе с другими членами нашего кружка, был арестован и заключен под стражу в губ. тюрьму г. Екатеринослава. Пред'явленное ко мне обвинение жандармским управлением было в том, «что я, в соучастии с другими лицами, задался целью, в близком или отдаленном будущем, свергнуть существующий государственный строй в России, для осуществления чего и было организовано тайное общество, состоящее из Гудимова, Мазанова, Афанасьева, Белкина, Файна, Тана, Каца и других лиц, к выяснению которых будут приняты меры; найденная у него нелегальная литература подтверждает обвинение».

В тот же день я узнал через дневального, что этой ночью были арестованы почти все участники нашего кружка, за исключением интеллигентов-руководителей.

Очутившись в одиночной камере я счел необходимым прежде всего хорошо выспаться, так как произведенный на моей квартире обыск затянулся на всю ночь.

Проснувшись и осмотрев свою камеру в 4$\times$3 арш., я нашел, что не так плохо здесь, как я предполагал: есть стол, лавка, на ночь давали матрац, одеяло, подушку,—чего же еще требовать рабочему, арестованному за интересы своих товарищей.

На другой день, после утренней поверки, дневальный из уголовных принес от Мазанова записку (конечно секретно), где извещал о провале нашего кружка одним из рабочих Брянского завода.

Дня через четыре меня повезли на допрос в жандармское управление, где и предложили сказать всю правду о нашем кружке, «не для того, чтобы раскрыть всех участников, нет—они знают уже всех,—а для того, чтобы дать мне возможность облегчить мою участь чистосердечным признанием в таком государственном преступлении, и указать, кто мне давал запрещенные книги, где я их брал и кто бывал на тайных собраниях кружка».

На первый вопрос я ответил, что о своей участи я не беспокоюсь, так как говорить правду и стоять за справедливость я не считаю преступлением; на второй—книги, которые вы называете запрещенными, купил в городе на толкучке Троицкого базара; что-же касается тайных собраний, то о них мне ничего неизвестно. Тем и закончился мой первый допрос.

Затем потянулись дни за днями одиночного сидения. Месяца через три-четыре отвезли снова на допрос. Я уже знал, что нас выдал человек, опытный в этом деле, и что по существу у нас и не было ничего тайного. Вся наша деятельность протекала на Брянском заводе среди рабочих открыто и гласно.

---

*) Подробно о деятельности и задачах кружка напечатано в „Пролетарской Революции" журнал Испарта № 7—1922 г. „О первом кружке социал-демократ. рабочей партии г. Екатерин. в 1894 г.". А. Смирнов.

Всюду течет жизнь, даже в тюрьме люди имеют свое горе и свои радости. Как в фокусе стекла отражаются лучи солнца, так и в тюрьме отражается вся жизнь города: тут были представители всех общественных группировок, начиная от высшего общества, купеческой знати и кончая обитателями ночлежек, «непомнящих родства». Таким образом, мы знали все новости города и заводов.

Иногда тюремная жизнь нарушалась каким-либо происшествием. Так, в одно время, часов в 9 вечера, после поверки послышались глухие удары, звон цепей, топот ног и лязг открываемых запоров. На другой день я узнал, что в общей камере подследственных убит арестант за выдачу на допросе своих товарищей.

Были и побеги уголовных арестантов.

Один раз бежал дневальный, убиравший мою камеру, подследственный Остапенко, обвиняемый в убийстве помещицы.

Молодой, рослый парень 19 лет, добродушный малоросс, он невольно привлекал к себе внимание.

Улучив время, когда дежурил расположенный к нам надзиратель, я спросил Остапенко...—неужели он мог быть убийцей? «Как-бы вам сказать»—отвечал он—«я не хотел ее убивать, да уж очень была жадная; раз я ей говорю,—давай деньги, а она мне,—у меня никаких денег нет (прислуга же ее, моя знакомая, сказала, что деньги есть; я стал ее трясти, она кричать; взяла меня досада, ах ты старая скряга, да ножем ее в бок. В это время прибежали со двора работники и связали меня,—вот как было дело»—добродушно закончил он.

Через неделю после побега его поймали в Коммерческой гостинице, где он гулял с знакомыми. По водворении в тюрьму, его жестоко избили и посадили в темный карцер. Встретив его случайно, я невольно содрогнулся,—это была уже тень человека,—худой, осунувшийся, с поминутным кашлем с кровью, у него отбили легкие.

Условия нашего пребывания в заключении были не из хороших, нам не давали даже кипятку, книг, а для курящих табаку. Прогулка полагалась пять минут в день, и только тогда, когда я стал выплевывать при кашле мокроту с кровью, тюремный доктор прописал мне одну кружку грудного чаю в день.

Пища была плохая и у некоторых товарищей появились цынготные заболевания. При посещении тюрьмы министром юстиции Муравьевым, благодаря нашим протестам против такого режима, нам разрешили получать передачу от родных два раза в неделю. Эти передачи и поддерживали нас.

Вспоминаю празднование рабочего праздника 1-го мая в 1896 году в тюрьме. Уговорившись через дневальных провести 1-е мая с песнями, мы почти одновременно запели «вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов», но не успели мы закончить последнюю строфу, как по камерам застучали открываемые запоры, и нас на разные сроки посадили кого в темный карцер, кого в секретную; посадили и меня на три дня в секретную и лишили прогулок.

После трехдневной отсидки в секретной, я был снова посажен в прежнюю камеру на 3-м этаже.

На другой день я услышал звуки ударов по стене*). Прислушиваясь, я узнал, что стучит Кац, арестованный по нашему делу. Как он передавал, его посадили за маевку на неделю в темный карцер на воду и 1/2 фунта хлеба в день.—Карцер находился в подвальном помещении башни, верхом которой была моя камера.

Перестукиваясь, он сообщил, что сидит в темноте и не имеет ничего поесть и просит как-нибудь устроить передачу чего-либо с'естного.

У меня явилась мысль: а что, если попробовать переправить ему пищу через дымоход, ведь в башне дымоход один, и наверное можно будет сделать.

Для проверки своего предположения я переговорил с Кацем и для пробы бросил в дымоход камень. Какая же была радость, когда Кац передал, что камень у него в руках.

Тогда немедленно, из полученной мною передачи, я опустил в дымоход кусок сала и хлеб, конечно, без всякой обертки бумагой (иметь бумагу запрещалось). Получив благополучно сало и хлеб, он, в избытке чувств, стал благодарить меня при помощи стука. На мой вопрос, как он поступил с сажей на посылке, в которую наверное вымазались продукты, он ответил: «сажи не вижу, что-то хрустит на зубах, а сало хорошее».

По окончании пребывания в карцере начальник тюрьмы, увидев Каца, невольно отступил назад.—«Да где же тебе угораздило так выпачкаться, ведь ты на трубочиста похож».

Однажды на свиданьи с родными нам сообщили, что на Брянском заводе забастовка, что было столкновение с стражниками, что рабочие разнесли проходную, а в главной конторе завода, служащие так перепугались, что, повыбрасывав книги и бумаги из шкафов, попрятались сами туда. Это было в 1896 году, и если не ошибаюсь, осенью. Сообщали также и о том, что на заводе, после нашего ареста, нашлись не робкие люди и продолжали агитацию, как и мы, за права рабочих. В числе этих людей я в первый раз в тюрьме услышал про Г. И. Петровского.

Так проходило время нашего пребывания в тюрьме.

Через год и 8 месяцев со дня нашего ареста был получен приговор о высылке почти всех активных членов нашего кружка на три года в Восточную Сибирь под надзор.

Перед отправкой из тюрьмы на вокзал нас попарно сковали по рукам, окружили цепью солдат, и мы вышли из ворот Екатеринославской тюрьмы для следования в Москву.

По прибытии в Москву нас поместили в Бутырскую тюрьму. В то время она была сборным пунктом отправляемых в Сибирь политических ссыльных. Там мы встретили товарищей из других мест России, тут же была и группа Московской организации С.-Д.Р.П. во главе с С. И. Мицкевичем (врач), А. Н. Винокуровым (врач), М. Н. Мандельштамом (Лядов) и рабочим ткачем Ф. И. Поляковым.

---

*) Для переговоров между собой в тюрьме мы перестукивались, пользуясь расположением букв азбуки, по способу декабриста Бестужева.

В ожидании отправки в Сибирь, я ближе познакомился с ними и глубоко проникся уважением к С. И. Мицкеевичу и М. Н. Мандельштаму за их действительное идейное служение рабочему класссу. Их девиз был: «все для народа — ничего для себя».

После сурового режима в Екатеринославской тюрьме мы были в подавленном состоянии. Сергей Иванович Мицкеевич понимал наше угнетенное душевное состояние и относился к нам с сердечным вниманием и заботой, а когда Фредель (обв. по нашему делу), предложил поставить вопрос о товарищеском суде по расследованию провала нашего кружка, С. И. Мицкеевич и М. Н. Мандельштам категорически заявили протест: для них было ясно, что так вести открыто кружковую работу без всякой конспирации, как это мы делали и не бытьдо лго арестованными, возможно лишь по беспечности жандармов.

Как врач, С. И. принял в моем здоровье горячее участие, ему я обязан восстановлением своего здоровья, сильно пошатнувшегося в тюрьме. Благодаря его указаниям и лечению, у меня прекратилось кровохарканье, и я стал заметно поправляться; участие в моем лечении принимал и А. Н. Винокуров.

В первых числах июня 1897 года почти всю группу Брянского завода и часть Московской отправили в Сибирь. По приезде в г. Красноярск нам было об'явлено, кого куда назначают: Белкина и Тома в с. Казачинское Енис. губ., Мазанова и Гудимова в г. Туруханск, Мицкеевича, Винокурова, Мандельштама, Файна и Каца в Иркутскую и Якутскую обл., Ф. И. Полякова, Афанасьева и меня в с. Тасеево, Канского округа.

А. СМИРНОВ

Организация восстания против гетмана

В первых числах февраля 1918 года власть в Звенигородском уезде была в руках Ревкома, под председательством т. Каца. На 11 февраля был созван уездный С'езд для выборов Исполкома. В то же время нелегально прибыли в уезд видные деятели, члены Центральной Рады, разных толков. Между ними находились: Скоропадский Павел со своей свитой с Полтавцем во главе, бывший Командвойск КВО в 1917 году Шинкар,—человек левоэсеровского толка (украинского). Член Центральной Рады Демерлий, Тютюнник Юрий и друг. Все названные лица и другие, прибывшие с ними, жили нелегально и не успели еще ориентироваться на месте.

11 февраля, в день С'езда, созванного Уездревкомом, организация «вільного козацтва» с атаманами своими во главе, под видом ярмарочного дня, с'ехалась в город, спрятав оружие в повозках.

Когда С'езд был открыт, на базаре из торговцев вдруг образовался отряд «вільного козацтва», который разоружил отряд красной гвардии, окружил с'езд и арестовал пытавшегося убежать предревкома Каца. Весь день обошелся без пролития крови и тов. Кац был посажен в тюрьму.

Ночью неизвестными лицами тов. Кац был выведен из тюрьмы на реку, где на льду утром нашли его труп. (По полученным мною в 1921 году сведениям от Бутвина, его убили повітовий атаман «вільного козацтва» Грызло и бывший офицер Березницкий, исполнявший обязанности помощника уездного атамана Грызло).

Находившиеся в уезде вышеназванные деятели Центральной Рады в описанном перевороте никакого участия не принимали и не могли 11 февраля точно понять положение дела.

Наступило безвластие и началась борьба за власть.

Очутившись перед фактом безвластия в уезде, Шинкар, Тютюнник, Демерлий и еще некоторые лица созвали совещание, на котором было решено приступить «к работе». Решили пригласить Скоропадского и взять у него деньги, выданные ему Центральной Радой на организацию «вільного козацтва», которые и пустить на организацию боевых единиц. Уже тогда было известно о наступлении немцев для оккупации Украины, почему решено было организовать партизанские отряды для борьбы с немцами в будущем.

У Скоропадского деньги были взяты и ему было предложено под страхом смерти убраться из Звенигородского уезда (Скоропадский был главный

атаман «вільного козацтва» на Украине, почему и имел влияние на атаманов «вільного козацтва»), что он и сделал на второй же день.

Юрию Тютюннику предложено было взять всю полноту власти в уезде, удалив от власти «атаманов вільного козацтва»—Грызло и др. Были разосланы агитаторы среди вільного козацтва для агитации о выборе Тютюнника атаманом уезда.

К вечеру 11 февраля Тютюнник явился в массы и назвал себя атаманом «вільного козацтва». Масса его еще не знала, но имя его уже было популярно. Таким образом, началась борьба между старым атаманом Грызло и самозванным Тютюнником. Грызло был сторонник Скоропадского. Но Тютюнник, как более спокойной и твердой воли, скоро выгнал Грызло совсем из города, об'явив его вне закона, благодаря чему Грызло принужден был скрыться.

Прибыв в с. Озирну, Звенигородского уезда, 10 февраля (1918 года), на другой день вечером, узнав о событиях в городе, я пошел поинтересоваться.

Числа 14 февраля я встретился с Юрием Тютюнником, который детально ознакомил меня с делом, т. е. положением в уезде и даже всей Украины.

Здесь Тютюнник мне об'яснил и я впервые узнал официально (ибо лежал до того в госпитале в Одессе и долго болел), что Украину оккупируют немцы, а посему нельзя отдыхать, а надо думать о защите интересов революции,—такова руководящая мысль была у Тютюнника.

Тютюнник предложил мне войти к нему, где будет Шинкар и другие, с целью использовать меня как организатора.

Было решено назначить меня главным организатором военных сил, а Тютюннику поручить политическое руководство.

Официально меня назвали командиром 1 стрелкового полка, долженствующего развернуться в дивизию.

При приближении немцев было решено, что сопротивляться им являлось-бы безумием, а посему полк был распущен и приступлено к организации повстанческих отрядов в подполье. Шинкар и другие уехали в Киев. Тютюнник остался в Звенигородке и занял должность уполномоченного по демобилизации 7 района Юго-Западного фронта.

Вскоре я был лично Шинкарем и Демерлием вызван в Киев, где мне было обрисовано политическое положение и констатирован факт могущего произойти в скором времени переворота или вправо или влево, что Скоропадский мечтает быть гетманом, а посему нужно решительно приступить к организации реальной повстанческой силы.

Мне были выданы официальные документы от имени Всеукраинского Совета Крестьянских депутатов, как уполномоченному Центрального Исполнительного Комитета, и были даны директивы ехать на Звенигородщину организовывать боевые единицы. Легально было поручено организовать какое-нибудь товарищество и издание газеты, а под фирмой этой легальщины

проводить повстанческую работу. Шинкар, для большей обеспеченности работы в губернии, взял на себя должность «Губерніяльного коменданта» (у власти Центр. Рады) и, будучи комендантом губернии, дал мне на руки служебное письмо уездному коменданту Павловскому оказывать во всем мне содействие, как его особоуполномоченному. Таким образом, я уехал в Звенигородку для подпольной работы.

Прибыв в гор. Звенигородку, я приступил к организации боевого товарищества. Было дважды созвано общее собрание персонально всех активных членов социалистических партий, начиная от большевиков и кончая с.-р. После долгих толков, после раз'яснения мною задачи товарищества, как активной революционной единицы, была встречена сильная оппозиция со стороны меньшевистской с.-д. организации. В результате двух собраний записалось в товарищество 15 активных членов партии У.С.Р.С.-Д. Товарищество назвало себя «Молода Украіна». Здесь же была перехвачена умиравшая газета с.-р. организации «Звенигородская думка», которую начало издавать т-во «Молода Украіна», как свой орган. Головой товарищества был единогласно избран я.

Вскоре в члены товарищества записались Тютюнник Юрий, Демерлий и Шинкар. Последние два работали в Киеве.

Официально товарищество «Молода Украіна» занималось изданием газеты и культурно-просветительной работой, фактически же все члены его были брошены на организацию боевых крестьянских повстанческих отрядов. Вся работа проводилась на глазах представителей немецких властей, которые пока еще не могли ориентироваться в обстановке.

В период безвластия, по постановлению крестьянского с'езда и предписанию Губерніяльного коменданта, я принял на себя должность уездного воинского начальника. Таким образом, руководя всей организационной повстанческой работой, я оставался как бы официальным лицом. У себя в доме и даже в Управлении военного начальника я устроил секретную станцию, где были поставлены аппараты, и работали здесь два галичанина-студента, владеющие немецким языком. Заведывающий телефонной сетью Слюсаренко вступил членом товарищества и строго подчинялся его дисциплине. По моему приказанию он включил все провода, соединявшие немецкого коменданта с Киевом и Уманью (где был районный центр), в скрытые у меня аппараты. Таким образом, дежурившие по 12 часов в сутки студенты-галичане перехватывали все распоряжения свыше и донесения снизу немецкого командования. К тому же, в самом немецком отряде, после долгих бесед-угощений, я нашел себе солдата-переводчика галичанина, который передавал мне всю жизнь отряда, настроение и распоряжения начальства, вплоть до передачи шифра. (Впоследствии он был расстрелян по приговору немецкого полевого суда).

На глазах у немецкого командования велась работа (под видом служебных поездок и с'ездов) по организации партизанских отрядов.

Организованным партизанским отрядам выдавалось оружие, которое увозилось и пряталось по лесам и селам.

Добывалось оружие таким путем.

1. Юрий Тютюнник, будучи уполномоченным по демобилизации 7-го района Юго-Западного фронта, при демобилизации отбираемое оружие не сдавал на склады, охраняемые немцами, а сдавал его на скрытые склады, откуда оно выдавалось партизанам.

2. Немцами был отдан приказ всему населению о сдаче оружия немецкому командованию. Тогда я отдал другой приказ о сдаче оружия на склад уездного воинского начальника. Конечно, население подчинилось моему приказу. На склад уездного воинского начальника было сдано 350 поломанных винтовок и около 5.000 винтовок новых, которые и были свезены в секретные склады. Всему населению (всем селам) я дал официальные квитанции в том, что оружие ими сдано, ограждая их от немецких репрессий и обысков.

Таким образом, к первым числам мая 1918 года в Звенигородском уезде и в прилегающих к нему селах Каневского, Уманского и Таранзанского уездов было организовано 18 отдельных батальонов, общей численностью в двадцатьпять тысяч вооруженных партизан. К этому времени из Киева от главного немецкого командования начали поступать на имя местного немецкого командования предупреждения об организации восстания и приказы проследить за мной и уездным комендантом Павловским (последний был пассивным сотрудником, т. е. не препятствовал организации и покрывал ее). Уже к концу апреля 1918 г. начали поступать приказы об аресте меня и Павловского, но местному немецкому командованию настолько уже была известна реальная сила повстанцев, что командование отвечало, что арест меня и Павловского может погубить все мелкие немецкие отряды, стоявшие в уезде. В это время у власти на Украине стал гетман Скоропадский. Тогда в Звенигородском уезде нами начались аресты и избиения приверженцев гетмана.

Главное немецкое командование, получив донесение с места о положении, выслало подкрепление до пяти тысяч кавалерии в Звенигородский уезд, о чем нам стало известно на второй день после отдачи такого распоряжения через приехавшего из Киева Демерлия.

Узнав, что вся Украина подчинилась власти гетмана и что посланы большие силы на Звенигородщину, мы решили (Комитет т-ва Молода-Україна и весь уезд с повстанческой организацией) погрузить в спячку и симулировать подчинение гетманской власти, а мне и всем активным работникам, об‘явленным государственными преступниками, скрыться и приступить к организации повстанчества в других районах.

С этой целью в селе Гусаково в первых числах мая 1918 года были созваны командиры всех батальонов («Куринь»), их было 18, где были даны инструкции,—все оружие спрятать и, как бы не искали и не провоцировали немецкие и гетманские отряды, не подавать виду, что есть у нас оружие, а показывать квитанции в селах о сдаче его. Квитанции мною были раньше всем селам выданы. Решено не подымать восстания до организации

всеукраинского восстания. Для поднятия восстания должен был приехать я. Моими заместителями по порядку были: Тютюнник, Демерлий. После совещания я с Павловским уехал в Херсонскую губ. (Одессу) для организации там партизанщины. Мне из Киева была поручена организация партизанщины в Херсонщине и Таврии. Тютюннику перед моим от'ездом было поручено оставаться легально в роли уполномоченного по демобилизации, как нескомпрометировавшему себя явно, раздать все остальное оружие, находящееся под охраной немцев. Тут нужно упомянуть, что при уездном воинском начальнике существовала команда в 200 человек пехоты и 45 кавалерии, которая вся была укомплектована повстанцами с начальником команды т. Жук, впоследствии член К.П.б.У., расстрелянный Деникиным, бывшим активным членом т-ва «Молода Україна».

Вот эта команда должна была сыграть последнюю роль. К ночи после заседания в селе Гусаково, под руководством Тютюнника было собрано 300 подвод к городу Звенигородка, где и была устроена вышеупомянутой командой симуляция бунта, разбили все шкафы у воинского ничальника, уничтожили дела, разбили замки у складов и погрузили имущество и оружие на ожидавшие подводы.

На утро Тютюнник для отвода глаз (он вообще одарен авантюристическими задатками) явился с докладом о «происшествии» к немецкому коменданту, которому и без того все было известно. Таким образом, Тютюнник остался в Звенигородке легально и держал связь с нами. Павловский по прибытии в Одессу, как не могущий активно работать, будучи балластом, был отправлен на Кавказ, где и находился все время до восстания.

Я принялся за организацию партизанщины в Херсонщине и Таврии. (Об этом отдельно будет написано). Через две недели по прибытии моем в Одессу ко мне прибыл Демерлий, который заявил, что немецкая и гетманская контр-разведки пронюхали о готовящемся массовом восстании и что Звенигородка должна явиться базой восстания. Поэтому гетманской контр-разведкой решено было провокационным способом преждевременно вызвать восстание в Звенигородке и ликвидировать его раньше общего массового восстания на Украине. С этой целью начались экзекуции по селам. Карательные отряды ходили по селам. Бывало, выкатывали бочки перед сельской управой, ложили на бочки крестьян и «шомполовали». На ряду с этим, по уезду начали ходить провокационные слухи, что вся Украина восстала и Капуловский стал во главе повстанцев Екатеринославской губ., а Павловский на Херсонщине.

Приехавший ко мне Демерлий потребовал, чтобы я немедленно ехал в Звенигородский уезд и удержал от преждевременного восстания.

Загримированный я в сопровождении Демерлия в тот же день уехал в Звенигородский уезд, но благодаря скверному движению по железной дороге пробыл в пути целых три дня. Прибыв затем на ст. Христиновку, мы встретили новое препятствие: нам ответили, что благодаря неспокойствию в Звенигородском уезде, железнодорожное движение между Христиновкой и Цветково приостановлено. Подвод достать было нельзя, ибо, благодаря неспокойствию, вообще никто не хотел ехать. Тут же мы узнали, что

«неспокойствие» охватило уже и Уманский уезд. Нам до Христиновки пришлось пешком идти 90 верст.

Дважды мы были арестованы местными властями, но, благодаря учительским документам (липа), были освобождены. Несколько раз нас задерживали встречавшие нас повстанческие отряды, не знавшие нас в лицо, а открываться им не было смысла, почему они часто водили нас за собой.

Таким образом, к Звенигородскому уезду мы подошли на пятый день уже начавшегося восстания.

Когда мы взошли на гору от села Шаулиха Уманского уезда, то перед нами открылся весь Звенигородский уезд и вся картина восстания со всеми мерами борьбы с ним. Был ясный июньский день. Весь уезд залит дымом от горевших сел. В разных концах уезда села были об'яты огнем. Среди дыма и сплошного огня, то в одном, то в другом месте слышались взрывы боевых и зажигательных снарядов легкой и тяжелой артиллерии. Встречающиеся нам крестьяне Уманского уезда советовали нам не идти в Звенигородский уезд, ибо там «настоящий ад». Немцы наступали с трех сторон: с севера через м. Лысянку и м. Ольшану, где был продолжительный бой, с юго-востока через м. Екатеринополь (Кални-болото), с юго-запада через м. Тальное. Такая представилась перед нами картина при подходе к Звенигородскому уезду. Когда мы подошли к селу Залесское (на границе Уманского и Звенигородского уездов), то здесь остановились у родственника Демерлия, живущего на краю села и узнали, что ходят слухи, яко-бы в этот день главные силы повстанцев разбиты под Звенигородкой. Но сведения были не твердые. На следующий день мы с Демерлием дошли до с. Поповки, где в Поповском лесу я встретил уже своих отдельных повстанцев, прятавшихся от немецкого отряда, занявшего с. Поповку. Тут уж достоверно я узнал, что Звенигородка занята немцами и повстанцы, разбитые, частью разошлись по селам, а частью ушли влево к северу.

По всем селам в это время уже раз'езжали карательные отряды, разыскивая оружие, сжигая села, расстреливая народ. Город Звенигородка уже был окружен немцами, а по всем дорогам беспрерывно сновали конные раз'езды.

Поздно вечером мы вновь вернулись в с. Залесское, куда вслед за нами явился карательный отряд. Нам пришлось в «клуне» зарыться в снопы и пролежать целые сутки, пока не ушел отряд. После того решено было, что Демерлий едет в Киев за новыми директивами, а я проберусь к центру повстанцев, которые должны находиться вблизи Звенигородки, в Холодном Яру и Хлипковецком лесу. На рассвете я пошел по направлению д. Звенигородки и к утру прибыл в село Озирну, что в трех верстах на запад от Звенигородки. В Озирнах я остановился на краю села у крестьянина Эммануила Завальнюка. Насколько все были перепуганы немецким террором, показывает картина моего появления у Завальнюка. Я прибыл утром в воскресение, когда Завальнюк еще спал у себя в сарае, куда я зашел, боясь идти в хату, дабы не встретиться с кем либо из посторонних. Насколько были все запуганы крестьяне, показывает тот факт, что когда я вошел к Завальнюку, то он, проснувшись и увидев меня, не мог от испугу говорить

минут 10—15. После долгой паузы, заикаясь, дрожащим голосом, начал просить меня быть осторожным, ибо, если кто либо узнает из властей, что я был у него, то весь двор его будет сожжен, а он расстрелян. Несмотря на такой испуг, все же меня накормили и я лег отдыхать в сарае.

Не успел я заснуть, как Завальнюк меня разбудил и сообщил, что село Озирну окружают немецкий и карательный офицерский отряды. Раздумывать было некогда и я убежал сразу в рожь в поле, примыкавшее к селу. Во ржи я пролежал целый день до вечера. Возле меня несколько раз проезжали немецкие раз'езды, ползком, также прячущиеся, как и я, но все-таки до самого вечера пролежал благополучно. К ночи вновь вернулся в с. Озирну. Здесь мне сообщили, что была собрана сельская сходка, где было об'явлено, что немцы вновь придут на следующий день, когда уже должно быть собрано все оружие и выданы все участники восстания; в противном случае село будет сожжено.

Здесь Завальнюк сделал мне интересное замечание: «Вы ложитесь спать, а когда немцы будут подходить к селу, начнуть выть собаки, тогда я Вас разбужу».

Действительно, после полуночи я был разбужен не Завальнюком, а сильным шумом в селе. То был сплошной вой собак, смешанный с мычанием коров.

Вскоре вбежал ко мне в сарай и Завальнюк Эммануил и стал торопить, чтобы я одевался в рванную его одежду. Когда я оделся, он дал мне сапу и направил меня с сестрой своей жены—18-ти летней девушкой—в поле, где мы, найдя первую попавшуюся нам картошку, начали бы ее сапать.

К утру село было окружено цепью и по дорогам вокруг села начали раз'езжать немецкие раз'езды.

В селе вели обыски, спрашивали обо мне население, а я в это время сапал картошку, чью и до сего времени не знаю.

Около меня в шагах 200 проезжали раз'езды, но никто не мог подозревать в мирно работающем крестьянине разыскиваемого организатора повстанцев.

К ночи я вновь вернулся в село и решил эту ночь рискнуть пробраться к отрядам повстанцев, отступившим на север от города.

Как раз к этой ночи вернулся старший брат Эммануила Завальнюка, Яков Завальнюк, участвовавший в повстанческих сражениях.

Этот Яков Завальнюк взялся меня ночью полями, минуя все дороги, проводить на север. Целую ночь бродили мы и к утру попали к селу Тарасовка. Здесь на краю села жил приятель Якова Завальнюка крестьянин, фамилии которого до сих пор не знаю.

Мы с Завальнюком пришли к этому крестьянину, который рассказал, что накануне через село Тарасовку в г Звенигородку прошел отряд немцев, голова которого показалась в 8 час. утра, а хвост прошел после 12 час., т.-е. колонна, проходившая более 4-х часов. Он сам, глядя в окно, насчитал 12 пушек. (Впоследствии я узнал, что это была целая дивизия «бессмертных гусар»). От проходивших немцев, продолжает крестьянин, остался отряд, который собирает контрибуцию, расстреливает и ищет оружие. Повстанцы

отступили куда то далеко. Идти за ними невозможно, ибо везде раз‘езжают кавалеристы немцы и встречных убивают. Здесь я решил уехать в Одессу. Завальнюк проводил меня до ст. Цветково, откуда я и уехал в Одессу, где застал вызов меня на совещание в г. Полтаву по организации повстанчества на всей Украине. Об этом в будущем напишу.

Из отступивших повстанческих отрядов выросла Таращанская бригада, а из этой бригады нынешняя 44 стрелковая Волынская дивизия.

И. КАПУЛОВСКИЙ

«Заднепровье»

(1913—1917 г.)

Окончание *)

VI.

В ПРЕДДВЕРИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Расстройство хозяйственной жизни страны все больше и больше давало себя чувствовать. Неорганизованность, казнокрадство, воровство, дворцовые интриги, Распутинское правление, гнет полицейских репрессий, расстрелы, бесконечное количество лет каторги политических, варварски беззаконный суд над нашей Думской «пятеркой» и ее высылка,—все это давало себя чувствовать и вызвало брожение среди широких рабочих масс. Медленно, но верно, с каждым днем начинает рассеиваться бело-сине-красный туман. Все больше и сильней начинается ропот возмущения вернувшихся калек-солдат, выброшенных на улицы. Матери и жены начинают с ненавистью и проклятьями относиться и к церкви и царю. В это время во всю работала царская охранка, количество дезертиров с каждым часом увеличивается, так что их не только стали презирать, но даже содействовать им рабочие и крестьяне.

На январьском общем собрании всех членов организации, а их к этому времени было солидное число (для верности необходимо отметить, что в это число входили украинцы эсдеки и эсеры с анархистами). На этом общем собрании было решено приобресть оружие для предстоящей борьбы. Мы, большевики, решили вооружиться для предстоящей борьбы, как это не было странно для членов Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) Заднепровья. В этот период было много сделано закупок, которые можно было и не делать. Арест Дмитрия Лебедя в первых числах февраля еще сильней ударил по натянутым нервам отдельных товарищей.

От Заднепровской ячейки остались только отдельные товарищи, которые, видя разгром, зарылись в скорлупу собственной безопасности и оградили себя от арестов. Преследования начали постепенно увеличиваться, так что жить и работать стало невыносимо. Нужна была помощь арестованным, нужна была закупка теплых вещей высылаемым. Начали ходить жены Аверина, Власенка, Лебедя по кассам помощи, но, увы, там было пусто. Глубоко убежден, если бы не наступила Февральская Революция, Заднепровская организация была-бы окончательно разгромлена. В это время приехал дезертирующий Петро Воронцов, который, сделав паспорт, поступил в Каменский

*) См. начало в „Летописи Революции“ № 3.

кооператив. Необходимо остановиться на нашем паспортном бюро, оно было поставлено более или менее сносно,—мы хорошо наловчились смывать старые паспортные книжки щавелевой кислотой. Это была одна красота.

Преследования еще больше усилились и нужно было покидать родное Заднепровье, спасаясь от тюрьмы. Решили ехать в Крым, откуда как-нибудь устроиться на пароход и махнуть в пределы недосягаемости Российского суда. Нас было трое: Гребенюк, Павлушка Прокофьев,—полуэсер, полуанархист и полубольшевик, и я. В последнюю ночь перед нашим от'ездом мы ночевали у Н. Кузовлева, члена организации с. Шодуара. Задумчивые, трое сосредоточили свое внимание на карте, где нам казалось, что за черным морем мы можем быть свободными, и не будем себя больше чувствовать затравленными волками, не будем менять еженочно по три, а то и по четыре квартиры. Чувствовалась усталость, апатия и безразличие, хотелось скорей уехать. Сидели долго, заучивая свои новые имена и фамилии, год рождения, семейное положение и род болезни, по которой были освобождены почти все в запас.

Легли спать, чутко вслушиваемся в каждый шорох, в каждый стук. Сквозь сон слышим осторожный стук. Молча готовимся к отпору и, пожав друг другу руки, становимся у дверей. Николай пошел открывать.—«Кто там?»—«Черти проклятые, разве можно так спать, стучу уже час и никак не достучусь. Открывай скорей». Слышим и не верим голосу,—оказывается т. Кульбачка, старший телеграфист ст. Екатеринослав. Он часто посещал общие массовки и был своим парнем. Тот, кто переживал такие минуты, мысленно приготовляясь дорого себя продать, тот поймет наступившее, естественно, беспокойство. Вошедший Кульбачка, торопливо поблескивая стеклышками пенсне, возбужденный, торопливо достал из ботинка тщательно скатанный кружок телеграфной ленты. Читает: «Волею восставшего народа и солдат, самодержавное правительство не существует, предлагается от имени Временного Правительства сохранять спокойствие, порядок и верность новому Правительству». Телеграмма, помню, была подписана министром путей сообщения Бубликовым. Телеграмма эта в первый момент вовсе нас не ошеломила, и мы, после пережитых минут, улеглись спать. На утро мы поняли, что началась революция и что нам вообще теперь преступно покидать Заднепровье. Сейчас-же распределяем роли: Павлушка уехал на Кайдаки за «техникой»—пишущей машинкой и бумагой. Луке поручили информировать всю организацию. А мне писать 2 листовки—одну к солдатам, а другую к рабочим. Всю ночь, уже не боясь арестов, печатали листовку через вощанку. На утро представили на утверждение К-та. Комитет предложил воздержаться от выпуска листовки к солдатам, в которой предлагается бросать оружие, брататься с немцами и забрать в свои руки землю. События начали разворачиваться с головокружительной быстротой, телеграф приносил все новые и новые вести, что царь уже свергнут, что войска на стороне восставшего Питерского пролетариата и уже приносят присягу на верность Временному Правительству. Не дожидаясь, в эту ночь мы захватываем типографию «Приднепровского Края» и печатаем, написанную Серафимой Гопнер, листовку к рабочим и крестьянам, с требованиями

8-мичасового рабочего дня, Учредительного Собрания. По отношению к фронту в листовке кажется не было ни одного слова. Листовки появились на следующий день, так что недоумевающая полиция не знала, что с ними сделать: или срывать листовки и сажать тех, кто их распространяет, или допустить эту вольность. Помню я на железнодорожном мосту сам вручил пачку листовок уряднику с наказом раздать их на селе, на что он с недоумением согласился.

3 марта из тюрьмы вышел Дмитрий и тотчас же возвратился в мастерские, где рабочие устроили ему шумную и искреннюю манифестацию, во время которой он—обросший, небритый, с бледным тюремным налетом, стоял растроганный до слез на наскоро воздвигнутой трибуне. Полились горячие, страстные речи освобожденного пролетариата. Энтузиазм был чрезвычайно велик—масса представляла из себя грозную, всесокрушающую силу, для которой уже не было преград, да и вряд ли нашелся бы какой-нибудь смельчак, который попытался бы остановить эту стихию. Немедленно был организован Совет Рабочих Депутатов. Председателем был избран вышедший из тюрьмы меньшевик Орлов. Настало время митингов, схваток между вышедшими из подполья политическими партиями. Праздновала свои именины партия эс-еров, наплыв и запись в нее рабочих были настолько велики, что некоторые члены партии, бросив имеющийся большевистский багаж, перешли к эс-ерам (Пашукевич). Появились анархо-коммунисты, к которым также тянулись некоторые большевики, в числе которых был и я. Мое сочувствие анархистам явилось результатом моей оторванности от партии, от своего кружка и руководителей—одни пошли в солдаты, другие сидели по тюрьмам, а третьи трусились за свое существование.

Я чувствовал себя оторванным «от ветки родимой», и прежнее подпольное тяжелое существование сказывалось в моих убеждениях и поступках. Назначенная демонстрация, кажется 5 марта, прошла с небывалым под‘емом. Весь проспект запружен людской лавой, бесконечное море красных знамен; и среди этого волнующегося красного шквала, черной точкой одиноко чернеет знамя анархистов—их немного, сбившись в кучу, они шли в рядах. С красными знаменами и без них проходят солдаты, рабочие. На улицах братание и слезы, лица горят возбуждением, находясь под впечатлением уличных ораторов.

Недоумение и беспокойство было написано у многих рядовых солдат, они не могли поверить, что уже кончились страдания, что нет больше Николая, а с ним царизма, павшего под напором народного гнева.

Это чувствовал каждый. Арестовали всю полицию и жандармов для отправки их в окопы на фронт. Полиция и жандармерия были заменены рабочей милицией. Грабежей, беспорядков в первые дни существования Временного Правительства почти не было. Переворот был настолько велик, что уголовные и закоснелые преступники чуть-ли сами не организовали свой союз и выпустили свою декларацию. Теперь над этим можно смеяться, но это было так. На фабриках, заводах почти не работали. Было время митингов, партийных споров. Агитационная горячка по вербовке своей партии была так очевидна, что рабочим начинали уже надоедать эти бесконечные споры

и горячие призывные речи. Губ. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, руководимый Орловым, не мог отражать все движение, а лишь плелся в хвосте развертывающихся новых событий. Поднялась бешенная злостная кампания против большевиков, которые не переставая вели агитацию за прекращение войны, за опубликование тайных договоров и передачу всей власти Советам. Эти лозунги все больше и больше завоевывали общее расположение рабочих. С проклятием и ненавистью встречала их буржуазия, эс-еры и меньшевики. На первомайской демонстрации почти все Заднепровье стало под знамена с лозунгами большевиков. На пролетарском международном смотру ясно определилось дальнейшее развитие февральской революции. Солдаты на фронте братались, а многие начали «самотеком» бросать фронт. Напрасны были жалкие попытки «калифа на час», главноуговаривающего Керенского, остановить начавшееся разложение в царской армии. Последней попыткой восстановить положение было знаменитое польское наступление, кончившееся почти полным разгромом русской армии. Чутко и нервно реагировал Екатеринослав на все происходящее. Начались аресты большевиков, как «немецких шпионов». Были случаи, когда применялись физические расправы, но тем не менее рабочие, солдаты и крестьяне, видя, что Временное Правительство по существу мало чем отличается от царского, продолжая войну и передавая фабрики в руках заводчиков, землю все же не передавало крестьянам. Все эти противоречия давали возможность Р.С.-Д.Р.П. большевиков пользоваться популярностью и поддержкой среди рабочих и солдат. Истрепанный лозунг «В борьбе обретешь ты право свое» начал постепенно тускнуть, напоминая старую монету, которую лишь подчистила февральская революция: блеск и очаровательность ее, которые привлекала в первые дни своего сияния, быстро уступили старому и верному огненному лозунгу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Рабочие на фабриках и заводах, с едва скрываемым негодованием, выслушивали меньшевиков, эс-еров, кадетов и проч. шваль.

Теперь они шли и слушали только большевиков. Выборы в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов дали положительные и хорошие результаты. Рабочие почти все отдали свои голоса большевикам, за отсутствием немногих. Нижне-Днепровская ячейка проходит в члены Совета. Все властней и настойчивей раздается лозунг «Вся власть Советам», «Долой Временное Правительство», «Долой тайные договоры», «Да здравствует немедленный созыв Учредительного Собрания!». Началась подготовка к выборам в Учредительное Собрание. Украинская С.-Д. Р. П., руководимая старыми эсдеками, начала развиваться не без успеха, ведя агитацию среди украинской отсталой рабочей и крестьянской массы за Самостоятельную Украинскую Республику. На шовинистическую агитацию, главным образом, откликались мелко-буржуазный элемент и значительная часть зажиточного обеспеченного крестьянства. Выборы в Учредилку подтвердили это положение.

Поступив обратно в мастерские, как уже амнистированные, мы, группа старых подпольных работников, приступили к делу. Вернувшийся из ссылки Власенко, прибывшие или, вернее, дезертировавшие из армии: Булат,

Воронцов, В. Клочко, а также и революционно-настроенная молодежь, которая выделила из себя активных и преданных молодых большевиков М. Живодерова, А. Минаева, Рудых, Звонарева, Дралова, не дожидаясь Октября, почти держали в своих руках всю власть управления мастерскими, за что и ненавидела же нас высшая администрация мастерских. Как сейчас вспоминаю эти прекрасные странички существования нашей ячейки. «Орлята», «Орлиное гнездо», так именовали рабочие мастерских наш «парламент», а парламент был настоящим парламентом, откуда сыпались запросы, куда приходили рабочие всех цехов с жалобами, где обсуждались текущие моменты, где починялись браунинги, наганы, маузеры, кольдты, где в товарном вагоне (в парламенте) производилась проба и стрельба в цель. Далеко обходила администрация наш вагон, лишь рабочие протаптывали к нему дорожку.

Все приезжающие ораторы из города всегда просили у нас разрешения выступать на общих собраниях. Мы «благосклонно» разрешали, не имея на это решительно никаких прав, а потом перед рабочими разоблачали всю фальшь этих негодных проповедников Учредительного Собрания и войны до победоносного конца.

Никого рабочие не хотели признавать и слушать, кроме большевиков, что говорит «парламент», то и принимают. К постановлениям нижне-днепровцев чутко прислушивалась чуть ли не вся Екат. ж. дор. Были случаи, когда александровцы, луганцы, паровозники присылали своих делегатов узнать, что у нас. Наше решение—было решением всей революционно-настроенной массы железнодорожников.

В августе была об‘явлена всероссийская забастовка железнодорожников. Нижне-днепровцы первые бросили работать. Ударили по старому обычаю в буфера, затрезвонили в тарелки, заревел не в урочное время гудок. Торопливо, останавливая свой бег, застыли трансмиссии. Прекратилась перекличка слесарных молотков, тяжело вздыхая, выпуская белый пар, остановились молота. Радостно возбужденные лица молодежи, сурово сосредоточенные старики, зла и нахальна вся администрация. Единогласно, при восторженных восклицаниях, был избран стачечный комитет, впоследствии Главный Дорожный Комитет. В него вошли: тов. Лебедь, Нейжмак, В. Клочко, А. Суханов, остальных же не помню. Настроение было бодрое, уверенное, в числе экономических требований были важные политические и принципиальные вопросы—немедленной передачи всей власти Советам, вооружение рабочего класса через организацию Красной Гвардии, передача земли крестьянам и фабрик рабочим. На первом же заседании стачечного комитета была дана телеграмма по всей линии о прекращении работы с предложением выслать своих представителей в Дорожный Стачечный Комитет. Одновременно с этим, меня и В. Клочко делегировали по всей линии Ек. ж. д. для раз‘яснения текущего момента и организации первых красно-гвардейских отрядов из железнодорожного пролетариата для отпора надвигающейся контр-революции. Первым отходящим товарным поездом, комфортабельно устроившись в пульмановской коробке на руде, мы выехали на линию Синельниково, Чаплино, Пологи, Бердянск, Ясиноватая, Таганрог

и Ростов. В указанных пунктах мы делали остановки для наших докладов: Володя по текущему моменту, а я по организации красно-гвардейских отрядов. Осторожно, с присущим недоверием, туго поддаваясь на наши молодые, уверенные призывы, задавая бесконечно-много различных вопросов, отвечала нам отсталая линия, тем не менее сейчас же приступила к организации боевых отрядов под видом железнодорожной охраны от расхищения государственного имущества. Не будучи совершенно связанными с Дорожным Комитетом, не зная сложившихся обстоятельств, мы продолжали свое дело, передвигаясь на дрезинах, паровозах, случайных поездах к узловым пунктам. А обстоятельства сложились так: «Викжель», видя, что забастовка принимает грандиозный характер и что поезда остановились, а телеграф перестал действовать, струсил и чуть было предательски не сорвал Всероссийскую стачку. Посыпались телеграммы прекратить все стачки и приступить к работе. Но у нас в мастерских не приступили к работам, рабочие ждали своих любимцев с линии. После упорных призывов членов стачечного комитета, пользующихся уважением масс, т.т. Нейжмак и Лебедя, рабочие нехотя приступили к работам. По этому вопросу мы «раскололись»: часть руководителей стачки настаивала на продолжении забастовки (к этой части принадлежал и я). За что кое-кого чуть было не исключили из состава организации. Но работа не клеилась, рабочие только входили в мастерские для того, чтобы бесконечно митинговать по различным вопросам, главным образом, по вопросам отсутствия продовольствия и неуплаты жалованья. В этот прекрасный момент истории Нижне-Днепровских мастерских, огромной репутацией, товарищеской любовью и уважением пользовался расстрелянный гайдамаками Володя Клочко. Низкий, немного сутуловатый, застенчивый, что красная девица, Володя был кумиром мастерских и систематическим председателем на всех общих собраниях. Вечно суетящийся, прямой и бесхитростный, Володя был великолепным конспиратором, старый и незаметный в общей партийной массе большевиков, теперь делал большое дело. Его можно было видеть везде: в библиотеке, в столовке, и в Совете; к нему, как к родному отцу, приходили группами рабочие за раз'яснениями и он, вечно вежливый и предупредительный, делился со всеми. Славный, прекрасный Володя, жаль, что слишком рано ты сложил свою умную головушку! Лебедь и Власенко, вышедшие из мастерских и работающие в Исполкоме, не импонировали в то время настроению рабочих. Часто им не давали говорить; особенно это можно отнести к комиссару дороги Власенко.

На него рабочие смотрели, как на забюрократившегося и оторвавшегося от рабочих; положение его было не совсем хорошее. Лебедь, будучи членом Исполкома, не терял связи с мастерской, так что его авторитет рабочими признавался, но были все же случаи, когда наэлектризованная «парламентом» масса не слушала его. Ведь сейчас, когда позади уже имеется пройденный путь, можно, да и должно быть откровенным. Пусть не обижаются на мое беспристрастное, но правдивое определение той чрезвычайно сложной обстановки, в которой нам приходилось жить, работать и держать экзамены на подготовление к Октябрьской Революции. А она приближалась....

VII

ОРГАНИЗАЦИЯ КРАСНОЙ ГВАРДИИ

Временное правительство, видя свою неминуемую гибель, начало активно пресекать «раз‘едающую организм государства большевистскую язву». В истории организации первых вооруженных отрядов рабочих на Екатеринославщине нижне-днепровцы шли первыми. С нашей стороны, в ответ на мероприятия Времен. Правит. мы усиленно и лихорадочно создавали штабы и отряды. Во главе штабов и отрядов стояли активные, старые и преданные большевики. На Брянском заводе руководил организацией, вернувшийся из ссылки, тов. В. Аверин. У нас за Днепром организация выпала на долю Володи, меня и Булата. Булат, как вернувшийся из армии, был нашим красным инструктором. Рабочая молодежь, впервые получившая оружие, активнее всех откликнулась на наши призывы и приступила к практическим занятиям. В то время была принята, как лучшая система, соединение отдельных бойцов по десяткам. Параллельно с нами начали вооружаться и украинцы, выделяя свои боевые единицы гайдамаков, «вільне козацтво», из мещанской интеллигенции и отсталой деревенской массы. С фронта целыми полками, дивизиями и эскадронами, возвращались солдаты домой. Не требовалось большой агитации для того, чтобы они, усталые и рвущиеся домой, сдавали оружие в штабы Красной гвардии за продовольствие и фураж. Штабы Красной гвардии группировались и имели свою основную базу на фабриках и заводах. Заводы Брянский, Сириус и Гантке были по существу действительной, не официальной властью. К нам в штабы приходили рабочие и обыватели за той или иной помощью и поддержкой. Были неоднократные случаи, когда приходили жены с просьбами воздействовать на пьяницу мужа и т. д. Помню, еще задолго до Октябрьского переворота, нам нужно было ехать в город; мы двинулись пешком с Володей; по дороге встречается местный богач на хорошей пролетке. Володя, указывая на красную физиономию хозяина, сказал: «А знаешь, Шурка, ведь, чорт возьми, мы власть, а разве нам стоит ходить пешком, давай к черту его пошлем, а сами поедем». Я согласился. И вмиг удивленная рожа, под угрозой пары браунингов, была ссажена и мы поехали в город,—так свершилась первая «реквизиция».

Появилась у нас и хозяйственная часть. Первым завхозом Ревкома был Виктор Перенский, которому сдавались все наши первоначальные реквизиции. Там-же варился для нас, гвардейцев, борщ и каша. Первые раскаты далекого Петроградского Октября донеслись до нас в ноябре. Петроградский пролетарий-солдат и матрос своею кровью уже завоевал власть Советов. Зашевелилась и провинция. Общая обстановка, в которой находилась вся Украина, и, в частности, Екатеринослав, не давали возможности нам сделать также переворот. Нужна была подготовка. Нужно было дискредитировать идейно украинских шовинистов, организовавших в Киеве свою Центральную Раду. Одним из событий того времени был приезд С.Р. Марии Спиридоновой в Екатеринослав. Общее собрание всего Заднепровья назначено было у нас в мастерских, в знаменитом товарном цеху.

Нижне-днепровцы ходят сегодня именинниками, они принимают гостей всего Заднепровья с Марией Спиридоновой. Громадный цех, разукрашенный знаменами с Октябрьскими лозунгами, не мог вместить всех желающих. Суетятся эсеры,—они недовольны, чувствуют себя сконфуженно—они добивались и просили, чтобы президиум такого громадного, колоссального митинга, посвященный Октябрьскому перевороту, был исключительно из эсеров. Ведь Мария-то эсерка. Мы отвечали, что рабочие кого выберут, тот и будет. Море замасленных шляп, картузов, кепок, сизый дымок от бесчисленных цыгарок тянется струйками вверх. Шумят нетерпеливо, выказывая свое негодование, что приходится долго ожидать. Наконец, толпа зашевелилась, все смолкло. «Дорогу, дорогу, торариш». Передние расступаются, с нескрываемым любопытством осматривают маленькую, щупленькую, худенькую фигурку Маруси Спиридоновой. На ее лице радость и печаль. Все стихли. Открывающий собрание, в то время эсер, Пашукевич предлагает избрать председателя и секретаря. Тысяча глоток разом прокричали: «В. Клочко и Суханова».—«Есть ли еще какие кандидатуры?»—«Не надо, довольно». Голосуют. Море мозолистых рук. Взбираемся на трибуну. Уходит смущенный и не выбранный Пашукевич. На повестке дня: Доклад участницы переворота Спиридоновой. Бурная овация. Лицо ее одушевлено. Стихло. Начала говорить. Говорит она крикливо и истерично. Говорила долго. Жаловалась на жестокость, которую проявили красногвардейцы по отношению к женскому баталиону, охранявшему до последней минуты Зимний Дворец. Заканчивая с призывом сплотиться вокруг Совета. Эсеры раскололись; во главе раскола осталась Мария Спиридонова, признавшая Октябрьскую революцию и лозунг «Вся власть Советам». Поздней ночью митинг закрылся. Принята была резолюция, предложенная большевиками.

Переживаемое время властно требовало усиления и вооружения Красной гвардии, в то время разделенной на многочисленные отряды, но не связанные в одну общую боевую единицу. Дисциплины в рядах красногвардейцев не было, но было революционное сознание. Всякие «боевые» задания выполнялись безукоризненно и точно. Боевые задания были различны и иногда принимали нежелательную окраску. Одновременно с нашей работой, готовились и гайдамаки, имевшие преимущественно вооруженных. Они, будучи официальной властью, имели броневики и достаточное количество пулеметов, а также имели и обученных солдат, словом, естественно, были до некоторой степени хозяевами положения в центре города. На рабочие окраины они своей власти не проявляли, да они и боялись сунуть туда свой нос. Настроение в городе и в Совете Рабочих Депутатов было обостренное и выжидательное; каждый знал и чувствовал, что надвигается борьба. Борьба уже настоящая, где примут участие броневики, пушки и пулеметы, борьба упорная и жестокая. Рабочие разделились на 2 враждебных лагеря. Красногвардейцы, увешенные бомбами, в рабочих засаленных отрепьях, и «вільне козацтво», возглавляемое мещанской, украинской интеллигенцией с червонными «китицями»,—каждый лагерь усиленно готовился к решительному бою. Екатеринослав в то время весь был на улицах и перекрестках. На площадках перед заводами обучали красногвардейцев. Носились слухи, будто Центральная Рада поехала в Берлин,

для заключения военного договора. На перекрестках, в лавочках солдаты, уничтожая в то время десятками стаканов, семячки, продавали папиросы и играли в карты. Семячки лускали все, была такая мода щелкать, не разбираясь где,—в театрах, вокзалах, вагонах, словом, везде, где только можно сделать движения рукой от кармана ко рту. Тротуары, скверы, площади, театры и, вообще, все присутственные места были усеяны слоем шелухи. Но революционное настроение росло и укреплялось в сознании рабочих. Жены, сестры и матери, проклиная все и вся, стоически, не взирая на погоду, днем и ночью занимали очереди у булочных, дровянных и др. складов, отпускающих предметы первой необходимости. Каждый запасался, чувствуя надвигающуюся грозу.

Воровства было очень много, воров ловили с украденным и целыми толпами с плакатами водили по улицам; были случаи дикого самосуда, когда перед огромной собравшейся толпой возле милиционной части, были по приговору толпы расстреляны 5 неисправимых бандитов.

Декабрь 1917 г.—пора сосредоточенности и наивысшего напряжения всех сил. Буря Октября начала дышать на дальний Екатеринослав, приближавшийся к своей развязке. 27 декабря 1917 г. один из отрядов Красной гвардии, под руководством анархо-коммунистов, поселившихся в Английском клубе, увез авто-броневик у гайдамаков. В результате начался долгожданный бой. Рабочие, имея свои штабы на окраинах, двинули отряды к своему родному Совету, затрещали пулеметы, затявкали винтовки, начал разгораться уличный бой. Впервые потрясая воздух, прогремела артиллерия противника, часть отрядов пробилась к Совету, и началась героическая защита его. Небольшой группой гайдамаки засели на почте. Каменная губернаторская стенка забора до сих пор и много еще лет будет хранить следы осады и обороны.

В Нижне-Днепровске, где были сосредоточены значительные силы гайдамаков, под руководством прапорщика Чернобая, они с первым выстрелом в городе двинулись на север, предполагая отрезать Екатеринослав от поддержки с севера. Мне, как руководителю штаба, было дано задание Губ. Ревкомом разбить ушедших на север. Мигом отряд погрузился в вагоны. Настроение становилось лихорадочным: все суетились, кричали, давали распоряжения; нетерпеливое ожидание создавало панику. Неумелое обращение с оружием давало лишние, ненужные жертвы. Управляя паровозом, машинист струсил и, не доезжая до Игрени, мы были подвергнуты с обеих сторон перекрестному, пулеметному и оружейному огню засевшими в постройках казаками. Поезд остановился и мы залегли. С полчаса длилась перестрелка, во время которой свистали пули, с визгом лопались провода от пуль.

Положение наше становилось не совсем хорошим. Противник, будучи защищенным, только лишь усиливал огонь. Нас били с двух сторон. Создавшаяся боевая обстановка требовала перехода от обороны к наступлению, и мы пошли в атаку... побежали. Бежать пришлось около версты, сперва в перебежку, а потом беспорядочными цепями, чтобы прикрыться за каменные конюшни и дровянные укрепления. В это время зачастили пулеметы. Охватывая с правого фланга лобовым ударом, наша цепь выбила засевших

гайдамаков. Расстреливали всех попадавшихся, преследуя до самого наступления темноты. С нашей стороны был один убит и двое раненых. Во время этой перестрелки нами был захвачен в плен их головной атаман—Панасюк. Мне стоило больших усилий убедить рязгорячившихся товарищей в ненужности его расстрела.

Во время этого боя на Игрени в городе создалось положение не в нашу пользу. Засевшие гайдамаки на почте упорно защищались, ожидая поддержки с запада. В это время главные силы Красной гвардии, сосредоточились в улицах, прилегающих к Совету.

Были моменты колебания среди ответственных руководителей партии, склонявшиеся было на перемирие и переговоры. Об‘единенцы из‘явили свое согласие быть посредниками. Момент был критический. И только благодаря нашей, казалось, маленькой и незначительной, победе на Игрени, недопустившей до перемирия и соглашательских тенденций, положение было спасено. Прибывший беспрепятственно со стороны Синельниково первый отряд Питерских и Московских красногвардейцев под командою В. Иванова, быстро ликвидировал почту, так что участь Центральной Рады и ее сторонников в Екатеринославе была решена.

Красное знамя власти Советов было водружено на бывшем доме губернатора. После этого был тотчас организован Губревком, председателем которого стал Квиринг, а начальником штаба Красной гвардии—т. Аверин.

На железной дороге власть перешла в руки нижне-днепровцев, с комиссаром дороги тов. Власенко. Исполком почти целиком состоял из нижне-днепровцев: Лебедь, Баглей и др. В Заднепровьи же председателем Ревкома был Суханов, а членами В. Клочко, Акерман, Пульман. Начальником же штаба—П. Чередниченко, анархо-коммунист.

В первый момент существования Советской власти на Заднепровьи, помимо военных операций против разбежавшихся гайдамаков по селам и деревням, внимание стало сосредотачиватся на вопросах чисто организационных. Верной и настоящей связи с Питером не было. Все создавалось у нас наспех, без всякого расчета и государственного опыта. Рабочие, взявшие впервые власть в свои руки, почти остались одни, спецы-интеллигенты стали в сторону—их мещанская, веками укоренившаяся, психология, не могла согласиться и примириться с мыслью, что рабочий, не умудренный государственным опытом, без дипломов, сам правит страной.

Начался организованный саботаж. Нежелание работать в органах власти проявлялось почти демонстративно. Естественно, перед нами возник вопрос заставить этих бездельников работать под угрозой прекращения своих жалких жизней, и они «работали», живя различными слухами, которые каждый день были так чудовищны, что обыватель начал к ним привыкать и становился безразличным.

VIII

Предательская Центральная Рада, видя свою беспомощность, заключила позорный для истории Украинской Революции договор с правительством

Вильгельма, по которому отошла к ним почти вся хлебородная Украина с условием, что войска Вильгельма очистят Украину от анархии и большевиков. Один за другим падали города, села и поселки под превосходным натиском немецких войск. Красногвардейским отрядам пришлось отступать на север почти без серьезного сопротивления. Создалось тяжелое положение: с одной стороны—наступающий противник, а с другой—буржуазия и националисты, продолжавшие свое гнусное дело. Во время создавшейся паники, снова начало организовываться «вільне козацтво», с которым теперь мы были бессильны бороться.

3 апреля 1918 г. в 16 час. дня в Екатеринославе поднялась провокационная стрельба из трамвайного депо. Немцы в это время заняли уже Верховцево. Забили тревогу. Ревком, панически настроенные и слабые духом красногвардейцы, члены партии, а также и обыватели создавали лишь невообразимую панику. Бросалось оружие, снималось военное обмундирование, красными змеями потянулись длинные, перегруженные эшелоны на север, Екатеринославский Ревком эвакуировался, вся губернская власть оставила город. На улицах Заднепровья хаос и беспорядок. Ружья, патроны, сумки, подсумки топчутся в грязи. На улицах, у своих домиков удивленный, ожидающий обыватель. Мучительно долго тянется время. На совещании начальников отрядов почти все настаивают на немедленной нашей эвакуации.

— «С кем и чем мы будем сопротивляться, когда у меня в отряде осталось всего человек 90», заявил, теперь уже умерший, старик коммунист Зинаков.

— «А у меня и того нет»,—с грустью подтвердил Манкевич (убитый после бандитами).

— «Товарищи, нам нужно во что бы то ни стало сохранить спокойствие и не покидать Нижне-Днепровска до тех пор, пока не будут выведены эшелоны, мы должны покинуть город последними. Все, кто желает уходить, уходите, не мешайте штабу и не вносите панику, мы останемся последними»,—заявил я.

Меня поддержали, это подействовало, решили отправить ожидающий нас эшелон, а сами остались, чтобы в последнюю минуту двинуться походным порядком. Подошла артиллерия. Было желание открыть ураганный огонь по мятущемуся в панике городу, но разум и бережливое отношение к людям остановили от этого желания.

В 4 часа утра 4-го апреля на Днепровском мосту показались первые головные сводно гайдамацко-немецкие отряды, которые были встречены нашим огнем из единственного «Максима». Но мост все же держали до рассвета.

В 8 ч. начальники отрядов т.т. Пошкус, Черноусов, Зинаков, Манкевич с частью верных рабочих и красногвардейцев, группами в 40 человек, начали отходить к Синельникову, где должен был нас ждать отправленный еще раньше наш эшелон. Ухнула первая немецкая батерея, заворчал пулемет, затявкали безпорядочно винтовки. С болью в сердце покинули мы родные места. Что ждет нас впереди—никто не знал. Многие из нас оставили на произвол судьбы свои семьи. Много жутких и тяжелых картин пережили мы тогда. Сколько ненужных, бессмысленных жертв пало от неумения обращаться с оружием; были даже случаи, когда нападали

друг на друга наши же отряды. Только теперь, когда видишь стройно проходящие красные части, вспоминаешь прежнюю нашу Красногвардейскую Армию.

Украина оставлена. Ряд попыток задержаться на рубежах Донбасса и Дона не увенчались успехом. Поражение было ясное. Как губернская, так железнодорожная власти эвакуировались в Москву. Нас, как железнодорожников, отправили на Урал. Вся активная часть ячейки, кроме Д. Лебедя, Власенко и Баглея, поехала на Урал. Как то чуждо, непривычно было нам, украинцам, быть вне политической борьбы. Все рвались обратно. Проездив около 2-х месяцев, мы возвратились в Москву. Как никогда, тянуло обратно на Украину. Приехал Петя Воронцов, который оставался сам на Украине. С присущим ему жаром стал он нас ругать за разгильдяйство. Решили ехать, но не пачками, а по одиночке. Первыми выехали на Украину В. Клочко, Булат, вернувшийся из Харькова и поступивший было в Артиллерийское Военное училище в Москве, за ним В. Перенский, Макаров и другие члены партии, позднее в августе выехал на Украину через Москву и я.

Все ярче, все сильней разгоралось потушенное пламя Октябрьской революции на Украине. Революция снова своими огненными языками начала лизать тело оккупированной немцами страдалицы-Украины, стонавшей под тяжелым гнетом немецкого сапога и австрийского штыка. На улицах городов расстрелы и казни рабочих приводились публично. В селах, в деревнях вернувшиеся помещики на воротах своих разоренных усадьб вешали крестьян, пороли, обвиняя их в большевизме. От села до села тянулись тяжело нагруженные подводы с хлебом под усиленным конвоем немцев. Это был хлеб, который брался по договору и отправлялся в Германию.

Все это требовало от партийной организации, находившейся в подпольи, поскорее приступить к формированию повстанческих советских полков. Во главе Областного Комитета К.П.У. Донецко-Криворожского бассейна стояли и руководили всей борьбой те же нижне-днепровцы. Секретарем Ока был избран на Орловской конференции в октябре 1918 г. т. В. Клочко (Кошко), его заместителем А. Суханов (Юрбин), членами Ока: Макаров (Иванченко), А. Клочко (Турульченко), Егоров (Евдокимов) и с Донбасса Луганец Николай.

Работа в это время сводилась к организационному периоду, собрались распыленные единицы бывших красногвардейских отрядов, комплектовались уже полки, а не отряды. Вели агитационно-пропагандистскую работу, в общем, усиленно готовились к выступлению. Революция в Германии и Австрии застала нас уже совершенно подготовленными к выступлению. Выборы в Совет Рабочих Депутатов г. Екатеринослава, несмотря на существование, фактически не существующей, гетманщины, прошли великолепно. Меньшевики отказались от участия в выборах, спрятав свои интеллигентские запуганные физиономии. Они по старому держали курс на Петлюровщину.

В конце ноября, когда уже начал спадать тяжелый гнет полицейских репрессий по отношению к нашей партии, существовавшей почти легально, имея свои открытые штабы: 1) в Кайдаках—руководителями штаба были

избраны Ф. Золотов, Я. Кузнецов, выпущенные из тюрьмы Сериков и Хавский. В Нижне-Днепровске находились на заводе Гантке Областком, Губревком и его Исполнительное Бюро: т. Георгий (Кренцберг), Арно (Наумчик) и я. Остальные члены Ревкома были на местах. В Павлограде—Миронов, в Кривом-Роге—неизвестно кто, в Новомосковске—Архипов, в Н.-Днепровске—Макаров (Иванченко), А. Клочко, Солонуха. Приехали и из центра члены ЦК: Александр Грузбарх, редактор Звезды—Берг, уполномоченный ЦК—Красавец Борис. В общем, партийцев с каждым днем все больше и больше прибывало.

Сосредоточив свое внимание на Екатеринославском районе, Обласком, учитывая промышленный центр и стратегический военный пункт, вел усиленную агитационную работу среди войск Директории. Мы брали, так называемую, пошлину со всех проходящих по «нашей» территории эшелонов казаков и гайдамаков. Устройство открытых митингов в эшелонах, где обязательным условием было присутствие наших рот, давало большие результаты. Казаки, после целого ряда наших выступлений, кричали: «Слава Радянской влади, Ганьба Гетьману и Петлюре!», и с оружием в руках, по одиночке или группами покидали свои эшелоны, несмотря на все уговоры их десятников и хорунжих.

Екатеринослав в это время насчитывал 3 власти: первая власть—немцев, которые еще не были обезоружены, вторая власть—Добровольческого VIII корпуса, занимавшего Феодосийские казармы, и третья, официальная,—Директории. Первые две власти были разбиты и частично обезоружены Петлюровцами. Оставались еще мы, занимавшие жел.-дорогу, как с запада, так и с севера. Такая обстановка привела Директорию к мысли обезоружить и нас.

Первая попытка обезоружить Кайдакский штаб им удалась. Арестовали штаб во главе с Золотовым. Пишущему эти строки, вместе с Пульманом, пришлось ехать уже под белым флагом на переговоры в штаб Василенко и Горобця. Володя убедительно просит не ездить, он персонально голосовал на Областкоме против посылки. Едем тачанкой. Половина моста в наших, а другая в руках петлюровцев.

— «Стой!»—слышим окрик патрульного.

— «Мы делегация от большевиков, едем в ваш штаб, чтобы предотвратить бой между вами и нами. Вы такие же рабочие, как и мы, и считаем, что нам друг против друга воевать не нужно а, об'единившись, общими усилиями нужно бить буржуев и их защитников».

— «Це дуже було-б гарно, а то ми тут стоім и думаєм, як стрілять в робітника і селянина»,—отвечает нам рослый здоровый Запорожский сичевик.

В штабе нас предварительно обыскали, вежливо попросив обождать. Ждем. Во всей работе штаба чувствуется неуверенность. Нас окружают любопытные сотники и сотрудники. Посыпался ряд тревожных вопросов. Спокойно отвечаем.

— «Пожалуста, прохаємо вас, не вести тут ніякої агітації, це вам не в вашім штабі».

Так же вежливо извиняемся и, обратившись к любопытным, говорим, что у нас свобода не на словах, а на деле, кто желает, может в этом убедиться. Нас вводят в штабную комнату, где сидели за картой Василенко, Горобец, Мелашки и другие члены штаба. Пред'являем свои полномочия и предложения нашего Областкома, которые сводились к 3 основным пунктам.

1. Освобождение арестованных и возвращение отобранного оружия.

2. Не препятствовать к созыву выбранных рабочих в Совет Рабочих Депутатов.

3. Устройство митингов и дискуссий в их частях и свободное распространение нашей литературы.

Остальные пункты были второстепенными.

Долго спорили, ругались. Петлюровцы угрожали стереть нас с лица Н.-Днепровска, но мы в чрезвычайно спокойной форме отвечали на их истерические угрозы. После 2-х часовых ожесточенных переговоров, вылившихся во взаимную агитацию друг друга, они согласились лишь освободить арестованных кайдачан, предложив нам немедленно покинуть город. Видя такую обстановку, мы решили об этом предупредить кого следует в городе, заехали в редакцию «Звезды» и вернулись обратно. В этот же день было разогнано петлюровцами первое заседание Совета Рабочих Депутатов.

Выступление петлюровцев было неминуемо, об этом говорилось открыто и делались соответствующие военные приготовления. Смеркалось. Приезда в Областком ждали с нетерпением. Володя, потеряв надежду видеть нас живыми, настольло был растроган, что расцеловался.

— «Знаешь, Шурка, а я думал, что Вас шлепнут, ну хорошо, что вернулись. Нами решено было наступать, я решил было пойти в город»—сказал он. Сколько его не уговаривали, сколько не просили, указывая, что не вызывается никакой необходимости идти в город, он все-таки пошел. Их пошло трое: Володя, Александр Глузбарх и редактор Звезды—Берг. Пошли для того, чтобы уж больше никогда не прийти обратно. Их расстреляли, как нужно предполагать, в эту же ночь.

Областком КП(б)У имел общую директиву от Центрального Комитета партии на предмет захвата города. Для наиболее успешной борьбы, если будет необходимо, то войти с этой целью в соглашение с Махно. Ранее установленная Областкомом связь с ним дала возможность вызвать Махно в Н.-Днепровск. На предварительном заседании Областкома, при обсуждении соглашения, часть членов Областкома и некоторые рабочие высказывались против соглашения, считая Махно простым разбойником и не желая подрывать авторитет советских повстанческих войск; ссылались на то, что и рабочие в своей массе смотрят на Махно, как на грабителя.

Однако, большинством было решено войти в соглашение. Вечером того же дня прибыл Махно со 100 всадниками и 400 пехотинцами. На соединенном заседании Областкома Екатеринославского Ревкома, командования Махно и наших частей, при обсуждении вопросов о наступлении на город, Махно и часть его командиров колебались, высказывая неуверенность в своих силах. Однако, сообщения из города, что происходящий с'езд

крестьян, созванный почти со всей губернии, осудил политику Директории за разгон Екатеринославского Совета Рабочих Депутатов, а также предположение, что один из артиллерийских командиров Петлюровских войск Мартыненко (в 1921 году погибший при крушении поезда политсекции Александровского района) готов перейти на сторону советских повстанческих отрядов, окончательно сломили колебания Махно. 27-го декабря утром махновцы и первый Ново-Московский советский полк пошли в наступление. За несколько дней петлюровцы изгнали из города 8 корпус Добровольческой армии, а также разоружили немецкие части. Несколько недель Екатеринослав был поделен на сферы влияния трех военных сил и четвертой—советский штаб в пригороде. В план наступления входило: занять мост и вокзал и повести стремительное наступление на почту и штаб противника. Первая часть была выполнена блестяще. Несколько человек, переодетых в рабочие костюмы, с одними бомбами отбили пулеметы охранявшие мост. Вокзал был взят после короткой перестрелки. Здесь были захвачены два орудия. Махновской кавалерии во главе с Щусем не удалось перейти мост. С незначительными потерями она возвратилась обратно. Махно обрадовался захвату орудий и стал руководить их установкой. До этого ему не приходилось иметь в своей «армии» артиллерии.

В этот же момент Мартыненко с 16-ю орудиями и со всей своей прислугой перешел на сторону повстанцев. Сообщение об этом усилило энтузиазм наступающих. Махно сам взялся за одно из орудий. Вечером бой стих. Собрался военный совет. Махно со своими «сынками», которые были одеты в живописные разношерстные костюмы, от черкесской бурки с чекменями и казацкой папахи, до штатской шубы и матросской куртки. Это был действительно оригинальный военный совет, каким может быть только совет из повстанцев. Тут же были и левые эс-еры, отряд которых присоединился ночью. Решено было во что бы то ни стало взять город. Но уже ночью махновцами начались грабежи магазинов и домов прилегавших к вокзалу улиц.

Грабежи приняли стихийный характер и не прекращались до утра. За ночь Махно несколько лиц расстрелял, однако, это были случайные жертвы. Своих «сынков» Махно не трогал, хотя и видел, как они преображались, украшая себя награбленным добром. 28 декабря большая часть города была занята. Левые эс-еры заключили блок с Махно, так что каждое место в Ревкоме пришлось отстаивать с бешенством. При этом Махно похваливал своих «хлопцев» за их беззаветную удаль. Эс-еры же начали величать Махно «батьком», все время заискивая у него. Многие члены Областкома осудили Махно, жалея о совершившемся соглашении, так как к тому времени махновские грабежи в городе достигли чудовищных размеров.

Разговоры о конструировании власти вылились в острые и гаденькие формы торговли. Коммунисты готовы были отказаться, призывая к революционной совести эе-еров и Махно. Вдруг быстро вбегает б. поручик Тосинский, комадир одного из советских отрядов, лихорадочно ища места, где бы ему спрятать свою великолепную серебряную шашку, впопыхах сообщил, что

противник наступает. Оказывается, что в то время, пока происходила постыдная торговля, как снег на голову, свалился полковник Самокиш со значительным отрядом. Поднялась паника, пропал и петушиный задор Махно. В этот момент минутного столбняка Махно из грозы германских и гетманских солдат превратился в жалкого труса. Он первый бежал из зала заседания, оставив даже своих «сынков», которые не замедлили последовать примеру своего вождя. Оставшиеся эс-еры начали посылать проклятия своему недавнему другу.

Отряды Самокиша быстро выгнали пьяных махновцев, многие из них погибли при переправе через Днепр. Екатеринослав был отбит. Так закончился первый военный экзамен вождя повстанцев.

Необходимо отметить, что Махно был назначен командующим всеми вооруженными силами, наступающими на Екатеринослав, и ему указывалось, что его обязанность не сидеть в Ревкоме, а закрепить положение в городе и установить порядок в частях. После оказалось, что потери махновских отрядов при наступлении были ничтожны, и вся тяжесть была вынесена Ново-Московским повстанческим советским полком, состоящим из здоровых, молодых крестьян того же уезда. Из них осталась в живых ничтожная кучка, которая, вместе с остатками штаба, в котором в большинстве были члены Областкома, отступила под огнем отрядов Самокиша.

Много погибло в это время прекрасных, преданных революции товарищей, о них я буду говорить в последней главе моих воспоминаний. Часть наших отрядов пошла через Новомосковск к Лозовой, другая, распыленная, в одиночку осталась в Екатеринославе и Каменском. Остались А. Воронцов, А. Суханов, А. Клочко, Хавский, Лихомасов, Егоров, Перенский В. с Георгием Кренцбергом. В Полтаве Кренцберг был зверски расстрелян гайдамаками.

На этом можно оборвать свои воспоминания, посвященные десятилетию существования Н.-Днепровской ячейки. Еще не закончена борьба, еще впереди целый ряд преград, которые вся партия в целом и оставшиеся н.-днепровцы долго будут достойно преодолевать.

Есть в Советской Республике может быть и старейшие ячейки, которые также дали для партии целый ряд хороших организаторов, но мне почему то думается, что Заднепровье, которое сейчас находится в чрезвычайно тяжелом положении, было и будет вечным резервуаром, откуда коммунистическая партия будет черпать все новые и новые силы. В своих воспоминаниях я совершенно не коснулся всех последующих периодов существования Советской власти на Украине, полагая, что этот период также является интересным. Пусть другие участники ячейки так же не обойдут молчанием. Мне хочется в заключение посвятить только несколько строк незабвенному Володе.

Владимир Юрьевич Клочко родился в 1889 г., а расстрелян в 1918 г. Не разгаданы пока еще тайны исчезновения трех товарищей в исторические декабрьские бои 1918 г., среди которых был наш любимец, Володя. До сих пор еще теплится слабая надежда, что он жив; до сих пор еще передаются легенды о том, что он где то был, что его озверелые петлюровцы взяли

заложником. Но увы! тщетны ожидания оставшихся и мы не видим его среди своих поредевших рядов основоположников ячейки при мастерских.

В Минской губернии, в почерневшей, кривившейся на бок, избушке родился Володя. Отец его был рабочим, семья была большая. Учился и кончил сельское училище; после училища, как и многие из нас в то время, гонимый нуждой, он поступает 16-летним юношей в вагонные мастерские. С юношеских лет Володя присматривается к окружающей его жизни. Его не могут удовлетворять развлечения, которыми располагала в то время молодежь. Он стал присматриваться к окружающей его жизни, начал задумываться над положением рабочего класса. Пытливый ум не мог мириться с окружающим бесправием, и он приходит к выводу, что нужно пополнять свое образование, нужно быть развитым человеком и с головою погружается в пополнение своего незавидного знания, отдаваясь безудержно. Долго и упорно он искал ответа на один вопрос—для чего живу я? Это стремление к познанию и самоопределению самого себя сталкивает его с такими видными вождями масс, как Д. Лебедь, Воронцов. После этого Володя понял, определил свое назначение и в результате стал достойным и верным, стойким борцом за человеческое существование, за светлое будущее миллионов трудящихся. Учеба и борьба, которую вел в то время Володя, была так очевидна, что отвечала жизненным задачам. Не стану останавливаться на этом периоде творческой созидательной работы, которую вели заднепровцы по укреплению и развитию классового самосознания Заднепровского пролетариата. Много камней положил в этой работе Володя. Еще и до сих пор, если кому-нибудь придется быть в Клочковке, названной его именем из бывш. Султановки, то легко можно услышать любовное, искреннее сожаление о нем. Мне хочется отметить основную черту вечно бегающего, занятого Володи. Это его чрезвычайная искренность и свойственная ему склонность разбирать теоретически, прежде чем разрешить практически тот или иной вопрос. Если всмотреться в его бледное и бритое лицо, взглянуть на его сутуловатую фигуру, на пытливо всматривающиеся его черные глаза, то может показаться, что это человек, несмотря на свой ранний возраст, насчитывает уже десятки лет упорной борьбы. А это так и есть, вся его недолгая жизнь растворилась в этой борьбе. Необыкновенная чуткость его к окружающим всегда позволяла ему отыскивать те пути и формы борьбы, которую ведут к наибольшему укреплению и усилению рабочего класса. Прямой, бескорыстный и безмерно отзывчивый, он никогда не расходился между словом и делом. Взгляды, которые проводил он, лежали в основе его личной жизни. Лучший защитник своих товарищей, он был неутомимым тружеником, своей работой никогда не хвалился, отдавая этой работе все и вся, готовый придти на помощь всем нуждающимся в моральной и материальной поддержке. Как сейчас, помню всю обстановку его холостой комнаты: кровать, этажерка с книгами, потертый диван, аквариум—вот и вся его комната. Комната его являлась штаб-квартирой, она всегда тонула в тумане густого табачного дыма. Здесь ежедневно после работы сходились и собирались все члены ячейки, спорили, по товарищески ругались, иногда переходили к коллективному чтению, продолжавшемуся далеко за полночь.

Читали без подбора, без системы, читали и греческую философию, и «Вестник Знания» и все проч. Жарко спорили по женскому вопросу. Володя был одним из ярых сторонников женского движения и женщину рассматривал помимо рабочей силы, еще и как человека. Здесь же разбирался и «Капитал» Маркса, приобретение нужных книг выливалось у него в какую-то болезненность.

Как любовно, как отечески он любил книгу; единственным, что составляло его собственность, была книга. Библиотечкой своею Володя гордился и нужно было отдать ему справедливость в этом. Будучи библиотекарем в мастерских, он прекрасно подбирал ценнейшие книги по любому интересующему вопросу; всегда у него можно было достать редкие экземпляры. От этой библиотеки сейчас почти что ничего не осталось. Фанатик-конспиратор, Володя часто в последние годы своей жизни жаловался: «Знаешь, Шурка, я удивляюсь, почему вот Дмитрия, Власенко, Хлебодарова и др. в свое время арестовывали, сажали, ссылали по тюрьмам, а меня не тронули. В революции я ведь тоже был в боях, ходил открыто в атаки,—других убивали, ранили, а я даже не получил ни одной царапинки. Чорт его знает, какой же я большевик после этого; до революции не сидел, а во время революции даже и крови не пролил». И нужно было видеть его в моменты арестов. За каждый арест того или иного товарища он так мучительно страдал, что ему хотелось быть вместо арестованного. Его маленькая фигура в это время еще глубже входила в плечи, казалось он замыкался в самого себя и как будто говорил: «ничего не хочу, хочу быть на минутку большевиком идивидуалистом». Славный Володя!

Сколько искренности, сколько честности, сколько преданности ты унес в свою безвестную могилу. Твое страстное желание пострадать, отдать все для Революции, исполнилось. Тебя уже нет среди нас, но память о тебе никогда не может исчезнуть, пока живет рабочий поселок твоего имени. Ведь и сейчас клуб, бывший «Трезвость», в который ты входил, как незамеченный работник, теперь носит твое имя. На белой сцене у библиотеки, среди любимых тобою книг, висит теперь, любовно оберегаемый, твой портрет. Глядя на тебя, невольно начинаешь задумываться о прошлом и настоящем.

Уходят товарищи одни за другим. Убит кристально-чистый идеалист Петя Воронцов, умер от тифа упорный и настойчивый скрытный Гаврюша Баглей. Давно уже нет и «гвоздика» Петра Апокина, не досчитываемся осторожного, колеблющегося в момент тяжелых испытаний, Петра Ивановича Медведева, убит польскими панами хитрый до невозможности, осторжный Бронеслав Шелюк, схоронили нашего франта Александра Манкевича, убитого бандитами из-за угла, пропал без вести в Донских степях, выехавший на разведку, энергичный, самоотверженный красный командир Максим Живодер. Сколько прекрасных, милых, дорогих имен, сколько воспоминаний связано с каждым из вас. Только теперь, когда мы, оставшиеся птенцы Н.-Днепровской ячейки вспоминаем Вас, то невольно хочется крикнуть: «Вы сделали свое дело. Вы слишком рано были вырваны безжалостной рукой из наших рядов».

Прощайте . . . . .

А. СУХАНОВ

О расколе У. С.-Д. Р. П.

1917—18 год.

Мне пришлось проводить раскол в У.С.-Д.Р.П. в Полтаве; о Киеве же и Харькове скажу лишь вскользь. Раскол произвел в Киеве т. Неронович, который впоследствии был Народным Секретарем по Военным делам У.С.С.Р. Он был убит гайдамаками при отступлении 1918 г. в Миргородском уезде Полтавской губ., в Сорочинцах.

От у.с.-д. откололось в Киеве около 40 т.т., самые видные из них: Неронович, Евгений Касьяненко, Врублевский, Галя Тимофеева и другие.

Тов. Медведь проводил раскол в Харькове. Какое количество откололось в Харькове, мне трудно установить.

В Полтаве раскол проходил в конце 1917 г. и в начале 1918 года. После раскола, у.с.-д. в Полтаве, как организации, не стало существовать. Самые видные члены у.с.-д. Тарас Криворотченко, Легейда и другие при слиянии вошли в К.П.(б.)У., а Косенко и еще несколько оставались в основной У.С.-Д.Р.П. В то время я уже состоял в Полтавской организации большевиков и с ведома Губкома проводил раскол у.с.-д.

Отколовшаяся группа указанной организации назвала себя У.С.-Д. (левые) и это название оформили во время 2-го Всеукраинского С'езда Советов в Екатеринославе в марте 1918 г. Фракция состояла из 51 тов. левых у.с.-д. Было выбрано временное Бюро и там-же постановлено иметь контакт с большевиками по всем вопросам и при организации большевистской партии Украины влиться туда в полном составе.

Вскоре состоялось совещание в Таганроге. Одновременно с Таганрогским совещанием большевиков было решено созвать с'езд перед с'ездом большевиков и основным вопросом повестки дня поставить слияние. На Таганрогском совещании к нам примкнули т.т. Слинько Петро и Карончевский, сотрудник Ц.И.К.У.К. Слинько работал в редакции тогдашнего официального органа. При роспуске Ц.И.К.У.К. в состав 9-ки Врем. Повстанческого Правительства, кроме 4-х большевиков и 4-х эсеров, вошел от группы у.с.-д. (левых) т. Врублевский, а кандидатом Буценко.

Врублевский во время организации восстания на Украине был расстрелян гайдамаками. Место в 9-ке занял Буценко. Перед с'ездом была организована смешанная комиссия из большевиков и группы у.с.-д. (левых). От коммунистов-большевиков входил в состав комиссии Исаак Крейсберг и, кажется, Гамарник Ян, от у.с.-д. (левых) Слинько Петр и Буценко. Совещание длилось всего 10 мин.; были достигнуты соглашения по всем принципиальным вопросам; кроме названия партии на Украине: Украинской или Украины. Ввиду того, что твердого решения не было ни с одной ни с другой стороны, было решено передать этот вопрос 1-му с'езду большевиков Украины на его разрешение.

На с'езде торжественное об'единение произошло единогласно после речи тов. Пятакова, причем в состав 1-го Ц.К.К.П.(б.)У. был введен из бывш. у.с.-д. (лев.) Буценко, а кандидатом Слинько. В состав 2-го созыва К.П.(б.)У. входил Петро Слинько.

Нужно сказать, что отколовшаяся группа т.т. представляла из себя почти 90% рабочих, и все т.т. потом сыграли видную роль в революционной партийной работе, за исключением Медведя, который позорно дезертировал после слияния.

Поплатились своею жизнью в гражданской войне: Неронович, Врублевский, Слинько Петро, Галя Тимофеева и другие.

Из Харьковских тов., кроме Медведя и Ягельского, никого не помню.

Из Одесских был Логайда-Голайда, который сейчас неизвестно где находится.

Некоторое время спустя после раскола и слияния с большевиками, У.С.-Д.Р.П. заново отделилась, отколовшаяся группа после назвала себя «незалежниками», из которой образовалась У.К.П.

Нужно отметить в истории, что отдельные тов. из группы у.с.-д. (лев.) и в целом сыграли колоссальную роль в настоящее время в борьбе с петлюровщиной, в Советах, в массах, на селе и в центральных органах, хотя бы, например, в 9-ке Повстанческого Правительства, где перевес большевиков решался голосом представителя у.с.-д. (лев.), а ведь, так называемые, левые Укр. эсеры вели анти-коммунистическую политику.

По национальному вопросу группа из 2-го Всеукраинского С'езда заняла правильную позицию, которая потом осуществлялась партией в целом, так что самостийнического уклона не замечалось. Еще пару слов о Воронежском с'езде, который не состоялся благодаря отступлению большевиков, так что вместо Воронежа в Москве 1-го мая 1918 г. состоялось расширенное совещание, в котором принимали участие представители от 13-ти организаций. Особенно большое количество представителей было от Авдеевской организации ж. дор.—числом в 10 челов.; всех же было 43—45 тов.

Для этого небольшие средства были отпущены Ц.И.К.У.К'ой.

Во многих местностях были организации коммунистов-большевиков, но носили они название у.с.-д. (лев.) только благодаря тому, что не было об'единяющего большевистского центра на Украине.

Всех членов группы, или, вернее, у.с.-д. (лев.), на Украине, приблизительно, насчитывалось до 225 тов.

В состав Ц.И.К.У.К. 2-го созыва входило 7 тов.; в первый, помню, 3 товарища: Медведь, Неронович и Буценко, кооптированных от Полтавского Городского Совета и Губисполкома.

Перед слиянием и выработкой тезисов для с'езда, в состав делегации, к В. Ил. Ленину были направлены: Пятаков, Бубнов, Затонский, Гамарник, Рафаил, Шварц, Квиринг, Скрыпник, Эпштейн и др., от у.с.-д. (левых): Слинько Петро и Буценко. Визит был официальный, обсуждались тезисы Эпштейна, Скрыпника и Пятакова. Тезисы были приняты.

Вот все, что осталось в памяти.

А. БУЦЕНКО

Революционное движение в Горлово-Щербиновском районэ Донбасса

Январь—Апрель 1918 года

Продолжение *)

Последние дни декабря текущего года настолько всколыхнули рабочих рудников, а в особенности Юзово-Ханженковского района, что о пассивном отношении рабочих к разрастающемуся революционному брожению говорить не приходится. Нахлынувшая к нам в Горловку волна рабочих с фронта уже требовала от нас не приюта и помощи до ухода казаков с их рудников, а организации из них отрядов Красной Гвардии и вооружения с тем, чтобы выбить казаков из занятых рудников и освободить семьи, которые от кошмарного разгула пьяных банд терпели избиения шомполами за своих ушедших мужей, насилия и расстрелы. Рабочие требовали установления твердого фронта войны с донскими белогвардейцами и полного завоевания Дона.

Наши отряды красногвардейцев, под командой тов. Шишковского и прибывшего из Ханженкова тов. Коробкин (ныне управляющий рудником № 1 Ю. Р. О. в Горловке), с каждым днем увеличивались количественно и усиливали качественно ряды красных бойцов, растянув фронт от Петровского района до Макеевки, сдерживая набеги Донских контр-революционеров, нанося им удары и выбивая их из рудничных поселков.

Горловка была превращена в военный лагерь, сюда стекались уходившие от казаков семьи рабочих и отдельные вооруженные группы.

Никитовку преобразовали в штаб с концентрацией всех военных и политических сил. Здесь был Военно-Революционный Штаб, Совет Р. и К. Д., Штаб Красной Гвардии и на Ртутном руднике районный Комитет большевиков. Никитовка давала задания всем, как по советским и партийным инстанциям, так и военным командирам директивы для исполнения.

Не имея у себя более обученной военной группы красногвардейцев для того, чтобы повести нажим на казаков и выбросить их из пределов Юзовского района, пришлось ограничиться только тем, чтобы не допускать вторжения казаков вглубь Донбасса, да и вооружение было только то, что самими было отобрано после разоружения казаков. Имея громадное количество винтовок и десяток пулеметов сист. «Максим», мы не имели ни одного орудия в то время, когда казаки обладали достаточным количеством их.

---

*) См. начало „Летопись Революции“ № 3.

Но все же отряды Красногвардейцев не давали им врываться в пределы Горловского района и творить произвол.

Выборы Первого Народного Секретариата Украины на местах особого оживления не дали, ибо все были заняты боевой работой чисто военного характера, за исключением того, что зорко следили за событиями в центре, где главным вниманием было—ведение переговоров с Германией. Это был гвоздь политической борьбы с издыхающими с.-р. и меньшевиками, которые еще жили, надеясь на «воскресение из мертвых» с открытием Учредилки, рабочие же на Брестские переговоры смотрели, как на уничтожение внешнего фронта и освобождения силы военной для восстановления порядка.

Об'явление Украинской Радой Украины «самостийной» заставило нас немало напрячь все силы на подготовку новых организационных форм в наших действиях и поведении, как по советской так и партийной линии. Мы заранее предрешили, что нам придется иметь дело с украинскими шовинистами и их гайдамаками, ибо находящиеся в Бахмуте помещики и кулаки, а также буржуазия городская, которая через посредство меньшевиков и с.-р-ов имела свою опору в Земском и Городском Самоуправлении. Бахмутская контр-революция была рада и довольна поведением У. Ц. Р. Сидя в уезде, обладая средствами телеграфной и телефонной связи, она могла нанести нам по районам большой провокационный удар, тем более, когда мы были заняты борьбой с Доном, с Калединым и Петлюрой, которые вели единый фронт по уничтожению большевиков.

Бахмут свою работу начал с политического акта. Он созвал с'езд уездного земского самоуправления с большим процентом мелко-буржуазной демократии для выборов правления уездного, а, следовательно, и городского управления. На с'езде меньшевики, с.-р-ы и кулачество об'единились с петлюровцами, руководимыми бывш. меньшевиком Айдиновым, Фридманом и с.-р. Тавшевадзе. Пролив предварительно крокодиловы слезы о расчленении земли русской большевиками, выразили твердую уверенность в том, что демократия после изгнания большевиков вновь создаст единую великую Русскую Республику. Конечно, насколько мы могли, настолько и противодействовали данному с'езду, но будучи в меньшинстве на этом с'езде, мы не принимали участия в голосовании, все же создали Земскую Управу во главе с меньшевиком Фридманом, и городскую с меньшевиком Айдиновым. Об'явленное воззвание ЦИК Украины о войне с Украинской Центральной Радой всполошило меньшевистско-эсеровскую братию, ибо они знали, что мы готовы к гражданской войне, и ведем ее с Доном. Она стала вопить, что большевики не ограничились гражданской войной в Великороссии, а ввели ее и на Украине, навязывая силой оружия свою волю и власть.

Но полученные в этот момент известия о роспуске в Петрограде Учредилки, меньшевиков и с-ров сильно обеспокоили, ибо они имели абсолютную надежду, что Учредилка власть возьмет и избавит весь мелко-буржуазный блок от диктатуры пролетариата. С другой стороны утешали себя тем, что это к лучшему, ибо Украина об'явлена самостийной, и она должна приступить на днях к выбору своей Учредилки, большевикам же некогда теперь будет справляться на четыре фронта, ибо с роспуском Учредилки меньшевики

и с.-р-ы надеялись на возмущение всей буржуазной братии и крестьян. За неимением реальной силы у себя и боясь рабочих окружающих рудников, Бахмут своей диктатуры не проявлял; а посему Горлово-Щербиновский район свою диктатуру начал укреплять с каждым днем над всей буржуазной кликой Бахмутского уезда.

Горлово-Щербиновский Совет Р. Д. не прерывая своей работы, как административной, так и сельско-хозяйственной, проводил в жизнь все об'являемые декреты С. Н. К. Многие товарищи, как-то: Лапин, Острогорский, Дубовой, отдались военному делу и удержанию рабочих на рудниках от разложения, агитации анархистов; тов. Вайнер и Стожок занялись Военной Комендатурой на ст. ж. д., вводя революционный порядок и власть пролетариата; Военно-Революционный Штаб поместился в вагоне при ст. Никитовка, где были тов. Харечко, Грузман, Амелехин, Колесниченко. Они руководили военными действиями против Дона, терроризированием помещиков уезда и уничтожением меньшевистского влияния над рабочими Юзовки.

«Викжель», неоднократно пытавшийся своими угрозами заставить нас освободить территорию ж. д. и не вмешиваться во внутренние дела станций, но все это для нас было пустым звуком, ибо заниматься нам разговорами было некогда, а все административные лица станций ж. д. исполняли под строгим контролем только наши приказы.

В этот месяц усилился анархический бандитизм, который по отдельным рудникам как-то: Веровка, Софиевка, Бунга, Байрак иногда доходил на Щербиновку, стараясь разложить рабочих пропогандируемым безвластием, одновременно совершая грабежи по окрестным селам и деревням. Для чего нам пришлось усилить самые репрессивные взыскания, беспощадно уничтожая попадавшиеся типы уголовного анархизма. Конечно, их работа иногда оставляла следы их пребывания, временами подпадали под их влияние рабочие рудников Байрака и Щербиновки.

Горловские меньшевики, Касьянов, Трубицын, Баташев и с.-р. Маслов и друг., не принимали никакого участия в работах по борьбе с Калединым, а продолжали только из-за угла вести разлагающую агитацию своими выступлениями на митингах и собраниях по злободневным вопросам, как-то: «брестские переговоры и роспуск Учредилки, тактика большевиков», стараясь внушить рабочим требование созыва Учредилки и передачи ей всей власти.

И этот период для некоторых рудников, все время шедших за нами, стал смутным и растерянным. Многие на митингах спрашивали, почему мы их обманули, «ведь вы сами вели выборы, а теперь разогнали»,—а агитация м-ков и с.-р., что разогнана учредилка только потому, что в ней в меньшинстве оказались большевики, создавало среди рабочих индифферентность и недоверие к нам, но и это было сломлено в промежуток двух недель.

На подкрепление к нам на Калединский фронт стали постепенно прибывать регулярные части красноармейцев, латышей и сибиряков. Были присланы для командования тов. Сиверс, а также Киквидзе и Саблин. Дело по фронту стало принимать более организованный характер и наступление наших отрядов вынуждало казаков с каждым днем к отступлению, что

внесло успокоение на рудниках и заставило окончательно притихнуть меньшевистских и с.-р-ских шептунов.

Вследствие продолжения скрытого саботажа инженеров и управляющих рудниками, бегства отдельных лиц, а также вследствие отсутствия денежных, материальных и продуктовых средств, производство стало падать.

Рудники: Ю. Р. О. № 5 стал затопляться, № 1 не мог давать угля для собственного сжигания, № 8 находился в угрожающем положении, Ртутный и Фурсов дошли до половинной нормы, Щербиновские, ввиду более добросовестного отношения администрации, поддерживались от крушения, Байрак свел свое производство к нулю, все это рабочих нервировало, ибо за недостатком продовольствия все старания рабочих не имели достаточного успеха в спасении предприятий. С рудников начался постепенный уход укрывшихся от николаевской мобилизации кулаческих элементов и громадной части революционных рабочих, ушедших в Красную Гвардию. Последние кричали остающимся на рудниках рабочим «не давайте только затопить рудники, держите их пока мы вернемся с фронта ликвидации белогвардейцев, а тогда все исправим». И вот благодаря такому революционному пониманию рабочих, не приходилось внутри своей среды иметь предательства, за исключением шипения с.-р. и м-ков. А мелкие крестьянские и средние шахты, собственниками которых являлись отдельные кулаки или артели, увидев, что субсидировать их некому, т.-е. казенных денег для проматывания брать негде, на 2/3 совершенно закрыли. Некоторыми началось расхищение инвентаря, другие же пока еще держали все в исправности, в ожидании перемены событий. В угаре всей данной обстановки с громадной энергией и революционным подемом, работа шла дни и ночи своим организованным темпом, при нашей инициативе.

Февраль

С наступлением февраля военное дело по изгнанию красновских банд было с переменным успехом. После же короткого периода, давшего исключительный успех Красной Гвардии, дела начали улучшаться. Казаки не выдерживая напора с нашей стороны, стали отступать к Таганрогу, так что Горловский район начал постепенно входить в нормальную обстановку жизни.

Военно-Революционный Комитет к концу месяца переехал в Юзово, в составе т. т. Харечко, Пономарева и друг., а районный Совет, находившийся в Никитовке, с теми же усилиями продолжал проводить свои задания по восстановлению рудников и организации Красной Гвардии, для чего по рудникам и направлялись все необходимые технические материалы, а для рабочих продовольствие и обмундирование, реквизируемое во всех местах, где только обнаруживалось оно.

Для снабжения Красной Гвардии была добыта в большом количестве мануфактура для изготовления верхнего и нижнего обмундирования, мобилизованы были портные и модистки для его изготовления, создав, таким образом, необходимые аппараты для обслуживания Гвардии, которая была сосредоточена на Ртутном руднике.

В конце февраля в Бахмуте был созван Уездный С'езд Советов, где был избран Уездсовет в составе: т. т. Меднэ, Моисеенко, Литвинова, Айдинова,

Фридмана, Петренко и друг. товарищей. Председателем Совета был избран я (на с'езде я не присутствовал, а был избран заочно и по постановлению С'езда Совета занял председательствование).

В данный период в районе Горловки было затишье, за исключением периодических бандитских проявлений анархистов, против которых меры с каждым днем принимались все репрессивней и репрессивней. Выезжая из Совета, я своим заместителем оставил тов. Севастьяна Бондаренко; особых политических событий в районе Горловки не происходило, за исключением того, что во время прекращения перемирия со стороны Германии и об'явления наступления, подняло с.р-ов и м-ков, дав им попытку подыграть на чувствах рабочих, разлагая их доверие к нам, но и она окончилась, в конце концов, для всей с.-р-ской коалиции полным крахом на всех рудниках.

Продовольственный вопрос находился в нормальном положении, хотя и были перебои, к которым рабочие не привыкли, чем и вызывались, благодаря подстрекательству с.р-ов, групповые возмущения рабочих, которые сейчас же ликвидировались по проведении митинга.

Март

В марте месяце в Бахмутском уезде и Юзовском районе, где были В. Р. К., меньшевики в своих действиях пытались разложить рабочих путем недоверия к большевикам, основываясь на Брестском договоре. Не взирая на изгнание казаков, все же некоторая часть рабочих, руководимая отдельными лицами анархо-бандитского направления, дезорганизовала работу Советов, доведя до того, что часто обстреливала по вечерам В. Р. К.

Гришинский район в силу того, что там скопилось большое количество бандитов, также весь месяц своими частыми налетами и нападениями, не давали нам возможности восстановить порядок.

По Петровскому (Енакиево) району, как базе анархистов, было сравнительно неспокойно. Так как он прилегал к Горловке, то нам с большей интенсивностью приходилось ликвидировать всякие проявления анархистов, что до прихода немцев значительно отвлекало наше внимание по водворению порядка.

В Лисичанском районе постоянно приходилось возиться с рабочими Содового завода, Любимов и К°, которые, как один, были петлюровского толка.

Сам Бахмутский уездный Совет, разделившись по комиссариатам, как тогда полагалось, занимался исключительно войной по уезду, не только с бандитами и анархистами, но и со своими филиями, ибо тогда понимали, что власть на местах, не смотря на постановление уездного С'езда Советов, может продолжать делать по-своему, чем и разрушался организационный аппарат в центре.

С приездом в Харьков т. Антонова-Овсеенко весь Донбасс преисполнен был энтузиазма, узнав об организации партизанских отрядов, которые стали появляться как грибы.

Но были и нежелательные действия со стороны некоторых отрядов, как, например, отряд под командой Аккермана, куда влился несколько

бандитски настроенный элемент, с целью грабежа и террора советских рудников. Укажу на один из случаев:

Меня вызывает по телефону из Горловки (я был в Бахмуте) Предсовета и сообщает, что прибыл отряд под командой Аккермана, который терроризирует поселок и рудники, где ими уже совершено убийство Комиссара милиции тов. Бородкина, а посему просит меня срочно прибыть. Не имея в своем распоряжении никакой вооруженной силы, я выехал лично сам, прибыл в Горловку вечером, отдал распоряжение Начальнику станции без моего распоряжения поезда с отрядом не отправлять и повел переговоры с Аккерманом о том, чтобы отряд его сдал полностью оружие.

На все мои требования они ответили отказом и угрозой, требуя отправить их поезд. Тогда я для оттяжки времени пообещал отправить их утром, а сам связался со стоявшим на ст. Никитовка Латышским отрядом и сговорился с ним обезоружить их силой. Утром я вызвал Аккермана и попросил его со мной поехать в Никитовку в Райсовет для переговоров. Последний согласился. Прибыв в Совет, я предложил ему разоружиться, ибо в противном случае будет применено против него оружие. Аккерман согласился и поехал со мной в Горловку, где было отдано распоряжение о сдаче оружия. К этому времени его отрядом были выставлены на крышах вагонов пулеметы и сам отряд готовился к сопротивлению, но видя мое категорическое требование, сдался без сопротивления, предварительно прося созвать митинг, в котором я им отказал. Собрав все оружие в один вагон, а в следующие посадив его орду, я отправил их в Бахмут, где и посадил всех в тюрьму.

Подобные картинки повторялись не раз и не с одним отрядом.

К этому времени меньшевики и эсеры провели свое постановление о том, что не отказываются от всех ответственных работ в Советских учреждениях с большевиками. Боясь навлечь на себя гнев немцев, бандитизм стал развиваться все сильнее и сильнее, так что не хватало силы для борьбы с ним, ибо большинство наших товарищей ушло в армию на Калединский и Гайдамацкий фронты.

Буржуазия и обывательщина с каждым днем становилась все наглее, но зная, что с ней расправа ведется беспощадно, удерживала себя от открытого выступления.

С появлением немцев на территории Украины, Уездсовет решил создать пятерку, освободив остальных членов и эвакуировав ценности банков. В эту пятерку вошел я председателем, наши члены один за другим стали скрываться по мере того, как положение становилось все более и более худшим. Тогда я совместно с Городским Советом решил создать тройку, председателем которой был избран опять я, Горсовет же решил ликвидировать себя.

Оставшись один, я обратился в Горлово-Щербиновский Совет в свою базу, и изложив им то положение, которое царит по уезду, попросил командировать в мое распоряжение тов. Клипова с несколькими красногвардейцами, в чем меня и удовлетворили. Был прислан т. Клипов, Левин и 5 чел. красногвардейцев. Через несколько дней дезертировали и мои два члена

тройки, я остался один с Клиповым. В это время в городе был т. Шишковский, рабочий Артзавода с Горловки, с которым пришлось держать власть, как по городу, так и по уезду .Трудно вообразить, что в нашем распоряжении не было никакой вооруженной силы, и все же за порядок, спокойствие и сохранение города от нескольких погромов, которые пытались произвести бандиты и анархические отряды, прибывавшие из Екатеринослава—Херсона и т. д., может засвидетельствовать весь Бахмут со всем его населением.

По приезде Антонова-Овсеенко со штабом в Никитовку положение по уезду стало крепче, ибо была опора.

С Юзовкой приходилось связываться только по телефону, совещаясь и получая распоряжения от тов. Харечко.

С переездом на станцию Никитовку штаба тов. Антонова-Овсеенко, он об'явил Бахмут тыловой базой армии. Прибыв в Бахмут и после моего доклада узнавши, что формально существует тройка, а на лицо всего лишь один я, таковую распустил, назначив меня Военным Комиссаром уезда, моим помощником тов. Клипова, и по особым делам тов. Шишковского, ад'ютантом же тов. Левина, и, не дав, правда, ни одного вооруженного человека, уехал.

И вот с такими силами необходимо было давать снабжение, и регулировать всеми теми отрядами, которые прибывали со всех концов, а их приезд всегда давал себя чувствовать.

В городе была тюрьма переполнена, как уголовными, так и отрядом Аккермана. Ее приходилось держать под наблюдением, ибо каждый отряд делал попытку освободить арестованных и каждое отстаивание грозило собственной жизнью. Были случаи, когда внезапно ночью их выпускали, но утром вновь с большим усилием удавалось их возвращать обратно в тюрьму.

Тогда более злостные бандиты были мною на площади расстреляны, после чего отряд Аккермана, дав обещание честно вести борьбу с гайдамаками, был освобожден, вновь вооружен и отправлен в распоряжение тов. Антонова, а остальные распущены. В подобном хаосе март был доведен до конца. Изданное тов. Антоновым распоряжение по телеграфу о возврате раз'ехавшихся членов Совета никаких результатов не дало.

Апрель.

Меньшевики, отказавшись работать в Советскиху чреждениях, вели себя сдержанно, ибо их обуял страх за свою безопасность, так как они не были уверены в том, что немцы их не тронут, а посему городской голова тов. Айдинов (ныне большевик) и председатель Уездной Земской Управы тов. Фридман, оказывали мне всяческую поддержку как в поддержании порядка, так и в изыскании продовольствия для отряда. После занятия Харькова немцами, фронт подошел со стороны Святогорская Сев. донецк. жел. дор. и Переездная—Лисичанск. Штаб тов. Антонова из Никитовки был уведен и положение в уезде пошатнулось. Для удержания общего порядка приходилось дни и ночи без устали трем товарищам работать—т.т. Шишковскому, Клипову и Левину (последний был убит в моем кабинете и в моем присутствии нечаянной пулей т. Бородкина); одним товарищем у нас стало меньше.

Когда фронт стал подходить все ближе и ближе, меньшевики советовали оставить город заблаговременно, но мы для охраны города создали дружину из еврейской молодежи, вооружив до 40 человек. Ликвидировав бандитизм, отправив со ст. ж. д. все эшелоны отрядов, и эвакуировав все ценности, сняв все телефонные и телеграфные аппараты, взорвав железнодорожные мосты, мы выехали 19 апреля утром, когда немцы были на расстоянии 6—7 часового перехода, передав предварительно власть городскому голове и уездной земской управе т. Айдинову и Фридману в целости и полном благополучии без всякой претензии на нас, как представителей КПБУ.

Меньшевики, которые являлись нашими противниками и строили нам саботаж, чтобы скомпрометировать коммунистов, перед от'ездом выразили нам свое восхищение в том, что они убедились в умении рабочих править городами и страной, а рабочие всех союзов в г. Бахмуте, прийдя ко мне в кабинет, выразили благодарность от всего беднейшего населения за сохранение города и защиту интересов бедных жителей и рабочих, пожелав нам скорейшего возвращения.

Прибыв на ст. Никитовка в Штаб Обороны, сделав доклад и сдав все продовольствие, нас отправили в Саратов, где мы и сдали имущество и дела в Губисполком.

Примечание: Точные даты чисел не припомню, но месяцы считаю по новому исчислению.

Отдельные эпизоды не писал, ибо их целая груда и на это необходимо продолжительное свободное время.

Архив, как Горлово-Щербиновского, городского Бахмутского и уездного Советов, а также пятерки, тройки последнего периода Военкома, сданы в Саратовский Совет в последних числах апреля по ст. стилю 1918 г., при Антонове-Саратовском. Будучи там в 1919 г. в марте месяце, я его видел, а посему я уверен, что архив сохранен.

П. КАЗИМИРЧУК

Первый дессант на берегах Крыма

1920 г. июля 15-го дня из Харькова в г. Ростов на Дону с большими полномочиями приехал тов. Мокроусов. О тов. Мокроусове слышал весь Дон, Северный Кавказ и Крым, но в лицо знал его только тот, кто вместе работал с ним в рядах Красной Армии и Красной Гвардии еще с 1917 года. Его полномочия были слишком важны для Р. С. Ф. С. Р.: ему поручалось организовать восстание в Крыму в тылу Врангеля. Но об этом я тогда пока ничего не знал и находился в станице Кущевки, Куб. обл., на службе, выполняя обязанности председателя контрольной комиссии по просмотру военнопленных донских казаков, взятых в плен в марте месяце в гор. Туапсе, Сочи и других местах Черноморского побережья. О тов. Мокроусове я знал раньше. Как вдруг я получаю от него письмо, в котором он приглашает меня поехать с ним, не спрашивая, пока, куда едет он, с кем и зачем? Только через человека, который привез мне письмо, я несколько понял, что Мокроусов едет в Крым в тыл Врангеля для того, чтобы скорей с тылу разбить Врангеля и облегчить взятие Перекопа Красными войсками.

Я согласился и через посыльного попросил Мокроусова, чтобы он в Штабе армии уладил мой вопрос об отпуске. 17-го июля 1920 года я встретил на ст. Кущевки тов. Мокроусова с его товарищами; мы поехали в г. Екатеринодар Куб. обл. По дороге я ознакомился со всеми целями поездки, значение ее и т. д. Остановились в Екатеринодаре для того, чтобы взять моторный катер. Пришли в Штаб 9-й армии к командующему т. Левандовскому, где узнали, что катера нет в Екатеринодаре и что он находится в г. Ейске в Азовском море. Он отдал распоряжение, и через 12 час. катер стоял у городской пристани. На другой день осмотрели его,— оказался вполне пригодным. Его погрузили на площадку вагона и переотправили в г. Новороссийск по железной дороге.

Приехали в Новороссийский порт, но прежде чем пойти в город мы спросили у одного портового рабочего, кто председатель Новороссийского Ревкома? Оказался, тов. Толмачев, старый друг. Но Толмачева в Ревкоме не оказалось. Пришли на квартиру к нему. Первым нашим вопросом было: есть-ли у него в порту быстроходные катера, которые бы могли пойти в море на несколько суток и можно-ли быстро отремонтировать привезенный нами катер, на что получили ответ, что все будет сделано, как можно быстро. Через неделю были отремонтированы 2 катера, один моторный «Гадим-бей», а другой паровой с дредноута «Воля»—«Витязь», оказавшийся, в то время в Новороссийском порту; это были самые быстроходные катера делавшие по 8—8½ узлов в час. Произвели пробу, оказалось все

в исправности, но итти в море к Крымским берегам на этих «кораблях» являлось рискованным. На «Витязе» была команда, которая состояла из 2-х кочегаров, машиниста, его помощника и одного штурмана. На моторном «Гадим-бей»—два моториста. Все они были радостные и веселые. Они не знали для какой цели эти «корабли» предназначались, спрашивая, куда и в какие порты мы будем ходить?». Им ответили, что будем ходить в Туапсе, Сочи, Геленжик и Анапу. Перед тем, как выехать в море, комиссар порта предложил нам одного проводника, который хорошо знал берега Черного моря, все его маяки, а также владел компасом. Конечно, мы согласились и предложили ему проводить нас, на что он согласился, ответив, что знает куда мы едем и что он уже не один раз провожал в Батум и в другие места Черного побережья. Назначили день. Перед тем, как отправиться, устроили совещание всеми, кто ехал выполнять задание Реввоенсовета Юго-Западного фронта. На совещании присутствовало одиннадцать человек.

Первое слово было предоставлено тов. Мокроусову, так как он был назначен вышеуказанным органом Командующим Крымской повстанческой армией. «Товарищи! Перед нами лежит большая ответственность выполнить поручение Реввоенсовета Юго-Западного фронта, а именно,—протиснуться в тыл к Врангелю, организовать в тылу в лесах партизанские отряды, деморализовать войска Врангеля и этим облегчить наступление Красной Армии. Такова главная цель нашей поездки». По этому вопросу прений не было никаких.

«А вот другой вопрос, этот вопрос более сложный,—как нам добраться до Крымских берегов и высадиться, чтобы нас не заметили». По этому вопросу было много разговоров и толков. В конце концов решено и принято следующее: катер «Витязь» и «Гадим-бей» должны после высадки нас прибыть в Советскую Россию. Для этого надо взять горючего материала с расчетом, чтобы его хватило и на обратный путь. Все было взято согласно расчета, а уголь, бензин и минеральное масло было взято полностью. Были приготовлены также всем и липовые паспорта, вместо Иванова—Петров, Сидоров и т. д.

Команде был отдан приказ, чтобы сегодня вечером в 7 час. явились все на «корабль» с тем, чтобы с рассветом отправиться в море. Так и было сделано. Команда явилась в 7 час. вечера, машинисту приказали было к 6 час. утра поднять пар к отходу, за ночь надо было погрузить на паровой катер «Витязь» пулеметы, патроны, бомбы, телефонные аппараты, кабель и много еще другого военного имущества. Когда народ перестал ходить по улицам, мы принялись за работу и стали грузить из вагонов в катера. Команда, видя столько оружия, стала задавать вопросы: «Для чего такое количество вам оружия, ведь вы едете на 3—4 дня?»—«А это на всякий случай, потому, что в настоящее время в лесах повсюду зеленые банды».

Конечно, машинист похитрее всех, начал заявлять, «что у него заболел живот и что он не может завтра выйти в море и т. д., но тут уже размышлять было некогда». Команда по местам! крикнул тов. Мокроусов и команда подчинилась. Поставили двух вахтенных и так что ни один человек уже не мог больше сойти на берег.

Чуть занялась зорька—все были уже на. готове. Кочегар поднял пар, взвился Красный флаг и мы двинулись в путь. «Витязь» вышел первым, так как он являлся главным руководителелем, где находился компас и Командующий нашей «армией» тов. Мокроусов.

Слегка подувал встречный ветерок. Вышли из Новороссийской бухты, взяли курс прямо в море. Прошло часа полтора, ветер все дуть начал сильнее и сильнее. Вышел тов. Мокроусов на палубу и дали сигнал, чтобы к борту «Витязя» подошел «Гадим-бей». «Гадим-бей» гордо, но покорно подошел к борту и бросил конец, который прикрепили на палубе «Витязя».

«Тов. тов.! Я назначен, по приказу Командующего Юго-Западным фронтом тов. Фрунзе, Командующим Крымской Повстанческой Армией, а по сему об'являю, что с сего числа я вступаю в исполнение своих обязанностей. Приказываю всем исполнять мои приказы и распоряжения, на случай выбытия меня из строя, своим заместителем назначаю тов. Погребного, распоряжения которого выполняться должны также беспрекословно. С настоящего момента прошу перейти всем на официальную ногу».—«А вы дорогие товарищи,—обратился он к команде, везите нас в Крым и если мы высадимся удачно и во время, то вы поедете обратно в Новороссийск». Команда потупила глаза, но делать было нечего, потому что в море ветер настолько стал силен, что вода стала заливать палубу и руль «Витязя» поддавался волнам. Тогда лоцман заявил, что дальше итти нельзя, надо причалить к берегу». Так и было сделано. Повернули руль и стали приставать к ближайшему берегу, то было около гор. Анапы. Палуба «Витязя» настолько была покрыта водой, что не было возможности стоять на ней, а в корпусе «Гадим-бея» чувствовался треск.

Подойдя ближе к г. Анапа, нас стали встречать кордоны, сигнализируя нам флажками, на которые мы отвечали, что суда идут от Советских берегов. Не удовлетворившись нашим ответом, особый морской отдел выслал к нам контрольный катер навстречу. Подойдя ближе к катерам он убедился, что мы действительно Советские, и только тогда нам разрешили причалить к пристани.

Был праздничный день и у пристани скопилась довольно большая толпа народа, среди которой присутствовала и администрация гор. Анапы: Предревкома, Нач. Особого Морского Отд. и другие. Проверив документы и удалив толпу, тов. Мокроусов потребовал от администрации горючий материал для катеров, ввиду того, что нами уже было истрачено несколько десятков пудов угля, бензина и т. д.

Правду надо сказать, что без горя не бывает и радости. Маленький опыт нам показал на практике, что едешь в море на день—бери запас на неделю.

Уголь взятый нами в Новороссийске оказался неважным и в Анапе дополнили вместо угля подсолнечной макухой, которой загрузили всю палубу. Набрали воды для котла в угольную яму, так как специального бака не было. Простояли в Анапе 3 суток, пока сошла с неба луна, которая мешала тоже при высадке. Расчитано было у нас так, выехать утром в 7 час. и делая 8 узлов в час, быть на Крымском берегу в 2 часа ночи. За этот

период стоянки сделали одну фальшивую трубу на катере «Витязь» для того что если нас заметит на горизонте противник, то пусть думает, что мы или свои или военный корабль типа миноносцев. Трубу уложили на палубу и приготовились снова к плаванию. Команду теперь держали под надзором еще строже, так как она теперь уже знала о целях поездки.

Погода стояла хорошая, было тепло и солнце светило днем так сильно, что на палубе не было возможности устоять от жары. Шли все время пока не покинули Советские берега под Красным флагом, потом спустили Красный и подняли «Андреевский» с крестом и установили вторую фальшивую трубу. На палубе стало весело и оживленно. Стали много говорить о прошлых подвигах каждого в отдельности. Невольно вырос вопрос,—навстречу нам попадется сторожевое судно Врангеля или броненосец «Кагул», который все лето гулял по Черному морю, что мы должны будем тогда делать? Ведь мы своими катерами далеко не уйдем, потому что они небыстроходны, а бой принять мы не сможем, потому что наши катера даже не выдержат и пулеметного огня, так как у «Гадим-бея» деревянный корпус, а на «Витязе» котельное железо в $1/_4$ дюйма толщиной. Тут действительно мы стали задумываться и вот, в конце концов, тогда тов. Мокроусов официальным тоном заявил, что в случае если покажется на горизонте какое-бы то ни было судно, продолжать итти своим ходом, продолжая слушаться его команды. Тов. Григорьеву приказано было приготовить пулемет типа «Люйс», тоже самое тов. Ефимову и тов. Васильеву, тов. Кулиш одеть погоны и стоять с бомбами под рубахой на палубе, тов. Соколову быть в кочегарке и следить за паром, всем же оставшимся с винтовками и бомбами находиться в кубрике в ожидании распоряжений. На этом и было закончено.

Значит, если судно заметило-бы нас в море, мы продолжали бы итти своим ходом и когда оно подойдет уже на близком расстоянии сообщить, что мы вышли из Керченского пролива и, ввиду порчи компаса, сбились с пути и просим подойти к борту. Конечно, ни одно военное судно не подпустило бы нас на близкое расстояние, но если бы оно подпустило, то можно было бы бросить на палубу бомбы, открыв ураганный огонь из пулеметов и взобравшись на борт корабля противника, обезоружить его. Конечно, это были только наши иллюзии, но таков единственный выход, другого способа не было,—или мы должны выйти победителями или побежденными,—середины же не было.

Идем дальше. Общее настроение превосходное, в то время самочувствие было такое, что мы, одиннадцать человек, думали захватить Крым и стать победителями. Но каждый в отдельности был угрюм и серьезен.

Стало вечереть; на горизонте показались Крымские берега, приблизительно верст за 80. Смех на палубе умолк и только иногда слышался шопот, только все остерегаясь, что нас могут услышать на берегах Крыма.

Вылезший из кубрика тов. Муляронок, по образованию военный фельдшер, порекомендовал, на случай если кто попадется в плен в Крымскую контр-разведку к ген. Слащеву, взять с собою немного стрихнину и при этом он отсыпал всем, на что команда и согласилась.

Стало темно. Было приказано на палубе не курить и не зажигать никаких огней. Прошло еще несколько часов. Стало совершенно уж темно. Вдруг вправо показался огонек. Товарищи, огонь!—«Где?» А вот справа!

Все, как ошпаренные выскочили на палубу и начали смотреть. Завязался спор с проводником. Проводник говорит, что это маяк такой-то, а Мокроусов смотрит на карту и говорит, что нет,—такой-то. В конце концов решили положиться на проводника, как на специалиста, знающего все берега Черного моря, а также и маяки противника. Стали приближаться к берегу. Я почувствовал себя на столько слабым и усталым от непривычки к морским условиям, как пехотинец, что для меня казалось, что пусть сам Врангель станет перед нами, мне все равно, лишь бы только высадиться на берег. Теперь уже перестал интересоваться маяками, а стал все сильнее и сильнее сжимать рукоятку револьвера, осматривать ежеминутно винтовки,—есть-ли в них патроны, а также поверять бомбы, не повыскакивали-ли капсули. Так продолжалось приблизительно час.

На палубе была мертвая тишина, все притаились. Я вздрогнул и прижимая винтовку пошел на переднюю часть катера, чтобы кого-нибудь увидеть, там уже шепталась команда, глядя как вдали разворачивался целый город огней и силуэты кораблей.

В чем дело? Где мы? Куда мы попали?

В это время «Гадим-бей» осторожно подешел к «Витязю». Мокроусов отдал распоряжение: «будьте все готовы, я осмотрю берег и сейчас вернусь». Оказывается, что мы попали не туда, куда нам надо было. Через 5—10 минут, а тогда минуты казались годами, прибыл Мокроусов и сказал: «мы попали в Феодосийскую бухту. Вот вам маяк стоит в конце мола, а вот пароходы, и берег ровный без всяких возвышенностей. Поворачивайте судно обратно, пока не поздно, давайте полный ход «Витязю».

Из трубы повалили клубы дыма, огня, потому что в топку начали подбрасывать макуху, не обращая внимания, что огонь может повредить делу, я окончательно выбившись из сил прилег на палубе подле трубы. Вдруг толчек в бок. Открыл глаза—передо мною фигура тов. Ефимова.— В чем дело! Что случилось! «Машина испортилась!» подшипник сгорел. Время было около пяти часов утра, на дворе уже серело. Слышно распоряжение Мокроусова: «давайте буксир «Гадим-бея!» Буксир был подан пошли воловьим шагом, делая 2 узла в час. Берегов Крымских не стало видно.

Но, по направлению Керченского пролива, на горизонте показался дымок, а в бинокль и силуэт корабля. Снова тревога, снова забегали по палубе. Но, в этот момент подшипник был уже привинчен и «Витязь» двинулся тихим ходом.

Быстро развели огонь под фальшивую трубу, чтобы пустить противнику пыль в глаза, что у нас «миноносец, имени Шестакова». Отдали буксир и пошли. Судно с горизонта изчезло и на душе стало спокойно. Снова шутки и смех, начали вспоминать о вчерашней катастрофе, как мы попали в Феодосийскую бухту вместо Бол. Узены, Капсхор и Ворон—татарские деревушки, находящиеся вблизи Алушты и Судака, где по нашему плану, можно удачно высадиться. Причиной этого послужило то, что мы не правильно

считали ход наших катеров, считали по 9 узлов в час, между тем, как катера делали всего лишь 8 узлов, что при повороте катера в 9 час. вечера оказалось неправильным.

Солнышко поднялось, уже было около 12 час. дня. Нас снова настигла беда. Кочегар заявил, что кончается пресная вода и нечем доливать котла. «Да, это значительно хуже»,—проговорили мы все в один голос. Пришлось добавить соленой, морской водой, но не в большом количестве, так как вода в котле находилась в трубках, на которых быстро получилась-бы накипь соли и машина могла буксовать.

«Подай пару»—кричит машинист, но пар невозможно было поднять, так как трубки окончательно были забиты. Выскочил кочегар из кочегарки, как ошпаренный и кричит: «Товарищи, сейчас лопнет котел: в топке много огня, а воды в котле совершенно нет!» Пришлось выбрасывать поскорей жар из топки и заливать водой, чтобы катер не взорвался и не сгорел тогда мы могли-бы окончательно погибнуть. Кочегар быстро опустился в кочегарку, в это время ему подали ведро воды. Но от первого ведра воды, вылитого в огонь, кочегар выскочил, как ошпаренный, и упал здесь же на палубе без чувств. Тут мы убедились воочию, что наш катер «Витязь» к таким переходам безусловно был неприспособлен. Первое, он не мог взять с собой столько воды простой, чтобы ему хватило из Анапы в Крым и обратно. Второе, выбрать жар из топки ни один человек не мог бы выдержать в кочегарке или он должен сгореть или выскочить на палубу. И котел сгорел.

Подали снова буксир «Гадим-бея», который и потащил, пыхтя изо всех сил. «Гадим-бей», оставшийся от турецкого миноносца «Гадим-бея» и возивший сначала командира с миноносца на берег, тоже не был приспособлен. В это время мы уже находились вблизи Советских берегов у Таманского полуострова. Через 5—6 час. показался и берег, мы стали держаться берега, но и здесь не обошлось без потери. Заметили посты с берега, что идут суда со стороны противника и стали обстреливать из орудий; первый снаряд сделал перелет, второй недолет, третий в сторону. Тогда открыли по нас пулеметный огонь, но для пулемета еще не было мишени, так как мы находились от берега верстах в пяти. Мы видим, что дело плохо, остановились. Выбросили Красные флаги, но и этого не было достаточно, тогда решили послать на берег «Гадим-бея» для того, чтобы выяснить положение. «Гадим-бей» отдал концы буксира и пошел к берегу; на нем находились т.т. Григорьев и Папанин без всяких документов, потому что в начале августа месяца, числа, примерно, 3-4, Врангель должен по нашим сведениям высадить дессант на Таманском полуострове, и мы не знали Советские ли войска нас обстреливают или Врангелевские.

Стали наблюдать в бинокль: оказывается, на берегу сосредоточилось уже много народа. В то время катер уже подошел к берегу, из него выскочил тов. Григорьев, его окружили. Видим, катер идет обратно. Подошел он к нам. Возвратившийся тов. Папанин с улыбкой сообщил, что это наши Красные войска и что Григорьев все же остался, как заложник, до представления документов. Отвезли документы и только тогда заложники были

возвращены обратно. Но тут уже весь страх миновал, так как берега были наши; стало уже темно. Наступила ночь и показались огни г. Анапы, хотя и был приказ огни в городе не зажигать. Показалась бухта, думали, что отдохнем на берегу спокойно, но не прошло и 5 минут, как в бухте уже «Витязь» сел на мель, так что двинуться с места не удалось нам до самого утра. Утром подошел контрольный катер, который был гораздо сильнее «Гадим-бея» и притащил нас до пристани.

Опять появилось начальство г. Анапы, собрались рыбаки, которые здесь же ловили рыбу, смотрят на нас и качают головой. Один старый рыбак с седой бородой, большими мускулистыми руками проговорил: «Видно товарищи много пережили вы горя, это видно и по вас и по вашим катерам». Народ разошелся. Привели катера в надлежащий вид, также и себя, так как мы все были точно кочегары, и стали готовиться к новому рейсу.

Но «Витязь» совершенно вышел из состава, ввиду порчи его котлов. Снова устроили совещание, как и на чем придется ехать обратно в Крым. Было решено оставить «Витязь» и отправить его в Новороссийский порт, а также отпустить всю команду, а самим на «Гадим-бее» поехать в Крым, взяв с собой только необходимое количество оружия и вооружения. Так и было сделано. Мотористами оказались тов. Папанин и тов. Ефимов, компасом будет управлять тов. Мокроусов, с собой возьмет только необходимое, в виду малой емкости катера. С вечера погрузили бочку бензина в 15 пудов, 4 банки машинного масла в 8 пудов, боченок с водой для питья, 3 пулемета «Люйса», 11 винтовок, патронов 5 ящиков, ящик бомб, свечей, пироксилину и вещи. А также распределили ценности (валюту) всем поровну, на случай если может на берегу Крыма при высадке произойти бой, чтобы не получилось недоразумения, что есть люди, а денег нет или наоборот, есть деньги, а нет людей.

Утром в 7 час. 6-го августа 1920 г. погрузились в катер одиннадцать человек, катер был безусловно перегружен. Все ютились на бортах катера, так что переходить с места на место нельзя было. Тогда тов. Мокроусов заявил: «тов.тов., нам всем безусловно громоздко ехать и быть может уже кто нибудь сдрейфил-струсил и желает остаться на берегу для связи? Я ничего не буду иметь что-либо против!» Но все в один голос заявили: «поедем все! или все умрем и погибнем или сделаем великое дело!».

Рыбаки, стоя в конце мола, наблюдали с любопытством за нами, понимая, что группа в одиннадцать человек, плохо знают море и рвутся в него. Один старик снова не выдержал, подошел вплотную к катеру. и спросил: «Тов. тов., не думаете ли вы ехать снова в море?»—«Да нам немного на 4—5 час. надо поехать в море!»—«Я не советую. Вот видите небо становится бурным, это значит—будет неспокойное море». Посмотрели на небо, действительно оно показалось суровым, но делать было нечего, надо ехать, а то уже и так мы задержались.

Отдали концы, пустили мотор и катер двинулся в море. Мокроусов сел на борту, у руля ему передали компас, часы и карту. Но уже тут не наблюдалось такого звонкого смеха. Завели деловой разговор. Тов. Мокроусов

говорит, что когда он беседовал в «закордоте» Ц. К. К. П. У., то ему определенно заявили, что сейчас в Крымских лесах находится до 15.000 человек партизан, которые идут против власти Врангеля, но ввиду их неорганизованности и отсутствия военных руководителей, они бродят по лесам без всякого действия, за исключением того, что иногда выходят на шоссейную дорогу и добывают себе продукты. А подпольная Крымская коммунистическая организация сейчас провалилась и большинство стойких коммунистов повешены или расстреляны.

Значит, нам безусловно удастся использовать эти бродячие отряды партизан, подчинить их своему командованию, разбить на группы и каждого из вас назначить командиром группы и в один прекрасный день Крым без помощи Красных войск будет взят повстанческими партизанскими отрядами. На что ему тов. Курган ответил, что как член Крымского Обл. Комитета Коммунистической партии (Крымского подполья) он заявляет, что такого количества, как 15.000 чел. в лесах нет, а есть небольшие группы, руководителем которых является тов. Бабахан.

При штабе повстанческой армии, правда, есть один «Альпийский» полк, состоящий из хороших партизан, в 80 чел., есть еще и несколько отрядов в разных местах Крымских лесов, которые действуют самостоятельно и без всякой политической окраски, т.-е. просто занимаются налетами на офицеров.

Время было далеко за полдень. Поели хлеба с арбузом, это была вся наша пища, которую мы с'умели захватить с собой, ввиду спешности отправки. Берегов не было видно. Поднялся шторм и нас стало заливать водой, так как катер был настолько погружен в воду, что борт от уровня моря находился всего лишь 1/2 аршина. Началась работа. Стали отливать воду ведрами, чтобы не замокло магнето. Пришлось выбросить в море банки с маслом, единственный боченок с пресной водой, которая была взята для питья, выкинули и баллон из-под бензина. Пришлось наливать бензин с большой бочки в запасный бак катера, который продолжало швырять.

Стало смеркаться, но буря все продолжает свирепствовать. Маленький катер, напрягая все силы, старается пересилить морские волны. Открылись берега. Была глубокая ночь. Показались огни маяков.

Все ближе и ближе подходили к маякам, все яснее и яснее вырисовываются огоньки. Все переутомились и стали дремать. Как вдруг,—вскрикнул тов. Папанин, который сидел рядом с Мокроусовым: «Колька (Ефимов), останови мотор! машина стучит!» и подбежав к мотору, дернул за рукоятку и мотор перестал работать. Оказывается, помпа перестала качать воду и не охлаждала мотор, который стал распаиваться и мог даже лопнуть.

Пошли, снова показались огоньки и через 2—3 часа мы добрались до самого Крымского берега, с крутыми откосами. Повернули катер вдоль самого берега стараясь выяснить место, где бы лучше причалить, но ничего не видно было. Пройдя несколько саженей в одну и другую сторону берега, решили не терять момента, пока мы еще не обнаружены и не слышно тревоги с берега...

Все встали и приготовились или к высадке или к отпору противника. Нервы на столько были напряжены, что чувствуешь невольную дрожь и слабость в ногах. С одной стороны, переутомление от качки, а с другой стороны, сознание, что сейчас через минуту ты будешь с оружием в руках находиться на территории противника, который если и обнаружит то, действительно, не даст пощады.

«Останавливай машину!!!» прокричал шопотом тов. Мокроусов. Но в этот момент, точно судороги свели руки мотористам, которые при толчке катера перевели рычаг на холостой ход, а машина стала стучать значительно сильнее и громче, тогда как надо было останавливать, чтобы не нарушить «покой» Врангелевской земли.—«Выскакивайте по одному на берег!»—произнес тов. Мокроусов, и все, как один, с винтовками в руках, бросились с катера в воду по самую грудь. Стали разгружать катер, бродя по воде. Сейчас же была осмотрена местность. Оказалось, что в трех саженях от воды шла стена значительно выше роста человека, а за нею шоссейная дорога. Но тут уж рассуждать не приходилось много.

Взяли два пулемета и поставили по одной и другой стороне дороги на случай, если кто будет ехать и обнаружит нашу высадку. Все было вытаскано из катера на берег. Тов. Мокроусов отдал распоряжение тов. Ефимову затопить катер, что и было проделано быстро. Катер был отодвинут гораздо глубже, где он стоял во время высадки, была сделана пробоина в днище, и он стал погружаться в воду. Тов. Ефимов выпрыгнул с катера и пошел к берегу. Мешкать было некогда и мы сейчас же потащились в лощину, которая прилегала к берегу, взбираясь все выше и выше в гору.

Через час приблизительно стало рассветать, но мы не останавливались и шли все дальше в горы, таща на плечах все наши вещи. Прошли от берега версты 2—3 и, полагая, что мы уже далеко, решили прилечь и отдохнуть до вечера, а с вечера пойдем в лес и скроемся уже основательно. Это предложение было сделано тов. Курганом, как человеком некоторое время пробывшим в подполье в лесах и знающим лесную обстановку. Так и было сделано.

Двое пошло в разведку и поднялись на возвышенность горы. Выставили пост по направлению той стороны, откуда мы тащились, и легли отдохнуть. Но сна, конечно, не было. Все как будто бы спокойно. Настал час смены часового. Ползком полез я на смену. Как вдруг, вижу часовой делает сигнал рукой не двигаться дальше. Я прилег и стал наблюдать из за камня, приготовляясь, конечно, к бою. Слышу шорох. Еще сильнее стал сжимать винтовку в руках, жду с секунды на секунду, готовясь спустить курок. Из-за поворота лощины вышло двое: один мужчина, второй мальчик, а в руках у них ящик из-под патрон, который мы закопали в гравий на берегу.

— «Стой! Кто идет?» Шедшие остановились. Мы подбежали к ним, чтобы расспросить, зачем и как они могли попасть в эту лощину, куда, по нашему мнению, и ворон костей не заносит. Но узнать ничего не удалось, так как это были татары и русского языка не знали, повели их в лагерь, стали кое-как расспрашивать. Тов. Григорьев был жителем г. Ялты и немного

знал татарский язык. В это время прибежали двое с разведки и сообщили, что увидели еще двоих на горе. Татары нам сообщили, что и те тоже из их деревни. На вопрос, как они попали сюда, т.-е. в лощину, один ответил, что увидели на берегу затопленный катер и след в лощину, а посему и пошли узнать, кто и зачем приехал. Подозвали и тех двух татар, завели беседу.

Мы сразу сказали, кто мы такие, зачем и откуда приехали; они были очень довольны, принесли нам кушать и условились нанять подводу, чтобы перевезти ночью наш груз в лес, а также найти проводника, который бы мог подыскать более безопасное место для нас и держать постоянную связь, что и было сделано. Вечером подошла подвода из деревни Капсхор, где уже ожидало нас все население, преимущественно молодежь. Увидев их, мы сначала обеспокоились, но впоследствии убедились, что действительно это были все дезертиры Врангелевских войск. Вооруженные винтовками, они приветствовали нас, что было сделано в честь нашего приезда.

Погрузив тяжесть на подводы, а оружие взяв с собой на плечи, мы тронулись в путь, приказав жителям разобрать весь катер, чтобы не осталось следов, но след уже был обнаружен. Рано утром проезжал один солдат верхом на лошади и увидав затопленный катер поехал сообщить в г. Судак властям, что на берегу лежит затопленный катер в 25 вер. от г. Судака. Но жители успели уже разобрать мотор и все части катера, чтобы не достался он Врангелю. Татары в количестве 80 чел. все время провожали нас по дороге в лес. Но так как лес был в 14 верстах, все время подымался на крутые горы, то они стали по одному отставать.

Утром в 10 час. мы добрались до самой гущи леса. Подводы отпустили, а Ибрагим остался с нами, обещая найти партизанские отряды, чтобы соединиться с нами. Пока же что Ибрагим пошел в свое стадо овец, которое находилось вблизи нашего расположения и принес зарезанного барашка, чтобы мы могли плотно покушать, а потом пойти в одно место, где можно получить постоянную связь.

Часа в четыре дня пошли лесными тропинками и подошли к казарме лесного об'ездчика, где находился лесопильный завод. Это было в районе деревни Сартаны. Ибрагим по дороге сказал нам, что об'ездчик обязательно должен знать, где находится партизанский отряд зеленых. Из казармы навстречу к нам вышел высокого роста мужчина с кокардой на лбу: «Что вам надо, господа?» Мы поклонились и сказали ему, что нам нужно знать, где сейчас находится отряд зеленых, на что он категорически отказался ответить, но по всему видно было, что знал, но трусил. В это время вышел его сын, лет 20—21 года и, узнав, что мы из Советской России, обещал установить необходимую связь с зелеными. Условившись с ним о часе встречи, мы возвратились к себе в лагерь. Товарищи с любопытством стали нас расспрашивать. Мы сообщили, что есть надежда на завтрашний день встретиться и, поговорив немного, улеглись спать.

На утро пошли снова. Дошли до казармы. (Ибрагим пошел вперед, чтобы не показываться всем). Выбежал сын лесничего Захарий как его звали

и сообщил: «Ну, товарищи, пришли зеленые... и повел нас в другую сторону леса. Дошли до криницы, остановились. Захарий побежал вперед сообщить, чтобы зеленые подошли, но вернулся обратно, сказавши, что зеленые еще сомневаются в нас и не верят, что мы действительно приехали из Советской России, предполагая, что мы просто контр-разведчики».

В это время к нам подошел еще один соседний об'ездчик, который все время скрывался от белогвардейцев, как коммунист, его звали Петро. Наконец подошли и зеленые и остановились в 15—20 шагах, держа винтовки на изготовку. Все они были одеты в грязные, оборванные одежды, черные лица, взлохмоченные волосы, открытая грудь—говорили, что это действительно зеленые. Подойдя ближе к нам и не выпуская винтовок, они поздоровались: «здорово, товарищи!», «кто вы такие?»—«покажите ваши документы?» Поднялся тов. Мокроусов и ответил: «Я, Мокроусов, Командующий Крымской Повстанческой Армией и приехал из Советской России».—Покажите ваши документы?» настаивал один из них, как оказалось потом—пленный красноармеец Ставропольской губ. тов. Жеребцов, командир этого отряда.

Мокроусов вынул из сумки документ и показал. Посмотрев, тов. Жеребцов сказал: «А сколько вас приехало человек?»—«одиннадцать»—произнес Мокроусов. После этого Жеребцов подал всем руку. Вслед за ним подошли и его товарищи, которых было 4 чел., остальные 7 человек в это время залегли кругом и ждали распоряжения своего командира, т. Жеребцова. Когда Жеребцов убедился в том, что мы свои, сделал сигнал свистом. Выскочили и остальные из земли и, подавая всем руки, с улыбкой на лице, сказали: здорово, товарищи!!!

Итак, мы почувствовали уже, что мы не одни,—нас было одиннадцать, да еще прибавилось двенадцать. Зеленые стали рассматривать пулеметы, которые были у нас и на их лицах можно было прочесть, что они были страшно довольны нашим приездом. Тов. Жеребцов распорядился пригнать из стада богатого татарина несколько штук овец, чтобы устроить нам торжественный обед, что и было сделано.

Стали спрашивать их, где находятся еще отряды или штаб, на что получили ответ, что под горой Чатырдаг находится штаб тов. Бабахана, с которым, правда, у них не было связи. И на другой день собралось 6 чел. наших, взяли с собой одного проводника из группы зеленых и пошли под гору Чатырдаг в штаб Бабахана. Я же остался с отрядом зеленых ждать распоряжений Мокроусова.

Завели беседу, начали расспрашивать, сколько время они уже здесь. Чем питаются, есть-ли кто-нибудь из членов Р. К. П. Б.; оказалось, что членов Р. К. П. Б. никого не было из них. Сейчас же организовали комячейку, в которую вошел я, тов. Ефимов и тов. Васильев.

Стали об'яснять значение нашей коммунистической партии, а также значение Красной Армии, а попутно с этим и наше положение. Все были очень внимательны и слушали с большим удовольствием. У меня было несколько маленьких брошюрок тов. Троцкого и Бухарина, которые были прочитаны им. Но все же у зеленых явилось сомнение—кто мы такие и не запускаем ли мы им арапа?

Тов. Жеребцов говорит: дорогие товарищи, а все же мы вам не верим, что вы наши товарищи и что вы представители Советской России. Я говорю, что достаточно вам было того, что тов. Мокроусов показал вам мандат, да вот мы и сами на лицо. А если хотите убедиться, вот вам партийный билет Политотдела Северо-Кавказского фронта за № 220. А у тов. Ефимова тоже самое, это вам самое лучшее доказательство.

Но и это не убедило зеленых. Тогда у меня явилась мысль, а не думают ли они с нами что-нибудь сделать, зная, что у меня романовской валюты и бриллиантов находится на миллион рублей и что они могут убить всех нас, потому, что за ними сила. Положение становилось скверным.

Вдруг прибегает Захарий и сообщает, что приехал отряд белогвардейцев в деревню Сартаны, которая находится в 4-х верстах от нашего лагеря и расположился на ночлег в экономии, и узнав, что мы здесь находимся, завтра утром хотят пойти в облаву на нас. Учитывая это обстоятельство, как доказательство, что мы не белые, а красные, мы решили пойти в наступление. Когда стемнело, мы подошли к краю леса. Засели у экономии в ожидании, когда белогвардейцы лягут спать. В два часа ночи мы стали спускаться к экономии. В экономии забор был каменный и имелись одни ворота, где стоял часовой.

Разбились мы на две группы, одна должна была наступать с одной стороны, а другая—с другой. Подошла первая группа, в которой находился я и остановились, пока вторая подойдет по балке к самым воротам и снимет часового без боя, забежит во двор и откроет пулеметный огонь, а мы в это время, с другой стороны, должны были кинуть 3—4 шт. бомб и открыть пулеметный и ружейный огонь.

Ночь была темная и вместо того, чтобы мы услышали звук пулемета, к нам донеслось три ружейных выстрела. Как выяснилось потом, это были выстрелы часового, который обнаружил вторую группу. Но мы, не понимая в чем дело, открыли стрельбу, бросили бомбы и уже было хотели перелазить через забор для того, чтобы пойти штурмом с криками «ура». Но в это время заработал их пулемет. Увидев, что на нас двигается цепь человек в 50, мы поняли, что это не наши и должны были бежать. Первые ускакали зеленые, оставив нас без проводника. Путаясь, мы добежали до кустов леса, где я увидел Жеребцова и др.

На другой день собрались все в условном месте и стали обсуждать, что мы неправильно повели ход наступления. Но белогвардейцы на столько испугались, что на другой день стали рыть окопы, почувствовав, что это не те зеленые, которых они гоняли по всем лесам. Тогда я задал вопрос зеленым, не сомневаетесь ли вы теперь, что мы есть Красные и приехали сюда в Крым не дурака валять, а действительно сражаться с противником.

На другой день Ибрагим нам сообщил, что после нашей высадки, приехала следственная комиссия на место высадки, осматривала катер, расспрашивая жителей деревни Капсхор, кто приехал, сколько человек и что привезли. Но татары были очень хитры и сообщили, что приехал Мокроусов, сколько человск они точно не знают, но приблизительно несколько тысяч, а привезли 3 мешка романовских денег, несколько десятков пулеметов и т. д.

Наше пребывание в этой местности стало уже невозможно, так как противник точно установил, где мы расположены. А посему нам надобно было перейти верст 40, под деревню Улу-Узень, где находился, по словам т. Жеребцова, отряд зеленых под командой Володи Сотника, и мы тронулись. К нам примкнуло еще несколько человек жителей из деревни Сартаны, ввиду того, что после нашего налета на отряд им нельзя было больше находиться в деревне, потому что они были дезертирами. Итти пришловь целые сутки. Под Улу-Узень днем мы встретились с отрядом Володи Сотника, который, узнав несколько дней тому назад о приезде товарищей из Советской России под командой тов. Мокроусова, вышел к нам навстречу. Это был Донской казачий офицер в чине сотника, геройский на вид и бравый начальник штаба Крымской Повстанческой Армии.

Завели беседу, в которой сейчас же коснулись, как прошел 10-й Всероссийский С'езд Р.К.П.Б. У меня была книжечка резолюции 10-го С'езда Р.К.П.Б., которую я ему дал, за что он очень и очень благодарил меня, считая себя политически оторванным от Советской России.

Находившийся с Володей Сотником тов. Александровский начал рассказывать нам о Крымском провале, совершенном кутеповской контр-разведкой. Меня это заинтересовало. На другой день пришел вестовой из штаба армии и принес приказы за подписью тов. Мокроусова. Первый приказ о сдаче Бабахиным всех дел Мокроусову и о приеме армии Мокроусовым, где говорилось: «Я, Командующий Крымской Повстанческой Армией, Мокроусов, назначенный Реввоенсоветом юго-западного фронта, с сего числа вступил в исполнение обязанностей; а посему приказываю: Крымские леса об'являются на военном положении. Все порубки и разработки лесов для военного ведомства Врангелевского правительства должны быть немедленно прекращены со дня опубликования настоящего приказа.

В выписке из другого приказа говорилось:—«тов. Кулиш Григорий, уполномачивается штабом армии подчинить отряд партизанов, который находится в районе Старого Крыма». По сведениям Володи Сотника этот отряд был очень сильный и дружно спаянный. Я взял с собой одного проводника и пошел в район Старого Крыма. Оказывается, что отряд в Старом Крыму слышал, что высадился дессант из моторной лодки, но кто высадился они пока еще не знали, а когда я сказал про Мокроусова, то они ответили, что знают про него еще с Дона в 1918 г. Когда я сообщил им о нашей задаче, они после некоторых колебаний согласились.

В это время тов. Мокроусов опубликовал свой приказ по всему Крыму через посредство подпольных работников в городах, которые сумели перепечатать в типографии и расклеить по всем столбам г. Симферополя. А также и воззвание к солдатам, офицерам, матросам, рабочим и крестьянам, о том, чтобы они шли к зеленым. Выработал план о наступлении на Бешуйскую шахту, где добывался уголь для паровозов и пароходов Врангелевского правительства. В Бешуйской шахте был отряд добровольцев в количестве 200 человек, которые охраняли шахту, а также были рабочие и администрация. Шахта находилась в центре леса вблизи Козьмы-Демьяновского монастыря у горы Чатырдаг. Шахта эта имела большое значение

для Врангелевского Крыма. Пошли в наступление. Ночью завязался бой под командою тов. Мокроусова. Противника выбили, который отступил; рабочие и администрация разбежалась. Выставили цепь против противника, которая продолжала еще вести перестрелку, а другая часть занялась разгромом шахты. Заложили динамит, зажгли постройки. Не успели еще отступить, как раздался оглушительный взрыв. Пройдя несколько верст остановились на ночлег в одной деревушке, где наняли подводы и поехали по шоссейной дороге по направлению Улу-Узень и Кур-Узене, зная, что в Кур-Узене находится пристав и 30 человек стражников, которых решили обезоружить, так как большая была нужда в вооружении.

Приехал Мокроусов в деревню Улу-Узень со своим отрядом и послал вперед разведку, но татары уже сообщили приставу Гулякову, что движется отряд зеленых в Кур-Узень. Мокроусов не задерживался в Улу-Узене и двинулся дальше. Подошли. Разведка окружила здание полиции, когда прибыл Мокроусов с своим отрядом. Но пристав Гуляков приказал стражникам не производить стрельбы, а сдаться без боя. За приставом был установлен строгий надзор. Дальше мы пошли вместе со стражниками и всем войском партизан в районе Сартаны, где находился Володя Сотников.

Узнав об этом, среди белогвардейцев поднялась шумиха. Появилась заметка в газете, что приехал из Советской России на катере «Гадим-бей» матрос Мокроусов, известный анархист-террорист в Крыму еще по 1917 и 1918 году. Даже сам Врангель обратил внимание на этот приезд и принял самые репрессивные меры, для чего снял несколько частей с фронта и бросил для борьбы с зелеными.

После того, как порезали провода вблизи д. Эльбузы, мы шли всю ночь по лесам, чтобы не обнаружил нас противник; шел сильный дождь; мы плелись по горам мокрые и грязные, стараясь поскорее прийти в указанное место. Ночью перед рассветом дошли мы до пастуха, который пас овец в районе дер. Арталан. Здесь мы переночевали, утром к нам присоединилось еще 7 человек и мы пошли дальше. Шли весь день и только ночью часа в 2 пришли на лесопильный завод, где находились уже все партизаны, вместе с тов. Мокроусовым. Услышав мой голос, тов. Мокроусов вышел мне навстречу. Я ему доложил, что привел отряд в 52 человека с винтовками, бомбами и револьверами. На утро был бой с белогвардейским отрядом, находящимся в Сартанах. На помощь белогвардейцам прибыло из Гармалыка два отряда кадет, которые окружили наших с трех сторон. Сдерживая наступление, Мокроусов начал выводить нас обратно, так что наши с небольшими потерями вернулись обратно в лагерь. Пришел и Мокроусов с угрюмым видом и говорит: «Но чорт возьми, как хорошо сражался пристав Гуляков со своим отрядом стражников, так, что я этого не ожидал, куда лучше наших партизан». Сошлись все, стали подсчитывать жертвы. Оказалось четыре человека убитыми с нашей стороны и несколько ранеными. Один из убитых был тов. Васильев, который приехал вместе с нами на катере из Советской России. При нем были Советские документы и партбилет, член партии Р. К. П. (б.) с 1918 г. Положение стало плохое. Отряды добровольцев окружили весь наш район со всех сторон. Отрядов было около 15.

Но «голь на выдумки хитра». Мокроусов заранее отпечатал фиктивные оперативные приказы и разбросили их во время боя, в которых говорилось, что такой-то полк, т.-е. 3-й Симферопольский, 2-й Карасу-Базарский, 4-й Альмитский и другие, после этого боя должны двинуться в наступление на гор. Севастополь и, связавшись с рабочими организациями, захватить город. Это было по новому стилю приблизительно 11 сентября 1920 г. В тот же самый день, после боя, Мокроусов написал доклад в Советскую Россию о том, чтобы еще послали один дессант в 300—400 человек с легкими орудиями, который должен был отвезть тов. Папанин. Папанина отправили через одного татарина на берег моря, где он должен был за деньги найти лодку, которая перевезла бы его в Сов. Россию.

Переночевавши, на утро выслали разведку во все стороны, которая донесла, что вокруг отряды, которые готовятся куда-то выступать. К этому времени мы уже выработали приказ и план наступления на гор. Судак, который находился по направлению Феодосии на берегу моря. Пошли. Только вышли мы из лагеря, как по цепи передали: «Разведка поймала в плен полковника!». Привели полковника, лет 32-х, солидного мужчину в английской одежде. На вопросы, кто такой, он сознался, что был начальником оперативного штаба одного из отрядов по борьбе с зелеными. При нем, действительно, оказались шифр, пароль на две недели и оперативные приказы. Дав нам ценные материалы, он просил, чтобы его оставить в живых. Но возиться с ним у нас не было время, и боясь, чтобы он не убежал и не сообщил о количестве наших партизан, Мокроусов приказал расстрелять его.

Мы пошли своим порядком. За целый день и половину ночи мы добрались до деревни Ворон, где мы сделали привал и перекусили но не досыта, ввиду того, что татары очень бедные и ничего нельзя было купить. Утром рано пошли дальше и только часов в 5 вечера добрались до гор. Судака. Наша армия была разбита на 2 полка. В это время в городе была всего лишь только комендантская команда, все же остальные части выступили по направлению к гор. Севастополю, думая, что мы действительно пошли на Севастополь. Но кроме комендантской команды в Судаке были еще на частных квартирах офицеры, отдыхающие на курорте, которых решили переловить. Завелась перестрелка. Подошли к банку, но банк был уже закрыт. Потребовали казначея, пришел он, открыл кассу и забрали все деньги, противник был выбит из здания коменданта, которое находилось у самого берега. Часть была взята в плен, был взят и цейхгауз с винтовками и патронами. Но офицеры открыли беспорядочную стрельбу из окон и крыш домов, чем создали панику. Мы видели, что дело неважное и решили убираться. Пленных человек 70 повели вперед и стали расстреливать, большинство из них были офицеры, чехо-словаки и буржуи, которые или сопротивлялись или стреляли из окон.

Но все же г. Судак мы держали в своих руках 2 часа и все что нам надо было взять мы забрали. Стала подходить помощь кадетам. Забрав лошадей и погрузив имущества на подводы, мы стали спокойно отступать по шоссейной дороге по направлению Старого Крыма. Не доезжая версты

3 до деревни Эльбузы, свернули в лес налево, отошли от шоссейной дороги на версту и решили отдохнуть. На утро продвинулись дальше версты 3—4 и тоже остановились, зная, что сегодня будут ехать отряды из Старого Крыма на подводах в г. Судак на помощь. Наши предположения были правильны. Выслали разведку в сторону Эльбузы, которая сообщила, что движется отряд человек 300 на подводах. Сейчас же было дано распоряжение 3-му Симферопольскому полку выделить хороших хлопцев для засады, что и было сделано. Было отобрано добровольцев 30 человек, которые пошли в засаду под командой Алеши Черного, анархиста. Сперва показалась разведка противника в 4 челов. верхом, за ней в полуверсте ехал и отряд на обывательских подводах. Разведка засадой была пропущена для того, чтобы не нарушить покой главного отряда. Шоссейная дорога шла у самого леса. Когда они поравнялись с нами, раздалась команда «пли». Через 3—4 минуты отряда уже не было. Часть оказалась убитыми и ранеными, а часть бежали в панике по шоссейной дороге. Правда, несколько офицеров, отбежав на приличное расстояние, стали отстреливаться, но конечно в пустую. В это время все имущество противника было перехвачено. После этого боя мы стали формировать кавалерию из тех лошадей, которые были взяты в гор. Судаке.

Пошли дальше. Прошли верст 12—15 остановились, так как противник отрезал нам путь. Положение немного осложнилось. Выхода не было, кроме леса. Стали рассылать разведку во все стороны. Через несколько часов разведка донесла, что они имели стычку с противником. Тогда Мокроусов сказал: «тов. Кулиш! Сдай деньги Дмитрию Соколову, а сам иди в деревню Арталан и устрой там митинг и проси крестьян, чтобы они примыкали к нашим рядам, в противном случае, если не согласятся, то скажи, что по приходе Советских войск в Крым, все имущество их будет конфисковано». Я пошел.

Прихожу в кофейную, вызвал старосту, который устроил сход. Эта деревня была населена на половину русскими, а на половину татарами. Только я выступил с речью, как вдруг раздался крик: Кадеты!!! Кадеты!!! и я вынужден был быстро покинуть и побежать обратно в лес. Но лес находился близко, всего саженей 100. По мне открыли стрельбу, но мне удалось добежать до леса и залечь в кустах. Несколько человек продолжали еще бежать по направлению леса и стрелять. А у меня было задето самолюбие.—«Ишь какие герои», думал я. Подпустил их на близкое расстояние, а потом выстрелил, так что один из них упал, а остальные бежали. Я встал и прошептал, что «моя копейка не щербатая» и пошел уже без проводника, так как проводник исчез. В лесу неожиданно я встретился со своими. На другой день утром мы пошли по направлению Сартаны. Дошли до старого лагеря, а там уже были кадеты, которые осмотрели все наши шалаши. Послали разведку на казарму, где находился об'ездчик, узнать где кадеты и когда были здесь. Об'ездчик сообщил, что кадеты были сегодня днем и ушли не заставши нас, но сейчас они находятся вокруг. Была ночь, все же мы решили до утра пробыть на месте, так как сильно были переутомлены. Утром прибежал об'ездчик и сообщил, что идут кадеты по лощине. Как только успели уйти, кадеты настигли наш лагерь, но уже не было

никого. Взобрались мы на высокую гору и начали ждать. Часа в 4 получили сведения, что кадеты ушли в Ускучь, ближайшая деревня. Пошли лощиной, стараясь скрыть всякий след за собой. К этому времени мы уже разбились по частям, так чтобы противнику было трудно уследить за движением нашей армии. Один полк оставили в районе дер. Арталан и назвали его 2-м Карасу-Базарским и приказали каждый день делать налеты на кадетов. Сформированную кавалерию, тоже самое послали в район Бешух, так как там удобное место для кавалерии, а 3-й Симферопольский полк послали сейчас же в район горы Чатырдаг. Штаб же и комендантскую команду послали под Улу-Узень. Пришли под Улу-Узень. Нашли место более удобное, остановились. Постояли 2-е суток. Но кадеты продолжали тревожить нас, так что мы принуждены были снова отойти. Тут у нас закралось подозрение, что среди нас есть шпион, который все доносит кадетам.

Но оказалось, что кадеты напали на след ишаков (ослов) и шли почти от самого Судака по следам, которые были хорошо видны. В это время одна женщина принесла приказ 2-го Карасу-Базарского полка, которая, как потом оказалось, была послана политотделом штаба 13-й Армии для несения подпольной работы. Главная цель было получить точную информацию о Крымской Повстанческой Армии ид ислокацию Врангелевских войск. Но мы, не имея никаких документов и явок, решили, что она шпионка и хотели уже было ее расстрелять, но в беседе с ней я убедился, что она действительный член Р. К. П. (б.).

Следующий наш поход был на станцию «Джанкой», где находились большие пакгаузы военного снаряжения и вооружения, которые мы решили взорвать и оттуда пойти дальше до самой Евпатории с заходом по всем селам, деревням, шоссейным дорогам, по пути разбивая все попадающиеся отряды, что и было сделано. Кавалерийский полк работал в степях ровно 2 недели, по пути уничтожая все. Пехотные полки проявили себя в этот двухнедельный период времени геройски. Противник был в переполохе и не знал куда бежать. В это время подрывная команда, которая находилась в г. Симферополе подложила под казначейство пироксилиновые шашки и взорвала его, распустив провокацию, что зеленые думают захватить город Симферополь для того, чтобы освободить политических арестованных коммунистов, которых находилось до 500 ч. В связи с этим Врангель был вынужден снять с фронта 2 дивизии Донских казаков и бросить их на борьбу с зелеными под командою генерала Барбовича. Но не увенчался успехом план Врангеля. Положение зеленых было самое хорошее. Но тут получилась другая картина, которая заставила нас призадуматься. Наступила осень, партизаны были одеты скверно, все были оборваны и одежда, которая отбивалась у добровольцев, изнашивалась по горам и лесам так быстро, что не успевали добывать ее. А главная причина, которая нас заставила призадуматся, это разложение партизан внутри 3-го Симферопольского полка, где пошел ропот, что Красная армия отступила до самого Екатеринослава, так что успехи на фронте Врангеля стали очень хорошие. По сведениям Врангелевских газет много красноармейцев было взято в плен и что разбит знаменитый корпус т. Жлобы, а также дошел слух, что уже т. Мокроусова нет в живых

и что весь штаб Крымской Повстанческой Армии разбит, а частью взят в плен и деньги, которые были при штабе Красной Повстанческой Армии захвачены кадетами. Правда, это была только заметка в газете, но все же разложение не прекращалось. Этому способствовал командир 3-го Симферопольского полка Макаров, быв. офицер и ад'ютант генерала Май-Маевского. Ответственных коммунистов в повстанческой армии совершенно не было, за исключением одной т. Федоровой Тони, которая была секретарем Обл. Крымского Комитета Р. К. П. (б.) и членом Военной тройки штаба Крымской Повстанческой Армии.

Тогда Мокроусов решил послать меня, как представителя Армии и Р. С. Ф. С. Р. Получив все бумаги и приказы, где было мне поручено восстановить полную дисциплину и выяснить, кто зачинщик провокаций в 3-м Симферопольском полку я взял с собой проводника и пошел. Переход был очень сложный, так как надо было проходить мимо двух экономий где находились отряды белогвардейцев, а также через шоссейную дорогу, которая шла из Симферополя в Алушту и Ялту. Первый вопрос, который мне задали—это о судьбе т. Мокроусова и деньгах. Я им ответил, что все, что они слышали, ложь, Мокроусов жив и деньги целы. Это на них подействовало. Это было 5 октября. 6 октября был получен приказ из штаба о том, чтобы в районе Бешуи и Коказы и в 12 верстах от г. Симферополя произвести нападение на отряды, так как в районе Арталана стали сильно преследовать 2-й Карасу-Базарский полк, чтобы оттянуть внимание противника в другую сторону. Долго не собирались и пошли. Прошли несколько деревень, расспрашивая по дороге, есть ли белогвардейские отряды или стражники. После одной стычки с полковником, которого я убил на квартире, дошли сведения, что в почтовом отделении с. Кокозы остановился на ночлег один контр-разведчик. Пошли туда, окружили почту и стали стучать.

Доехали до района, где еще зеленые никогда не были, потому что тут слишком плохое место для партизан. Население встретило нас очень радушно. Всех партизан татары пригласили обедать, после обеда пошли дальше. Шли до самого вечера. Остановились на ночлег, где происходила заготовка дров для военного ведомства. Дров было очень много. Но у нас было распоряжение все, что попадется в качестве Врангелевского снаряжения уничтожить, а посему все дрова, кубов 500, были сожжены.

Утром рано двинулись к Севастополю, подошли к монастырю, послали разведку в монастырь, где был хорошо знакомый настоятель. Настоятель принял разведку и сказал: «Солдаты сейчас находятся в саду, а их винтовки в казарме». Разведка заскочила в казарму, забрала винтовки, потом послали настоятеля в сад за солдатами, которые пришли. В это время подошли и все остальные партизаны 3-го Симферопольского полка. Устроили митинг и солдаты все, как один человек, перешли на нашу сторону. Солдаты оказались все бывшие красноармейцы, взятые в плен Врангелевскими войсками, хлопцы были бравые, жители Ставропольской губ. и Куб. области. Но нам здесь долго нельзя быть, так как лес кончался да и место для стоянки совсем было не подходяще. Здесь мы повернули обратно, но не по той самой дороге, а взяли гораздо правее.

Кадеты в это время, сломя голову, преследовали нас по пятам, но никак не могли догнать. Волнение в Севастополе среди буржуазного населения было отчаянное, крестьяне же и рабочие чувствовали себя спокойно. Пошли мы по направлению экономии быв. князя Юсупова, которая находилась в 20 верст. от г. Ялты. Пришли в экономию на другой день, часов в 11 дня. Администрация разбежалась. Конечно, сейчас же забрали продукты, лошадей и деньги для нужд полка. На деньги кассир попросил выдать расписку, которая ему была дана для очистки его совести. Расписку дали следующего содержания: «Дана сия гр. такому-то в том, что от него взято на нужды 3-го Симферопольского полка, столько-то миллионов р. По приходу Красной Армии, деньги будут уплочены по первому требованию. Подпись (Кулиш).

Пошли дальше. Тут уже никто не попадался нам на пути, так как мы шли такими местами, где можно было скрыть совершенно след. Пришли на старое место под гору Чатырдаг, простояли 3 дня, отдыхали, хорошо и выработали план пойти в деревню, которая находилась в 18 верстах от леса, и снять отряд 80 человек солдат, которые работали по борьбе с зелеными. Шел сильный дождь, была темная ночь, но для партизан это светлый день и сухая погода. Собрались вечером часов в 5 и пошли. По пути захватили с собой члена Военной тройки тов. Федорову, которая пошла в город Симферополь восстанавливать связь с подпольными организациями и получить информацию от некоторых осведомителей. Проводили ее верст 9, она пошла в одну сторону, а мы пошли в другую по направлению села Саблы, где получили точные сведения, что в деревне остановился вечером в тот-же самый день приехавший отряд из Симферополя.

Подошли ближе к деревне и послали вперед разведку без винтовок с револьверами, чтобы она переловила весь патруль, который всегда выставлялся на ночь в расположении частей белогвардейцев.

Разведка поровнялась с патрулями, которых было 3 чел., бросилась на них и без всякого звука и шума обезоружив их, подала сигнал. Полк начал продвигаться дальше. Узнали, где находится офицерский состав, подошли к ним вплотную и обезоружили всех офицеров.

Отдохнули сутки и сейчас же послали подрывную команду сжечь шпалы, которые были заготовлены в большом количестве и которые вывозились усиленно для прокладки железнодорожной ветки по над возвышенностями Перекопа, что и было сделано. Шпалы сгорели, чем и нанесли большой убыток белогвардейцам.

Наше положение становилось превосходным, мы, таким образом, вырвали инициативу у противника.

Наступила зима, выпал снег. В это время был получен приказ от командарма, т. Мокроусова, двинуться в хутор Казанли, где собраться всем частям Крымской Повстанческой Армии. Это было 8 ноября 1920 года. Мокроусов получил точные сведения, что Красная Армия решила во что бы то ни стало взять Крым и перейти в наступление. К нам в лес доносились глухие гулы орудий, так как начали уже бомбардировать первые укрепления Перекопа. Узнав об этом партизане с радостью стали стекаться в Казанли.

Мы пришли в Казанли первыми, так как потеряли счет числам и считали время на один день вперед. На другой день пришли другие полки и прибыла кавалерия, которая была красой нашей Армии. Пришел и штаб Крымской Повстанческой Армии в том числе и тов. Мокроусов. В лесу остались только раненые и больные, которые не могли ходить.

Здесь был выработан план действия—покинуть леса и двинуться на помощь Красной Армии, которая будет наступать на Перекоп. Первым послали тов. Скрипниченко в г. Симферополь, который должен произвести восстание в гор. Симферополе вместе с рабочими завода «Анатр», с которыми у нас имелась связь и где было несколько членов Р. К. П. (б.) Мусульманскому полку поручили занять Алушту и Ялту, вместе с татарским населением, которые были на стороне Советской власти. Главные же силы армии должны были двинуться по направлению Симферополя до шоссейной дороги, идущей на г. Карасу-Базар для встречи отступающего противника.

Еще г. Перекоп взят не был, когда тов. Скрипниченко, взяв в Симферополе на заводе грузовик «Анатра» и поставив 2 пулемета, выехал в город и начал стрелять из пулемета по проходившей толпе по улицам, среди которой было больше военной публики, уже не сидевшей спокойно по квартирам. Поднялась, конечно, паника и погоня за автомобилем. Скрипниченко с некоторыми рабочими на грузовике бежал в завод и скрылся на Русском кладбище. Спустя несколько часов Скрипниченко вторично проделал такую же картину, но тут уже положение стало лучшим, потому что ему пришлось перетащить на свою сторону бронедивизион, с которым он направился в г. Севастополь догонять отступающего противника, так что гор. Симферополь оказался без власти, которая разбежалась.

11 ноября 1920 г. пехота села на подводы, а кавалерия двинулась вперед встречать противника. Нужно отметить, что настроение партизан было такое, что мы все ждали со дня на день встретиться с войсками Красной Армии. Проехали на подводах 5—6 верст, и вдруг слышим, что началась перестрелка. Оказывается, что противник атаковывал нашу кавалерию. Мы двинулись на выручку. Завязался бой. Бой продолжался около часа. Но когда наша кавалерия пошла с левого фланга в атаку, противник дрогнул и пустился вдоль шоссейной дороги, отступая по направлению г. Карасу-Базара. Наша кавалерия противника не преследовала, а пошла в другую сторону, так как получили сведения, что в селе «Зуи» находится какая-то часть. Села пехота на подводы и двинулась по направлению противника в г. Карасу-Базар, который находился в 12 верстах от места боя.

Наша кавалерия догнала нас на полпути от Карасу-Базара и привезла с собой 4 пулемета «Максима» на двухколках. Положение наше еще больше улучшилось, теперь мы можем давать любой части отпор. Подошла кавалерия к городу, послышались выстрелы. Подлетели и мы на помощь и застали один батальон добровольцев, который принял бой, но скоро и ему пришлось бросить винтовки.

Разделались с батальоном по партизански, оставив в живых только тех, которые изъявили желание присоединиться к нам. В городе была сильная грязь и трупы валялись по дороге. Стало темно, решили подкормить

коней. Жители, конечно, заперлись и потушили все огни, только лишь по улицам кое-где горит электрический свет.

Выставили заставы на главных дорогах по 25 человек, на каждую с двумя пулеметами. Партизане в городе вели себя настолько прилично, что будучи все голодными, никто не решился нарушить покой жителей. Назначили коменданта города, который обыскивал только те дома, где находились вредные Советской власти элементы. Арестовано было около 100 человек, из которых большинство было расстреляно.

Посреди города расположился штаб Армии. Собрались командиры, чтобы выработать план действия. Вдруг слышим треск и шум на улице, выскочил комендант штаба, оказывается, что наша застава взяла в плен автомобиль, ехавший из Симферополя на Феодосию с пятью пассажирами, которые оказались все членами военно-полевого суда; их сейчас же расстреляли.

Сейчас же была усилена застава еще на 2 пулемета и 25 человек партизан. Через час послышалась пулеметная стрельба. Послан комендант на место происшествия, который возвратился через 20 минут и сообщил, «что кавалерия противника хотела отступать через город, но была встречена пулеметным огнем и в панике бежала в сторону и больше не показывается». Тогда отдали приказ всем командирам полков—приготовиться к походу на Старый Крым. В 3 часа ночи кавалерийский полк двинулся вперед, а вслед за ним и автомобиль со штабом Армии, за которым выступила и вся пехота. На рассвете добралась кавалерия до деревни, расположенной по шоссейной дороге. Началась снова перестрелка, во время которой все находившиеся в деревне Донские казаки были взяты в плен, убежал только генерал Барбович верхом на лошади с 2-мя казаками.

В это время по дороге проходили двое: мужчина и женщина, они нам показались подозрительными. Обыскали их и действительно,—нашли у одного из них в одежде мандаты на полотне, с печатью, написанные химическим карандашом. Это оказались меньшевики, оставленные работать в подполье в Советской России. Их тоже расстреляли. Пошли дальше. На рассвете приехали в Старый Крым. В Старом Крыму захватили сонный отряд белогвардейцев по борьбе с зелеными и им приказали сдаться без звука. Отобрали несколько человек, а остальных в б. училище расстреляли. Когда поднялся шум от выстрелов, то добровольцы стали выходить из частных домов на улицу, которые также по одиночке расстреливались. Вдруг влетает в город Старый Крым разведка 5-го кавалерийского Кубанского полка, Красной действующей Армии, и, не зная в чем дело, спрашивает: «какая часть?» Мы отвечаем: «Крымская Повстанческая Красная Армия». Пригласили разведку в штаб к тов. Мокроусову, которая об'яснила, что в 4-х верстах находится весь их полк.

Но тут уже Красные партизане не поверили, что эта разведка была Красной Армии. Через час мы видим мчится эскадрон кавалерии и что оказывается,—это была действительно Красная Армия. Переговорили с командиром и военкомом и решили в честь соединения партизан с Красными регулярными войсками устроить парад. В полку был оркестр музыки.

Музыканты были все на белых конях. Партизане выстроились как струнка, появилась кавалерия 5-го полка, которая приветствовала нас за наше мужество и геройство.

Но долго церемониться не пришлось. Двинулись дальше. Наша кавалерия пришла в Феодосию раньше Красных войск, где мы помешали погрузке на пароходы, захватив много пленных, а пехота, идущая сзади, забирала все обозы противника и расстреливала офицеров. Когда Красные войска пришли после, они изумились, что впереди их кто-то воевал. Мы остановились в Феодосии, где власти еще не было никакой. Пришедший в Феодосию 3-й Симферопольский полк занялся вылавливанием офицерства. В одну ночь было расстреляно 600—700 человек.

Узнавши об этом, Крымское Советское Правительство в г. Симферополе отдало приказ оставить г. Феодосию и перейти Старый Крым, что и было сделано. Здесь мы постояли несколько дней. Тов. Мокроусов выехал с докладом в Штаб 4-й Армии, где находился Член Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Через 5—6 дней мной была получена телеграмма: «Оставить армию и выехать в г. Симферополь с тов. Ефимовым». Что и было сделано. Собрались все части Крымской Повстанческой Армии, устроили митинг, после чего мы уехали в Симферополь, где я и был отозван Крымским Областным Комитетом Р. К. П. (б.). На этом и закончилось наше путешествие.

Следовательно, наш дессант выполнил приказ Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

И по-нашему мнению и по мнению других военных «специалистов»: взятие Крыма на 40% лежит на наших плечах. А именно, Крымская Повстанческая Армия с августа месяца действовала открыто против Врангелевских войск, а набеги на деревни, села, города и экономии производило впечатление на противника, что Армия наша состояла не менее, как из полторы—две тысячи человек. Почему Врангель и вынужден был снять 2 Донских дивизии с фронта и бросить против зеленых, а это имело громадное значение в то время, когда Красная Армия штурмовала Перекоп.

Благодаря умелой постановке действий Крымской Повстанческой Армии и их политических руководителей, была оказана колоссальная помощь Красной Армии по взятии Крыма.

Приведем список главных участников дессанта и Крымской Повстанческой Армии: т. т. Мокроусов (анархист), Погребный (член Р. К. П. б.), Муляронок (член Р. К. П. б.), Кулиш (чл. Р. К. П. б.), Ефимов (чл. Р. К. П. б.), Васильев (член Р. К. П. б.), Папанин (член Р. К. П. б.), Григорьев (анарх.), Соколов (беспарт.), Алейников (беспарт.), Курган (член Р. К. П. б.), Тоня Федорова (чл. Р. К. П. б.), Алеша «Черный» (анарх.), Васильев (чл. Р. К. П. б.).

КУЛИШ

ОТДЕЛ 3

ГЕРОИ и ЖЕРТВЫ РЕВОЛЮЦИИ

Тов. Михаил („Рафаил Черный“)

С 1903 г. Рафаил Черный часто стал являться об'ектом всеобщего внимания.

Уже четырнадцатилетним юношей, не успев еще порвать со скамьей двухклассного городского училища, Рафаил принадлежал к числу тех, для которых не приходилось удивляться частым маршрутам из дому в участок, а из участка в тюрьму, а потом и к следователю. При этом всегда «герой дня» оставался невозмутимо спокойным.

Жизнь текла «обычной колеей»: арестуют, освободится—уезжает с горизонта, скроется, а потом снова работает, листовки пишет, организовывает... Темп жизни профессионального революционера непривычно быстрый. Человек горит на работе. Мчится из Твери в Варшаву, а после Одессы скрывается в Брянских лесах. Иногда видишь его Белоцерковским учителем, деревенским мужичком, Киевским газетчиком, изготовляющим динамит и изучающим для этого химию; при этом он преображался—то Володей, то Николаем, то Ваней. Не запомнишь даже имен и паспортов.

С ловкостью и бесстрашием прирожденного революционера, кующего на самом себе подпольный опыт, он менял города, имена, положения.

* * *

В 1909 году двор Киевской явки по Прозоровской № 1 оказался окруженным жандармерией. Рафаил Черный, увидев через окно в чем дело, достал юбку, кофту, шаль и, преобразившись в горничную, вышел из квартиры вместе с прилично одетой товаркой по работе. Идиллия получилась прекрасная: барыня отправляется на базар, за ней с пустой корзинкой следует служанка, которая непрочь весело подмигнуть прохожему, встретившемуся в дверях. Какое «служанке» дело, что встретившийся—это агент жандармерии. Но за пределы двора невозможно было пробраться, и Рафаил нашел себе укромное местечко под дровами, стоявшими на дворе.

Однажды он был под каким-то псевдонимом арестован. Его привели в камеру, где сидел его старый знакомый эсер Райгородский *). Последний очень обрадовался старому приятелю. Несколько эксцентричный, радушный и недалекий Райгородский бросился к нему.

---

*) С Райгородским Черный познакомился в одном из уездных городов Киевщины или Подолии. Райгородский был рабочий (кажется печатник), парень необыкновенно честный, душой и телом преданный революции. После убийства Эйхгорна, он вступил в К.П.(б.)У. (в гетманском подполье). Из Киева он уехал тогда в Москву для того, чтобы отправиться добровольцем на фронт. В боях на Дону он великолепно проявил себя. Райгородский принадлежал к числу тех комиссаров частей, которые усматривают свое особое положение в праве быть первым и храбрейшим в линии огня. В 1919 г. он приехал в отпуск в Киев, где тиф унес его в могилу. Среди немногих друзей, хоронивших его на братском кладбище, был и секретарь Губкома К.П.(б.)У.—Р. Черный.

Рафаил никогда не переставал шутить даже в самые серьезные моменты над всем, над чем можно было пошутить, не исключая и самого себя.

В данном случае Рафаилу (а он был теперь уже «не Рафаил»), вовсе не улыбалась беседа с Райгородским в присутствии тюремного проводника. Воспользовавшись замешательством Райгородского, он нашел себе укромный уголок и завалился спать. Таким образом путь к задушевным разговорам между приятелями в присутствии тюремщика был отрезан.

* * *

В 1911 году Дмитрий Багров убил в Киеве Столыпина.

Его приговорили к смертной казни. Говорят, что перед смертью он в состоянии умопомешательства выдал охранке целый ряд подпольных работников. Начались аресты. Попался и Рафаил. Попытка суда инкриминировать ему сообщество в террористическом акте Багрова—оказалась безуспешной, тогда был снова возбужден ряд других старых дел. Между прочим, вспомнили теперь и о том, что года за два до того, Рафаил попался в Варшавскую цитадель. Ему тогда не удалось достигнуть поставленной цели—отправиться в Германию для выполнения боевого задания.

Его приговорили к двенадцати годам каторжной тюрьмы с вечным поселением в Сибири. Но ввиду того, что все «греховные» деяния, которые инкриминировали ему, были совершены за несколько лет до суда, т.-е. в период несовершеннолетия его, то суд «смилостивился» и двенадцатилетний срок каторжной тюрьмы сократил на половину. Его отправили в Рижскую тюрьму, где он просидел свыше года. Когда началась война, Рижскую тюрьму эвакуировали в Ярославль. Здесь Рафаил отбыл каторжные годы почти до окончания шести лет наказания. В то время, когда он уже готовился к отправке в Сибирь на вечное поселение, грянула февральская революция.

* * *

Рафаил Черный имел обыкновение никогда не записывать адресов, даже в позднейшее легальное время. Он их просто запоминал. Можно утверждать, что он их не путал и не ошибался.

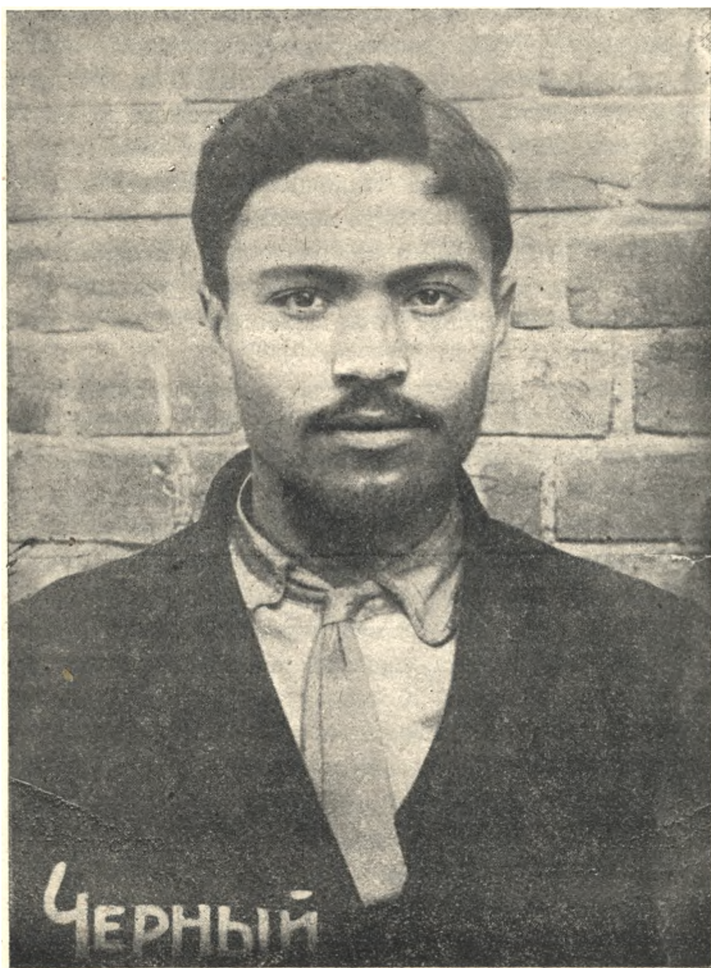
Далеко не всегда он требовал этого от других. Поэтому у него установился в тюрьме другой обычай. Когда кто-нибудь из его друзей выходил на свободу, Рафаил давал ему адрес родных и просил написать о нем. Ниже приводим одно из таких писем. Автор его—некий Ян, который вышел из Рижской тюрьмы, письмо было отправлено из Австрии (Львов) и адресовано на имя жены Рафаила—Иды Черной.

...«Получил сегодня—пишет Ян—письмо от Вашего супруга из Риги. Восхищаюсь его бодрым самочувствием и крепостью характера. Пишет почти накануне амнистии, и говорит, что это его не волнует, что он разделяет взляды товарищей, не желающих принимать милости»...

* * *

Революционер—практик только на каторге получает впервые возможность всерьез, глубоко мыслить и изучать. На каторге Рафаил занимается

философией, математикой, естествознанием, политической экономией, историей рабочего движения. Здесь он впервые столкнулся не только с серьезной марксистской литературой, но и с товарищами по несчастью, которые недурно усвоили теорию марксизма, или были в той или иной форме марксиствующими революционерами, членами социал-демократической партии или партий, приемлющих социал-демократическую тактику.

На каторге Рафаил определился, наконец, как марксист, под влиянием среды, чтения и размышления.

Среди целого ряда проблем, волновавших Черного на каторге, видное место занимает национальная. Уже одно то, что он был в тюрьме вместе с членами национальных партий, способствовало участию его в дискуссиях с ними, что заставляло его призадуматься над национальным вопросом.

Вопрос этот получил для него даже несколько личное значние. В голове у него сидит неотступная мысль: где-то далеко на Украине остался годовалый мальчик, которому он приходится отцом.

Мальчик мог знать про отца только по фотографической карточке, мог знать, что отец его очень хороший человек. И сидит в далекой тюрьме, а увидеть его можно тогда, когда его пошлют в Сибирь, вместе с мамашей.

Тянутся дни, месяцы, а там и годы. Перед нежно любящим отцом вырастает вопрос, как воспитать ребенка? Вопрос превращается в животрепещущую проблему. Он делается предметом писем, полных нежных чувств и забот по отношению к ребенку. В одном из таких писем (от 4 марта 1916 г.) к жене находим следующее: «Мне так хотелось бы, дорогая, чтоб Иленька не получил того одностороннего воспитания, которое почему-то исключает положительные элементы национального прошлого, необходимость которых так чувствуется потом уж, в позднейшее время. Я, конечно, далек от того, чтобы общее и необходимое в воспитании и обучении приносилось в ущерб входящим туда национальным элементам, ибо я верю, что одно дополняет другое. Нужно быть далеким от тех крайностей, в которые впадают часто в этом отношении, крайностей слишком повышенного национального воспитания или полного отсутствия такового. Я не только считаю необходимым примирение этих крайностей, но и возможным»... (4 марта 1916).

Конечно, здесь нет того, что походит на «программные положения». Но, во-первых, у него самого, вероятно, не было достаточной ясности в этих вопросах, а во-вторых, какие программные тезисы можно требовать от семейных писем, на которых тюремное начальство неизменно ставит печать «просмотрено»? Но одно бесспорное, что отмечено в приведенных отрывках,—это общая эволюция, которой подвержены были все. Дело, пожалуй, заключалось не в одной только «эволюции», но и в «прыжке» из царства анархистско-бунтарских неопределенных настроений, в царство марксистского понимания, правда, марксизм явился здесь на основе несколько националистических настроений, в результате чего Рафаил Черный пришел в февральскую революцию бундовцем.

Из каторги Рафаил писал много писем. Мало их дошло до места назначения, а гораздо меньше сохранилось до настоящего времени *). Одно из таких писем является наиболее характерным, оно относится к 24 ноября 1915 года. Вот некоторые выдержки из него:

...«Последний год тюрьмы, дорогая, убедил меня, что в моем возрасте можно многому еще научиться. Порой просто испытываешь умственный голод, образнее—весенний разлив мыслей. Ведь период зрелости наступает, как видишь, на много позднее созреванья иных элементов духовной жизни. Именно, дорогая, в эту пору чувствуешь тюрьму, насколько она суживает горизонт, расшатывает здоровье, подкапывается под этот разлив, сушит его и подчас чувствуешь обмеление русла. Да, дорогая, тюрьма в одно и то же время охраняет от жизни, «консервирует» и старит.

Я встречал здесь не мало товарищей, сохранивших в себе многое от того возраста, при котором они вошли в тюрьму, и в то же время успевших на много развить себя в тюрьме.

---

*) Таких имеется штук 15.

Такие встречи во многих проявляются очень уродливо, но так или иначе они проявляются на многих, успевших отсидеть несколько лет в тюрьме. Последнее лето, дорогая, я мало работал, ибо в сущности книг по интересующим тебя вопросам не было.

Приходилось часто читать то, что просто не интересует тебя, или является мало интересным. Поэтому чувствуется что-то непрочное в твоих желаниях, не чувствуешь просто сока жизни, который на воле сопровождает человека всюду. А тут, чем дальше, тем меньше остается его у тебя. Последнее время мысль с трудом прикрепляется к чему-нибудь хоть на незначительное время.

... Кроме того, здоровье за последнее время не вполне прочно, а тюремная мнительность подчас рисует больше того, что есть, но в общем же чувствуешь себя в одно и то же время и молодым и старым.

... Поцелуй, дорогая, Иленьку, поздравь его с днем рождения. Поцелуй его крепко, скажи ему, что папочка выйдет и будет учить его чтению и письму. А пока пусть бегает».

Единственное из сохранившихся писем, которое писано столь рассеянно, что даже даты на нем нет. Но последнюю не трудно установить: 1917 год марта 7 или 8 дня.

В этом последнем писме из Ярославля сказано следующее:

«Дорогие, четвертый день я на свободе и не уезжаю. Я заведую тут временно отправкой на родину освобожденных политических. Кроме того, мне хотелось бы, чтобы положение на юге выяснилось более определенно.

Не беспокойтесь обо мне. Правда, из четырех свободных ночей я спал только одну, но чувствую себя хорошо.

Думаю, что через несколько дней выеду...»

* * *

1917 год, апрель. Опять Умань. В одном из самых парадных комнат уездного городка собрался «в порядке мещанской пустоты и интеллигентского словоговорения» союз студенчества и демократической интеллигенции. Сегодня Комитет союза особенно торжественно восседает.

— В нашей среде находится наш родной борец, вернувшийся с каторги...

Да здравствует...

На приветствия принято отвечать тем-же.

И вот, на трибуне показывается чествуемый гость. Он сильно изменился, похудел, согбен годами страданий, только в глазах играет все тот-же жизнерадостный огонек и детская улыбка беззаветной веры. Он отвечает какие-то слова приветствия, которые совершенно далеки от этого мелкобуржуазного парада, его напускного пафоса революционного бессилия...

Речь у него не вяжется.

В этой чуждой среде Рафаил не отличался говорливостью, этот человек, полный любви и приязненности, проявляется лишь в непосредственных сношениях с людьми.

Но рабочие больше питали доверия к нему, чем к другим, краснобайствующим, товарищам. Рафаил был революционером дела; хотя он и

причисляет себя к Бунду, но фактически Бунд был в Умани настолько слаб, что почти никакой дисциплины не налагал на своих членов. Рафаилу оставалось выбирать себе работу на основании своего революционного чутья.

В то время, когда «Уманский социализм» не собирался выходить еще из пеленок митингования, Рафаил Черный уходит в практическую, будничную, работу, участвуя во всех мелочах Конфликтных Комиссий как секретарь Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Большую часть времени он проводит не в здании Совета, а на предприятиях и в казармах.

Как член «демократической» Думы, как председатель Комитета защиты города (от бандитов и погромщиков), он проявляет колоссальные организаторские способности.

Лишь теперь, на расстоянии глубоко-поучительных лет революции, можно понять эту загадку на Уманском фоне. В то время как все мы, молодые, не выходили еще из заколдованного круга словопрений, этот закаленный революционер находит свое оправдание в самом противоположном. Его восторгало то, чего не научились еще уважать небокоптители от социализма, а именно—успехи в организационной работе среди рабочих.

Способность находить, творить и лелеять «великое в малом», далась ему в годы бурного подполья.

В этом отношении он перерос всех прочих «верховодителей революции» на Уманщине. Обывательщина города благоговела перед ним, как перед человеком, работающим «25 часов в сутки», а в глазах рабочих он олицетворял собою совесть революции.

* * *

Письмо его, полное воодушевления работой, писано из Умани в июне 1917 года. «...Наконец, Совет начинает чувствовать себя властью. Все это надо реализировать...»

Впрямь, то было время, когда Уманский Совет превращался в орган власти. На него возлагались надежды, но от него и требовали. В уезде идет «развал»: крестьяне требуют земли от помещиков. Поднимается волна петлюровщины, антисемитизма и бандитизма. Городское население ждет от Совета защиты. Рабочие стале-литейного завода «Труд» выносят резолюцию о том, что Совет обязан обеспечить их калошами. Пьяный мужик побил жинку, та идет в Совет жаловаться.

На все эти факты руководители Совета плюют. Простой народ не понимает в чем дело: из листовок и митингов массы обстреливаются словами «социализм», «крестьяне», «рабочие», «солдаты», «революция», и они, поэтому, думают, что «настоящую правду» следует искать в Совете, который прямо так и зовется «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов». Но в Исполнительном Комитете («Исполком» еще не упрочился тогда в словообороте) сидят очень начитанные и умные социалисты, которые понимают, что им неподстать заниматься такими делами. Та горсточка большевиков, которая сидела в Совете, тоже имела другую работу—препирательство с большинством по общеполитическим вопросам.

В общем получалась такая картина, что рабочие, а их было до 2000 чел., были настроены большевистски, в руководящие органы выбирались меньшевики, эс-эры, серповцы, бундовцы—словом, «сознательная социалистическая» интеллигенция. Бывали нередко случаи, что на другой или на третий день после выборов в Центр. Бюро Профсоюзов, в Исполнительный Комитет Совета или в Конфликтную Комиссию рабочие в частных разговорах выражали свое недовольство новым составом органов. На прямой вопрос: «почему же вы не выбираете других?»—следует простодушный ответ: «кого же нам избирать, если не тех же самых?» И действительно, при выборах и перевыборах приходилось избирать одних и тех же лиц.

Поэтому, если Рафаил Черный и писал с удовлетворением о том, что «Совет начинает чувствовать себя властью», то в это, очевидно, он не вкладывал никакого большевистского содержания. Тут не было ничего программно-формулированного, а скорей какой-то слепой инстинкт или рефлекс на те настроения рабочих, которые окружали его. Окончательное оформление его взглядов в условиях развивающейся революции было еще впереди.

* * *

Молчаливый Рафаил заговорил тогда, когда умолкли общепризнанные «златоусты» собраний и митингов. Он заговорил тогда, когда «говорение» из революционного парада превратилось в революционный подвиг.

То было летом 18 года во время гетманской оккупации. Умань значительно опустел к этому времени. Советская власть, существовавшая там всего с месяц—январь-февраль 1918 г., ушла на север. Многие из краснобаев 17 года, несмотря на их полную непричастность к работе большевиков, ретировались, как только по следам отступавших красногвардейцев показались немецкие каски. Рафаил, несмотря на то, что он и во время пребывания Советской власти в городе продолжал работать в рабочих организациях, несмотря на то, что он одно время работал в «большевистском» Исполкоме, принадлежал к числу тех единственных, которые не покидают работы до последней возможности легального существования. Нелегальные и полулегальные возможности были для него абсолютно исключены в условиях Уманской провинциальной действительности, где ответственный работник находится буквально на виду у всего взрослого населения.

7 или 9 мая собралась Городская Дума. Было очень много посторонней публики и не очень много гласных. Знали, что социалистическая фракция, состоявшая из социал-демократов, бундовцев, об‘единенных еврейских социалистов и эсеров, собирается внести запрос по поводу разгона немцами Центральной Рады и провозглашения гетманщины на Украине (которое произошло в Киеве в самых последних числах апреля).

Кому выступить? Если среди гласных и было еще несколько ораторов «от социализма», то им всем ведомо было, что зал кишмя-кишит немецкими шпиками.

Слово взял Рафаил Черный. Без красноречия, но горячо и искренно он охарактеризовал Киевские события. Он выразил резкий протест новоявленной власти и германских штыков. Речь его была по существу

«большевистской». Дума сконфузилась, заслушала одно-два «самостийных» выступления от украинской фракции, наспех голоснула резолюцию и поспешила разойтись по домам.

После этого заседания—«большевик» Рафаил законспирировался немного. Уезжать же из Умани он все еще не решался, несмотря на увещевания друзей, несмотря на то, что для него самого было ясно, что не сегодня-завтра немцы арестуют его. Кто заменит его на работе, вот основной вопрос. Он медлил. И только благодаря никудышности сыскного аппарата Уманских властей, Рафаил остался. Когда через несколько дней после его выступления в Думе пришли арестовывать его, поезд уже уносил его в Киев.

Надломленное здоровье (туберкулез легких и болезнь горла), а также сведения о том, что Уманская Варта (полиция) разыскивает его, заставило его выехать из Киева в подгородний санаторий (Буддаевку).

Оказавшись снова в подпольи, Рафаил получает некоторый «досуг» для чтения и размышления. В течение лета и начала осени он переживает, вернее изживает давно начавшийся идейный кризис. И точно также, как шестилетний «отдых» на каторге помог ему перейти от анархизма к социализму, нынешний «отдых» помогает ему завершить путь к большевизму.

Рафаил—практический деятель революции по-преимуществу. Он вместе с этим и романтик революции. В коммунистическую партию его влекут красоты борьбы и практические задания революции. Ход его мыслей и настроений приблизительно таковы: «Ближайшая задача революции заключается в низложении гетманщины и установлении диктатуры рабочего класса. Только коммунистическая партия может с честью выполнить эту задачу. Борьбу следует вести под ее знаменем». И еще до формального вступления в К. П. (б.) У., Рафаил Черный связывается с местными большевиками для работы среди оккупационных войск.

Практическая деятельность—вот та реальная основа, на которой происходит дальнейшее оформление его идеологии. Небезинтересно привести пару эпизодов из этого периода оформления.

Однажды (как помнится в сентябре) он является в Ботанический сад к пишущему эти строки. Хотя мы жили на совместной «квартире»—уголок в общей проходной конурке на Совской, но серьезные разговоры было удобнее вести «вне дома». Увидев меня, весь сияющий Рафаил подает мне книгу «Против течения». «На, читай. Это еще тогда говорили Ленин и Зиновьев—настоящее пророчество».

Другой раз он приходит поздно ночью домой и сует мне под изголовье пачку газет: «умнейшие вещи, утром увидишь, а теперь усни». Оказывается шейдемановский «Vorwärts», который передает основные положения Ленинской брошюры: «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Немецкие правые швыряли ленинским произведением в независимых. Мы находились тогда в таких чертовских условиях, что кратчайшим путем узнать мнение Ленина о Каутском был для нас шейдемановский орган.

В коммунистическом подпольи Рафаил стал называться Михаилом. Это имя связано с таким блестящим периодом популярности, что оно затмило собой и предыдущий ряд псевдонимов Рафаила и это его настоящее имя.

В лице нового секретаря общегородской организации, Михаила, Киевское подполье приобретает то, чего оно не имело ни до, ни после. Михаил сочетал в себе опыт и боевой закал с необыкновенным даром революционного чутья. Но самое ценное, что отличало и выделяло его среди всех других работников—это уменье согласовать организационную работу партийного аппарата с непосредственной живой связью с рабочими одиночками и рабочими группами. Он умел и индивидуализировать работу в зависимости от той живой среды, которая окружала его, но вместе с этим, он не терял общих перспектив целей и задач.

Есть многие хорошие революционеры, которые раздваиваются. На работе они вытравляют из себя ту душевную мягкость, которой фактически обладают. Это совершается стихийно, и иначе у них дело не клеится.

Михаил не знал такого раздвоения. Свою безграничную душевную мягкость он не уносит, как бывает у многих, в какой нибудь «тихий уголок». Он проявлял всю глубину нежной и чуткой души на практической будничной работе. Он умел это делать. Его, поэтому, любили и ему не могли не подчиняться.

* * *

1919 год. Легальное существование Советской власти в Киеве. Для Михаила настала пора наиболее тягостная.

Дитя подполья—никак не могло ужиться с новой обстановкой. Он рвется в более боевую обстановку, хотя жизнь в Киеве отнюдь нельзя было назвать спокойной. То был ведь вулкан фронтов, банд и восстаний. Но и то было для него слишком «спокойно». «На фронте гибнут наши, а я здесь», говорил он. Не сиделось ему в «чинах»: в Губисполкоме, в президиуме Губкома, во ВЦИК'е, на ответственной работе в ЦККПУ. Даже колоссальнейшая популярность среди рабочих не удерживала его от стремления итти на фронт или в подполье.

Наконец, «посчастливилось» ему. Красная Армия разлагается и откатывает, оставив позади себя Дон, и почти всё Левобережье, Деникинские орды приближаются к Киеву. Михаил добился тогда командировки на подпольную работу в Харьков. Безуспешны были увещевания друзей—не оставаться на Украине, где его старого анархо-синдикалиста и популярнейшего в Киевщине большевика, знает любой царский «охранник». Упорное молчание миловидного, немного сумрачного лица, говорило о железной непоколебимости решения. Раз только в тесном кругу 2—3 друзей, он обронил фразу: «Чего мне в Россию то ехать? Комиссарствовать буду? Неинтересно...». Кого пронзил трагизм этих слов, тот был обезоружен в доводах эвакуироваться...

. . . .

Уехал в Харьков и пал жертвой гнусной провокации. На его долю выпало заседать в подпольном ревкоме рядом с «коммунистом» провокатором.

Вместе с Михаилом поехал и Петро Слинько, который был арестован в первый день приезда в Харьков.

Медленно умерщвляя Михаила, избивая его горячими шомполами, вырывая мясо из его тела, тирания деникинского застенка добивалась невозможного, чтобы Михаил «выдал»...

Передают, что после того, как его в числе нескольких десятков других подсудимых приговорили к смертной казни, ему предложено было просить о помиловании. Ответ был лаконичен: «У вас, мерзавцев, милости просить не стану. Я честный коммунист и не унижусь перед вами. Расстреляйте меня»...

В письме из тюрьмы, один из арестованных т. Ваня Иванов сообщает следующее:

«26 прошлого месяца (т. е. октября ст. стиля) к нам в корпус приехало какое-то «начальство» и об'явило 34 душам, что дела их переданы военно-полевому суду. Этот, извините за выражение, суд заседал у нас в тюремной конторе. В результате 28 человек было приговорено к смертной казни... Всеми, кроме Черного и Слинько, были поданы прошения о смягчении... Но приговор был утвержден... Смертники держались хорошо, спокойно»*)...

* * *

Последняя записка Михаила из тюрьмы. Тот же тонкий, но немного изнервничавшийся почерк писанный на папиросной бумаге:

«Дорогие! Вчера—28 октября, в конторе тюрьмы был военно-полевой суд. Приговорили 22 человек к смертной казни, в том числе меня и мою половину **). Сегодня, вероятно, расстреляют нас. Я спокоен, ибо давно готов к этому. Сообщите об этом моим родным. Привет всем, дорогие друзья, целую вас. Берегите себя. Ваш Леонид***). 29 октября 9 час. утра****).

Наконец, несколько слов из другого письма того же Вани:

«Друзья Леонида,—надеюсь, и мои друзья.

Леонид, Слинько и еще некоторые товарищи, в общем 27 человек—расстреляны в ночь на 31 октября. Все шли на смерть спокойно, а Леонид, казалось, даже радостно, что доказывает, как он хорошо держал себя... Мне удалось с некоторыми товарищами распрощаться.

Вот последнее слово Леонида: «Передайте моим, чтобы берегли себя».

* * *

Новыми идеями, мыслями, книгами,—этим Михаил ни на иоту революции не обогащал. Более того, из марксистской литературы ему весьма многое осталось неизвестным. Вообще, он был довольно слаб по части марксистской теории. И понятно, со школьной скамьи и до братской могилы (1903—1919) он буквально сгорал на революционной работе. Приходится только удивляться тем интеллектуальным способностям Михаила, которые при таких

---

*) См. Бюллетень № 2 Харьковской губернской комиссии при Ревкоме, комиссии по обследованию жертв, учиненных Добрармией, стр. 12.

**) Никогда не перестававший шутить Михаил называл Петра Слинько своей второй половиной.

***) В деникинском подпольи Михаил назывался Леонидом.

****) Это же письмо приведено и в упомянутом Харьковском „Бюллетене", но вместо 9 часов, как написано в подлиннике, там пишется 3 часа.

условиях дали ему возможность приобрести разносторонние знания, колоссальные организаторские способности, беззаветное рвение к работе, органическую ненависть ко всему рутинно-мертвящему. Беспредельная любовь к динамике революции, к серому, будничному, полному подводных камней, тяжелому пути подполья отличала Рафаила. В уменьи быть романтиком-практиком революции, немногие могли с Михаилом сравниться.

Он был исключительный по душевной своей мягкости, пожалуй, единственный, способный захватить человека своею ласкающей, неподдельно-подкупающей и покоряющей искренностью. Никогда не знавшая опасностей революционная решимость его гармонировала в нем с этим неисчерпающим источником жертвоспособности и любвеобилия.

Тридцать лет он прожил. Из них шестнадцать отданы революции. Сегодня в одном месте Николай, завтра в другом—Леонид, так ходил животворящим обаятелем Михаил-Рафаил от человека к человеку, от массы к массе, расточая свою революционную мощь, незаметно для других и для самого себя.

Памятники построены ему своеобразные: они сводятся к тому неотразимому влиянию, которое он запечатлел в душах людей, встречавшихся с ним по работе. А их, этих людей и дел, не сосчитать. Иные памятники невозможны для таких людей до тех пор, пока мы не научимся измерять все величие дел, творимых рядовыми солдатами-вождями в гуще масс, в потемках революционного подполья.

Р. ВАЙСБЕРГ

ОТДЕЛ 4

МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ

Записка*)

О РЕЗУЛЬТАТАХ ДОЗНАНИЯ ПО ОБВИНЕНИЮ ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВА, АБРАМА ШТЕССЕЛЯ и ЕВДОКИИ СЫСОЕВОЙ 1898 г.

В последних числах мая месяца сего года мною были получены агентурные сведения, что 5 того-же мая, в доме № 26 по Немецкой улице, была сходка рабочих в количестве 20—25 человек, а 8 мая такая же сходка повторялась в доме № 19 по Нетеченской улице в квартире электротехников Харьковской городской электрической станции, крестьян Даниила Ивановича Курилко, и Иосифа Яковлевича Скрыпника. В числе присутствующих на сходке по Немецкой улице, в доме № 26, были замечены следующие лица: наборщица мещанка Лея Давидовна Геффен, рабочие наборщики: крестьянин Леонид Матвеевич Батуров, мещанин Николай Петрович Романенко, мещанин Берко-Шмуль Кельманов Линцер и электротехник крестьянин Даниил Курилко, в квартире которого была вторая сходка рабочих 8 мая. Кроме вышепоименованных лиц, выяснить остальных присутствовавших на сходках не представлялось возможным.

Установленным наблюдением за Геффен, Батуровым, Федоровым, Линцером и Курилко выяснилось, что в гор. Харькове, среди рабочих типографии существует кружок революционного направления. Организатором и руководителем кружка состоит помощник контролера Контроля Курско-Лозово-Севастопольской железной дороги, дворянин Леонид Владимирович Николаев, который в занятиях с рабочими руководствуется указаниями повивальной бабки, мещанки Евдокии Семеновны Сысоевой и студента Харьковского университета Абрама Ильича Штеселя, проживавших летом текущего года в селе Бабаях, Харьковского уезда.

Накануне занятий с рабочими, Николаев отправлялся в лес, находящийся около Бабаи, где имел, повидимому, конспиративное свидание с названными лицами, выходившими к нему на встречу. Сходки эти продолжались часа 3—4, и были 2, 9, 16, 23, 30 июня и 6 июля, один раз в неделю, преимущественно по вторникам. На некоторых из этих сходок присутствовали: проживавший в селе Бабаях, окончивший курс в Харьковском Университете, Петр Иванович Фомин и студент Харьковского Университета Василий Яковлевич Павлов, прибывший в Харьков в конце июня месяца.

Наблюдением за Сысоевой и Штесселем выяснилось, что оба названные лица состоят в самых дружеских отношениях с проживающим там же

---

*) См. Центральный Архив Революции, Дело № 68 1898 г.

в селе Бабаях студентом Харьковского Университета Григорием Абрамовым Пузырийским.

На другой день после вышеописанных сходок в Бабаевском лесу устраивались сходки рабочих, на которых постоянно присутствовал Николаев. Сходки эти были замечены 3, 10 и 17 июня в квартире Леи Геффен, проживавшей вместе с прибывшей к ней в конце мая месяца Шейна Янкел-Зельмановна Гринштейн. Сходки постоянно посещали рабочие наборщики: Берко Линцер, Николай Федоров, Петр Курилко, Леонард Батуров, Николай Романенко. Кроме вышепоименованных лиц одну из этих сходок посетила служившая наборщицей в типографии еврейка мещанка Хана-Ителъ Нахмановна Юдельсон, выбывшая из Харькова в конце июня месяца в г. Саратов. Последняя сходка рабочих в квартире Геффен была 17 июня, а 24 и 30 июня сходки рабочих устраивались за городским кладбищем в поле. На последней сходке был замечен брат Курило—Тимофей Иванов Курило. На эти сходки названные рабочие и Николаев собирались с крайней осторожностью, отправляясь по железной дороге в село Григоровку, они размещались по разным вагонам, не кланяясь и не разговаривая друг с другом, а по приезде они предварительно расходились в разные стороны, а затем уже в сумерках сходились в квартире Геффен.

При наблюдении за Геффен, Гринштейн, Батуровым, Федоровым и Романенко, установлено, что Геффен и Гринштейн состояли в самых близких отношениях с мещанкой Нихамой Гешелевой Певзнер, проживавшей вместе с братом переплетчиком Моисеем Давидом Гешелевым Певзнер, постоянно навещали друг друга и занимались совместным чтением, а рабочие Батуров, Федоров и Романенко с мещанином Вениамином Самойловичем Флейдерманом, служившим писцом в 1-м полицейском участке г. Харькова.

Кроме того, все вышепоименованные рабочие состояли в сношениях с рабочими типографии наборщиками: крестьянином Петром Леонтьевичем Лелюком, с мещанином Абрамом Лихшинштейном, братьями Василием и Иваном Васильевыми Зикеевыми, Василием Григорьевичем Зайцевым, Бенционом Мордковичем Левиным, Гиршем Мовшевым Манбург, братьями Константином, Павлом и Яковом Юрасовыми, переплетчиком Николаем Яковлевым Фейгиным и мещанкой Ирмой Аболтиной.

Изложенные агентурные сведения в связи с результатами наблюдения послужили основанием для производства в порядке закона об охране, обысков у всех вышеупомянутых лиц, при этом было постановлено: дворянина Леонида Владимировича Николаева, повивальную бабку мещанку девицу Евдокию Семеновну Сысоеву, студента Харьковского Университета Абрама Ильича Штесселя, Виленских мещанок: наборщицу Лею Абрам-Давидовну Геффен и Шейну Янкель-Зельмановну Гринштейн, рабочих наборщиков типографии—мещан: Николая Петрова Романенко, Леонарда Матвеева Батурова, Николая Павлова Федорова, Берко-Шмуль Кельманов Линцера, Петра и Тимофея Ивановичей Курило, электротехников крестьян: Даниила Ивановича Курилко и Иосифа Яковлевича Скрыпника, портниху—мещанку Нихаму Гершелеву Певзнер и служащего писцом в 1-м полицейском участке мещанина Вениамина Романовича Флейдермана

подвергнуть личному задержанию впредь до выяснения обстоятельств дела, а с остальными поступить по результатам обысков.

Обыски, произведенные в ночь на 10 июня, дали следующие результаты: 1) у Евдокии Сысоевой были отобраны: листок «Работника», изд. «Союза Русских социал-демократов», Женевское издание 1898 г., «Рабочая Революция» и др. книги и брошюры революционного содержания; 2) у студента Абрама Штесселя—несколько экземпляров брошюрок «Работника», «Секретный циркуляр Министерства Внутренних Дел» от 12 августа 1897 г. и значительное количество других сочинений революционного содержания по рабочему вопросу; 3) у Леи Геффен—листок «Работника» и другие брошюры революционного содержания; 4) у студента Гирша Пузырийского—газета революционного содержания «Голос Рабочих», на еврейском языке и 2 брошюры, на еврейском языке, преступного содержания; 5) у Николая Романенко—один экземпляр газеты революционного содержания под заглавием «Рабочая газета», изд. 1898 г. Кроме сего у всех отобраны заметки и переписка для подробного рассмотрения.

В день производства обысков Николаев выбыл из города Харькова в село Кочеток, к проживавшей там его семье, поэтому обыск у него был произведен на другой день 11 июня. По обыску у Николаева было отобрано, часть Эрфуртской программы, история революционного движения в России проф. Туна и речь Либкнехта.

В виду таких результатов обысков подвергнуты личному задержанию в порядке закона об охране, а именно: помощник контролера Государственного Контроля Курско-Лозово-Севастопольской железной дороги—Коллежский Секретарь Леонид Владимирович Николаев 31 года, Харьковская мещанка, повивальная бабка, Евдокия Семеновна Сысоева 24 лет, студенты Харьковского университета: Абрам Ильич Штессель 23 лет и Гирш Абрамов Пузырийский 22 лет, Виленские мещанки: Лея (Лиза) Абрам-Давидовна Геффен 24 лет и Шейна (Соня) Янкель-Зельмановна Гринштейн 22 лет. Харьковские мещане рабочие типографии: наборщик Леонард Матвеевич Батуров 28 лет и печатник Николай Петрович Романенко 27 лет, гравер-литограф Николай Павлович Федоров 28 лет, наборщик Бердичевский, мещанин Берко (Борис) Шмуль-Кельманов Линцер 30 лет, крестьяне Харьковской губернии, наборщики: Петр 26 лет и Тимофей 21 года Ивановичи Курило, электротехники: Иосиф Яковлевич Скрыпник 20 лет и Даниил Иванович Курилко 24 лет, Чаусская мещанка, дамская портниха, Нихама Гешелева Певзнер 26 лет и писец полицейского участка, Харьковский мещанин, Вениамин Самойлов Флейдерман 25 лет, были привлечены к возбужденному в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. дознанию, для исследования их преступной деятельности.

Вышепоименованные обвиняемые, за исключением Даниила Курилко, Иосифа Скрыпника, Петра Курилко и Берка Линцера, не признавая себя виновными в приписываемых им преступных деяниях, не пожелали дать об'яснений, касающихся обстоятельств дела, отрицая свое участие в сходках и даже знакомство с Николаевым.

По поводу сходок, бывших 5 мая текущего года, в квартире Трутовской и в квартире обвиняемых Даниила Курилко, названные обвиняемые дали следующие показания:

Даниил Курилко, не признавая себя виновным в пред‘явленном к нему обвинении, об‘яснил, что из числа обвиняемых он знаком только лишь с Батуровым, Романенко и Скрыпником. С последним он жил на одной квартире. 5 мая сего года он действительно был в квартире Трутовского по Немецкой улице № 26, ходил туда по приглашению жены врача Трутовского, Елены Михайловны Трутовской, которую знает как учительницу Харьковской воскресной школы, где он, Курилко, учился. В квартире Трутовских тогда были Скрыпник, Батуров, Романенко, Желтников и Любимов, всего около 12 человек; остальных бывших там он не знает. Пробыл у нее с 8 часов вечера до 12 часов ночи, проводя время в разговорах между собою, а Елена Трутовская раздавала им книги для чтения. Курилко получил соч. Белинского и «Политическую Экономию» Чупрова, и никаких совместных чтений, или каких либо занятий там не было. 8-го того же мая, Курилко пригласил к себе Батурова, Романенко, Зверева и Любимова, для совместного чтения «Политической Экономии» Чупрова.

Иосиф Скрыпник об‘яснил, что в первых числах мая месяца, но какого именно числа он не помнит, он, по приглашению Елены Михайловны Трутовской, был у нее на квартире за получением книг для чтения на каникулярное время. Трутовскую он знает как учительницу воскресной школы, в которой сам учился. В квартире Трутовской он застал Батурова, Романенко, Курилко, Зверева, Желтникова, Любимова и еще два человека ему совершенно незнакомых. Пробыли у нее с 8 до 11½ часов вечера, ожидая получения книг, а Трутовская в это время им давала советы, какие книги полезно читать. Он получил три тома сочинения Белинского. Трутовская выдавала книги из своей библиотеки. По получению книг, Скрыпник, Батуров, Романенко, Зверев, Желтников, Любимов и Курилко согласились их читать совместно у Скрыпника на квартире. Чтение было назначено один раз в неделю по субботам. Прежде всего решено было прочесть «Политическую Экономию» Чупрова. Первые два-три чтения посещались весьма аккуратно, а затем некоторые стали не являться на чтения. Читали по очереди и что казалось непонятным, обсуждали совместно. В конце июня месяца эти чтения прекратились, потому что никто не являлся на них.

Более подробное об‘яснение, касающееся организации Николаевым преступного кружка, дал обвиняемый Петр Иванович Курилко. Признавая себя виновным в принадлежности к социал-демократическому кружку, обвиняемый Петр Курилко об‘яснил, что осенью прошлого года Берко Линцер, случайно встретясь с ним, высказал свой взгляд, что так как рабочие мало осведомлены по рабочему вопросу, то он намерен (образовать) организовать кружок из рабочих для совместного чтения, под его руководством. На предложение Линцера принять участие в этих занятиях, Курилко из‘явил свое согласие. Спустя несколько дней после вышеописанного случая, Линцер заявил Курилко, что если он действительно желает заниматься, то ему следует обратиться к одному господину. Не назвав имени, отчества и фамилии этого господина Линцер отвел Курило в д. № 4 по Девичьей ул. и указав квартиру куда он должен был войти, предупредил его, что если его будет спрашивать господин от кого он пришел, то чтобы он сказал,

что пришел от Бориса. Войдя в указанную квартиру он заявил, что пришел от Бориса. Неизвестный господин попросил Курилко сесть, начал расспрашивать его, что он читал и вообще старался узнать насколько он развит, а затем об'яснив ему, что он будет заниматься изучением «Эрфуртской программы» социал-демократов, назначил ему день для занятий.

Прийдя в назначенный день Курилко встретил у него Леонида Батурова и Николая Романенко, а в следующий раз кроме них Федорова и Геффен. С последней он тогда еще не был знаком. Этот господин не об'ясняя своего имени, отчества и фамилии, предложил им назвать его Иваном Петровичем и при встрече с ним не кланяться.

По пред'явлении обвиняемому Петру Курилко коллежского секретаря Леонида Владимировича Николаева—Курилко признал в нем «господина», известного ему под именем «Ивана Петровича».

Насколько Курилко известно, Батуров и Романенко были рекомендованы Николаеву Линцером, а Федоров и Геффен были еще знакомы с Николаевым до начала занятий.

Вышепоименованные лица занимались с Николаевым чтением Эрфуртской программы. Читал и об'яснял значение программы Николаев. Некоторые из присутствовавших делали ему возражения, а он давал надлежащие раз'яснения по этим возражениям. Перед чтением Эрфуртской программы, Николаев об'яснив рабочим стремление разных революционных партий, между прочим, высказал, что, по его мнению, социал-демократическая партия как ведущая борьбу с правительством и капиталом мирным путем, вполне, должна соответствовать стремлениям рабочих. В виду сего, предложив рабочим заняться изучением социал-демократической программы, выработанной на Эрфуртском с'езде, Николаев об'яснил им, что, когда они достаточно усвоят Эрфуртскую программу, для них тогда будет ясно, что из этой программы нужно будет выпустить или дополнить ее для борьбы с правительством и капиталом в России. На следующих занятиях Николаев рекомендовал рабочим пропагандировать социал-демократические идеи, для чего следует составлять небольшие кружки. Занятия рабочих с Николаевым происходили еженедельно в квартире Николаева или у Леи Геффен, поселившейся с мая месяца на даче в с. Григоровке. С конца апреля месяца сходки рабочих стала посещать Соня Гринштейн. Откуда она прибыла и кто ее привел на занятия, Курилко не знает. В мае месяце Геффен заявила Николаеву о необходимости чаще устраивать сходки рабочих, но Николаев не согласился, находя это вредным в целях конспирации. Тогда Геффен начала агитировать среди рабочих, чтобы они отказались от занятий с Николаевым и занимались самостоятельно, так как при тех условиях, при которых занимается Николаев, рабочие являются ему как бы подчиненными. Узнав об этом Николаев вместе с рабочими решил не допускать на занятия Геффен и с 20 чисел июня месяца Николаев вместе с рабочими стал устраивать сходки не в квартире Геффен, а за городом.

Обвиняемый Берко Линцер подтверждая отчасти показания обвиняемого Курило, между прочим, об'яснил, что осенью прошлого года к нему обратилась Геффен с просьбой указать ей кого-либо из его знакомых, которые

серьезно занимаются чтением книг. Зная, что Батуров и Романенко занимаются в воскресной школе, читают книги и сравнительно с другими рабочими люди развитые, Линцер указал на них. Тогда Геффен попросила его познакомить с ней Батурова и Романенко—что он и исполнил. Спустя несколько дней после описанного случая, Линцер случайно встретясь с Петром Курило, разговорился с ним вообще о чтении книг. Узнав, что Курило охотно читает книги и стремится к самообразованию, Линцер сообщил о своем разговоре с Геффен. На это Геффен заявила, что если Курило желает серьезно заниматься, то чтобы Линцер послал его на Девичью ул. в д. № 4. Кто по этому адресу тогда жил, он не знает и Геффен ему не говорила, повидимому, скрывая от него, хотя он подозревал, что занятия были преступного характера, так как были обставлены всевозможными предосторожностями. Встретясь с Петром Курило, Линцер передал ему предложение Геффен. Курило согласился, и он отвел его по вышеуказанному адресу. Говорил ли Линцер Курило, что если его будут спрашивать в этой квартире от кого он пришел, то чтобы сказал, что пришел от Бориса, Линцер не помнит, хотя он и не отрицает этого обстоятельства, так как, по его мнению, Геффен могла иметь разговор о нем с лицом проживавшем в этой квартире. Леонида Владимировича Николаева он не знает, и Геффен ему ничего не говорила о нем.

После подробного осмотра книг, бумаг и писем, взятых при обыске у вышеназванных обвиняемых, как могущие иметь значение для дела, приложены к дознанию следующие:

1) У Леонида Николаева—вырванные печатные листы с 81 по 126-й страницы из соч. Каутского «Эрфуртская программа»; гектографированная брошюра «История революционного движения в России» проф. Туна и речь Либкнехта «В защиту правды».

2) У обвиняемой Евдокии Сысоевой—«Листок Работника» Февраль 1898 г., изд. «Русских социал-демократов»; «С.-Петербургский Рабочий Листок» Сентябрь 1898 г., № 2, изд. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; «Доклад, представленный делегацией русских социал-демократов международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне 1896 г.», изд. «Союза русских социал-демократов»; «Что нужно знать и помнить каждому», изд. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; «Рабочая Революция», «Задачи русской рабочей партии», изд. «Группы рабочих революционеров» 1898 г.; литографированное воззвание «Письмо к папиросницам табачной фабрики Эгиза»; «Рабочий День», изд. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; Женевское издание 1898 г., «Наемный труд и капитал», с введением Ф. Энгельса. Женевское изд. 1897 года, «Работник №№ 1 и 2», изд. «Союза русских социал-демократов»; Женевское издание 1896 г., «Что делают русские цари для народа» Женевское изд. 1896 г., «Борьба английских рабочих за свободу» (Чартистское движение), В. Кричевского; Женевское изд. 1896 г., «Манифест Коммунистической партии» с предисловием Плеханова; «Чего хотят социал-демократы», Женевское изд. 1898 г.; «Социал-Демократ», трехмесячное литературное приложение, «Закон 2 июня о продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях

фабрично-заводской промышленности» Д. Кольцова, изд. «Союза русских социал-демократов»; гектографированная тетрадь «Теория научного социализма» и письмо за подписью «Ефрем». В письме, адресованном Сысоевой, автор сообщает, что «вскоре в Харьков приедет наш знакомый, он явится к тебе, так как другого адреса он не знает, поэтому оставь дома свой дачный адрес. Передашь ему, что письмо его получил, но поручение его вряд ли исполню, так как по некоторым наведенным справкам наш знакомый уже уехал и, поэтому, не знаю к кому обратиться за нужными сведениями, впрочем я попытаюсь еще».

3) У Абрама Штесселя—пять экземпляров «Листка Работника», изд. «Союза Русских социал-демократов» 1896, 1897 и 1898 годов; гектографированный «Устав Союзной рабочей кассы», изд. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; две брошюры «Секретный циркуляр Министра Внутренних Дел от 12 августа 1897 г.», изд. «Группы рабочих революционеров». Две брошюры «Закон 2 июня о продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» Д. Кольцова; три брошюры «Десятилетие Морозовской стачки», изд. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; «Доклад, представленный делегацией русских социал-демократов международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне 1896 г.», изд. «Союза русских социал-демократов»; «Как министр заботится о рабочих», Женевское изд. 1896 г.; «Новый поход против русских социал-демократов»; две брошюры «Рабочий День» 1896 г. изд. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; «Международный социалистический рабочий конгресс в Брюсселе 1891 г.», изд. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; брошюрка «Кто чем живет», изд. «Фонда русской вольной прессы»; «Об‘яснение новых правил для рабочих» по Высочайше утвержденному закону 2 июня, Херсон. типография К. М. Субботина, Екатерининская ул., дом Калинина. Дозволено цензурою 15 января 1896 г. Дозволение цензуры и местопечатания подложны, литографированная брошюрка «Отчет делегатов русской социал-демократии, читанный на международном социал-демократическом конгрессе в Лондоне 1896 г.»; «Наши разногласия» соч. Плеханова; Женевское изд. «Русский рабочий в революционном движении», по личным воспоминаниям Плеханова; брошюрка «Царь-голод»; гектографированная брошюрка «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов», изд. «Провинциальной группы социал-демократов», литографированная брошюрка «Манифест Коммунистической партии» Ф. Энгельса, с предисловием Плеханова; гектографированная брошюрка «История революционного движения в России» проф. Туна; гектографированная брошюрка «По поводу еврейской стачки в Вильне 1895 г.», перевод с еврейского; две прокламации, озаглавленные «Священник и рабочие», по поводу речи священника Успенского в Ярославле; «Перемена в экономическом положении женщины» Клары Цеткиной, перевод с немецкого; две рукописные тетради, с приложением первых двух отделов «Эрфуртской программы» Каутского, с предисловием от русских социал-демократов. В этом предисловии говорится: «Приступая к изданию Эрфуртской программы, мы, социал-демократы в России, думаем положить этим

начало целому ряду подобных же изданий. Поэтому, мы считаем необходимым предпослать несколько слов для об'яснения цели нашей издательской деятельности...

«Мы социал-демократы в России стремимся к изданию рабочей партии, первой политической задачей которой будет ниспровержение абсолютизма. Лучшим и кратчайшим путем для достижения этой цели является организация рабочего класса на почве его политических потребностей».

Указывая на всевозможные рабочие организации, как на первое средство для достижения политической цели, это предисловие заканчивается следующими словами: «Эрфуртская программа, являясь цельным выражением социал-демократического учения, неопровержимо доказывает все эти положения. Вот почему мы предпочли для начала издать предлагаемое сочинение. Вслед за тем будет издана целая серия чисто рабочих агитационных брошюр для пропаганды стачек в пользу сокращения рабочего дня и повышения рабочей платы, касс взаимопомощи и пр. Это удовлетворит наиболее насущным вопросам жизни и сослужит делу революции хорошую службу...» Брошюра «Хитрая механика» и разные цифровые заметки на клочках бумаги и адреса.

4) У Петра Фомина—разные вырезки из периодических газет о фабричных беспорядках в России и заграницей, тенденциозное стихотворение, рукописная программа социал-демократической партии в Германии и требования социал-демократов, выставленные на Эрфуртском с'езде, разные выписки, касающиеся социально-экономического положения России, письма и заметки.

5) У Василия Павлова—две литографированные тетради, заключающие в себе 2 и 3-ью часть критического разбора Фр. Энгельса соч. Дюринга «Наука и господин Дюринг» и тетради с программой, выясняющей отношение труда к капиталу при капиталистическом производстве. В этой же тетради помещено, повидимому, оглашение для помещения статьи: «Выяснить, почему стачка удобней при повышенной возрастающей заработной плате». Какое отношение последняя имеет к первой. Благодетельное влияние даже неудавшейся стачки на обе стороны; ее важные последствия для рабочих.

6) У Гирша Пузырийского—газета на еврейском языке «Голос Рабочих» от 5 февраля 1898 г., изд. «Еврейского социал-демократического кружка»; две брошюрки на еврейском языке: одна с циркуляром Министра Внутренних Дел от 12 августа 1897 г. и другая преступного содержания «Уменьшение лжи», печатанные в типографии «Еврейского всеобщего союза России и Польши».

7) У Леи Геффен—«Листок Работника», за № 6, февраль 1898 г., изд. «Русских социал-демократов»; гектографированная брошюра «К 25-летию Парижской Коммуны (1821—1826 г.г.); печатная брошюра «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», брошюра с секретным циркуляром Министра Внутренних Дел от 12 августа 1897 г., изд. «Группы рабочих революционеров»; печатные брошюры «Кто чем живет», изд. «Фонда Русской вольной прессы», «Рабочий День» и «Царское Правительство и рабочие» Д. Кольцова.

8) У Николая Романенко—один экземпляр «Рабочей газеты», за № 4, революционного содержания, как видно из даты, изданной в ноябре 1897 г.

9) У Леонарда (он же Леонид) Батурова—соч. Джона Стюарта Милля «Утилитаризм и свобода»; соч. Джона Вильяма Дрепера «История умственного развития Европы»; «Промышленная история Англии», перевод с английского А. В. Каменского; соч. Липерта «История Культуры»; соч. Карла Маркса «Капитал», критика политической экономии том I-й и полулист почтовой бумаги с буквами и цифрами, повидимому, представляющий собой какой-либо ключ для... письма.

10) У Петра Курило—соч. Ланге «Рабочий вопрос»; В. Карышева «Экономические беседы»; перевод с польского соч. Сченсновича «Труд и Капитал»; П. Кампфмейера «Кустарная промышленность в Германии»; «Промысловые синдикаты», перевод с немецкого А. С. Зака; рассказ Златовратского под заглавием «Авраам»; сочин. Роберта Оуэн «Жизнь замечательных людей», исторический очерк «Георг Вашингтон и основание Северо-Американских Соединенных Штатов»; «Послесловие» А. Толстого и два стихотворения тенденциозного (характера) содержания, под заглавием «Вольный рабочий» и «Три дороги».

11) У Иосифа Скрыпника—черновое письмо, в котором он писал брату прекратить пьянствовать и советовал заняться чтением среди крестьян, так как это может принести пользу ему и другим... «Я думаю, пишет в письме Скрыпник, ты найдешь себе материал для чтения, книги и читать, если не для себя, то крестьянам, это принесет пользу и тебе и им, да я бы просил тебе собственно заняться этим вопросом, поэтому, что ты их больше знаешь, тебе больше известно, ты станешь выше их целой головой, они многого не знают, хотя эти самые работники, которые нас кормят; ты посмотри на них, они со всех сторон обижены и они ничего не знают; для них все скрыто, их стараются обобрать открыто, а они думают, что так и надо.

Отобранные у остальных обвиняемых разные бумаги и переписки, по их рассмотрении, ничего существенного для дела не представляют.

По поводу отобранных революционных изданий, обвиняемые уклонились дать надлежащие показания и об'яснили:

Леонид Николаев, — что отобранные у него при обыске часть «Эрфуртской программы» Каутского, речь Либкнехта, «В защиту правды» и проф. Туна «История революционного движения в России», он получил для прочтения—исключительно теоретически интересуясь затрагиваемыми ими вопросами—от лица, которое назвать не пожелал.

Евдокия Сысоева,—что взятые у нее революционные издания она получила от своего жениха, прослушавшего курс в Харьковском Университете, Ефрема Яковлева Левина, который передал ей на хранение при от'езде своем в г. Вильно.

На основании такого показания, поименованный Левин был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого. На допросе он отверг факт передачи Сысоевой революционного сочинения.

Впоследствии, по освобождении обвиняемой Сысоевой из-под стражи, в виду болезненного ее состояния, она отказалась от своего показания о

передаче ей Левиным революционных изданий, об'яснив, что показание это она дала в припадке нервного расстройства, но указать лицо, от которого получила революционные издания, она не пожелала.

Абрам Штессель,—что взятое у него при обыске значительное количество революционных сочинений он получил от ныне умершего товарища по Харьковскому Университету Николая Прянникова, который во время болезни перед смертью передал Штесселю на хранение с тем, чтобы после его смерти Штессель передал эти революционные издания какому-то студенту-технологу, который должен приехать из Петербурга; фамилию этого студента-технолога он не знает.

Петр Фомин, — что обнаруженные у него, разные выписки по социально-экономическим вопросам он делал с научною целью. Программу социал-демократической партии и требования, выставленные на Эрфуртском конгрессе, он переписал из немецкого журнала, как материал для характеристики известной исторической эпохи, которая получила некоторуюхарактеристику историческую в известных статьях Арсеньева, «Вестник Европы»; журнал мог быть получен из Университетской библиотеки по записке профессоров, хотя он это не утверждает.

По надлежащем сношении, Ректор Харьковского Университета сообщил, что журнал имеется в Университетской библиотеке, но студентам это издание не выдается и по сведениям, имеющимся в библиотеке, не выдавалось.

Василий Павлов,—брошюру в 2-х тетрадях, соч. Энгельса «Наука и господин Дюринг», он получил в Москве в 1893 году, в бытность его студентом Московского Университета, но от кого именно, теперь не помнит. Имеющееся в тетради заглавие для статьи «Выяснить о значении стачек для рабочих», сделано его женою, Александрой Ильинишной Павловой, урожденной Долговой. По об'яснении названной Павловой, выписку эту она сделала из журнала «Научное Обозрение» и «Русское Богатство», с целью личного самообразования. Кроме сего Павлов пояснил, что на сходках в Бабаевском лесу, бывших 23 и 30 июня и 6 июля, он не мог участвовать, так как с 20 мая по 10 июня и с 22 июня по 8 июля он безвыездно жил в гор. Борисоглебске у родственников его жены, а с 10 по 22 июня проживал у родителей в гор. Орле.

По проверке означенного показания оказалось, что с 10 до 22 июня Василий Павлов действительно проживал в гор. Орле у своих родителей: Якова Ивановича и Александры Григорьевны Павловых; а по (сведениям) свидетельству бр. жены обвиняемого Павлова, Константина Кузьмича Долгова и жены его Александры Васильевны, он безвыездно проживал в г. Борисоглебске, уезжая только один раз в Харьков, но точного времени выезда его в Харьков указать не могли, утверждая только, что в Харькове он жил в июле месяце.

Такое уклончивое об'яснение Долговых, в установлении точного выезда Павлова в Харьков, не согласуется с обстоятельствами дела.

Нижеизложенными показаниями унтер-офицеров, наблюдавших за сходками, вполне устанавливается участие Павлова в сходках 23, 30 июня и 6 июля.

А тот факт, что 23 июня, по прибытии его на сходку, в Бабаевском лесу, он целовался с Николаевым, может свидетельствовать, что Павлов 23 июня был в районе гор. Харькова и в первый раз виделся с Николаевым, но у кого именно Павлов проживал в гор. Харькове выяснить, не представилось возможным.

Как видно из осмотра книги для приезжающих в гостиннице «Харьков», Павлов значился прибывшим в гор. Харьков из Борисоглебска 4 июля, прожил в гостиннице без документа по 6-е июля, и выбыл неизвестно куда. Со сходки же 6 июля Павлов был провожен наблюдающими в с. Григоровку, где у него 10 июля был произведен обыск.

Свидетель, студент Харьковского Университета, Яков Адамович Ренфальд, проживавший лето текущего года в с. Григоровке, удостоверяет, что Павлов в конце июня или в начале июля месяца приезжал в Григоровку и просил у Ренфальда помочь ему отыскать дачу.

Таким образом, об'яснение Павлова, что он безвыездно жил в Борисоглебске по 8-е июля, является совершенно неверным и ничем не доказанным.

Гирш Пузырийский об'яснил, что революционные издания на еврейском языке ему были оставлены студентом Штесселем, во время совместного квартирования его с Штесселем. Подтверждая показание Пузырийского, обвиняемый Штессель добавил, что эти книги он также получил от умершего студента Прянникова.

Обвиняемые Геффен и Романенко также не дали надлежащих раз'яснений относительно обнаруженных у них революционных изданий. Геффен об'яснила, что она их получила для временного хранения от какого-то Адольфа, случайно познакомившегося с нею, а по об'яснению Романенко, революционную «Рабочую Газету» он нашел в отхожем месте дома, где помещается типография, в которой он работал.

Обвиняемый—Петр Курило показал, что взятые у него при обыске «Кустарная промышленность в Германии», «Промысловые синдикаты», «Исторический очерк—основание Северо-Американских Соединенных Штатов» и «Труд и Капитал» соч. Сченсновича он получил от Леонида Николаева. Все поименованные книги Николаев давал по очереди читать рабочим при занятиях с ними. Революционные сочинения читать рабочим Николаев не давал, находя их еще не подготовленными для чтения таких сочинений, и обещал современем давать. Стихотворения «Вольный рабочий» и «Три дороги» Курило переписал у Линцера, когда последний предлагал ему заниматься совместным чтением, хотя Линцер это обстоятельство не помнит.

Обвиняемый Леонид Батуров,—по поводу отобранных у него книг «История культуры» Липерта, «История умственного развития в Европе» Дрепера, «История промышленности в Англии» Гиббинса и Джона Стюарта Милля «О свободе», обяснил, что названные книги им были получены от преподавательницы воскресной школы, жены врача, Елены Михайловны Трутовской в мае месяце сего года, для чтения в каникулярное летнее время. Подтверждая означенное показание Батурова, Елена Трутовская добавила, что «выбор книг для чтения ученикам воскресной школы зависел от ее совета и их собственного желания».

Как выше было сказано, обвиняемые: Сысоева, Фомин, Штессель и Павлов, отрицая знакомство свое с Николаевым, также отрицают всякое участие на сходках, бывших летом сего года в Бабаевском лесу, на которых всегда присутствовал Николаев, приезжая для этой цели из г. Харькова. В виду этого, для установления знакомства поименованных лиц с Николаевым, о выяснении сходок в Бабаевском лесу, были допрошены унтер-офицеры: Иван Малунов, Андрей Тихонов, Даниил Громов, Леонтий Чернявский, Петр Сухотовский и Павел Булгаков, наблюдавшие за всеми вышеназванными лицами. Сущность их показаний заключается в следующем:

Ведя непрерывное наблюдение за Николаевым, наблюдавшими унтер-офицерами было замечено, что 11 июня сего года Николаев с поездом, отходящим из г. Харькова в 4 часа дня, отправился на станцию Карачевку, а оттуда направился лесом к селению Бабаи и был утерян из виду. Это обстоятельство побудило усилить за ним наблюдение. 23 июня Николаев с 4-часовым поездом снова поехал в Карачевку, а затем, сойдя на станции, отправился дорогою, ведущей через лес к селению Бабаи. По дороге в лесу, возле сваленого дерева, его встретила барышня с молодым человеком, по выяснении оказавшиеся Сысоевой и Штесселем, а вслед за ними пришли известные наблюдавшим Фомин и Павлов. Николаев поцеловался с Павловым, повидимому, только что прибывшим, и все вместе отправились в глубину леса; там они сели в кружок и что-то читали, жгли какие-то бумаги. Около 9 часов они разошлись; Фомин, Павлов, Штессель и Сысоева отправились в Бабаи, а Николаев в Харьков. 30 июня и 6 июля такие же сходки повторялись, но на сходке 6 июля Штессель замечен не был.

Изложенные результаты наружного наблюдения за названными лицами, вполне подтверждают агентурные сведения, что Николаев в преступных своих занятиях с рабочими руководствовался указаниями, как установлено дознанием, обсуждавшимися на сходках в Бабаевском лесу.

При окончании дознания обвиняемый Абрам Штессель подал прошение на имя г. Прокурора Харьковского Окружного Суда, в котором изложил, что на сходке в Бабаевском лесу 30 июня он не мог участвовать, так как в тот день он выезжал в село Жихар, и мог возвратиться только вечером того же числа.

По проверке означенных обстоятельств путем осмотра книги для записи лошадей, выдаваемых на Бабаевской земской почтовой станции, и допроса в качестве свидетелей почтосодержателя—Якова Гавриловича Ворончено и ямщика—Михаила Калинникова Глушака, вполне установлено, что 30 июня обвиняемый Штессель действительно выезжал в село Жихарь, отстоящее от села Бабаи на расстоянии 5 верст, и возвратился в тот же день обратно.

По словам почтосодержателя Воронченко, проехать это расстояние обратной дорогой требуется не более часа, и Штессель никогда не задерживал на станции лошадей, а возивший Штесселя ямщик Глушак удостоверил, что Штессель, за время проживания в Бабаях, ездил в село Жихарь один раз.

Таким образом, заявление Штесселя, что 30 июня он не был в с. Бабаях, лишено всякого основания, так как сходки происходили около 5 часов вечера, и к этому времени он уже возвратился обратно из поездки в с. Жихарь.

Штессель проживал в Бабаях с 20-х чисел мая месяца, как это удостоверено его квартирохозяином, титулярным советником Михаилом Владимировичем Мейлаховским, а потому указание его в прошении, что в Земстве он служит с 24 июня, а потому ранее этого времени не мог принимать участия в сходках, не имеет никакого значения.

Дознание производством закончено и препровождено г. Прокурору Харьковской Судебной Палаты.

По отношению обвиняемых, привлеченных к настоящему дознанию, приняты следующие меры пресечения:

1. Николаев, Леонид Владимирович, коллежский секретарь, содержится под стражею в г. Харькове.

2. Сысоева, ныне по мужу Левина, Евдокия Семеновна, Харьковская мещанка, отдана под залог в сумме 500 руб., проживает в гор. Харькове.

3. Штессель, Абрам Ильич, бывший студент Харьковского Университета, отдан под залог в сумме 500 руб., проживает в г. Вильне.

4. Павлов, Василий Яковлев, бывший студент Харьковского Университета, отдан под залог в сумме 500 руб., проживает в гор. Борисоглебске, Тамбовской губ.

5. Фомин, Петр Иванов, окончивший курс в Харьковском Университете, отдан под залог в сумме 300 р., проживает в г. Харькове.

6. Пузырийский, Гирщ Абрамов, бывший студент Харьковского Университета, отдан под особый надзор полиции по месту жительства в г. Вильно.

7. Федоров, Николай Иванов, крестьянин, гравер в типографии—под особый надзор полиции в г. Харькове.

8. Батуров, Леонард (он-же Леонид) Матвеевич, наборщик—под особый надзор полиции в г. Харькове.

9. Романенко, Николай Павлов, мещанин, печатник типографии—под особый надзор полиции в г. Харькове.

10. Гринштейн, Шейна Янкель Зельмановна, Виленская мещанка, дамская портниха—под особый надзор полиции в г. Вильно.

11. Геффен, Лея Абрам-Давидовна, мещанка, наборщица—под особый надзор полиции в г. Вильне.

12. Линцер, Берко Шмуль Кельманов, наборщик, под особый надзор полиции в г. Елисаветграде, Херсонской губернии.

13. Курило, Петр Иванов, крестьянин, печатник—под особый надзор полиции в г. Харькове.

14. Левин, Ефрем Яковлев, принявший православие из евреев, лектор—под особый надзор полиции в г. Харькове.

15. Скрыпник, Иосиф Яковлев, крестьянин, электротехник; под особый надзор полиции в г. Харькове.

16. Курило, Даниил Иванов, крестьянин, установщик электрического освещения—под особый надзор полиции в г. Харькове.

17. Певзнер, Нехама Гешелева, мещанка, дамская портниха—под особый надзор полиции в г. Чаусах, Могилевской губ.

18. Флейдерман, Вениамин Самойлов, мещанин—под особый надзор полиции в г. Харькове.

19. Курило, Тимофей Иванович, крестьянин, наборщик—под особый надзор полиции в г. Харькове.

Подписал Начальник Харьковского Губернск. Жандармского Управления полковник Маврин.

Верно: ротмистр (подпись).

Украинская революционная партия в Галиции

1903 год. *) **)

В одном из последних номеров,—воспрещенной к ввозу в пределы Империи и издаваемой в г. Черновицах в Галиции на галицийско-малорусском литературном языке—газеты, под заглавием «Гасло», помещен проект программы, предложенной для обсуждения на втором партийном с'езде украинофильской партии «Вильной Громади».

В проекте этом первоначально выясняется значение Революционной Украинской Партии, как члена всемирной армии пролетариата, революционная деятельность коего признается основной на принципах международного социализма; далее идет ряд суждений, имеющих целью уяснить причины зависимости рабочего класса от капитала. Приводятся в беглом очерке предметы обсуждения последних партийных с'ездов социалистов во Франции, Бельгии, Австрии и, наконец, переходя к выяснению тех задач, которые надлежит поставить Революционной Украинской Партии в России для осуществления, говорится, что так как самодержавие по существу своему, есть враг пролетариата и является препятствием свободному ризвитию союзных революционных сил всех народностей государства, то ближайшей задачей должно быть безусловное низвержение самодержавного строя и замена его федеративной республикой, с полной самостоятельностью каждой области во внутренних делах, на началах демократической конституции.

В целях лучшего развития рабочего класса для борьбы и охраны его от вырождения, морального и физического,—приведен ряд условий труда, ведущих к улучшению положения этого класса. В заключение, Революционная Украинская Партия возлагает надежду, что сельские обыватели примкнут к ней под ее знамя, при чем крестьянам указываются следующие способы политической борьбы: отказ от уплаты податей и от выполнения повинностей, а также устройство политических демонстраций.

Произведенным по сему поводу негласным расследованием удалось выяснить, что во главе Революционной Украинской Партии в г. Черновицах стоят профессор Черновицкого Университета—Стефан Смал-Стоцкий, преподаватель Черновицкого Реального Училища и член Рейхстрата Ерофей Пигуляк, инспектор народных училищ в Буковине—Омелян Попович, преподаватель Черновицкой Учительской Семинарии—Антон Клим, преподаватель Черновицкой Учительской Семинарии—Осип Маковей, член

*) Из сводки охранного отделения за 1903 год.

**) Сообщил Равич.

Буковинского Областного Суда—Владимир Ясинецкий, преподаватель Черновицкой Гимназии—Сергей Шпойнаровский, учитель Черновицкого народного училища—Афанасий Руснок, редактор украинской газеты «Буковина»—Иван Созанский и профессор Черновицкой Гимназии—Юлиан Кобылянский.

По имеющимся указаниям, означенная партия поддерживается Австрийским правительством, которое субсидирует ее из «краевой прибыли», так называемой, «казенной лоттереи», расходуемой обыкновенно на благотворительные дела. Для успешного развития пропаганды сообщество это основало в г. Черновицах «Народный Дом», в котором происходят народные чтения и помещается школа, касса, библиотека и редакция «Русской Рады», а в газетах «Гасло» и «Селянин» помещаются революционные статьи означенного сообщества.

Названные нелегальные издания водворяются контрабандным путем в Империю из порубежного австрийского селения «Слободзея» в приграничное русское селение «Ревкоуцы», откуда затем на возах перевозится до станции «Мамалыги», для дальнейшего отправления на Юг России.

Кроме того, имеются указания, что в конце мая сего года в австрийском селении «Новоселицы», будто-бы открыта на средства фонда Российской Украинофильской Партии подпольная типография, занимающаяся исключительно печатанием революционных изданий.

Дело Харьк. С.-Д. Рабоч. Союза Ремесленников.

СПИСОК ЛИЦ, ПРИВЛЕЧЕННЫХ К ДОЗНАНИЮ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМЫХ, ПО ДЕЛУ «ХАРЬКОВСКОГО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА РЕМЕСЛЕННИКОВ». *)

1. Трутовская (урожденная Журавлева), Елена Михайловна, род. в 1872 г., дочь кандидата прав и директора Харьковск. Земельн. Банка, жена доктора медицины, окончила 8 классов гимназии, привлекалась к дознанию в 1893 году, в числе лиц по обвинению в преступлении, предусмотренном 250 и 252 ст. У. о Нак., каковое дознание в дальнейшем производстве прекращено, обвиняется в организации в Харькове тайн. общества Харьк. Соц.-Дем. Рабоч. Союза Ремесл., привлечена к дознанию 10 декабря 1899 г., обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором обнаружены статьи по соц.-эконом. вопросам; под стражу заключена в Харьковск. Губ. Тюрьму.

2. Левандовская, Эстер-Марим Симоновна («Маня»), 18 лет, род. в Австрии, портниха, девица, дочь слесаря, малограмотная, подлежала привлечению к дознанию 8 декабря 1898 г., обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С. Рем., привлечена 6 декабря 1899 г., обыск произведен 3 декабря 1899 г., при обыске обнаружена программа Харьк. Соц.-Дем. Рабоч. Союза Ремесл. и целая библиот. по соц.-эконом. вопросам, гектограф и гектографическая масса; под стражу заключена в Харьк. Губерн. Тюрьму.

3. Рабинович, Либе Зискиндова (Любовь Александровна), род. в 1875 г., девица, живет на средства отца, дочь учителя, окончила два класса гимназии, к дознанию раньше не привлекалась, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечена 10 декабря 1899 г., обыск произведен 3 декабря 1899 г., при котором обнаружено то же, что и у Левандовской (совместная квартира), под стражу заключена в Харьковск. Губернск. Тюрьму.

4. Пряничникова, София Александровна, род. в 1867 г., девица, дочь чиновника, фельдшерица-акушерка, преподавательница Харьк. Мужск. Воскресн. Школы Общества грамотности, окончила гимназию и С.-Петербургскую Школу Лекарск. Помощн. и Фельдшериц, к дознанию раньше

---

*) Составлен на основании документальных сведений о лицах, привлеченных к дознанию. Центр. Архив Революции. Дело Харьковск. Жандармск. Управления за 1899 г. № 279.

не привлекалась, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., привлечена к дознанию 10 декабря 1899 г., обыск произведен 4 декабря 1899 года, при котором обнаружены брошюры: 1) «Международный Социалистич. Конгресс в Лондоне 1896 г»., 2) «Царское правительство и рабочие», 3) «Цели и средства всемирной социал-демократии», 4) К. Маркс и Ф. Энгельс. «Коммунистический Манифест», 5) К. Маркс. «Введение в критику Гегелевской философии прав» и разные рукописи. Заключена под стражу в Харьк. Губернск. Тюрьму.

5. Пряничникова, Екатерина Александровна, род. в 1868 г., девица, дочь чиновника, домашняя наставница, конторщица Управл. Харьк.-Никол. жел. дороги, окончила 8 классов гимназии, к дознанию раньше не привлекалась, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечена 10 декабря 1899 г., обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором обнаружено то же, что и у сестры (совместная кварт.); заключена в Харьковск. Губернск. Тюрьму.

6. Левин, Гиля Мордухов, род. в 1878 г., холост, сын торговца, мастеровой, малограмотен, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря 1899 г., обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором обнаружены письма и разные заметки; заключен в одиночную камеру Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

7. Авращева, Фейга (Феня) Давидовна, род. в 1879 г., девица, дочь мелкого торговца, ремесленница по вязке чулок, малограмотная, к дознанию раньше не привлекалась, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечена 10 декабря 1899 г., обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором обнаружена разная переписка и заметки; заключена в Харьковск. Губернск. Тюрьму.

8. Волкинштейн, Арон Нояхимов, холост, ремесленник, сын бакалейн. торговца, малограмотный, раньше не привлекался к суду, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря 1899 г., обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором обнаружены газеты: «Рабочая мысль», «Петербургский Рабочий Листок» и «1 мая 1899 г.»; заключен в одиночную камеру Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

9. Серебряков, Михаил Васильевич, род. в 1879 г., холост, сын инженера-технолога, студент 1 курса Юридич. факульт. Харьковск. Университ., раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 14 декабря 1899 г., обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором обнаружен «Устав организации»; заключен в одиночную камеру Харьк. Губернск. Тюрьмы.

10. Белов, Николай Анатольевич, род. в 1878 г., холост, сын дворянина, студент 1 курса Физико-Математич. факульт. Харьковск. Университ., раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10-го декабря, обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором обнаружены разные письма и заметки; заключен в Харьковск. Губернскую Тюрьму.

11. Аладов, Александр Александрович, род. в 1872 г. холост, сын чиновника, студент Харьковск. Университета, к дознанию раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором обнаружены статьи и заметки по социально-экономическим вопросам; заключен в Харьковск. Губернскую Тюрьму.

12. Цейтин, Мовша Лейбов, род. в 1879 г., холост, сын подборщика мехов, ремесленник, окончил еврейское ремесленное училище, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором полиции пришлось взламывать дверь, так как находящиеся в это время в комнате: Давидова, Аврашова и Янкелева сжигали всю нелегальщину, в отсутствии самого Цейтина; заключен в Харьковск. губернск. Тюрьму.

13. Шехтман, Пинхос Иудович, род. в 1873 году, холост, сын торговца лесными материалами, образование домашнее, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., дознание произведено 10 декабря, обыск 3 декабря 1899 г., при котором обнаружены революционные газеты на еврейском языке, «Голос рабочих» и революционные стихотворения; заключен в Харьк. Губернскую Тюрьму.

14. Пасютенко, Григорий Корнеевич, род. в 1880 году, холост, сын портного, сам ремесленник, неграмотный, раньше не привлекался, а теперь обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором «ничего преступного не обнаружено»; заключен в одиночную камеру Харьковск. Губерн. Тюрьмы.

15. Владимиров, Исаак Зурахов, род. в 1880 г., холост, сын ремесленника, сам заготовщик обуви, малограмотен, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором «ничего преступного не обнаружено»; заключен в Харьковск. Губернск. Тюрьму.

16. Гельман, Бас-Шейва Борухова, род. в 1873 г., девица, дочь булочника, массажистка, систематического образования не получила, раньше не привлекалась, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечена 10 декабря, обыск произведен 4 декабря, при котором «ничего преступного не обнаружено»; заключена в Харьковскую Губернскую Тюрьму.

17. Альтшуллер, Иосиф Беркович, род. в 1880 г., холост, сын продавщика старых еврейских книг, заготовщик обуви, малограмотный, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск 4 декабря 1899 г., при котором ничего не обнаружено; заключен в Харьк. Губернск. Тюрьму.

18. Ганелин, Хаим Абрамович, род. в 1881 году, холост, сын еврейского учителя, заготовщик обуви, грамоте учился дома, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р.,

к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря 1899 года, при котором «ничего преступного не обнаружено»; заключен в Харьковск. Губернск. Тюрьму.

19. Харламов, Алексей Орестович, род. в 1878 г., холост, сын земледельца, студент Харьковск. Университета, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором отобрана разная переписка; заключен в Харьковск. Губернск. Тюрьму.

20. Аршанская, Малка Берковна, род. в 1880 г., девица, дочь портного, работница конвертной фабрики, малограмотная, раньше не привлекалась, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечена 6 декабря, обыск произведен 3 декабря, при котором отобрана переписка; заключена в Харьковск. Губернск. Тюрьму.

21. Голуб, Бенциан Лейбов, род. в 1873 г., холост, сын еврейского учителя, определенных занятий не имеет, учился дома, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря в Екатеринославе, при котором обнаружена переписка; заключен в Харьк. Губернск. Тюрьму.

22. Соловейчик, Исомер Лейбов, род. в 1878 г., холост, сын заготовщика, сам также заготовщик обуви, малограмотный, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., дознание 10 декабря, обыск 5 декабря 1899 г., при котором обнаружены письма; заключен в одиночную камеру Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

23. Генькин, Шмуля-Сема Израилев, род. в 1880 г., холост, ювелир, малограмотный, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 7 декабря 1899 г., при котором «ничего преступного не обнаружено»; заключен под стражу в одиночную камеру Харьк. Губернск. Тюрьмы.

24. Косман, Берко Нохимов, род. в 1879 г., холост, сын торговца на базаре, переплетчик, учился дома, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором обнаружены: революционные газеты «Рабочая Мысль», «Петербургский Рабочий Листок», «1 мая 1899 г.»; заключен в одиночную камеру Харьк. Губернск. Тюрьмы.

25. Соломонов, Соломон (незаконнорожденн.), 16 лет, ювелир, малограмотен, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором «ничего преступного не обнаружено»; заключен в одиночную камеру Харьк. Губернск. Тюрьмы.

26. Карпинский, Вячеслав Александрович, род. в 1881 г., сын дворянина, холост, студент 1 курса Физико-Математич. факульт. Харьковского Университета, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря,

обыск произведен 6 декабря, при котором «ничего преступного не обнаружено»; заключен в одиночную камеру Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

27. Школьникова, Зельда Ицковна, род. в 1881 году, девица, работница картонажн. фабрики, училась в церковно-приходском училище, раньше не привлекалась, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечена 10 декабря, обыск произведен 4 декабря 1899 г., при котором отобраны письма; заключена в одиночную камеру Харьковск. Губ. Тюрьмы.

28. Иоффе, Яков-Мееров Маркович, род. в 1881 г., холост, мать содержит еврейск. кухмистерскую, занимается сам письмоводством, учился в городском училище, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря 1899 г., обыск произведен 5 декабря в Александровске, при котором обнаружена переписка; заключен в одиночную камеру Харьковск. Губ. Тюрьмы.

29. Финкельштейн, Зелик Иоселевич, род. в 1881 г., холост, сын поденщика, переплетчик, грамотный, раньше не подвергался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря, при котором обнаружено: программа заседания союзного совета и сведения о количестве поступивших в кассу денег от разных цехов; заключен в одиночную камеру Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

30. Крыцин, Алексей Федорович, род. в 1879 г., холост, портной, не окончил городского училища, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря, при котором на улице у Крыцина обнаружена «Программа кружка и правила конспирации»; заключен в одиночную камеру Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

31. Крамарев, Алексей Павлович, род. в 1878 г., холост, портной, малограмотный, раньше не привлекался, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 10 декабря, обыск произведен 4 декабря, при котором обнаружена переписка; заключен в одиночную камеру Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

32. Рапп, Лидия Юдифовна (урожденная Трушева), род. в 1871 году, жена чиновника Контрольной Палаты, дворянка, окончила гимназию, жила в 1891 г. в Лозанне, раньше не привлекалась, по показанию Белова обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечена 5 января, обыск произведен 6 января 1900 года, при котором обнаружена переписка; заключена в одиночную камеру Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

33. Рапп, Евгения Юдифовна (урожд. Трушева), род. в 1874 году, дворянка, жена присяжного поверенного, училась в гимназии, держала экзамен на звание домашней учительницы при Харьковском Университете, в 1891 году жила в Лозанне, потом в Париже, раньше не привлекалась, по показанию обвиняем. Белова и Пряничникова обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечена 5 января 1900 г., обыск произведен 6 января 1900 г., при котором обнаружена переписка; заключена в одиночную камеру Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

34. Гольдштейн, Шейна (Соня) Викторовна, род. в 1882 г., девица, дочь учителя, занятий не имеет, училась грамоте дома, раньше не привлекалась, по показанию обвиняем. Аршанской, обвиняется в принадлежности к тайному обществу, к дознанию привлечена 5 января, обыск произведен 6 января 1900 г., при котором обнаружена переписка, во время ареста Рабинович находилась в ее квартире; заключена в одиночное помещение Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

35. Громов, Николай Александрович, род. в 1878 г., холост, студент 1 курса Медицинск. факульт. Харьковск. Университета, раньше не привлекался, по показан. обв. Белова и Аладиева, обвиняется в принадлежности к тайному обществу Х.С.-Д.Р.С.Р., привлечен к дознанию 27 января, обыск произведен 28 января 1900 г., при котором обнаружена переписка; отдан под особый надзор полиции по месту жительства.

36. Малкина, Рейза (Роза) Мовшевна, род. в 1881 году, девица, дочь хозяина хлебопекарни, ученица музыкального училища, раньше не привлекалась, по показан. Аршанской и Пряничниковой обвиняется в принадлежности к одному из кружков Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечена 10 февраля, обыск произведен 11 февраля, при котором обнаружена переписка; заключена в одиночную камеру Харьковск. Губ. Тюрьмы.

37. Алиевский, Михель Хаимович, род. в 1879 г., холост, сын торговца, портной, не окончил курса уездного училища, раньше не привлекался, по показанию Иоффе, Генькина и Финкильштейна обвиняется в организации Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 5 апреля, обыск произведен 7 апреля 1900 г., во время которого обнаружена переписка; заключен в одиночную камеру Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

38. Широков, Иван Михайлович, род. в 1860 г., женат, имеет 2 детей, крестьянин, сиделец в трактире, грамотен, раньше не привлекался, в результате показаний Иоффе и Финкильштейна обвиняется в хранении нелегальной литературы, принадлежащей Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 29 апреля, обыск произведен 28 апреля 1900 г., во время которого обнаружено: в комнате 5 экземпляров нелегальных брошюр и переписка, а в сарае жестяная шкатулка, в которой оказалось 86 экземпляров брошюр нелегального содержания, черновая программы Х.С.-Д.Р.С.Р. и несколько копий с нее; заключен в одиночную камеру Харьковск. Губернск. Тюрьмы.

39. Капустянский, Лева Вульфович, род. в 1880 г., холост, сын рабочего папиросной фабрики, сам ювелир, грамотен, раньше не привлекался, по показанию Рапп и Генькина установлена принадлежность его к кружку ювелиров Х.С.-Д.Р.С.Р., к дознанию привлечен 23 апреля 1900 г.; обыск произведен 16 мая 1900 г., при котором обнаружена переписка; заключен в одиночную камеру Харьковской Губернской Тюрьмы.

40. Касриэльс-Касриэльсон, Хая Янкелева, 18 лет, причастна к кружкам тайного общества Х.С.-Д.Р.С.Р., в момент ареста скрылась, по сведениям Жандармск. Управл., в г. Вильно. Возбуждено ходатайство пред Департаментом полиции о розыске и аресте 29 апреля 1900 г.

41. Монастырский Моисей, причастен к Х.С.-Д.Р.С.Р.; Жандармским Управлением не найден; возбуждено ходатайство пред Департаментом полиции о розыске и аресте 8 июля 1900 г.

42. Соркин, Моисей Еселевич, обвиняется в принадлежности к Х.С.-Д.Р.С.Р. Жандармским Управлением не найден; возбуждено ходатайство пред Департаментом полиции о розыске и аресте 8 июля 1900 г.

43. Махов, Никифор Иванович, 25 лет, крестьянин Владим. губ., рабочий, грамотен, обвиняется в принадлежности и организации Х.С.-Д.Р.С.Р.; заключен во Владимирск. Губернск. Тюрьму.

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.
Декабря 8 дня 1899 года.
№ 8761.

Секретно.

Господину Харьковскому Губернатору.

В ночь с 3 на 4 сего декабря по моему распоряжению подвергнуты личному задержанию при Харьковской Губернской Тюрьме, на основании 21 ст. положения о государственной охране, проживавшие в г. Харькове: жена доктора—Елена Михайлова Трутовская, студенты Харьковского Университета: Николай Анатолиев Белов, Михаил Васильев Серебряков, Алексей Орестов Харламов, Александр Александров Аладов, дочери губернского секретаря: Екатерина Александрова Пряничникова, София Александрова Пряничникова, крестьяне: Алексей Павлов Крамарев, Григорий Корнеев Пасютин, Алексей Федотов Крицин, мещане: Соломон Соломонов, Зелик Иоселев Финкельштейн, Гиль Марков Левин, Арон Наумов Волкинштейн, Мовша—Лейба Алексеев Цейтин, Берко Нохимов Носман, Иосель Берков Альтшуллер, Пинхос Иудов Шехтман, Исаак Зурохов Владимиров, Хаим Абрамов Ганелин, Маня Симонова Левандовская, Либа Зиськиндова Рабинович, Малка Берковна Аршанская, Феня Давидова Аврашева и Бас-Шейва Борухова Гельман.

О чем имею честь уведомить Ваше Превосходительство.

Подлинное подписал полковник Маврин.

Верно: ротмистр (подпись).

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.
Декабря 8 дня 1899 года.
№ 8760.

Секретно.

Господину Прокурору Харьковской Судебной Палаты.

Имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству копии постановлений о личном задержании при Харьковской Губернской Тюрьме жены доктора—Елены Михайловны Трутовской, студентов Харьковского

Университета: Николая Анатолиевича Белова, Михаила Васильева Серебрякова, Алексея Орестова Харламова, Александра Александрова Аладова, дочерей губернского секретаря: Екатерины Александровой Пряничниковой, Софии Александровой Пряничниковой, крестьян: Алексея Павлова Крамарева, Григория Корнеева Пасютина, Алексея Федотова Крыцина; мещан: Соломона Соломонова, Зелика Иоселева Финкельштейна, Гиля Маркова Левина, Арона Наумова Волкинштейна, Мовши-Лейбы Янкелева Цейтина, Берка Нохимова Носмана, Иоселя Беркова Альтшуллера, Пинхоса Иудова Шехтмана, Исаака Зурохова Владимирова, Хаима Абрамова Ганелина, Мани Симоновой Левандовской, Либы Зиськиндовой Рабинович, Малки Берковой Аршанской, Фени Давидовой Аврашевой, Бас-Шейвы Боруховны Гельман, Бенциона Лейбова Голуба, Исомера Лейбова Соловейчика, и при Харьковском арестном доме: Зайды Ицковны Школьниковой, Шмуля Израилева Генькина.

Приложение: двадцать девять копий постановлений от 3, 4, 5 и 7 сего декабря.

Подлинный подписал: полковник Маврин.

Верно: ротмистр (подпись)

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

Секретно.

Декабря 8 дня 1899 года.
№ 8784.

Г. Прокурору Харьковской Судебной Палаты, от 8 декабря 1899 г., № 8783.

В конце апреля месяца текущего года к заводам и ремесленным заведениям в г. Харькове были подброшены в значительном количестве печатные прокламации, озаглавленные: «Воззвание к 1 мая» за подписью «Харьковский Комитет Российской Социал-Демократической Партии». Полученные в то время агентурные сведения указывали, что эти воззвания были привезены в Харьков еврейкой, по фамилии Школьниковой, проживавшей в г. Харькове около недели, и затем выбывшей в г. Екатеринослав. В виду этого за появлением в г. Харькове Школьниковой было учреждено наблюдение. В конце мая названная Школьникова возвратилась в г. Харьков, и поселилась без прописки своего паспорта по Михайловскому пер., в д. № 18. Установленным негласным наблюдением выяснилось, что по прибытии в г. Харьков, она не замедлила войти в сношение с следующими лицами: евреем, проживающим без приписки, оказавшимся впоследствии мещанином Бенциан Голубом, служившим в американском магазине приказчиком, под фамилией Аврашева, ныне оказавшимся евреем, мещанином Яковом Иоффе, мещанкой Феней Аврашевой и гласноподнадзорным Никифором Маховым—лицами, по имеющимся у меня сведениям, занимавшимся пропагандой среди рабочих. Через посредство их она вошла в сношение с женой врача—Еленой Михайловой Трутовской, у которой все поименованные лица собирались на сходки. В июле месяце Школьникова с целью пропаганды поступила на конвертную,

фабрику «Гофман Деуэль», где работают женщины, и завязав с некоторыми из них знакомство, преимущественно еврейками, проживающими в г. Харькове без прописки, составила кружок в котором и вела пропаганду. Результат преступной деятельности Школьниковой выразился в 2-х дневной забастовке женщин на названной фабрике. 11 августа Школьникова выбыла в г. Гомель, а около того же времени Голуб, получив от нее рекомендательные письма, уехал в г. Екатеринослав. Как Голуб, так и Школьникова проживали в г. Харькове на средства, собираемые среди рабочих для пропаганды.

В конце августа мною были получены агентурные указания, что среди рабочих ремесленников организуются кружки преступного направления в которых, в целях подготовления будущих агитаторов, ведут занятия интеллигенты, назначенные в кружки Еленой Трутовской через посредство Якова Иоффе. По уставу кружки имеют кассу.

Такие агентурные сведения послужили основанием к направлению розыскной деятельности и к выяснению лиц, руководящих этими кружками.

Установленным негласным наблюдением в связи с агентурным сведением выяснилось, что в г. Харькове, по инициативе жены врача Елены Михайловой Трутовской и еврея Якова Иоффе, организовано общество преступного направления, присвоившее себе наименование «Харьковский Социал-Демократический Рабочий Союз Ремесленников».

На бывших сходках, в которых принимали участие Елена Трутовская, Яков Иоффе, дочери чиновника: Екатерина и София Александровны Пряничниковы, студенты Университета: Михаил Васильев Серебряков, Николай Анатольевич Белов, Александр Александрович Аладов и Вячеслав Александрович Карпинский, была выработана программа названного союза, представительского цехового собрания и правила конспирации; все же вышеупомянутые лица составили между собой «центр организации».

По программе «Харьковский Социал-Демократический Рабочий Союз Ремесленников» образуется из соединения организованных цехов кустарного ремесла. Члены союзного совета, они же представители цехов, избирают из своей среды союзного представителя, на обязанности которого возложено: а) общение с местными организациями, фабричными и заводскими, б) сообщение всех новостей в ремесленной организации другим организациям и наоборот, в) сообщение отчетности по союзу высшему организационному центру и обязанности кассира. Союзный представитель, по требованию цеховых представителей, обязан, по сношению с представителем организационного центра, а именно Еленой Трутовской, назначать в кружки интеллигентов для подготовления к агитационной деятельности членов кружка. Союзный совет имеет свою кассу, образуемую из отчислений в сумме 50 % из кружковых касс, и библиотеку.

На основании вышеизложенных требований «Программы Харьковского Социал-Демократического Союза ремесленников», представителем союза был избран еврей Яков Мееров Иоффе и помощником его мещанин Зелик Финкельштейн, он же представитель переплетного цеха. Членами союзного совета состояли представители цехов: портного ремесла—мещанин Алексей

Крыцин, заготовщиков обуви—мещанин Иосиф Соловейчик, слесарного—Гиля Левин и ювелирного ремесла—Соломон Генькин. В последнее время состав союзного совета, за выбытием за болезнью Якова Иоффе в г. Павлоград, несколько изменился: на должность представителя союзного совета был избран Зелик Финкельштейн и помощником к нему Алексей Крыцин, с возложением на последнего обязанностей библиотекаря и контролера за агитационной деятельностью в кружках.

Сначала сходки союзного совета происходили в квартирах Якова Иоффе, Алексея Крыцина и Гиля Левина, а с ноября месяца устройство конспиративной квартиры для сходок союзного совета и помещения библиотеки приняла на себя одна еврейка, ныне оказавшаяся фельдшерицей Либой Рабинович. Квартира была нанята на Харьковской набережной № 17, и в ней поселилась Рабинович с еврейкой Маней Левандовской. Как Рабинович, так и Левандовская проживали в г. Харькове без прописки паспортов и известны были по сношению с Еленой Трутовской, Яковом Иоффе и Зеликом Финкельштейном. Рабинович и Левандовская, ведя пропаганду в организованных ими кружках женщин-работниц, посещали также сходки «организационного центра».

В последнем заседании «союзного совета» в число членов его была избрана представительницей женских кружков и Либа Рабинович.

Что же касается до членов кружковых организаций, то наблюдением выяснена принадлежность к кружку цеха заготовщиков: Исаака Владимирова, Хаима Ганелина и Иоселя Альтшуллера, цеха портных: Алексея Крамарова и Григория Пасютина, цеха переплетчиков: Берко Носмана, Арона Волкинштейна, слесарного цеха: Мовши Цейтина и ювелирного цеха—Соломона Соломонова.

В поименованных кружках, по развитию и подготовке к пропагандистской деятельности, по назначению Елены Трутовской, вели занятия: в кружках цеха заготовщиков обуви—студент Николай Белов, в кружках портных—Александр Аладов, у ювелиров—студент Вячеслав Карпинский, в кружке слесарей—студент Михаил Серебряков и в кружках переплетного цеха—студент Алексей Харламов.

В поименованных цехах, за исключением ювелирного, имеется по одному организованному кружку, а в ювелирном цехе два кружка. Выяснить всех членов кружка, за краткостью времени, не представилось возможным.

Что же касается до кружков женщин—работниц, то до принятия в члены союза Либы Рабинович, правильно организованных кружков среди них не было, и занимавшиеся агитационной деятельностью среди женщин—работниц еврейки мещанки: Феня Аврашева, Маня Левандовская, Шейва Гельман и Малка Аршанская, об успехах своей агитации представляли отчет непосредственно Елене Трутовской.

На основании вышеизложенных агентурных данных я, на основании 21 ст. о мерах Положения к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, Высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 года, признал необходимым подвергнуть обыску и аресту: жену врача Елену Михайловну Трутовскую, студентов Университета: Михаила

Васильева Серебрякова, Николая Анатольевича Белова, Александра Александровича Аладова, Вячеслава Карпинского, дочерей чиновника фельдшерицу Софью Александровну и учительницу Екатерину Александровну Пряничниковых, студента Университета Алексея Харламова, фельдшерицу Либу Рабинович, мещан: выбывшего в г. Павлоград Якова Меерова Иоффе, Зелика Финкельштейна, Алексея Крыцина, выбывшего в г. Бобруйск Исомера Соловейчика, Шмуля Генькина, Соломона Соломонова, Гиля Левина, евреек мещанок: Феню Аврашеву, Маню Левандовскую, Шейву Гельман, Маню Аршанскую, евреев мещан: Исаака Владимирова, Хаима Ганелина, Иоселя Альтшуллера, Алексея Крамарева, Григория Пасютина, Берко Носмана, Арона Волкенштейна, Мовшу Цейтина, Бенциона Голуба и ныне живущую в г. Гомеле мещанку Зельду Ицковну Школьникову, и поступить сообразно с результатами обыска с находившимися в близких сношениях с членами «союзного совета» мещанином Пинхасом Шехтманом и выбывшим в г. Владимир Никифором Ивановым Маховым.

По отношению же лиц, выбывших из г. Харькова, мною сообщено подлежащим Начальникам Жандармских Управлений для приведения в исполнение моих распоряжений.

Произведенными обысками в ночь с третьего на четвертое декабря было обнаружено:

I. В квартире, проживавших совместно, без прописки, Либы Рабинович и Мани Левандовской «Программа Харьковского Социал-Демократического Рабочего Союза Ремесленников», «Программа Представительского собрания», библиотека, преимущественно состоящая из отдельных журнальных статей, касающихся социально-экономических и рабочих вопросов в России, из журналов: «Мир Божий», «Русский Труд» и других, 40 экземпляров революционных книжек социал-демократического издания, гектограф и гектографная масса.

II. У Алексея Крыцина и Зелика Финкельштейна, задержанных на улице за неимением постоянных квартир и отказавшихся указать квартиры, где находятся их вещи, были отобраны: у Крыцина—«Программа кружков и правила конспирации», а у Финкельштейна—переписка и клочек бумаги на котором написана программа заседания «союзного совета» и кассовые сведения о количестве поступивших в кассу денег от разных цехов.

III. У студента Михаила Серебрякова—«Устав организации», имеющей целью, как видно из всего устава, деятельность путем пропаганды и устройства новых организаций вообще и среди учащейся молодежи, в частности. По уставу организация должна иметь свою кассу и журнал. Кроме сего, разные записки по социальным и экономическим вопросам.

IV. У Софьи и Екатерины Пряничниковых.—«Международный Социалистический Рабочий конгресс в Лондоне», «Царское правительство и рабочие», «Цели и средства всемирной социал-демократии» и другие революционные издания.

V. В квартире Берки Носмана и Арона Волкинштейна—революционные рабочие газеты: «Рабочая мысль», «Петербургский Рабочий Листок», и «Первое мая 1899 года».

VI. В квартирах Елены Трутовской, Николая Белова, Александра Аладова—статьи по социально-экономическим рабочим вопросам, письма и разные записки.

VII. У Пинхаса Шехтмана—революционная газета на еврейском языке, «Голос рабочих» и стихотворения преступного содержания.

Кроме сего, у всех остальных обысканных лиц отобраны разные рукописные заметки и переписка, требующая детального рассмотрения.

Таковые результаты обысков вполне, подтверждающие агентурные сведения, дали основание к возбуждению в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. дознания по обвинению всех вышеупомянутых лиц в преступном деянии, предусмотренном 318 ст. Улож. о Наказ., а потому, препровождая при сем протоколы обысков и постановления, поименованные в прилагаемой при сем описи, вместе с вещественными к ним доказательствами, предлагаю Вашему Высокоблагородию приступить к производству дознания по этому делу в порядке 1035 и последующих статей Уст. Уголовн. Суд.

Об изложенном, доводя до сведения Вашего Превосходительства, имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства о назначении лица Прокурорского Надзора для наблюдения за дознанием, производство которого мною поручено помощнику моему в г. Харькове ротмистру Нордбергу.

Об изложенном, с представлением копий программ «Харьковского Социал-Демократического Рабочего Роюза Ремесленников», «Представительского собрания» и «Устава организации», имею честь донести Департаменту полиции и присовокупить, что производство дознания по этому делу мною поручено помощнику моему в г. Харькове ротмистру Нордбергу.

При сем представляются три приложения.

О чем, в дополнение телеграммы моей от 4 сего декабря, имею честь донести Вашему Превосходительству.

Подлинное подписал полковник Маврин.

Верно: ротмистр (подпись).

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

Секретно.

Января 10 дня 1900 года.
№ 253.

Помощнику моему в г. Харькове ротмистру Нордбергу.

В дополнение предложения моего от 8 декабря 1899 года за № 8784, сообщаю Вашему Высокоблагородию, что по имеющимся у меня сведениям 19 сентября и 10 октября прошлого года были две сходки рабочих, на которых присутствовали исключительно рабочие мужчины. Сходки состоялись в Карповском саду в ночное время, а именно с 11 до 3 часов ночи, и назначены были в виде проводов уезжавших из г. Харькова рабочего Никифора Махова и одного рабочего еврея, фамилия которого не выяснена,

выбывшего на родину для отбытия воинской повинности. Всего присутствовало на сходках до 50 чел., в том числе и все привлеченные к производимому Вами дознанию, за исключением выбывшего тогда из г. Харькова Бенциона Лейбова Голуба. На сходках говорили речи Яков Иоффе и Никифор Махов и провозглашали тосты за «святое рабочее дело», «за политическую свободу», за «союз всех рабочих для борьбы за свободу» и «за русскую передовую, интеллигентную женщину Елену Трутовскую». Махов в своей речи говорил о деятельности террористов 80-х годов и пояснил, что ошибка террористов заключалась в том, что они хотели обогнать эволюционный ход истории революционным путем и тем погубили себя, и что в будущем революционного движения главная роль должна принадлежать рабочим. Яков Иоффе в своей речи рассказал об организации за границей рабочих и, указав на значение и права заграничных рабочих, пожелал, чтобы русские рабочие энергично вели борьбу с правительством для завоевания такого же положения в России, каким пользуются их товарищи за границей.

Речи повидимому произвели на рабочих сильное впечатление, и они кричали «ура».

Настоящее мое предложение предлагаю приобщить к дознанию для производства расследования по его содержанию.

Подписал полковник Маврин.

Верно: ротмистр (подпись).

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.
Января 31 дня 1900 года.
№ 991.

В Департамент полиции.

В дополнение донесений моих от 8 декабря 1899 года за №№ 8785 и 9171, имею честь донести Департаменту полиции, что при производстве дознания по делу об образовавшемся в г. Харькове тайном обществе под названием «Харьковский Социал-Демократический Рабочий Союз Ремесленников» показаниями обвиняемых: Николая Белова, сестер Екатерины и Софьи Пряничниковых выяснилось, что студент Харьковского Университета Николай Белов, прибыв в г. Харьков для поступления в Университет, остановился на квартире родной тетки своей Муравьевой, вместе с товарищем своим по университету и гимназии Аладовым. Вскоре после этого начал бывать у двоюродной сестры своей, дочери названной Муравьевой, жены доктора медицины Елены Трутовской, в дом которой он ввел, кроме упомянутого Аладова, своих товарищей по гимназии и университету Харламова, Карпинского. В первое же время знакомства своего с этими лицами, Трутовская предложила им вести занятия в кружках рабочих и вместе с тем рекомендовала Белова и Аладова в качестве сотрудников и хозяев в 3 народную читальню и в Воскресную Школу Общества Грамотности. Занятия в кружках рабочих названными лицами начались разновременно в течении октября месяца прошлого года, при чем назначение учеников и

квартир, где производились занятия, делалось Трутовской через обвиняемого Зелика Финкельштейна, известного среди лиц, ведущих занятия под названием «конспиратора», «антрепренера». Независимо от привлечения к занятию в кружках рабочих упомянутых лиц, Трутовская предложила в начале октября месяца те же занятия и учительнице школы Технического Общества Екатерине Пряничниковой, а когда последняя отказалась, по ее показанию, боясь скомпрометировать себя, то обратилась с таким же предложением к Софье Пряничниковой, на что последняя согласилась. Вероятно в видах «конспирации», желая ввести ее в общество преподающих через третье лицо, Трутовская доставляет ей через Финкельштейна свидание с Беловым в Воскресенском, сквере, после чего Софья Пряничникова появляется уже на квартирах Трутовской и присутствует на сходке всех упомянутых лиц и представителей рабочих в лице обвиняемых: Иоффе и Финкельштейна. На сходке этой обсуждалась программа занятий в кружках рабочих, при чем намечено было начать преподавание с «мироведения», заканчивать «политической экономией». Повидимому, тогда же Трутовской поставлено было в условие этим лицам вести занятия исключительно по легальным книгам и при том, во избежание могущих быть случайностей, не спрашивать фамилии своих учеников. Повидимому, в целях об'единения, всех преподающих в группах, в ноябре месяце прошлого года состоялась сходка на квартире у графини Гендриковой, на которой, кроме названных лиц, присутствовали родные сестры Евгения и Лидия Рапп, занимавшиеся также одной из групп. На сходке этой хозяйка квартиры—графиня Гендрикова не присутствовала, а прибыла лишь к концу вечера. Обвиняемая же Екатерина Пряничникова, пробыв вначале ея 10 минут, ушла, по ее показанию,в квартиру жениха своего студента Петропавловского. На сходке этой первоначально был поднят вопрос о программе преподавания и выборе учебников, по которым таковое должно было происходить, а затем возник вопрос о праве преподающих в группах подавать советы и вмешиваться в дела рабочих по отношениям их с хозяевами, возбужденный заявлением Харламова в разговоре его с учеником в группе, который рассказывал ему во время занятий о своем столкновении с хозяином, причем Харламов, докладывая об этом, просил указаний: имеет ли он право высказывать в подобных случаях рабочим свое мнение. Возникшие по этому поводу споры выяснили полное разногласие среди присутствующих, почему тогда же возникла мысль о новой сходке для принципиального разрешения этого вопроса, и для этой цели намечена была квартира Пряничниковых. В назначенный день сходка состоялась, и на ней были студент Серебряков, и те же лица, как и на предыдущей, кроме обвиняемых Ифофе и Финкельштейна. Обвиняемая Екатерина Пряничникова явилась на эту сходку лишь в конце ее, поздно вечером... Во время прений по возбужденному обвиняемым Харламовым вопросу выяснилось, что мнения присутствующих разделились. Все студенты с Беловым во главе настаивали на праве своем вмешиваться в дела рабочих подачей им советов, а один из них даже высказал мысль о праве назначения начала стачек (кто именно дознанием не выяснено). При этом они требовали от Трутовской выяснить им, какой организации,

они служат, обвиняя ее в деспотизме, благодаря которому она хочет одна все знать и руководить. Софья Пряничникова настаивала на право преподающих давать рабочим советы, с условием предварительного обсуждения их в общем собрании интеллигентов, после чего такие советы должны были быть обсуждаемы в общем собрании рабочих. Трутовская, Евгения и Лидия Рапп настаивали на невмешательстве в дела рабочих, заявив присутствующим, что сами рабочие не желают такого вмешательства. Участвующие в преподавании в кружках студенты требовали, чтобы это заявление подтверждено было им самими рабочими через представителей; для окончательного решения этого вопроса в ноябре прошлого года в квартире Белова состоялась сходка. На сходке этой присутствовали все лица, бывшие на предыдущей, кроме неявившихся Лидии Рапп и Трутовской; представителями же от рабочих, членов упомянутого сообщества, были: обвиняемые Финкельштейн, Иоффе, Либа Рабинович и Левандовская, явившиеся, очевидно, по переданному им Трутовской приглашению. На произнесенные на сходке этой речи Беловым и Софьей Пряничниковой (при чем первый заявил, между прочим, что они, т.-е. присутствующие преподающие интеллигенты, не хотят более находиться с завязанными глазами), представители категорически заявили, что они уполномочены об'явить им, что рабочие ни в коем случае не допустят вмешательства интеллигентов в свои дела, а Либа Рабинович добавила, что если они не довольны этим, то могут оставлять занятия, и таких «интеллигентов» рабочие достанут себе сколько угодно. Прибывшая в конце сходки Екатерина Пряничникова слышала резолюцию этой сходки, коей устанавливалось невмешательство преподающих в организацию рабочих.

Вследствие изложенного, постановлением от 5-го января с. г., жена присяжного поверенного Евгения Рапп и жена чиновника Лидия Рапп привлечены были к дознанию в качестве обвиняемых, при чем, согласно того же Положения, у них был произведен обыск, недавший результатов. При допросах их по содержанию изложенного они, не признав себя виновными в принадлежности к тайному сообществу, в общем подтвердили все вышеизложенное, об'яснив, что занятия велись ими у себя на дому с тремя учениками Воскресной Школы—Генькиным, Гальперином и Капустянским, которые лично просили об этом Лидию Рапп при посещении этой школы, на что последняя согласилась, не видя в этом ничего преступного. Допрошенная в качестве обвиняемой Елена Трутовская заявила, что виновной себя к принадлежности тайному сообществу под названием «Харьковский Соц.-Демократич. Рабочий Союз Ремесленников» не признает и о сообществе под этим названием она ничего не слыхала. На вопрос о знании ею вообще существования какой-либо тайной организации отвечать отказалась. Признала свое знакомство с обвиняемым и Финкельштейном, Рабиновичем, Аврашевой, Иоффе и об'явила, что давала деньги Иоффе во время его болезни, а Финкельштейну на наем квартиры 10—15 руб., о которых он просил сам, будто бы для какого-то рабочего, неимеющего таковой. В составлении программ тайного общества, его кружков и правил конспирации себя виновной не признала, показав, что видит эти программы в первый раз, при их пред'явлении. Допрошенная 3 января с. г. обвиняемая Аршанская

показала, что работала на конвертной фабрике Цейтлина, она познакомилась с работницей той же фабрики с Феней Аврашевой. Аврашева часто убеждала ее учиться, чтоб выйти из того тяжелого положения, в котором она находится, как и другие работницы их фабрики, терпя грубое обращение и эксплоатируемые хозяином. Однажды осенью этого года та же Аврашева пригласила Аршанскую пойти с ней в гости к Иоффе. Там она, по ее показанию, увидела обвиняемых: Финкельштейна, Шейву Гельман, Рабинович, с которым тогда только познакомилась, Маховаи Розу Малкину, с которыми знакома раньше. По предложению Финкельштейна тогда же было решено образовать женский кружок; спустя некоторое время после сего, та же Аврашева предложила Аршанской отправиться с ней на квартиру к белошвейке «Анютке» (Шейвы Касриель), где застали, кроме хозяйки квартиры, Розу Малкину и учительницу, которую она узнала в пред'явленной ей при допросе фотографической карточке обвиняемой Софии Пряничниковой. После первого посещения этой квартиры Аршанская, бывала там несколько раз, при чем в назначенные дни заставала всегда одних и тех же лиц. Занятия в кружке этом шли вяло. София Пряничникова читала им политическую экономию, слушательницами плохо усваиваемую, вследствие чего кружок этот был близок к распадению, несмотря на посещения его обвиняемым Финкельштейном, предложившим образовать «кружковую кассу» ежемесячными взносами в 15—50 к., и обвиняемой Шейной, Гольдштейн сообщившею членам кружка, что дела кружка, к которому принадлежала сама Гольдштейн, идут хорошо. С переменой квартиры Шейны Касриэль занятия прекратились и кружок распался. 3 декабря прошлого года Аврашева предложила Аршанской отправиться вместе с Шейной Гольдштейн в квартиру Рабинович, откуда, по словам Аврашевой, они должны были отправиться на какую-то квартиру на общую сходку, где предполагалось новое распределение по кружкам всех женщин работниц, членов тайного сообщества, но арест и обыск помешал им собраться. Допрошенная по содержанию изложенного обвиняемая София Пряничникова, сознавшись в том, что она вела свое знакомство с Финкельштейном, об'яснила, что желая заказать кое-что из белья, она случайно зашла в квартиру белошвейки, где застала перечисленных лиц. Разговорившись по поводу лежавшей на столе раскрытой книги, она, после выраженной присутствующими просьбы согласилась заниматься с ними и вела таковые весьма непродолжительное время в квартире названной Касриэль.

Ротмистр Нордберг.

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАДАРНМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.
17 февраля 1900 года.
№ 1608.

Секретно.

8 декабря прошлого года за № 8785 я имел честь донести Департаменту полиции о тех данных агентурного расследования, которые послужили основанием, в связи с результатами обысков, произведенных с 3 на 4

декабря, к возбуждению формального дознания по делу Харьковского Социал-Демократического Рабочего Союза Ремесленников.

Привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу все арестованные в порядке закона об охране, а именно: жена врача—Елена Михайлова Трутовская, студенты Университета Михаил Васильев Серебряков, Николай Анатольев Белов, Александр Александров Аладов, Вячеслав Алексеев Карпинский, Алексей Орестов Харламов, дочери чиновника фельдшерица София и учительница Екатерина Пряничниковы, мещанка фельдшерица Либа Зиськиндова Рабинович, мещане Яков-Мееров Иоффе, переплетчик Зелик Иоселев Финкельштейн, портной Алексей Федотов Крыцын, заготовщик обуви Исомер Лейбов Соловейчик, ювелиры Шмуль Израилев Генкин и Соломон Соломонов, слесарь Гиль Марков Левин, еврейки: чулочница Феня Давидова Аврашева, Маня-Эстер Соломонова Левандовская массажистка Бас-Шейва Борухова Гильман, конвертница Малка Берковна Аршанская, заготовщики обуви: Хаим Абрамов Ганелин и Иосель Берков Альтшуллер, портные: Алексей Павлов Крамарев и Григорий Корнеев Пасютин, переплетчики: Берко Нохимов Носман и Арон Наумов Волкинштейн, слесарь Мовша Яковлев Цейтин, переплетчик венской мебели Бенцион Лейбов Голуб, Зейда Ицкова Школьникова и Пинхас Иудов Шехтман.

Все вышепоименованные обвиняемые на предварительных допросах, не признавая себя виновными в приписываемых им преступных деяниях, дали уклончивые об'яснения по существу дела, и Либа Рабинович даже вовсе отказалась давать какие-либо об'яснения по поводу обнаруженных у нее в квартире библиотеки и программы «Харьковского Социал-Демократического Рабочего Союза Ремесленников», признав однако, что как библиотека, так и названная программа принадлежат ей.

Первым из обвиняемых, давший до некоторой степени откровенное показание, был студент Александр Белов, охарактеризовавший деятельность интеллигенции в настоящем деле.

По словам Белова, он, по прибытии осенью в г. Харьков, обратился с просьбой к двоюродной сестре своей Елене Михайловне Трутовской подыскать ему какое-либо учебное занятие, так как он, будучи студентом лишен возможности быть учителем Воскресной Школы. Трутовская согласилась и предложила ему заниматься с пятью рабочими заготовщиками обуви, поставив в условие, что он не должен спрашивать фамилии своих учеников. Точно такое же предложение заниматься в группах рабочих получили от Трутовской студенты: Аладов, Громов, Карпинский и Харламов. Предложение Трутовской ими всеми было принято. Сначала программы для занятий никакой не было, но затем, в первых числах ноября, на сходке бывшей у Трутовской, было постановлено: проходить последовательно мироведение, историю культуры, дать сведения из истории и закончить политической экономией. На этой сходке присутствовали, кроме вышеназванных лиц, Софья Пряничникова и два рабочих, фамилии которых он не знает, но по фотографическим карточкам он признал, что это были Финкельштейн и Иоффе.

Спустя некоторое время среди интеллигентов, ведущих занятия в рабочих группах, был возбужден вопрос о желательности участия в деле рабочей организации лиц преподающих, так как сущности организации им не было об'явлено.

Для возбуждения этого вопроса была назначена сходка в квартире Белова, на которой были преподаватели рабочих групп и четыре представителя рабочей организации, явившиеся по приглашению Трутовской. Фамилий этих рабочих Белов не знает, но в фотографических карточках он признал присутствовавших—Зелика Финкельштейна, Алексея Крыцына, Либу Рабинович и Маню Левандовскую.

На сходке представители рабочей организации заявили, что, по обсуждении этого вопроса в «общем собрании рабочих», постановлено не говорить и не впускать преподавателей в свою организацию. Таким образом, по словам Белова, все интеллигенты, занимавшиеся с рабочими группами, не были посвящены в сущность организации. Означенное об'яснение Белова находит себе подтверждение в показаниях, данных другими обвиняемыми, занимавшимися в кружках рабочих.

Более подробные об'яснения дала обвиняемая София Пряничникова. Сущность ее показаний заключается в следующем: в первое воскресенье занятий в Воскресной Школе, Трутовская обратилась к Пряничниковой с предложением вести занятия в группах рабочих вне Воскресной Школы, мотивируя это предложение тем, что она, устраненная от преподавания в Воскресной Школе, не желает оставить занятия, а потому предполагает вести занятия в квартирах самих рабочих. Желание это было подкреплено тем обстоятельством, что условия преподавания в Воскресной Школе не совсем соответствуют тем, которые были бы желательны. Получив согласие Пряничниковой, Трутовская назначила ей день и час явиться к ней с тем, чтобы Пряничникову провести на квартиру, где она должна была заниматься. Явившись в назначенное время, Пряничникова застала у Трутовской еврея Янкеля Иоффе, который и проводил ее на квартиру одного рабочего, имя и фамилия которого, как потом узнала, был Алексей Крамарев. В квартире этой, кроме хозяина, находились: рабочие Алексей Крыцын, Сережа, фамилию которого она не знает, и один еврей, имя и фамилию которого она также не знает.

С этого вечера она начала свои занятия с этими рабочими, которые, как она узнала впоследствии, по ремеслу были портные. Иоффе иногда посещал занятия. В конце сентября месяца Крамарев заявил Пряничниковой: «у нас решено, что будет гораздо удобнее, если Вы будете заниматься с девушками, а для себя мы найдем учителя» и просил Пряничникову, чтобы она пришла в назначенный день к нему в квартиру, откуда должны были проводить ее на квартиру к девушкам. Когда она пришла, то встретилась там в первый раз с Финкельштейном, который и проводил ее в квартиру «Анюты белошвейки», и в тот же день она приступила к занятиям с девушками. Пряничникова занималась в кружках политической экономией по книге Богданова. Финкельштейн иногда посещал эти занятия. Узнав из разговоров, что существуют и другие кружки рабочих, где ведутся

занятия, Пряничникова заинтересовалась этим и попросила Финкельштейна познакомить ее с кем-нибудь из преподавателей для того, чтобы узнать, все ли преподаватели рекомендованы Трутовской. Финкельштейн согласился и назначил день и час свидания в Воскресенском сквере. Действительно, свидание это состоялось, и Пряничникова встретилась неожиданно для себя с знакомым ей студентом Беловым. Переговорив с Беловым, она с ним условилась поговорить подробно по поводу программы занятий в квартире Трутовской, при чем указал на эту квартиру Белов. Раньше она никогда у Трутовской не бывала и знала ее только, как бывшую учительницу Воскресной Школы. В назначенный день Пряничникова явилась к Трутовской и там застала собравшимися преподающих в группах: Аладова, Белова, Карпинского, Харламова и представителей от рабочих Финкельштейна и Иоффе. Через день точно такое же собрание и по тому же вопросу происходило в квартире графини Гендриковой, но в ее отсутствии. На втором собрании, кроме вышеперечисленных лиц, принимали участие Евгения и Лидия Рапп и Екатерина Пряничникова. На этом собрании было решено занятия вести по легальным книгам. Приблизительно через месяц после этих собраний, Пряничникова узнала от Белова, что одним из рабочих, во время занятий в кружке, был предложен вопрос преподавателю по поводу отношений рабочих к хозяевам. Это послужило поводом к возникновению принципиального вопроса о вмешательстве преподавателей в практические жизненные отношения рабочих, например: назначение стачек и т. п. Для разрешения этого вопроса было назначено собрание преподающих в квартире Пряничниковой в конце ноября прошлого 1899 года. На собрании этом присутствовали: Трутовская, Аладов, Белов, Харламов, Карпинский, Серебряков, Лидия и Евгения Рапп. На собрании Пряничникова и студенты были за вмешательство в дела рабочих, Трутовская же и Рапп были решительно против этого, говоря что мы не имеем на это ни права, ни возможности. Кроме того, Трутовская и Рапп утверждали, что и рабочие не желают нашего вмешательства. Во время этих прений Белов резко упрекнул Трутовскую в том, что она влияет на рабочих в том направлении, чтобы они, т.-е. рабочие, избегали влияния других интеллигентов. Белову предложили не касаться личностей, и вопрос был оставлен. Для разрешения же вопроса о вмешательстве интеллигенции в дела рабочих, было назначено второе собрание в квартире Белова, в присутствии представителей от рабочих; 26 ноября это собрание состоялось. На нем присутствовали: Пряничникова, Белов, Аладов, Харламов, Карпинский, Лидия и Евгения Рапп и представители от рабочих Финкельштейн, Крыцын, Либа Рабинович и Маня Левандовская. На собрании говорил Белов, но что именно говорил, Пряничникова не помнит. Затем говорила она и настаивала на праве преподающих давать практические советы рабочим в их отношениях к хозяевам, при чем она предлагала каждый такой вопрос обсуждать на собрании преподающих, а затем вносить на обсуждение общего собрания рабочих. Представители рабочих не согласились на это и заявили, что они уполномочены заявить об этом от имени всех рабочих.

По поводу же отобранных у нее революционных изданий, София Пряничникова заявила, что революционные издания ею были приобретены в 95—96 году, в бытность ее в Петербурге на акушерских курсах.

Екатерина Пряничникова, не отрицая своего участия на этих сходках, об'яснила, что участие ее было случайное, так как она не вела занятий в кружках рабочих, хотя ей Трутовская также предлагала те же занятия, но она отказалась.

Обвиняемый студент Серебряков, по поводу прений о невмешательстве интеллигенции в дела рабочих, происходивших в квартире Софии Пряничниковой, между прочим, об'яснил, что студент Белов, возражая Трутовской и Рапп на их заявления, что преподающие в кружках не должны вмешиваться в дела рабочих, в своей речи высказал, что Трутовская берет на себя руководящую роль в делах рабочих и никого другого не желает допускать. Говорили также речи: Карпинский, Харламов и сестры Пряничниковы: и настаивали на необходимости вмешательства интеллигенции в дела рабочих. По словам обвиняемого Серебрякова, он никакого участия в этих прениях не принимал, а только высказал свое мнение, основанное на известных ему фактах из жизни западно-европейских и русских рабочих, что рабочие сами не способны формулировать своих требований, и если преподаватели стоят за интересы рабочих, то и должны им указывать их интересы; везде рабочими руководит интеллигенция.

Вышеизложенные показания обвиняемых Белова и Пряничниковых, изобличающие преступную деятельность сестер Лидии и Евгении Рапп, послужили основанием для их привлечения к дознанию в качестве обвиняемых, производства у них обыска и заключения под стражу. По обыску у Рапп ничего преступного не оказалось. Допрошенные в качестве обвиняемых: Лидия и Евгения Рапп на первых допросах не признали себя виновными в приписываемых им преступных деяниях. Впоследствии они дали показания, которыми подтвердили об'яснения Белова и Пряничниковой.

Обвиняемые студенты: Аладов, Харламов, Карпинский и Рапп, подтверждая вышеприведенные показания Белова и Пряничниковой, об'яснили, что преподавание в кружках они производили по приглашению Трутовской. В кружки их вводил Янкель Иоффе или Зелик Финкельштейн. Аладов занимался с портными: Крыцыным, Крамаревым и Пасютиным, Харламов с переплетчиками: Финкельштейном, Носманом и Волкинштейном, а Карпинский с слесарями: Левиным и Цейтиным. Всех этих ремесленников они признали в пред'явленных им фотографических карточках. Других же учеников они по фамилии назвать не могут, так как они и не имели права интересоваться фамилиями своих учеников, но в кружках их было не более пяти. С какими же именно ремесленниками занимались Лидия и Евгения Рапп, они ответить не могли.

Что же касается до кружковых организаций рабочих, то деятельность их характеризуется в настоящее время только показанием обвиняемой Малки Аршанской, так как никто из обвиняемых, вводивших в кружковые организации, не дал надлежащих показаний.

По словам обвиняемой Малки Аршанской, арестованной в конспиративной квартире, обвиняемой Либы Рабинович, в кружок организации женщин она вошла через обвиняемую Феню Аврашеву, знакомство с которой состоялось на конвертной фабрике Цейтлина, где они вместе работали Аврашева в разговорах с нею пояснила ей, что работницы на фабриках крайне неразвиты и позволяют себя эксплоатировать хозяевам, а однажды в присутствии всех работниц фабрики она рассказала, как на конвертной фабрике Гофмана, благодаря Либы Рабинович, работницы устроили стачку. Предложение Рабинович «заниматься», Аршанской было принято и через Финкельштейна она была введена в кружок, в котором занятия вела София Пряничникова. Кроме Аршанской в этом кружке участвовали: Феня Аврашева, Анюта Касриэль, Шейна Гольдштейн и Роза Малкина. Финкельштейн иногда также посещал занятия в кружке, и в одно из своих посещений он предложил кружку устроить кружковую кассу. Кружок согласился, и был установлен ежемесячный взнос от 15 до 50 коп. с каждого члена кружка, смотря по состоянию. Вечером в день ареста Либы Рабинович и Мани Левандовской, она пришла в квартиру Рабинович, по ее приглашению, с тем, чтобы вместе с нею идти на общую сходку женщин, на которой дожно было быть новое деление кружков женщин. В квартире Рабинович Аршанская обратила внимание на зеленый сундук, который ранее она видела в квартире Иоффе. В сундуке этом хранилась легальная и нелегальная библиотека рабочих, которая при производстве обыска была арестована.

Последнее об'яснение Аршанской вполне подтверждает агентурное сведение. 3-го декабря действительно была назначена сходка женщин в квартире слесаря Левина, на которой предлагалось прочесть правила конспирации и кружковых организаций. На сходке должны были присутствовать: председатель «рабочего социал-демократического союзного собрания» Зелик Финкельштейн, Гиля Левин и Алексей Крыцын. Последний за неимением постоянной квартиры был арестован на улице при следовани его и квартиру Левина. При нем оказались правила кружковых организаций и правила конспирации.

Вышеприведенные показания обвиняемых: Белова, Софии и Екатерины Пряничниковых, Аладова, Карпинского, Харламова, Серебрякова, Лидии и Евгении Рапп и Малки Аршанской, послужили основанием к изменению первоначальной принятой против них меры пресечения—заключение под стражей—отдачей под особый надзор полиции.

Представляя изложенные данные, добытые дознанием по делу «Харьковского рабочего социал-демократического союза ремесленников», на благоусмотрение Департамента Полиция, и в заключение настоящего моего донесения, позволяю себе высказать, что руководящая роль в деле организации названного преступного сообщества несомненно принадлежит жене врача—Елене Трутовской. Всецело придерживаясь программам: «Харьковского социал-демократического рабочего союза ремесленников», «программы кружковых организаций» и «правил конспирации», Трутовская назначала в кружки интеллигентов для развития рабочих, не посвящая их в тайны организации. По имеющимся у меня достоверным агентурным сведениям, рассматривавшийся

в союзном собрании рабочих, возбужденный интеллигентами вопрос об участии в делах рабочих преподающих в кружках интеллигентов, был отклонен по настоянию Трутовской через Финкельштейна, как председателя союзного собрания.

В настоящее время дознание направлено к выяснению преступной деятельности Елены Трутовской, членов «союзного совета» и кружковых организаций.

Подписал Полковник Маврин

Верно: Ротмистр (подпись)

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
15 марта, 1900 г.
№ 2366.

Секретно

В Департамент полиции

В дополнение донесения моего от 22 минувшего февраля за № 1693 при сем имею честь представить в департамент полиции более подробные сведения о деятельности, сношениях и образе жизни крестьянина Никифора Иванова Махова, за время состояния его под гласным надзором полиции в г. Харькове.

В октябре месяце 1897 года Никифор Махов прибыл в г. Харьков для отбытия гласного надзора полиции. В первые дни его жизни в г. Харькове, знакомство Махова ограничилось с гласно поднадзорными: прапорщиком запаса бывшим студентом-технологом—Федором Алексеевым Кондратьевым и мещанином Андреем Андреевичем Евдокимовым, с которыми он был знаком еще по Владимирской губернии, как с лицами привлекавшимися вместе с ним к дознанию, производившемуся в Владимирском Губернском Жандармском Управлении. Не имея никаких средств к жизни, Махов проживал иждивением Кондратьева, благодаря которому ему удалось пристроиться на Харьковский паровозостроительный завод в качестве фрейзировщика, хотя по ремеслу он ткач.

С этого времени Махов приобрел обширное знакомство среди рабочих, и, как сравнительно развитой человек, пользовался среди них известным авторитетом.

По своим убеждениям Махов представляет собой ярого последователя учения Карла Маркса. Изречение Маркса «Освобождение рабочих должно быть произведено самими рабочими» легло в основание его убеждений в рабочей пропаганде. Он не допускает вмешательства и руководительства интеллигенции в делах рабочих и на этой почве у него неоднократно происходили недоразумения с Кондратьевым, доказывавшим, что рабочие как бы они ни были развиты без руководительства интеллигенции обходиться не могут.

Такие воззрения Махова ясно выражены в письме его к гласноподнадзорному Дмитрию Бутину. В этом письме, реализированном в дознании по делу Махова, Здора и других, Махов, между прочим, говорит: «Вопрос о рабочих и интеллигенции—далеко не пустяки, это вопрос первейшей важности, принципиальный вопрос и им игнорировать нельзя и непростительно. Ты должен знать, что наши интересы и интересы

интеллигенции не одни и те же, а если есть что и общее (полит. свобода), так это не главное. Мы не должны идти на поводке у нее, а свободно, т.-е. идти с ней тогда, когда это нам интересно. Иначе мы будем уведены ею на неинтересный для нас путь».

Несомненно, что эти взгляды Махова вполне разделяла находившаяся с ним в близких отношениях жена врача—Елена Трутовская, которая как было установлено производящимся во вверенном мне управлении дознанием, при назначении в кружки рабочих интеллигентов, не допускала их вмешательства в дела рабочих.

На паравозостроительном заводе, куда Махов поступил рабочим, он был не долго. Замеченный администрацией завода в агитации среди рабочих, он при первом удобном случае был удален из завода. Пребывание Махова на заводе не осталось бесплодным. Он успел убедить некоторых рабочих в необходимости организации и устройства кассы. С этою целью 6 января прошлого года он собрал сходку в количестве 25 человек, и предложил устроить кассу с ежемесячным взносом по 50 коп. Предложение это было принято, но денег в кассу никто не внес из-за того, что Махов, не имея никакой работы, мог растратить собранные деньги на свои нужды.

Слишком же открытая его агитационная деятельность послужила для рабочих поводом заподозрить в ненормальном состоянии его умственных способностей, другие же из рабочих видели в нем провокатора.

Таким образом, потерпев неудачу в организации между заводскими рабочими, Махов стал ежедневно посещать Трутовскую которая подготовляла его на поступление в Университет и помогала ему материально. С Трутовской он познакомился в Воскресной школе, состоя учеником в ее группе.

В феврале месяце прошлого года, он познакомился с обвиняемым Бенционом Голубом, и через него ему удалось войти в организацию ремесленников. Здесь он познакомился с видными деятелями организации: Яковом Иоффе, Зеликом Финкельштейном и другими лицами, привлеченными к производящемуся дознанию по делу «Харьковского социал-демократического рабочего союза ремесленников».

Благодаря Махову, Яков Иоффе познакомился с Трутовской и тем установил тесную связь между интеллигенцией и рабочей организацией ремесленников (донесение мое от 17 минувшего февраля, за № 1608).

Впоследствии Махов вместе с Иоффе составил «Программу Харьковского социал-демократического рабочего союза ремесленников» кружковые правила для рабочих и правила конспирации.

К производящемуся в вверенном мне Управлении дознанию по делу вышеназванной организации, Махов привлечен в качестве обвиняемого, и содержится под стражею в Владимирской губернской тюрьме.

Независимо от сего, у меня имеются достоверные агентурные сведения, что все преступные воззвания на заводах были распространяемы Никифором Маховым, но реализировать эти сведения не представилось возможным, за отсутствием юридических данных.

Подписал Полковник Маврин

Верно: ротмистр (подпись)

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ
по 4 делопроизводству
29 апреля, 1900 года,
№ 2147.

Секретно

Господину Начальнику Харьковского
Губернского Жандармского Управления

16 сего апреля, на основании результатов наблюдения летучего отряда Департамента полиции, по распоряжению Начальника Екатеринославского Губернского Жандармского Управления, произведены были в разных городах обыски и аресты лиц, заподозренных в принадлежности к социал-демократической партии, при чем в Екатеринославе обнаружены принадлежности тайной типографии, печать «Екатеринославского комитета», гектографы и масса революционных изданий, а в Кременчуге взята отдельная тайная типография с значительным числом отпечатанных экземпляров подпольной газеты «Южный Рабочий».

В виду изложенного, ныне признано соответственным обо всех тех лицах, обыски коих дали вещественные доказательства их виновности, возбудить при Екатеринославском Губернском Жандармском Управлении дознание в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд.; относительно лиц, обысканных без результатов, произвести предварительное расследование, в порядке закона об охране, для установления более определенно прикосновенности их к социал-демократической группе, и передачи их затем к помянутому формальному дознанию. Ведение этого расследования возложено на Отдельного корпуса жандармов штабс-ротмистра Петерсона, которому предоставлено право производить следственное действие во всех тех местностях, в коих это представится по ходу дела необходимым.

Принимая во внимание, что обыски и аресты по упомянутому делу производились, между прочим, по Харькову, Департамент полиции сообщает об изложенном Вашему Высокоблагородию для сведения и необходимого содействия штабс-ротмистру Петерсону, в случае прибытия его для следственных действий во вверенный Вашему наблюдению район.

Директор (подпись)

Делопроизводитель (подпись)

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
Мая 8 дня, 1900 года,
№ 3806.

В Департамент полиции и командиру
отдельного корпуса Жандармов, № 3807

В дополнение донесений моих от 31 января с. г., за № 191, имею честь донести департаменту полиции, Вашему Превосходительству, что при дальнейшем производстве дознания по делу о Харьковском социал-демократическом рабочем союзе ремесленников выяснено, что, кроме перечисленных в предыдущем донесении моем обвиняемых: Трутовской, Белова, Харламова,

Карпинского, Аладова, сестер Евгении и Лидии Рапп, сестер Екатерины и и Софии Пряничниковых, принимал участие на сходках, происходивших в квартире Трутовской и графини Гендриковой (в отсутствии последней), студент Харьковского университета, Николай Александрович Громов, который, по рекомендации той же Трутовской, вел короткое время занятия в одном из женских кружков названного тайного сообщества, почему, во исполнение состоявшегося постановления, названный Громов был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 318 ст. Ул. о наказ., и у него был произведен обыск, не давший никаких результатов. Допрошенный по содержанию падавших на него обвинений, Громов выновным себя не признал, и от дачи показаний по существу дела уклонился, признав, однако, свое знакомство с Трутовской и остальными вышеперечисленными обвиняемыми, за исключением сестер Рапп и Пряничниковых. Против него принята была мера пресечения—отдача под новый надзор полиции. Допрошенная по существу дела 5, 8 и 9 февраля, обвиняемая Елена Трутовская, дала довольно уклончивые показания. Подтвердив в общем показания обвиняемых: Белова, сестер Рапп, Серебрякова, Харламова, Аладова и Карпинского, по отношению состоявшихся на квартирах ее—Графини Гендриковой и Пряничниковых сходках, а также всего происходившего на на них, Трутовская показала, что сама она принимала во всем этом деле лишь пассивное участие, рекомендуя учителей в ремесленные кружки самообразования через обвиняемого Иоффе, а затем до его от‘езда из г. в Харьков через обвиняемого Финкельштейна, с которыми находилась в постоянных сношениях, и снабжала первого из них легальными книгами, преимущественно статьями из журналов: «Мир Божий», «Русское Богатство» и др., а второму дала 10—15 р., предназначая все это членам упомянутых кружков. Цель участия ее в деле заключалась, по ее словам, исключительно в подготовке ремесленников, стоявших в отношении развития своего, по ее мнению, далеко ниже заводских рабочих, к тому, чтобы через два или три года из них выработались умственно зрелые люди, которые с‘умеют, критически всматриваясь в окружающую обстановку, разбираясь в ней, найти наиболее целесообразный, наименее требующий жертв, путь к улучшению положения рабочих и вооруженные знанием сами внесут его в рабочую среду, им близкую, не нуждаясь в помощи никакой интеллигенции и без боязни быть ею сбитыми с толку. Все перечисленные обвиняемые были рекомендованы в кружки ею за исключением Софии Пряничниковой, которая, насколько известно Трутовской, начала свои занятия в кружках портных гораздо ранее. Кем была рекомендована она в этот кружок, Трутовской неизвестно. О существовании правильной организации среди ремесленников, составлявших кружки, Трутовская лишь догадывалась, но определенного ничего не знала, не считая себя вправе расспрашивать об этом, равно не знала она о существовании программы сообщества и его кружков. Допросом Трутовской закончено было расследование роли и деятельности интеллигенции в Харьковском социал-демократическом рабочем союзе ремесленников, а также степень виновности каждого из привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых, вследствие чего эти лица были освобождены из-под стражи,

с заменой этой меры пресечения отдачей под особый надзор полиции: Софии и Екатерины Пряничниковой, Серебрякова, Аладова, Харламова и Карпинского, взятием залога с Трутовской в размере 8000 руб. и поручительством за Евгению и Лидию Рапп в размере 2000 руб. за каждую. Рядом допросов привлеченных к настоящему дознанию в качестве обвиняемых: Зелика Финкельштейна, Генькина, Арона Волкинштейна, Либы Рабинович, Розы Малкиной, давших в большей части правдивые показания и Якова Иоффе, давшего вполне откровенные показания, обстоятельства организации и деятельности тайного сообщества, послужившего предметом настоящего дознания заключается в следующем: проживавший в г. Харькове около двух лет, Яков Иоффе познакомился совершенно случайно с постоянной жительницей этого города, работницей конвертной фабрики — Феней Аврашевой, бывая у которой встретился и познакомился с Бенционом Голубом, познакомившим его в свою очередь весною 1899 года с учителем г. Гомеля, портным Мишей, оказавшимся потом мещанином Алиевским. Алиевский при встречах с Иоффе, и последовавших разговорах с ними в мае или июне месяце того же года, сообщил Иоффе, что в г. Харькове существует тайное сообщество социал-демократического направления, организованное среди местных ремесленников, преимущественно портных, и что сообщество это разделено на три кружка, при чем в целях самообразования в одном из них происходят занятия под руководством интеллигентной женщины, оказавшейся потом, когда с ней познакомился Иоффе, Софией Пряничниковой. Затем тот же Алиевский, вследствие требования членов сообщества, недовольного неопределенностью положения общества и слабой организацией его, обратился к Иоффе и Махову с просьбой о составлении программы сообщества. Иоффе и Махов тогда же, т.-е. в июне месяце составили программу сообщества его кружков и правила конспирации, при чем сообществу этому было дано название «Харьковский социал-демократический рабочий союз ремесленников». На состоявшейся по этому поводу сходке членов организованных уже кружков решено было пригласить с'агитированных уже, но не принадлежащих к сообществу ремесленников других цехов и предложить им, по обсуждении составленной программы, организовать кружки по правилам ее. Бывшие уже ранее кружки, исполняя программу, избрали своими представителями: Алиевского, Иоффе и Алексея Крамарева, и названные лица, явившись, таким образом, представителями цехов, составили первое представительское собрание, на которое кроме этих лиц приглашены были, повидимому, тем же Алиевским: Махов и обвиняемые Соловейчик, Финкельштейн и два еврея—слесарь Моисей и столяр Моисей, которые по настоящее время дознанием не выяснены. Собравшиеся, прослушав прочитанные Иоффе, составленные им и Маховым программы, и сделав в них мелкие, несущественные исправления, приняли за основание организации, и согласились составить кружки из знакомых, подготовленных к тому, ремесленников одного с ними цеха, при чем поставлено было, что присутствующие будут представителями от организованных ими кружков. Во исполнение той же программы был избран представителем общества Иоффе, а его заместителем обвиняемый Финкельштейн.

Написанная Иоффе черновая программа была им собственноручно переписана в две тетради, а черновая уничтожена. При допросе Иоффе, он признал в пред‘явленных ему, отобранных при обыске у обвиняемого Крыцына и в совместной квартире Рабинович и Финкельштейн, именно те экземпляры программы, которые он сам написал и переписал. Вслед за избранием его представителем сообщества, Иоффе получил от Алиевского нелегальную литературу общества, состоявшую тогда из воспрещенных в обращении брошюр в количестве до 50 экземпляров. После этой сходки в квартире Иоффе, происходил потом периодически целый ряд сходок представителей кружков, на которых присутствовали всегда одни и те же перечисленные выше лица, дававшие на сходках этих отчеты по деятельности их в организации кружков, и сборе поступающих в кассу кружков и общества членских взносов, а также разрабатывались вопросы, вызываемые агитационной деятельностью в кружках. Поступления в кассу шли довольно медленно; определенного размера членских взносов не было и в общем, как то можно судить по заметке, отобранной по обыску у Финкельштейна, написанной рукою Иоффе, не превосходили 8—10 руб., которые все и расходовались на наем квартиры для занятий кружков. Обстоятельство это подтверждается показаниями обвиняемых: Иоффе, Финкельштейна и Генькина. Познакомившись с обвиняемой Трутовской через Феню Аврашеву, и войдя с нею в непосредственные сношения, Иоффе, исполняя программу сообщества, обратился к ней с просьбой о рекомендации учителей в кружки сообщества. Трутовская обещала ему содействовать в этом, но до сентября месяца занятия происходили только, как выше было сказано, в одном кружке портных и велись Софией Пряничниковой. Кем была введена она в кружек Иоффе неизвестно. Познакомился он с нею уже войдя в организацию, насколько он помнит, через Мишу Алиевского, при чем тогда же Пряничникова спрашивала у Иофе о программе, прося дать ей таковую, в чем Иоффе опираясь на правила конспирации отказал. От кого было ей известно о существовании программы, Иоффе также не знает. Независимо от обещания рекомендовать учителей, Трутовская тогда же передала Иоффе в пользу членов кружков довольно большое количество книг легального содержания, преимущественно сброшюрованных статей из журналов: «Русское Богатство», «Мир Божий» и т. п., но исключительно тенденциозного направления по рабочему вопросу в России и за границей. Принятое предложение образовать кружки было упомянутыми выполнено, и к сентябрю месяцу сообщество состояло из следующих правильно организованных кружков, членам которых прочитывались при вступлении их в кружок правила конспирации и программа кружка: 1) заготовщиков обуви: обвиняемый Соловейчик, который был представителем кружка, Ганелин, Альтшуллер и Владимиров, 2) портных: Алексей Крыцын, который был представителем, Алексей Крамарев и Пасютенко, 3) переплетчиков: Финкельштейн, бывший представителем, Волкинштейн и Косман, 4) ювелиров: представитель Моисей столярь, а за от‘ездом его из Харькова в сентябре месяце—Генькин и членом—Капустянский, 5) слесарей: представитель Моисей слесарь, а по от‘езде его в августе месяце—Левин и членом—Цейтлин. Все эти лица в целях конспирации носили

конспиративные имена так: Соловейчик известен был под именем «Семена», Крыцын — Алешки Малого, Крамарев — Алеши большого, Финкельштейн—Захара, Арон Волкинштейн—Миши Кременчугского, Генькин—Васи, Гиль Левин—Яши, Махов, Фор, Голуб—Бориса и т. п.; кроме того для этой же цели принято было в правило, чтобы члены кружков знали только лиц своего кружка, и в одном кружке не должно быть более пяти лиц. Кроме этих перечисленных кружков в обществе состояло три кружка с'агитированных женщин, хотя и имевших своих представителей в лице обвиняемых: Розы Малкиной, Гельман и Хаи Касриэль, известной в кружке под именем Анютки-белошвейки и Анютки Рыженькой, в представительском собрании они не участвовали, и программа кружков им, повидимому известна не была. В кружках этих кроме названных были обвиняемые Аршанская, Аврашева и Гольдштейн. Вообще, кружок этот, повидимому изменялся и состоял из лиц других кроме перечисленных, но лицами мало с'агитированными, подготовленными. В сентябре и октябре месяцах независимо от сходок, в квартире Иоффе, состоялось в Карповском саду в предместьях Харькова две сходки: первая состояла по случаю от'езда Иоффе из Харькова, на которой присутствовали представители кружков сообщества, а на другой, состоявшейся по случаю от'езда Махова, на которой присутствовали Крыцын, Генькин, Финкельштейн и человек до 30 рабочих, не принадлежащих к составу сообщества.

На сходке этой Махов сказал речь об организации рабочих союзов за границей. Всю нелегальную литературу, принятую от Алиевского, Иоффе, по совету Махова, запер в жестяной ящик, и вместе с последним отнес к знакомому Махова, живущему в г. Харькове и служащему в одном из трактиров на Москалевской улице, Ивану Михайловичу, фамилия коего Иоффе неизвестна. В сентябре месяце Трутовская последовательно рекомендовала Иоффе для занятий в кружках студентов: Белова, Карпинского, Харламова и Аладова, которых Иоффе и познакомил: 1-го—с кружком заготовщиков обуви, 2-го—с кружком слесарей, 3-го—с кружком переплетчиков и 4-го—с кружком портных, где несколько ранее прекращены были занятия Софией Пряничниковой, по желанию кружка, ввиду неисполнения ею условий преподавания, не воздействовать на рабочих в нелегальном направлении, при чем ей было предложено преподавать в одном из женских кружков, состоявшего в то время из Малкиной, Касриэль, Аршанской, Аврашевой, что ею было принято. В сентабре же месяце Иоффе познакомился в квартире своей с обвиняемой Либой Рабинович, которую привел к нему на квартиру Финкельштейн. Затем, когда Иоффе заболел, он переехал на квартиру к названной Рабинович, передав ей, при окончательном от'езде из Харькова, всю хранящуюся у него легальную библиотеку общества, а ключ от ящика, где находилась нелегальная библиотека—Финкельштейну, указав ему, вместе с тем, у кого она находится. Изложенное показание Иоффе вполне подтверждается показаниями Финкельштейна, Генькина, Либы Рабинович, и приведенным показанием Трутовской. По от'езде Иоффе из Харькова, Финкельштейн, избранный ранее заместителем представителя, заменил Иоффе в этой роли. Будучи еще ранее введенным к Трутовской, он продолжает сношения с нею по делам сообщества

и, получив от нея 10-15 руб. (что он в показании своем отвергает), занял конспиративную квартиру, в которой поселился вместе с знакомой своей по Екатеринославу Либой Рабинович. Получает от Ивана Михайловича, фамилия которого ему также неизвестна, нелегальные брошюры в бумажном свертке, а не в ящике, каковые были ему передены Иоффе гораздо в меньшем количестве, как это можно заключить из показания Иоффе, и из протокола осмотра вещественных доказательств, отобранных по обыску в квартире того же Финкельштейна. Сходки представителей происходили в этом периоде времени, т.-е. в течении декабря и ноября редко. Занятия в кружках заготовщиков обуви, переплетном, портных и слесарей продолжались. Начались занятия кружка ювелиров сестрами Лидией и Евгенией Рапп, рекомендованных Финкельштейну той же Трутовской. Прекращены были занятия в женском кружке Софией Пряничниковой, вследствие распадения этого кружка. Вообще, как было уже вышеупомянуто, женские кружки имели слабую организацию, вследствие чего Финкельштейном предложено было на одной из сходок представителей организовать эти кружки, допустив от них одного представителя в собрание представителей цехов, при чем Либа Рабинович, принимавшая деятельное участие вместе с Аврашевой в агитационной деятельности среди женщин ремесленниц, предполагала войти в организацию, и принять на себя эту роль. Организацию этих кружков предполагалось совершать на сходке женщин работниц 3-го декабря в квартире обвиняемого Левина, где предполагалось также прочитать собранным программу кружков и правила конспирации. Сходка эта не состоялась, в виду последовавших в этот вечер арестов привлеченных к настоящему дознанию в качестве обвиняемых. В конце ноября месяца Трутовская передала Финкельштейну, что среди преподавателей интеллигентов возникло желание ознакомиться с организацией сообщества, и получить права давать кружкам советы по деятельности как членов сообщества так и требование этих лиц, чтобы мнение рабочих по этому поводу было им передано лично представителями рабочих на назначенной для этой цели сходке в квартире Белова. Передав об изложенном на сходке представителей, Финкельштейн пригласил на сходку эту, в качестве представителей от рабочихі Крыцына, избранного его заместителем, Рабинович и Маню Левандовскую, незадолго перед этим приехавшую из Екатеринослава. Все эти лица, присутствуя на сходке в квартире Белова, высказались от имени рабочих, что они не желают вмешательства в их дела со стороны учителей-интеллигентов. При пред'явлении Иоффе нелегальной литературы, отобранной при обыске в квартире, совместной с Финкельштейн и Рабинович, где также жила около недели, приехавшая перед тем из Екатеринослава, розыскиваемая департаментом полиции с 1898 г., невеста Финкельштейна—Эстер Мариам Левандовская, он заявил, что большая часть брошюр и газет, пред'явленных ему, не принадлежит к числу тех, которые были им переданы упомянутому выше Ивану Михайловичу. Не передавал Финкельштейну гектографа, отобранного у последнего на той же квартире. Допрошенные по содержанию изложенного, Рабинович и Левандовская, показали, что всю нелегальную литературу привез Финкельштейн к ним на квартиру дня за три до ареста, в чемодане вместе с гектографом,

в отсутствии Рабиновича, и передал чемодан этот на руки Левандовской. Допрошенный также об этом Финкельштейн первоначально показал, что все нелегальное он получил от Иоффе при от'езде его, гектограф же купил на рынке, а массу к нему приготовил сам, но при этом указал пропорцию составных частей массы гектографа настолько неверно, что общий вес массы, отобранной при обыске, превосходит вышеуказанный почти втрое и, кроме того, масса им указанная не годилась бы к работе, и совершенно не подходит к составу массы у него отобранной. Уличенный в этом Финкельштейн заявил, что нелегальные брошюры и газеты им получены частью от лица рекомендованного ему Иоффе, а частью от некоего Александра Васильевича, проживающего в гор. Харькове по Благовещенской ул. в д. № 17 или 18, и при этом дал описание дома, подобного которому нет на всей Благовещенской улице. Гектограф получен им, по его показанию от того же лица.

Допрошенный обвиняемый Голуб, уклонявшийся от дачи каких бы то ни было сведений, показал, что летом 1898 года, проживая в г. Харькове, он совершенно случайно познакомился с евреем, по имени Миша, который обратил на себя внимание Голуба тем, что упорно уклонялся назвать ему свою фамилию. Встречаясь с ним, Голуб заинтересовался взглядами, высказываемыми этим человеком, и близко с ним сошелся, после чего, узнав от него о существовании в Харькове тайного общества социал-демократов, и получив от этого человека, оказавшегося мещанином Михелем Алиевским, предложение составить кружок социал-демократического направления, при этом Алиевский не сообщил Голубу, существуют ли еще подобные кружки. С'агитировав в этом направлении знакомого ему ювелира Генькина, Голуб, по его показанию, в январе или феврале месяце 1899 года составил кружок, в который вошел, кроме Генкина, приглашенный и подготовленный к этому последним ювелир Капустянский. Вскоре после этого тот же Алиевский рекомендовал в кружок этого интеллигента по имени Николай, который в квартире Голуба начал занятия с названными членами этого кружка по политической экономии. Занятия эти вскоре прекратились в виду возникших в то время в г. Харькове студенческих беспорядков. Все сношения кружка этого в то время, а также получение нелегальных книг для чтения производились через Голуба, который, по его показанию, в этих случаях сносился исключительно только с Алиевским. Познакомившись во время занятий своих в воскресной школе с рабочим Никифором Маховым, Голуб обратил, по его словам, внимание на Махова, вследствие крайних убеждений его, открыто и громко им высказываемых, и познакомил его с Алиевским, желая выяснить личность Махова. Бывая же у Фени Аврашевой, (Голуб уклонился от о'бяснений, как и когда с ней познакомился) Голуб встретился там с Яковом Иоффе, усмотрев в нем, по его словам, развитого человека, познакимил его с тем же Алиевским, который перед от'ездом Голуба из Харькова познакомил, в свою очередь, его с Женей Школьниковой, рекомендуя ее как «свою», т.-е., по об'яснению Голуба, принадлежащую к партии социал-демократов. Показание это Голуба имеет существенное для дела значение, выясняя ту почву, на которой все эти лица встречавшись имели возможность

в г. Харькове организовать в самое короткое время преступное тайное сообщество, снабженное нелегальной литературой, уставами и т. п. Изложенное показание Голуба в общем подтверждается показанием обвиняемого Генкина, который добавил только к нему, что, кроме Голуба, Алиевского, весною 1899 г. принадлежали к сообществу Алексей Крыцын и Никифор Махов, которых он часто встречал в обществе Алиевского, при чем первый из них, работавший в одной мастерской с Алиевским, был привлечен вследствие изложенных показаний Голуба, Иоффе и Генкина, к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, усмотренном 318 ст. Ул. о нак. Рядовой 2-го Ивангородского Крепостного полка, Михель Алиевский, был арестован в крепости Ивангород, и препровожден в г. Харьков для содержания в местной тюрьме. Допрошенный по содержанию падавших на него обвинений, Алиевский виновным себя в принадлежности к какому бы то ни было тайному сообществу не признал, признав однако свое знакомство со всеми названными лицами, (Голубом, Генькиным, Иоффе и Финкельштейном) и при этом дал весьма сбивчивые показания, отводя руководящую роль в деятельности организации сообщества какому-то еврею Исааку, которого он очень мало знал.

На основании всего вышеизложенного, предметом произведенного дознания в настоящее время служит: выяснение личностей, известных в дознании под именами: «Мойсея слесаря», «Мойсея столяра», «Ивана Михайловича», «Исаака», «Николай» и их роли в деле, а также состава сообщества и организации сообщества, действовавшего в г. Харькове в период с августа 1898 по июнь 1899 г.

Верно: ротмистр Нордберг

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ

Мая 14 дня, 1900 года,
№ 4003.

В Департамент полиции

При производстве дознания по делу о «Харьковском социал-демократическом рабочем союзе ремесленников», из числа всех привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых, резко выделились по своему упорству и нежеланию дать какие бы то ни было показания, раз'ясняющие дело, обвиняемые: Махов, Крыцын, Крамарев, Финкельштейн. Независимо от сего, поведение этих лиц при допросах указывает на фанатическую преданность их делу, послужившему основанием привлечению их в качестве обвиняемых, и полную их политическую неблагонадежность. Обвиняемые: Крыцын, Крамарев, и Финкельштейн выделяются своим грубым, дерзким отношением ко всем властям, входящим с ними в сношение по делам службы. Крыцын и Крамарев упорно требуют предания гласному суду, отказываясь занести требование это в протокол. При вызывающем поведении лица эти в намеках своих указывают на желание отомстить тем своим товарищам, которые дали по делу откровенные показания, о которых они узнали по предлагаемым им на допросах вопросам. Уверенный, что освобождение из под стражи перечисленных обвиняемых может вызвать с их стороны преступные покушения

на лиц давших показания, и принимая во внимание, что лица эти не имеют никакой оседлости, родственных отношений или имущества, могущего их удержать от побега из под особого надзора полиции, в случае их освобождения из под стражи, я имею честь покорнейше просить распоряжение Департамента Полиции—не освобождать обвиняемых: Махова, Крыцына, Крамарева и Финкельштейна из под стражи, до разрешения о них дела и, ввиду отсутствия места в Харьковской губернской тюрьме и окончания ныне о них расследования, о переводе их в Изюмскую тюрьму.

Подлинное подписал Полковник Маврин

НАЧАЛЬНИК ПОЛТАВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
16-го июня, 1900 года,
№ 1882.

Секретно

Г-ну Н-ку Харьковского Губернского Жандармского Управления

Вследствие отношения Вашего Высокоблагородия от 31 мая сего года, за № 4505, имею честь уведомить, что привлеченная к дознанию по Государственному преступлению Глуховская мещанка—Эстер Левандовская, после допроса ее помощником моим в Кременчугском уезде, подлежит освобождению из-под стражи, с отдачей под особый надзор полиции в избранном ею месте жительства, или в с. Каменском Екатеринославской губернии и уезда, где живут ее родители, или у брата в г. Кременчуге.

В виду изложенного, не признаете ли, Ваше Высокоблагородие, более удобным отправить Левандовскую не в Полтавский тюремный замок, а в Кременчуг, в распоряжение Помощника моего в Кременчугском уезде, которому дано распоряжение допросить Левандовскую по вопросным пунктам, изложенным в требовании его от 25 апреля, за № 236.

О последующем по этому предмету прошу меня уведомить.

Полковник (подпись)

Резолюция:

Сообщить, что дело о Левандовской закончено, передано Пр. Суд. Палаты, и принятая против Левандовской мера пресечения, содер. под стражей, не применена. Перевозка в г. Полтаву на распор.

Р. Нордберг

НАЧАЛЬНИК ВИЛЕНСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
20-го июня, 1900 года,
№ 2540.

Секретно

Н-ку Харьк. Губ. Жанд. Упр.

В дополнение отношения моего от 16 июня с. г., за № 2455, имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что, по вновь полученным мною сведениям, Подольский мещанин Мойсей Иоселев Соркин, привлекавшийся в 1899 г. к дознанию при С.-Петербургском Губ. Жандармском Управлении

в качестве обвиняемого, в настоящее время находится в С.-Петербурге, и работает в какой-то типографии.

Родной брат Мойсея, Исаак Иоселев Соркин, в настоящее время живет в г. Вильне по Полтавской улице, в д. Таубе.

Генерал-майор Черкасов

М. Ю.
ПРОКУРОР
ХАРЬКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ
ПАЛАТЫ
Июля 11 дня, 1900 года,
№ 914.

Секретно

Господину Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления.

На отношение от 7 сего июля, за № 5491, имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие о том, что дознание по делу о тайном сообществе, под названием «Харьковский социал-демократический рабочий союз ремесленников», вместе с заключением моим представлено мною 20 июня сего года во временную канцелярию Министерства Юстиции по производству особых уголовных дел, и что о препровождении к Вам копии находящегося в упомянутом дознании постановления о привлечении Соркина в качестве обвиняемого, мною вместе с сим сообщено означенной канцелярии.

И. д. Прокурора Палаты (подпись)

И. д. об. пом. секретаря Ф. Дубровин

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ
по 4 делопроизводству
25 августа, 1900 года,
№ 3839.

Секретно

Господину Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления.

При надписи от 23 мая сего года, за № 4265, Ваше Высокоблагородие препроводили в Департамент полиции запрос Харьковского Губернатора о политической благонадежности графини Лидии Гендриковой, причем сообщили, что, как выяснилось произведенным при вверенном Вам Управлении дознанием по делу о «Харьковском социал-демократическом рабочем союзе ремесленников», в квартире названной Гендриковой с ее ведома и в ее присутствии происходила сходка членов названного сообщества. Между тем из отношений Ваших от 18 февраля и 8 мая сего года, за №№ 1608 и 3806, усматривается, что указанная сходка, хотя и происходила в квартире графини Гендриковой, но в отсутствии последней.

Вследствие сего департамент полиции просит Ваше Высокоблагородие уведомить действительно ли установлено дознанием участие Гендриковой в происходившей в ее квартире сходке и, в утвердительном случае, сообщить об основаниях непривлечения Гендриковой к помянутому дознанию.

За вице-директора (подпись)

За делопроизводителя (подпись)

НАЧАЛЬНИК
ХАРЬКОВСКОГО ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ.
Сентября 2 дня, 1900 года,
№ 6785.

Секретно

Вследствие предписания от 25 августа с. г., за № 3839, имею честь донести, что, по имевшимся агентурным сведениям, графиня Лидия Гендрикова присутствовала на бывшей у нее в квартире сходке, но при производстве дознания установить это обстоятельство не представилось возможным. Почему, как прокурор Харьковской судебной палаты, так и наблюдающий за дознанием товарищ его не нашли возможным согласиться на привлечение графини Гендриковой к дознанию в качестве обвиняемой.

Представляя же отношение Харьковского Губернатора от 24 мая с. г., за № 4265, я счел должным упомянуть также и об имевшихся у меня агентурных сведениях.

Подписал полковник Маврин

Верно: ротмистр Нордберг

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ
по 4 делопроизводству
3-го сентября, 1900 года,
№ 3951.

Секретно

Господину Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления

По соглашению с Министерством Юстиции признано возможным, привлеченных при вверенном Вашему Высокоблагородию Управлении, по делу о «Харьковском социал-демократическом рабочем союзе ремесленников», обвиняемых: мещанина Зелика Финкельштейна и крестьян Алексея Крыцина и Алексея Крамарева освободить из-под стражи с водворением под особый надзор полиции, впредь до решения дела: первых двух на избранном месте жительства, вне столиц, губерний столичных, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Пермской, Уфимской, Орловской, Екатеринославской, Бакинской, Варшавской, Петроковской, Области Войска Донского, Белостокского уезда, городов университетских: Николаева, Елисаветграда, Вильны, Риги, Либавы и м. Кривого Рога Херсонской губернии, а Крамарева на месте приписки в сл. Никитовке Валуйского уезда.

Об изложенном департамент полиции сообщает Вашему Высокоблагородию для зависящих распоряжений, прося о последующем уведомить.

И. д. Директора (подпись)

Делопроизводитель (подпись)

ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА
ДОНСКОГО ОБЛАСТНОГО
ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
в Ростовском округе
19-го октября, 1900 года,
№ 769.

Секретно

Начальнику Харьковского Жандармского Управления

В виду полученных указаний об устройстве, проживающими в гор. Ростове на Дону в одной комнате, бывшим студентом Харьковского Университета, состоящим под особым надзором полиции, Михаилом Васильевым Серебряковым, и студентом Харьковского Университета, Вячеславом Ивановым Удовиченко, тайной типографии, в коей будто бы печатали с помощью гектографа преступного содержания прокламации от Донского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, оригинал коей был поднят в отхожем месте означенных лиц некоим Поповым, проживающим в одном с ними доме, а прокламации были разбросаны в ночь со 2 на 3 октября в помещениях местных заводов и фабрик, у упомянутых лиц был произведен обыск, по которому ничего явно преступного не было. Впредь до выяснения всех обстоятельств дела, по которому производится расследование по охране, и к коему привлечены упомянутые Михаил Серебряков и Вячеслав Удовиченко, означенные лица, согласно 21 ст. положения об охране, содержались под стражей (студент Вячеслав Удовиченко ныне освобожден).

Донося о сем, и в виду состоящегося постановления, имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Высокоблагородия об уведомлении меня, не был ли замечен в чем либо предосудительном в политическом отношении за время проживания в г. Харькове студент Вячеслав Иванов Удовиченко и о высылке на состоящего под особым надзором полиции бывшего студента Харьковского университета, Михаила Васильева Серебрякова, выборки из дела к коему был привлечен при вверенном Вам управлении для приобщения таковой, согласно циркуляра департамента полиции от 20 сентября 1881 года, за № 1460, к протоколу его допроса.

Просимое прошу прислать при надписи на сем же в возможной скорости.

Полковник (подпись)

Резолюция:

Сообщить в полицию Нач. Р. Д. О. Ж. Упр. в Ростовском округе подробную справку о Михаиле Серебрякове и Вячеславе Удовиченко.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ
ПО 4 ДЕЛОПРОИЗВ.
16 февраля, 1901 г.,
№ 872.

Секретно

Н-ку Харьк. Губ. Жанд. Упр.

Департамент полиции имеет честь уведомить, что произведенное при Харьковском Жандармском Управлении дознание по обвинению мещанина Янкеля (Якова) Иоффе и других в государственном преступлении, по

Высочайшему повелению 7-го февраля 1901 года, разрешено административным порядком с тем, чтобы:

1) по вменении в наказание предварительного ареста, выслать Никифора Махова под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на три года;

2) вменить поименованным в сем пункте лицам в наказание предварительное их заключение, подчинить гласному надзору полиции: а) в избранных обвиняемыми местах жительства Янкеля (Якова) Иоффе, Зелика Финкельштейна, Софию Пряничникову, и Алексея Крыцына на три года, Либе (Любовь) Рабинович, Елену Трутовскую, Исомера Соловейчика, Гилю Левина, Басшейву Гельман и Ивана Широкова на два года, а Пинхоса Шехтмана на один год с воспрещением, однако, перечисленным лицам, за исключением Шехтмана, пребывания в течение срока надзора в столицах, столичных губерниях, университетских городах и тех местностях фабричного района, в коих присутствие их будет признано Министерством Внутренних Дел нежелательным, с соблюдением относительно Иоффе, Финкельштейна, Либы Рабинович, Соловейчика, Левина, Басшейвы Гельман и Шехтмана существующих узаконений о праве избрания местожительства лицами иудейского вероисповедания, б) в местах приписки Алексея Крамарева в слободе Никитовке, Воронежского уезда, на три года, Бенциона Голуба в местечке Копаткевичах, Минской губернии, на два года и Арона Волкинштейна в местечке Фастовке, Киевской губернии, на один год, и в) в местах жительства родителей Зельду Школьникову в г. Гомель на два года, Шмуля Сему Генькина, Рейзу (Розу) Малкину и Фейгу (Феню) Аврашеву в г. Харькове на два года, Иосифа Альтшуллера, Исаака Владимирова, Леву Капустянского, Малку (Маню) Аршанскую также в Харькове на один год, Мовшу Лейбу Цейтлина в г. Чаусах, Могилевской губернии, Хаима Ганелина в местечке Щедрине, Бобруйского уезда, Минской губернии, Григория Пасютенко в г. Полтаве и Шейну (Соню) Гольдштейн в г. Вильне на один год;

и 3) вменить Михаилу Серебрякову в наказание предварительное содержание его по сему делу под стражею.

По состоявшемуся соглашению г.г. Министров Внутренних дел и Юстиции дознание в отношении обвиняемых: Екатерины Пряничниковой, Николая Белова, Вячеслава Карпинского, Александра Аладова, Алексея Харламова, Евгении Рапп, Лидии Рапп, Николая Громова и Соломона Соломонова дальнейшим производством прекращено, в отношении же Моисея Монастырского, Хаи Касриэль-Касриэльсон, Мойсея Соркина и Эстер Левандовской приостановлено. О Монастырском и Касриэль-Касриэльсон впредь до явки или задержания, а Соркине и Левандовской для совместного разрешения с другими о них делами.

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
Октября 25 дня, 1900 г.,
№ 8231.

Секретно
Пом. Н-ка Донского Обл. Жанд. Упр.
в Ростов. Окр.

Вследствие отношения от 19 сего октября, за № 769, уведомляю Ваше Высокоблагородие, что бывший студент Харьковского Университета, Михаил

Васильев Серебряков, привлечен в 1899 году к произведенному при вверенном мне Управлении дознанию, по обвинению в принадлежности к «Харьковскому социал-демократическому рабочему союзу ремесленников», в преступлении, предусмотренном 318 ст. Улож. о наказ. и впредь до разрешения дела отдан под особый надзор полиции.

О студенте Харьковского Университета, Вячеславе Иванове Удовиченко, неблагоприятных в политическом отношении сведений в делах вверенного мне Управления не имеется.

Полковник Маврин

Верно: ротмистр Нордберг

М. Ю.

ПРОКУРОР ХАРЬКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ.
Февраля 15 дня, 1901 г., № 219.

Копия

Секретно

По Высочайшему повелению

Господину Прокурору Харьковского Окружного суда

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Господином Министром Юстиции обстоятельств дела о мещанине Янкеле (Якова) Иоффе и других обвиняемых в государственном преступлении, в день 7-го февраля 1901 года, Высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы:

1) По вменении наказания предварительного ареста выслать Никифора Махова под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на три года;

2) вменить поименованным в сем пункте лицам в наказание предварительное их заключение, подчинить гласному надзору полиции: а) в избранных обвиняемыми местах жительства, Софию Пряничникову на три года, а Елену Трутовскую и Ивана Широкова на два года, с воспрещением: однако, перечисленным лицам пребывания в течение срока надзора в столицах, столичных губерниях, университетских городах и тех местностях фабричного района, в коих присутствие их будет признано Министерством Внутренних Дел нежелательным, б) в местах жительства родителей, в гор. Харькове Исаака Владимирова и Мальку (Маню) Аршанскую на один год каждого.

О таковой Монаршей воле, сообщенной Его Высокопревосходительству Министру Внутренних дел к исполнению в отношении высылки и подчинения обвиняемых гласному надзору полиции, поставляю Ваше Высокоблагородие в известность для надлежащих с Вашей стороны распоряжений о вменении в наказание предварительного содержания под стражей всем указанным лицам, из коих Махов содержится в Изюмской уездной тюрьме, а остальные проживают в г. Харькове.

К сему считаю нужным присовокупить, что по состоящемуся между Министерствами Юстиции и Внутренних дел соглашению, настоящее дознание

относительно Екатерины Пряничниковой и сестер Евгении и Лидии Рапп, по недостаточности улик, дальнейшим производством прекращено, о чем и прошу Ваше Высокородие об'явить названным лицам, войдя в сношение с Начальником Харьковского губернского жандармского управления, относительно отмены принятых против них мер пресечения. О последующем прошу мне представить.

Подлинное подписал: Прокурор Палаты Давыдов

Скрепил: и. д. секретаря Дубровин

С подлинным верно

и. д. секретаря при Прокуроре Харьковского Окружного Суда

Вырский

М. Ю.

Секретно

ПРОКУРОР
ХАРЬКОВСКОГО ОКРУЖНОГО
СУДА
Февраля 21 дня, 1901 г.,
№ 31.

Г. Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления

Препровождая при сем копию предписания Прокурора Харьковской Судебной Палаты от 15 сего февраля, за № 219, имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие сделать распоряжение об отмене меры пресечения, принятой в отношении Екатерины Пряничниковой и сестер Евгении и Лидии Рапп, дознание о которых прекращено производством.

О последующем прошу меня уведомить.

Прокурор Суда Деларов

И. д. секретаря Вырский

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ.
Марта 7 дня, 1901 года,
№ 1831.

Секретно

В. нужное

Г-ну Прокурору Харьк. Судебн. Палаты

По Высочайшему повелению, последовавшему 7 февраля с. г., привлекавшаяся к дознанию по делу «Харьковского социал-демократического рабочего союза ремесленников», жена врача, Елена Михайлова Трутовская подлежит подчинению гласному надзору полиции на 2 года, с воспрещением пребывания в течении срока надзора в столицах, столичных губерниях и Университетских городах.

В виду такого разрешения дела в административном порядке, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство поставить меня в известность, может ли быть выдан залог отцу Трутовской, кандидату прав Михаилу Журавлеву, внесенный им за Трутовскую впредь до окончания дознания.

Подписал: Полковник Маврин

Верно: ротмистр (подпись)

М. Ю. Секретно

—

ПРОКУРОР ХАРЬКОВСКОГО
ОКРУЖНОГО СУДА
Марта 15 дня, 1901-го года,
№ 71.

Г. Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления

В дополнение к отношению, от 21 минувшего февраля за № 31, имею честь просить Ваше Высокоблагородие сделать распоряжение относительно отмены, после исполнения Высочайшего повеления, последовавшего 7-го февраля 1901 года, в части, касающейся подчинения гласному надзору, мер пресечения, принятых против обвиняемых Никифора Махова, Софии Пряничниковой, Елены Трутовской, Ивана Широкова, Исаака Владимирова, Малки Аршанской, присовокупляя, что мерой пресечения в отношении названных лиц, а именно: Махова—избрано было содержание под стражей, в отношении Трутовской—залог в сумме 8000 руб., в отношении Аршанской подписка о неотлучке из места жительства, а в отношении всех остальных—особый надзор полиции.

О последующем прошу меня уведомить.

И. д. Прокурора суда Б. Сокальский

И. д. Секретаря Вырский

М. В. Д. Секретно

—

ХАРЬКОВСКОГО
ГУБЕРНАТОРА

Канцелярия
Стол.

Марта 16 дня, 1901 г.,
№ 1168.

Г. Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления

Департамент полиции отношением от 4-го сего марта, за № 2373, уведомил меня, что на основании Высочайшего повеления, последовавшего 7 февраля 1901 г. по всеподданнейшему докладу Министра Юстиции, нижепоименованные лица подлежат за государственное преступление, по вменении им в наказание предварительного заключения, следующим взысканиям:

1) Фельдшерица-акушерка, дочь чиновника, София Александровна Пряничникова, жена доктора медицины, Елена Михайлова Трутовская и крестьянин Иван Михайлов Широков—гласному надзору полиции в избранных местах жительства, но вне столиц, столичных губерний, университетских городов и местностей фабричного района, а именно губерний: Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Пермской, Уфимской, Орловской, Екатеринославской, Бакинской, Черниговской, Таврической, Варшавской и Петроковской, Области Войска Донского, Белостокского уезда, городов: Николаева, Елисаветграда, Вильны, Риги, Либавы, Минска и Кривого Рога, Херсонской губернии, сроком: Пряничникова на три года, а прочие на два года каждый.

2) Мещане: Шмуль Сема Израилев Генькин, Рейза Роза Мовшева Малкина, Фейга (Феня) Давидова Аврашева, Иосиф Берков Алтшуллер, Исаак Зурахов Владимиров, Лев Вульфов Капустянский и Малка (Маня) Аршанская—гласному надзору полиции в месте жительства в городе Харькове, сроком Генькин, Малкина и Аврашева на два года, а остальные на один год каждый.

При этом департамент полиции присовокупляет, что Пряничникова, Широков, Владимиров и Аршанская состоят под особым надзором полиции в г. Харькове, а Трутовская в сем же городе состоит под залогом в сумме 8000 рублей.

Об этом имею честь сообщить Вашему Высокоблагородию для сведения.

Губернатор (подпись)

За правителя канцелярии (подпись)

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ
31 декабря, 1901 г.,
№ 6509.

Секретно.

Г. Н-ку Харьковского Губернского Жандармского Управления

Департамент полиции имеет честь уведомить, что произведенное дознание при Харьковском Жандармском Управлении, по обвинению рядового Михеля Алиевского и мещанина Берку Носмана в государственном преступлении, по Высочайшему повелению 19 декабря 1901 года, разрешено административным порядком с тем, чтобы:

1) Подвергнуть рядового 2 Ивангородского крепостного полка, Михеля Алиевского, заключению в военной тюрьме на пять месяцев, без перевода его в разряд штрафованных, по отбытии же сего наказания подчинить строгому надзору военного начальства, на все время пребывания в рядах армии, в случае же увольнения Алиевского от действительной военной службы ранее трех лет, отдать названного обвиняемого под гласный надзор полиции на все остающееся до истечения сего срока время в избранном им месте жительства, но вне столиц, столичных губерний, университетских городов и тех фабричных местностей, в коих пребывание его Министерством Внутренних дел будет признано вредным, с соблюдением существующих узаконений о праве избрания местожительства лицами иудейского вероисповедания, причем означенную меру взыскания привести в исполнение по явке или задержанию Алиевского.

и 2) Учредить над Беркою Носманом гласный надзор полиции в избранном им месте жительства, но вне столиц, столичных губерний, университетских городов и тех фабричных местностей, в коих пребывание его Министерством Внутренних дел будет признано вредным, на один год, с соблюдением существующих узаконений, о праве избрания местожительства лицами иудейского вероисповедания.

НАЧАЛЬНИК
ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
Г. ОДЕССЫ
19-го февраля, 1902 года,
№ 1294.

Секретно

Г. Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления

12 числа текущего февраля месяца в числе других был задержан в г. Одессе на собрании преступного сообщества, именовавшегося «Одесским Комитетом Российской Социал-демократической рабочей партии» Хотинский мещанин Янкель (Яков) Мееров Марков Иоффе, назвавшийся сначала мещанином Мовшей Израилевым Левиным и пред'явивший подложный паспорт на имя Левина. На дальнейшем допросе Иоффе сознался, что его фамилия не Левин, а Иоффе, что он в 1889 г. привлекался при Харьковском Губернском Жандармском Управлении в качестве обвиняемого по политическому делу, и в 1901 г. был подчинен гласному надзору полиции на три года в гор. Полтаве, откуда в мае месяце того же года скрылся, но где проживал с мая месяца 1901 года по 15 анваря 1902 года (до времени прибытия в Одессу), указать отказался.

Уведомляя о вышеизложенном Ваше Высокоблагородие, имею честь покорнейше просить сообщить мне все сведения, имеющиеся в делах вверенного вам управления о мещанине Янкеле Меерове (Якове Маркове) Иоффе, как равно и о том, не проживал ли в г. Харькове с мая месяца 1901 года до января 1902 года по документу, выданному Ушпольским мещанским старостой от 19 октября 1901 г., за № 193, на имя Ушпольского мещанина Вилькомирского уезда, Ковенской губернии, Мовше Израилева Левина. Если в вверенном Вам Управлении имеется фотографическая карточка Янкеля Иоффе, то прошу не отказать препроводить ее мне, которая по сличению будет возвращена обратно.

Генерал-майор (подпись)

НАЧАЛЬНИК
ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
28-го февраля, 1902 года,
№ 1593.

Секретно

Начальнику жандармского управления г. Одессы

Вследствие отношения Вашего Превосходительства от 19 февраля сего года, за № 1294, имею честь сообщить, что Янкель (Яков) Мееров (Марков) Иоффе в 1898 году привлекался при вверенном мне Управлении по обвинению его в преступлении, предусмотренном 318 ст. Улож. о наказ. по делу о тайном сообществе, присвоившем себе наименование «Харьковский Социал-демократический рабочий союз ремесленников», при чем названный Иоффе, совместно с привлеченной к тому же дознанию, в качестве обвиняемой женой доктора медицины, Еленой Трутовской, составил устав этого союза его «цехов» и кружков. На основании того же устава был первым представителем (главарем) союза, руководя, совместно с Трутовской, преступной деятельностью союза. При производстве дознания Иоффе дал полные и

вполне откровенные показания. Освобожденный из-под стражи Иоффе поселился под особым надзором полиции в г. Полтаве, куда была выслана Трутовская под гласный надзор полиции.

По Высочайшему повелению 7 февраля 1901 г., названное дознание разрешено административным порядком с тем, чтобы вменить Якову Иоффе в наказание предварительное заключение, подчинить гласному надзору полиции в избранном им месте жительства на 2 года.

Состоя под гласным надзором полиции в г. Полтаве в первых числах мая 1901 года, Иоффе скрылся и розыскивается циркуляром департамента полиции от 22 июня того же года, за № 2234. При сем присовокупляю, что означенный Иоффе, по документу на имя Ушпольского мещанина, Мовше Израилева Левина, в г. Харькове с мая месяца 1901 года до января 1902 г не проживал.

Приложение: фотографическая карточка Иоффе, которую по миновании надобности, прошу возвратить.

Подлинный подписал полковник (подпись)

Харьковский Соц.-дем. Союз Ремесленников.

Участники в работе „Харьк с.-д. Союза Ремесленников“

(Дело № 149 за 1899—900 г.г. Харьк. Губ. Жанд. Упр.).

Слева на право

1 р.	МАЛКИНА (ученица)	ХАРЛАМОВ А. О. (студент)	ЦЕЙТИН М. Л. (слесарь)	ПАЛОТЕНКО Г. К. (портной)
2 р.	АННЕВСКИЙ (портной)	АРШАНСКАЯ М. (конвертница)	ГЕЛЬМАН Ш. Б. (массажистка)	ГОЛУБ Б. Л. (мебельщ.)
3 р.	РАПП Л. Ю. (дом. хоз.)	АЛЬТШУЛЛЕР И. (загот. обуви)	ВЛАДИМИРОВ И. (загот. обуви)	КАРПИНСКИЙ (студент)

Харьковский Соц.-дем. Союз Ремесленников

Участники в работе „Харьк, с.-д. Союза Ремесленников“

(Дело № 149 за 1899—900 г.г. Харьк. Губ. Жанд. Упр.).

Слева на право

1 р.	ГОЛЬДШТЕЙН Т. без опр. зан.	ГЕНЬКИН Ш. М. (ювелир)	КОСМАН Б. Н. (переплетчик)	СОЛОМОНОВ С (ювелир)
2 р.	ШИРОКОВ И. М. (сод. тракт.)	ФИНКЕЛЬШТЕЙН (переплетчик)	КРЫНЫК А. Ф. (портной)	КРАМАРОВ А. П. (портной)
3 р.	КАПУСТЯНСКИЙ (ювелир)	РАПП Е. Ю. (дом. хоз.)	ИОФФЕ Я. М. (конторщик)	СОЛОВЕЙЧИК И. (загот. обуви)

Харьковский Соц.-дем. Союз Ремесленников.

Участники в работе „Харьк. с.-д. Союза Ремесленников“

(Дело № 149 за 1899—900 г.г. Харьк. Губ. Жанд. Упр.).

Слева на право

1 р.	АВРАШЁВА Ф. Д. (чулочница)	РАБИНОВИЧ Л. З. (жив. при родит.)	ПРЯНИШНИКОВА (фельдшерица)	ПРЯНИШНИКОВА (учительница)
2 р.	ГАНЕЛИН Х. А. (загот. обуви)	ЛЕВИН Г. М. (слесарь)	ВОЛКИНШТЕЙН (переплетчик)	ЛЕВАНДОВСКАЯ (портниха)
3 р.	ГРОМОВ Н. А. (студент)	СЕРЕБРЯКОВ М (студент)	БЕЛОВ Н. Л. (студент)	АЛАДОВ А. Л. (студент)

Харьковский Соц.-дем. Союз Ремесленников

Участники в работе „Харьк. с.-д. союза Ремесленников“

(Дело № 149 за 1899—900 г.г. Харьк. Губ. Жанд.. Упр).

Трутовская Елена Михайловна

жена доктора медицины, — центральная фигура в работе „Харьк. Соц.-дем. Союза Ремесленников“ (Дело № 149, за 1899—900 г.г. Харьк. Губ. Жанд. Упр.).

Первомайские прокламации

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

(18 апреля 1900 г.)

ВСЕМИРНЫЙ РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК

Товарищи!

Во вторник 18 апреля наступает праздник 1 мая, великий праздник рабочего люда всех стран. Только 11 лет существует этот праздник: он был впервые установлен в 1889 году в Париже, на с'езде представителей рабочих различных стран. Его не празднуют ни богачи, ни попы. В этот день не звонят колокола, не видно на улицах флагов, а богатые люди прячутся подальше в дома. Отчего это? Оттого, что это праздник всех трудящихся, всех тех, кто своим потом и кровью создает все богатства мира, всех тех обделенных судьбой, кто ничего в этой жизни не знает, кроме нищеты да работы. Оттого, что в этот день сознательные рабочие всех стран, без различия веры и племени, братски протягивают друг другу руки и все, как один человек, открыто и громко протестуют против насилия и неправды, против существования богачей, эксплоататоров и угнетателей. Громко разносится по миру клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», Гордо развевается Красное Знамя социал-демократической рабочей партии и страстная ненависть к эксплоататорам и готовность борьбы до конца охватывают сердца рабочего люда. Подсчитываются ряды сознательных борцов, сравниваются успехи за пройденный год, намечаются дальнейшие требования.

Как весело празднуют этот день рабочие за границей. Устраиваются на страх всем эксплоататорам и их прихлебателям огромные уличные шествия, демонстрации с развевающимися знаменами под звуки песен и музыки; созываются сотни собраний, на которых развитые рабочие произносят подходящие речи; многие заводы и фабрики останавливают работы: не хотят рабочие в этот великий день работать в угоду капиталистам. А у нас? Где уж там демонстрации: мы даже со своими собраниями должны прятаться в леса, подальше от взоров людских. Почему же это так? Да потому, что наши рабочие не имеют никаких решительно прав, а над всеми царит дикий произвол царского правительства, потому что законы у нас издают только царь да министры, которые держат руку одних только богачей. Собрания наши разгоняются силой, а руководителей их заключают в тюрьмы;

на стачечников насылаются войска и казаки; наши союзы преследуются всеми способами; наши кассы забираются; наши типографии и газеты арестуются. Вспомните, товарищи, сколько арестует правительство ежегодно борцов за рабочее дело, сколько гниет их в тюрьмах и острогах России, сколько погребено их в снегах далекой Сибири, вспомните Домбровское, Палевское, Мариупольское, Сормовское дела и много, много других славных дел царского правительства и вы поймете, почему мы не можем праздновать 1 мая подобно нашим заграничным товарищам, почему мы должны прятать свои собрания и сходки. Да, тяжело наше положение, но не будем унывать, товарищи. Было время, когда и заграничным рабочим жилось не лучше нашего, когда дикая эксплоатация хозяев тоже не знала границ, а правительства всячески преследовали рабочие союзы. И там ручьями лилась рабочая кровь, и там стонали в тюрьмах сотни бескорыстных борцов за рабочее дело. И только упорной борьбой, постоянным отстаиванием своих интересов изо дня в день добились рабочие лучшей доли.

И мы, русские рабочие, тоже не впервые выступаем на борьбу с нашими угнетателями, хозяевами и правительством. И у нас было много стачек, волнений, беспорядков. Наша сила растет с каждым днем, плотнее смыкаются наши ряды и все более и более грозными становимся мы и правительству и хозяевам. Правительство растерялось в борьбе с нами, оно делает нам уступку за уступкой, но мы не удовлетворимся грошевыми подачками. Нам нужно полное освобождение рабочего класса от ига капиталистов.

Но чтобы наша борьба была плодотворна, чтобы мы даром сил не растрачивали, нам надо ясно понимать, чего следует добиваться раньше и чего после. Присоединимся, товарищи, к требованию 8 час. рабочего дня, которое в день 1 мая выставляют рабочие других стран и много других русских городов.

Но в то время, как заграничные рабочие могут отстаивать свое требование и в законодательных собраниях, могут свободно устраивать и стачки и демонстрации, мы, русские рабочие, лишены всяких прав, мы законов не издаем, нам запрещают устраивать стачки, союзы и кассы, сходиться на собраниях, издавать свои рабочие газеты. А ведь стачки и союзы, товарищи, наше единственное орудие в борьбе с нашими эксплоататорами. И вот в этот торжественный день, в тот великий праздник труда, когда все отдельные голоса недовольных рабочих сливаются в один могучий клич, заставляющий трепетать сердца капиталистов и их защитников, когда забывается рознь и все рабочие проникаются чувством единения и братства, мы, все русские, польские и еврейские рабочие, фабричные, заводские и ремесленные, все как один человек, дружно заявляем, что

Мы требуем:

1. Свободы союзов, стачек, собраний, слова, печати, неприкосновенности личности и участия в издании законов;

2. Установление законом 8 час. рабочего дня для всех рабочих без исключения;

3. Отмены сверхурочных работ;

4. Восстановление праздников, уничтоженных законом 2 июня 1897 г.

5. Распространение фабричных законов и инспекций на казенные и ремесленные мастерские;

6. Обязательного государственного страхования рабочих и ответственности хозяев за несчастные случаи.

Итак, товарищи, вперед за нашу свободу, за наши права, за лучшую жизнь! Пусть беснуется наше правительство, пусть грозит нам штыками, пусть бросает в тюрьмы, ссылает нас в Сибирь, мы не остановимся перед этим. Мы заявим себя членами той великой рабочей семьи, которая искоренит на свете неправду и зло, воцарит на земле братство, равенство и свободу. Мы не будем работать в этот день, мы посвятим его собраниям и сходкам, нашему общему делу.

Да здравствует 1 Мая!

Да здравствует международная социал-демократия!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

Товарищи, полиция, чтобы иметь повод послать на нас войска, постарается вызвать нас на беспорядки. Но мы не поддадимся на удочку, мы мирно и спокойно, без буйств и насилия, отпразднуем день 1 мая.

Харьковский Комитет Российской
социал-демократической рабочей партии

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

18 апреля

Рабочим и работницам всей России.

Ко дню рабочего праздника первого мая.

Российская социал-демократическая рабочая партия шлет братский привет.

Товарищи, снова призываем вас достойно отпраздновать день 1 мая. Всех, кого гнетет капитал и давит царское правительство, всех, кто недоволен своим положением и кто сознал необходимость бороться за лучшую долю, всех вас зовем мы единодушно и решительно заявить в день 1 мая протест против современного общественного и государственного порядка. Товарищи! Майский праздник застает в этом году Россию в самом разгаре промышленного кризиса и вызванной им безработицы, горьким опытом мы узнали теперь, что дает рабочему классу современный капиталистический строй, при котором орудия труда принадлежат не всем трудящимся, а небольшой кучке капиталистов. Руководясь одной лишь погоней за барышом, капиталисты производят товары на удачу, не зная наверняка, найдут ли им сбыт. И вот, за временем усиленного производства наступает заминка, фабриканты сокращают производство, расчитывают тысячи рабочих, понижая их плату, ухудшая все условия труда. Все, что мы завоевали упорной борьбой в прежнее время, теперь во время кризиса может быть у нас отнято капиталистами, которые хорошо знают, что общий застой и безработица

делают бесполезной всякую стачку. При современном строе рабочий может жить кое-как до тех пор, пока его работа дает хозяину достаточно барыша. Если его труд невыгоден, его выбрасывают на улицу, как бросают лимон, из которого выжаты все соки. И так будет продолжаться до тех пор, пока рабочий класс не возьмет производство в свои руки и, владея землей и орудиями труда, не организует его в интересах всех. Только при таком строе, при социализме, исчезнет вопиющее противоречие, что сотни тысяч людей должны голодать и терпеть лишения потому, что фабриканты наготовили слишком много товаров, а обобранные ими рабочие не могут купить их. Только социалистическое устройство общества, при котором продукты труда будут принадлежать тем, кто их произвел, избавит нас от безработицы, как избавит от непосильного труда нищенской жизни, от всех бедствий, которые в настоящее время выпадают на долю тружеников. Миллионы рабочих за границей и у нас в России сознали уже необходимость социалистического переустройства общества, необходимость решительной борьбы против всего капиталистического строя. Идя к этой великой цели, рабочие Западной Европы собственными силами завоевали себе политические права и, пользуясь ими, с каждым днем увеличивают свое значение в государстве. Как первый решительный шаг на пути к освобождению труда, рабочие всего мира поставили требование 8-часового рабочего дня, установленного законом. Повсеместное введение 8-часового рабочего дня обеспечит работу многим безработным и более высокую плату, так как спрос на рабочую силу увеличится; он позволит нам не истощать себя чрезмерною работою и развивать свое сознание и организацию. Он положит начало превращению рабочего из человека, живущего для того чтобы работать, в человека, который работает для того, чтобы жить. По решению рабочих партий и союзов всего мира, день 1 мая был избран днем всемирной рабочей демонстрации за 8-часовый рабочий день и социализм. Бросая работу и устраивая торжественные шествия в этот день, рабочий мир бросает вызов капитализму, протестуя против всех его гнусностей, и открыто заявляя о своем намерении преобразовать весь общественный строй. Повсеместная майская демонстрация служит также выражением братского союза рабочих всего мира, которые об'являют, пожирающим друг друга во всемирной национальной вражде, богатым классам, что интересы рабочих всех стран, всех племен одинаковы. Русские работники и рабочие, присоединяйтесь к этому празднику братства, присоединяйте свой голос к хору рабочих всего мира, требуйте вместе с ними в день 1 мая введения 8-часового рабочего дня.

Но в великий день рабочего праздника не забывайте и о другом требовании рабочих—политической свободе для всего русского народа. Ни 8-часового рабочего дня, ни каких-либо прочих улучшений в настоящее время, ни социализма в будущем мы не добьемся до тех пор, пока не станем свободными людьми, пока не избавимся от самовластного царского правительства, угнетающего весь русский народ. Борясь на фабрике за лучшие условия труда, мы на каждом шагу сталкиваемся с царскими чиновниками. Правительство запрещает отдельным фабрикантам делать

какие-либо уступки рабочим; в угоду всему классу оно насилием подавляет наши мирные стачки и преследует их участников; оно разгоняет вооруженной силой наши собрания и приказывает солдатам стрелять в своих же братьев рабочих, тюрьмой и ссылкой оно карает за участие в боевых союзах и грабит деньги, собранные нашими кассами; оно свирепо преследует борцов за рабочее дело, цвет и гордость пролетариата, его лучших сынов. У нас нет даже тех жалких прав, которыми уже пользуются другие классы в нашей стране, с большим трудом нам разрешают открыть самую ничтожную кассу взаимопомощи, самое невинное потребительное общество. В этих обществах рабочие всецело подчинены управлению хозяев и мастеров. Народ умышленно держат в темноте, отдавая народные школы под надзор попов и полиции, преследуя честных учителей, запрещая нам читать даже те газеты, которые разрешены цензурой, давя всякое живое печатное слово. Весь русский народ находится в положении бесправных рабов под пятой полицейских опричников. Жестокими карами он платится за то, что не исполняет тех законов, которые изданы без его согласия; за то, что не может отдать тех податей, которые наложены на него самовластным правительством, чтобы расходовать их в интересах дворян и капиталистов. В годину бедствия—безработицы, русские рабочие, благодаря царскому правительству, попали в гораздо худшее положение, чем рабочие других стран; мы обязаны царскому правительству тем, что у нас нет товарищеских союзов и касс, которые помогли бы нам продержаться во время безработицы; благодаря нашему полному бесправию, мы не можем ожидать помощи ни от казны, ни от городских дум, где по воле правительства правят одни купцы, которые уже, конечно, не подумают о том, чтобы облегчить безработным приискание работы или устроить для них специальные общеполезные работы, как это делается в других странах. В то время, как народ бедствует, правительство Николая II бросает сотни миллионов на войну с Китаем, не спрашивая, желает ли русский народ тратить свою кровь и свои деньги на то, чтобы путем разграбления Китая дать нажиться подрядчикам, инженерам и пр. хищникам.

Товарищи! Если мы действительно хотим отдохнуть когда-нибудь от наших страданий, мы должны начать решительную борьбу за наше освобождение от царского самовластия, за освобождение русского народа. Мы должны добиваться, чтобы государство управлялось, законы издавались, налоги взимались и расходовались не по решению царя и его чиновников, этих слуг капиталистов, а по решению народных представителей, избранных всеми гражданами. Мы должны добиваться политических и гражданских прав, равенства всех перед законом, свободы и неприкосновенности личности, свободы слова и печати, собраний союзов и стачек, совести и убеждений, свободы участвовать во всех общественных делах. Этих прав нам не дает правительство дворян, жандармов и капиталистов—правительство русского царя. Эти права мы лишь получим от правительства, избранного всем народом, от открыто и свободно выбранных всей Россией представителей народа. До сих пор вы боролись под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии против хозяйского гнета на

фабрике. Теперь рабочая партия зовет вас в день 1 мая, наряду с требованием 8-часового рабочего дня, провозгласить требование политической свободы, созыва выборных от народа для управления государством и контроля над министрами. Если миллионы рабочих повторят эти требования, если их услышит вся Россия, то на наш голос откликнутся все те, кто страдает от произвола и гнета, и против воли миллионов людей не устоит царское правительство с его штыками и пушками. Пусть тот, кто сознает, что его гнетет настоящий порядок, 1-го мая присоединится к социал-демократической партии, вместе с ней провозгласит: да здравствует социализм, да здравствует 8-часовой рабочий день, да здравствует политическая свобода!

Товарищи, где только можно, бросайте 1 мая работу, выражая этим сочувствие нашим требованиям... Следуйте прошлогоднему примеру харьковских рабочих и празднуйте 1 мая так, как его давно празднуют рабочие в Польше и Литве. Следуя указаниям местных комитетов, устраивайте майские собрания на главных улицах города и, развернув Красное знамя, требуйте:

8-часового рабочего дня и политической свободы.

Комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

1901 г.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ
1902 год

Ко всем рабочим и работницам России!

Как, и сегодня также, товарищи? Сегодня—в день первого мая, также стоите вы у станков, вы, живые слуги мертвых слуг хозяина—машин. И в этот день пришли вы, замученные люди, еще не отдохнув после вчерашнего трудового дня, после многих тяжелых рабочих дней. Пришли сверлить стволы ружей, из которых в вас станут стрелять; отделывать колеса машин, которым станут служить ваши дети, пришли, чтобы и сегодня, как во многие дни вашей жизни, работать для тех, кто гнетет и порабощает вас...

И вот вы стоите за работой, бледные, вялые от полуголодной жизни, истомленные от непосильного труда. На улицу, на улицу зовем мы вас, товарищи.. Остановите вертящиеся колеса. Тушите огни в печах. Давайте тревожный сигнальный гудок!

Но вы сурово склоняете свои лица над станками и уходите мыслями в работу и наполняете весенний воздух шумом хлопотливого труда.

Уйдите! Уйдите!.. говорите вы нам каждым движением, каждым поворотом быстро вертящихся колес. Мы работаем. Мы работаем. Мы добываем свой хлеб. Уйдите, оставьте нас.

Нет, мы не уйдем без вас, товарищи. Мы не оставим вас. Мы расправим ваши спины, мы оторвем вашу мысль от труда. Мы заставим ваши

сердца биться, как одно сердце. Мы зовем вас на улицу. Шире ворота мастерской. Остановите скорей колеса. Давайте поспешно сигнальный гудок. На улицы, товарищи!

Мы не оставим вас. Мы знаем вас иными. Мы знаем, что эти бледные лица могут загораться в борьбе. Мы знаем, ваши мысли принадлежат не только труду. Мы знаем, что вы хотите не только хлеба. Вы хотите жить. Вы хотите больше свободы. И этого не дает вам работа. И вы знаете это также, как и мы. Ведь это вы бежали на улицы Москвы и Петербурга, когда весной раздался призыв студентов. Вы шли бороться с ними за право быть свободными людьми... Это вы шли добывать себе лучшую долю, вы подняли свои знамена во многих демонстрациях. Из вашей среды вышли те молодые, пылкие, борцы, имена которых известны теперь всей рабочей России: Заломов, Михайлов, Воеводин и др. Вчера, как и вы теперь, они стояли за работой, скромные, незаметные; сегодня, в день первого мая, они идут бороться; завтра их слушают смущенные судьи, и они бичуют своими горячими речами ту жизнь, против которой они восстали, которая наградила их тюрьмой и ссылкой. Это вы шли в передовых отрядах Ростовских рабочих, вы подставляли свою грудь под солдатские пули, вы об'явили войну самодержавию, вы сражались с ним на улицах Батума, Ростова и Златоуста.

Нет, мы не оставим вас. Мы видели вас борющихся за свободу. Или, может быть, вы уж не хотите быть свободными, или вас страшит мысль о том времени, когда не станет больше рабочих и господ, когда труд будет уделом каждого? Вы знаете, это время настанет. Вы знаете это время —время освобождения рабочих? Сегодняшний день—день борьбы за него. И разве вы останетесь у станков сегодня, когда рабочие всего мира, те, которые живут лучше вас, те, которые завоевали себе часть человеческой свободы—политическую свободу, все они во всей Европе, далеко за океаном в Америке, идут сегодня на улицу, чтобы перед лицом всего мира заявить себя борцами за то время... Нет, вы не покорные живые слуги мертвых машин. Вы так не хотите жить, вы хотите бороться за лучшую жизнь, за свободу.

Когда же будет у нас лучший день для этой борьбы, как не сегодня! Вы шли ведь бороться весь год, когда вы были одни, когда всякий раз бросались в борьбу с врагами только вы одни, русские рабочие. Сегодня, в день первого мая, весь рабочий класс во всем мире станет бороться с вами, и разве вы не чувствуете, как крепнут ваши силы от того, что где-то за сотни и тысячи верст борются неведомые вам братья. Они родились под чуждым небом, они говорят чуждым вам языком. Но они рабочие. Но они чувствуют, как и вы, тяготу своей жизни. И вот исчезают эти сотни и тысячи верст, как будто падают перегородки разных стран, и вы, все рабочие, мыслите одни мысли, живете одним чувством, одним могучим криком требуете лучшей жизни.

Сегодня великий полководец всемирной рабочей армии делает вам смотр, рабочие. И каждая страна на перекличке выступает вперед и говорит: «я здесь». И разве, когда назовут имя России, она ответит молчанием?

И разве не выступит русский рабочий и не скажет: «да я здесь, товарищи», Да и я пришел бороться вместе с братьями: да, я иду одним с вами путем. Да, я знаю: сегодня именно должен я соединиться с ними. Сегодня мы выступаем перед врагом, как единая армия. Сегодня наш рабочий праздник—праздник борьбы. Кто не выходит сегодня бороться, тот изменяет делу борьбы... Так станем же в ряды! Потребуем же вместе с другими восьмичасового рабочего дня для рабочих всех стран. Потребуем отдельные от других политической свободы для нас.

Долой самодержавие царя! Да здравствует самодержавие народа! Да здравствуют рабочие депутаты будущего русского парламента! Да здравствует борьба за социализм! Да здравствует майский праздник! На улицу, товарищи!

Типография «Искры» Организационный комитет

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГОТОВЬТЕСЬ К ПЕРВОМУ МАЯ

Ко всем рабочим и работницам России

Товарищи рабочие! Социал-демократическая партия зовет вас к борьбе. В день первого мая тысячи листков разносят ее призыв по всей России. Она зовет вас на улицу. Боритесь. Выходите, как ростовские рабочие, на демонстрацию. Если не можете устроить демонстрации, не работайте в этот день. Все равно, так или иначе, боритесь, заставьте всю Россию прислушиваться к вашим требованиям. Этот день—великий день. Во всей России и по всей Европе, далеко за океаном, в Америке празднуют сегодня рабочие свой праздник. Этот день— ваш день. В день первого мая мы боремся за то, за что можем бороться, только мы одни, рабочие. Мы боремся за социализм.

Социалистический строй придет на смену тому, который царит теперь, и только одни рабочие помогут его наступлению. Рабочие всех стран—одна великая армия. Рабочие во всем мире трудятся друг для друга, трудятся для всего человечества: китаец, негр для француза и русского. Русский и американец—для англичанина и индуса. Весь мир—одна огромная мастерская, где труд разделен не между отдельными рабочими и цехами, как в мастерской, а между странами. Как на долю кузнечного цеха выпадает работа для сборной мастерской, как на долю закройщика выпадает работа для портного, а на долю земледельца—работа для кузнеца и портного вместе, так на долю каждой страны выпадает работа для другой. Америка готовит машины для Германии, Германия закаляет сталь для Франции, а Россия готовит хлеб для обоих. И как в мастерской над тысячами рабочих стоят десятки надсмотрщиков и один управляющий или хозяин, так над миллионами рабочих всего земного шара стоят десятки тысяч капиталистов—хозяев, класс капиталистов. Как в отдельной мастерской рабочий не получает всего того, что он создает, так и во всем мире весь рабочий класс не обладает всеми созданными им богатствами. Они

попадают в руки капиталистов. Если бы не было хозяина в отдельной мастерской, все созданное рабочими принадлежало бы им самим. Они бы были хозяевами мастерской и машин. Они обладали бы всем, что дал им труд. Если бы не было хозяев-капиталистов у рабочих всего мира, всем трудящимся принадлежало бы все, добытое их руками, все созданное трудом. Но все богатства в мире созданы только трудом. Все богатства мира стали бы, поэтому, богатствами тех, кто трудится. Нетрудящиеся должны были бы погибнуть, или начать трудиться наравне со всеми. Когда миллионы рабочих всех стран поймут это, они соединятся друг с другом в борьбе против общего для всех рабочих врага—класса капиталистов, загораживающего дорогу к счастью, они столкнут его с узкой площадки, на которой он гордо высится над миром трудящихся, и сами поднимутся по лестнице на вершину, где для человечества настанет царство равного труда, свободы и счастья.

Праздник первого мая, когда рабочие всех стран соединяют свой голос в одном могучем крике: «Да здравствует социализм»,—есть праздник грядушего социализма. В этот день мы выступаем, как борцы за социализм. Но мы, русские рабочие—борцы со свя̀занными руками. А враги наши свободны. Две великих ступени должны перешагнуть мы, чтобы стать в более равные условия с нашими врагами: 1) мы должны быть свободными как граждане, 2) мы должны стать свободнее, как люди. Мы не можем успешно бороться за социализм до тех пор:

1) пока нас могут сечь за демонстрации, на которых мы являемся борцами за социализм, как секли виленских рабочих;

2) пока могут стрелять в нас за стачки, как стреляли в ростовцев;

3) пока могут арестовывать за собрания, где говорится о социализме;

4) сажать в тюрьмы за книжки, которые учат нас бороться за свое освобождение;

5) наказывать тюремным заключением и ссылкой без суда за участие в борьбе за социализм;

6) пока чиновники, незаконно арестовавшие нас, или совершившие над нами какое-нибудь другое насилие, а также начальство, отдавшее приказ стрелять и сечь нас, будут оставаться на своих местах, и не привлекаться к ответственности;

7) пока правительство будет ослаблять наши силы, будет раз‘единять нас в борьбе, ставя перегородки между рабочими разных национальностей;

8) пока стеснительные законы и циркуляры, касающиеся нас, а также всего народа, будут издаваться царем и министрами без нашего ведома и согласия.

Словом, мы не можем свободно исповедывать и проповедывать социализм, мы не можем бороться за него, пока у нас нет политической свободы. Для того, чтобы проповедь социализма и борьба за него стали успешными, для этого нам нужна политическая свобода:

1) нам нужно, чтобы нас не наказывали за демонстрации и не запрещали устраивать их,—нам нужно право свободно заявлять свой протест.

2) нам нужно, чтобы нас не преследовали за стачки,—нам нужна свобода союзов и стачек;

3) нам нужно, чтобы мы могли говорить о чем и где угодно,—нам нужна свобода собраний;

4) нам нужно, чтобы мы имели право печатать, читать и писать все, что пожелаем,—нам нужна свобода печати;

5) нам нужно, чтобы никого не хватали и не наказывали без суда,—нам нужна неприкосновенность личности;

6) нам нужно, чтобы чиновники, совершающие преступления и насилия, нарушающие законы, могли быть привлекаемы к законной ответственности каждым гражданином, по его желанию, без разрешения их начальства, —нам нужна ответственность чиновников;

7) нам нужно, чтобы граждане всех национальностей и вероисповеданий в пределах России пользовались одинаковыми правами,—нам нужно равноправие национальностей;

8) нам нужно, чтобы в управлении народом, в распоряжении народными деньгами, в издании законов участвовал весь народ, ибо никто другой, а только он сам и может позаботиться о себе, передавая свои требования и желания людям, которым он доверяет, которых он сам выбирает,—нам нужен парламент.

Словом, нам нужно, чтобы мы стали свободны, как граждане, нам нужна политическая свобода, чтобы добиться и политической силы. Для этого нам нужно, прежде всего, столкнуть с пути первого врага—русское самодержавное правительство.

И когда мы завоюем эту свободу, мы сможем успешно бороться за освобождение свое, как трудящихся. Завоевав себе место в парламенте, мы скорее добьемся законов, облегчающих наше положение,—фабричных законов, мы добьемся прежде всего закона о 8-часовом рабочем дне. Когда мы станем свободные, как люди, мы сможем все силы, все помыслы отдать одной только борьбе за социализм, за полное освобождение рабочего класса, а вместе с тем, и за освобождение всего человечества от гнета несправедливости, от обездоленности и неравного труда. В этой последней борьбе мы столкнемся с последним и тогда уже единственным врагом—капиталистами—и сегодняшний праздник наш—только первый раскат той далекой, но все приближающейся бури.

Смелее же на приступ, товарищи! День первого мая—день борьбы. Выходите на улицу! Берите красные знамена! Пойте громче наши боевые песни! Смелее! Впереди победа!

Не кажется ли вам, товарищи, что вы, а с вами и вся Россия, заперты в темных и тесных подземных пещерах. Гнилой и затхлый воздух давит грудь, тьма слепит очи и наполняет сердце неясным ужасом. Там, позади, в испуганной толпе порой слышатся рыданья, порою пролетает стон или обрывается подавленное робкое проклятье. Но тьма окутывает все, и смятенная толпа порой испуганно шарахается в стороны, наступая на трупы безмолвно гибнущих товарищей. И все рвется вперед, все мечется, все ищет выхода, света... воздуха... И часто в безумном страхе ослепленная толпа

отступает назад, часто во тьме, увлеченная мгновенной злобой, она начинает взаимную борьбу. И льется кровь, и гады обвивают ноги. Нетопыри хлещут крылами в лицо. Мрачный ужас овладевает душой...

Но впереди огни. Кто это там с факелами в сильных мускулистых руках? Кто это с ясными взорами, с бодрыми юными лицами? Кто это уверенно шагает впереди изверившейся толпы? Это вы, рабочие. Ваши твердые шаги звонко отдаются в каменных корридорах. Ваши ободряющие голоса звучат там в передовых отрядах и напирают на тяжелую крепкую дверь. Там, за этой железной дверью, свобода, там свет, там большой простор. Там, под ясным небом звучит, как торжественный орган, могучее море... Туда еще напор. Дверь поддается... Смотрите, там, сквозь щели блистают во мраке лучи дневного света. Веет в лицо морской прохладой... Дверь трещит. На приступ, товарищи, вперед! И пусть, как из одной железной груди, грянет крик:

Да здравствует свобода!

Долой самодержавие и царя!

Да здравствует самодержавие народа!

Да здравствуют рабочие депутаты будущего Российского парламента!

Да здравствует Рос. Соц.-Дем. Рабочая Партия!

Да здравствует борьба за социализм!

Да здравствует 8 часовый рабочий день!

Долой военщину!

Да здравствует вечный мир народов!

1903 г. Организационный комитет

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

Рабочие и работницы! Бросайте работу, покидайте свои фабрики, заводы, мастерские — сегодня 1-е Мая. Разогните свои усталые спины, подымите свои победные головы, уже занимается заря будущего лучшего— сегодня 1-е Мая.

Со всех концов, из всех стран, городов и весей несется могучий торжествующий клич: долой рабские цепи, долой ярмо наемного труда, да здравствует социализм—это пролетариат всего мира празднует день 1-го Мая. И в этот же день, день 1-го Мая, как лозунг, об‘единяющий пролетариат всего мира, везде и повсюду, где только пробудилась сознательная мысль рабочего, громко и мощно звучит:

Хотим быть людьми, а не вьючными животными, требуем 8-ми часовый рабочий день.

Хотим лишить правительства и современные государства их главной опоры, требуем уничтожения постоянных армий.

Хотим свободно бороться за лучшую долю, за социализм, требуем полной политической свободы.

И ежегодно пролетариат сознательный провозглашает в день 1-го Мая эти три требования.

И с каждым годом его голос звучит все громче и громче, и с каждым годом его ряды становятся все многочисленнее и стройнее, растет пролетарская сила и страхом наполняются сердца господствующих, страхом и бешенством... Сильна буржуазия, и ни шагу не уступит без боя.

Все ярче и ярче разгорается пламя борьбы за общее рабочее дело, за социализм. Оно, то замирает и, как горная речка, медленно и упорно пробивает себе дорогу между скалами и утесами, то снова вспыхивает и, как бурный поток, рвет на пути своем все мосты и преграды.

С жадным вниманием и с горячим сочувствием устремляет тогда пролетариат всего мира свои взоры туда, где кипит эта борьба...

Рабочие и работницы, присоединим же и мы свой голос к голосу международного пролетариата и громко повторим те же лозунги в общем рабочем хоре—сегодня 1-е Мая.

В этот день сознательный пролетариат всего мира делает смотр своим силам. Он оглядывается на сделанные завоевания, и готовится к дальнейшей борьбе. Рабочие и работницы, никогда еще российский пролетариат не встречал такого 1-го Мая.

Долго, слишком долго пришлось ему бороться в потемках политического бесправия. Под свищавой крышей самодержавных порядков, как в могиле, звучал голос соц.-дем. и с трудом доносился до широких рабочих масс.

Но безысходное горе, нужда и безработица, полное разорение страны—неизбежный результат бесконтрольного хозяйничанья самодержавной клики будил даже отсталые слои народа. Преступная война, затеянная преступным правительством для укрепления самодержавной крепости, как чудовищный набат, всколыхнула спящих. Реки напрасно проливаемой крови, громко вопияли о мщении...

Дрогнуло народное море, гневом вскипела народная волна и пришла... долгожданная, горячо желанная освободительница народов—революция.

Красным заревом осветила она Россию, и в отблеске этого зарева, товарищи, встречаем мы сегодня день 1-го Мая.

Рабочий протянул руку революции—это он поднял знамя восстания. 9-го января петербургский рабочий, провозгласив своим требованием 8 часов труда и Учредительное собрание, избранное всеобщим равным и тайным голосованием, первый двинулся к зимнему дворцу. Он двинулся без оружия, в надежде на милость тирана. Жестокая ошибка. В пороховом дыму самодержавной расправы он понял свое безумие. Предательски расстреливаемый солдатами, он бросился к оружейным складам, и с оружием в руках за стенами баррикад стал отстаивать свою свободу.

Тысячами трупов, горячей кровью маленьких детей заплатил петербургский пролетариат за свое безумие. Кровавым уроком останется для нас это побоище. Пока существует тиран на троне, никто не должен итти без оружия ни на собрания, ни на демонстрации, ни на самые мирные митинги. Запомним это, товарищи!

8-ми часовый рабочий день. Всенародное Учредительное Собрание. Много жизней уже отдано за эти требования. Огненными буквами записаны они на страницах нашей истории. Вслед за петербургскими рабочими выступили за них и рабочие других городов.

Сегодня первое Мая. Вспомним в этот день погибших за общее дело борцов, и громко подхватим те требования, за которые они сложили свои головы. Кровью запечатлели они эти требования. Огненными буквами выжжем мы эти требования у себя в сердцах. Смерть или свобода—так написали в своей петиции петербургские рабочие.

Судьба героя-мученика или доля свободного гражданина. Другого выхода нет. Только вооруженное восстание народа даст нам желанную свободу, мирный путь теперь уже невозможен. Приобретайте же, товарищи, оружие, готовьтесь к борьбе, готовьтесь к последней решительной схватке.

Пролетариат всего мира шлет нам в день 1-го Мая, в светлый день всемирного праздника рабочего класса, свое горячее сочувствие, свой братский привет. Долой палача пролетарской крови! Долой международного жандарма! Вечная память мученикам свободы, героям борьбы! Этот клич облетит в день 1-го Мая все страны и земли, из конца в конец понесется он, и об'единит все горячие пролетарские сердца.

Сегодня 1-ое Мая. Рабочие и работницы, выходите на улицу. Соберемся на большие открытые митинги, обсудим свои нужды. Выработаем и громко провозгласим свои требования. Обсудим и решим, как нам бороться, как свергнуть ненавистное иго тиранов. Соберемся почтить память наших погибших братьев, и поклянемся во имя свободы, во имя рабочего класса, во имя ненависти к убийцам, довести до конца то дело, за которое они отдали свои жизни.

Да здравствует 1-ое Мая!

Да здравствует революция!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Екатеринославский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Прочитав, передайте товарищу.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ГОРНОЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

№ 8 ПЕРВОЕ МАЯ № 8

Товарищи! Приближается день Первого Мая, праздник рабочих всего мира. В этот день рабочие повсюду бросают работу, сходятся на собрания, устраивают торжественные шествия по улицам, поют рабочие песни. Какой смысл имеет этот праздник, и чего должны требовать рабочие?

Нам незачем раз'яснять, каково живется в настоящее время рабочим. Нищенская заработная плата, издевательство хозяев и мастеров, штрафы, прижимки, вечный холод и нужда—вот наш удел, такова наша нынешняя

судьба. Во всем мире капиталисты угнетают рабочих, эксплоатируют их, потому что всюду капиталисты владеют деньгами, машинами, властью, а рабочие имеют физическую силу, да рабочие руки. Капиталисты всего мира составляют один класс, рабочие—другой и, между ними нет ничего общего: что на пользу капиталистам, то на вред рабочим. Вот почему всюду между капиталистами и рабочими происходит борьба. Капиталисту выгодно, чтобы рабочие работали сверх силы за малую плату, чтоб они были невежественными, и не понимали своих интересов. Рабочие требуют, напротив, сокращения рабочего дня, увеличения платы, человеческого обращения, они требуют, чтобы борьба их с хозяевами не стеснялась законами, чтобы общими усилиями они могли заставить капиталистов пойти на уступки. Но и этого мало, мы знаем, что правительство всюду держит сторону капиталистов, оно издает законы, которые милы сердцу капиталистов, делает им разные льготы, мешает рабочим бороться за лучшую долю.

В грабительском союзе капиталистов и правительств — причина нужды и страданий рабочих. Разбить этот союз, и заставить этих капиталистов и правительство удовлетворить требования рабочих—вот в чем заключается задача великой борьбы рабочего класса.

Заграницей рабочие сделали уже половину этой задачи. Там нет уже ни одного государства, которым бы правил царь с чиновниками, как у нас. Заграницей власть царя заменяется властью самого народа. Все граждане избирают своих представителей, которые собираются (в парламенте) для составления законов. Народные представители устанавливают налоги и управляют страной. Цари, где они еще есть, не пользуются исключительной властью (Германия, Австрия) и не могут угнетать народ, потому что высшая власть принадлежит не им, а самому народу. Благодаря участию в управлении страной, рабочие заграницей добились лучшей жизни, они имеют возможность свободно устраивать стачку, об'единяться в союзы, сходиться на собрания, свободно обсуждать свои нужды, издавать свои рабочие газеты. Но и там борьба рабочих находится еще в полном ходу. Рабочим нужно еще многого добиться. Чтобы зажить полною человеческой жизнью, чтобы освободиться от кабалы капиталистов, чтобы уничтожить всякий гнет и эксплоатацию. И вот, в ознаменование этой борьбы, рабочие всего мира установили праздник 1-го Мая. В этот день они устраивают смотр своим боевым силам. Всюду они бросают работу, произносят речи о своих нуждах, устраивают шествия по улицам. Они требуют в этот день свободы, 8-ми часового рабочего дня. Враги рабочих воочию могут в этот день убедиться, какова сила рабочих, какова мощь этой грозной армии трудящихся, призванной освободить мир, и дать людям счастье.

Нам, русским рабочим, еще нужно бороться за то, что уже завоевали наши заграничные товарищи. Мы не имеем права устраивать стачек, собраний, союзов; мы должны прятаться от шпионов, чтобы печатать наши листки и книжки. Гнет и насилие царят у нас на каждом шагу. Каждое самое мелкое и ничтожное начальство командует и распоряжается нами. Законы издает царь с чиновниками, не обращая внимания на желания народа,

царское правительство взимает с нас налоги и расходует их по своему усмотрению, тратит народные деньги на войско и жандармов, отпуская копейки на нужды трудящегося люда. Миллионы всякого начальства окружило народ и не дает ему вздохнуть свободно. Фабричные инспектора, казаки, шпионы на фабриках, заводах и рудниках, земские начальники и урядники в деревнях зорко смотрят за каждым, держат нас в кабале, выколачивают подати, заставляют покорно сносить иго капиталистов и помещиков. В этом царстве беззакония ликуют и наслаждаются жизнью всякого рода хищники. Эксплоататоры, угнетатели, пользуясь порабощением народа, находясь под защитой правительства, они накопляют свои капиталы за счет жизни и здоровья рабочих. В то время, как жестокая безработица заставляет нищенствовать сотни тысяч рабочих, а в деревнях свирепствует голод, царь с капиталистами укрепляет свой союз, издает манифест, в котором извещает, что впредь будет править страной сам, по примеру своих предков, т.-е. по прежнему грабить и угнетать народ.

Вот почему нам предстоит более серьезная борьба, чем заграничным рабочим. Нам нужно свергнуть царское самовластие, добиться свободы и человеческих прав. Только став свободными гражданами, мы сумеем повести правильную борьбу с капиталистами, только завоевав права участвовать в управлении страной, мы обеспечим себе свободу, без которой наша жизнь превращается в сплошное мучение. Первое Мая должно стать и нашим праздником и нашим боевым днем. Во многих городах и у нас уже празднуют этот день. В прошлом году в Екатеринославе, Одессе, Саратове, Нижнем-Новгороде, Ростове, Вильне и многих других городах рабочие первого мая не работали и вышли на улицу с красными знаменами. Присоединимся же и мы, горнозаводские рабочие, к рабочим всего мира и громко перед лицом угнетателей заявим наши требования: 1) уничтожение царского самовластия, 2) участие народа в управлении страной, 3) свобода стачек, собраний, союзов, печати, 4) 8-ми часовый рабочий день.

Товарищи! Где возможно будет, устраивайте 1-го Мая шествие по улицам. Начертайте на красных знаменах наши требования. Бросайте повсюду в этот день работу и посвятите себя всецело великой борьбе за счастье и свободу рабочего класса.

Долой Царское самовластие!

Да здравствует Первое Мая!

Да здравствует свобода!

Да здравствует 8-ми часовый рабочий день!

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Ко всем рабочим и работницам гор. Николаева

1-го МАЯ

Товарищи, приближается день 1-го Мая, день всемирного праздника рабочих. В этот день рабочие всего мира бросают работу и в торжественных демонстрациях (шествиях) с красными флагами, с песнями о свободе, открыто

на улицах города, дружно заявляют свои требования: 8-ми часового рабочего дня и отмены милитаризма (солдатчины). И с каждым днем число рабочих, выступающих в этих демонстрациях, становится все больше и больше на страх всем эксплоататорам и угнетателям народным. И ни один крючок, начиная с квартального и кончая министром, не осмеливается остановить или запретить это мирное, первомайское шествие. Так происходит почти повсюду, кроме нашей России. Но русские рабочие не присоединялись до последнего времени открыто к требованиям заграничных товарищей не потому, что они были всем довольны: наоборот, русскому рабочему есть более причин жаловаться, чем какому-либо другому. Нигде заграницей заработная плата так не мала, как у нас в России, нигде рабочий день не бывает так продолжителен, и следовательно, нигде рабочему не живется так плохо, как на нашей родине. И наш рабочий прекрасно понимает, что работать 8-мь часов гораздо лучше, чем 18 часов в сутки, как у ремесленников. И когда русские рабочие в ответ на притеснения хозяев бросают работу и все вместе заявляют свои справедливые требования, правительство называет это бунтом, арестовывает наших лучших товарищей, а то даже приказывает стрелять в стачечников. Ни по каким законам мы не имеем права устраивать союзы, кассы, из которых мы могли бы брать помощь во время стачки, не имеем права издавать газеты, в которых бы говорилось о наших делах и нуждах (да и вообще в России правду писать не позволяется) мы не имеем права даже собраться для обсуждения своих дел. А все это нам необходимо для успешной борьбы с хозяевами, для борьбы за улучшение своего положения. Но почему же мы, русские рабочие, лишены тех прав, каким безнаказанно пользуются наши товарищи заграницей. Почему у нас разными правами и привилегиями пользуются только богатые, сильные? А потому, товарищи, что русские законы издаются не народом через своих выборных, как заграницей, а самодержавным царем и его продажными министрами, а то, конечно, выгодно держать народ в темноте и невежестве (чтоб легче было обирать и морочить его) и на стороне сильных и богатых.

И пока все это будет продолжаться, пока существует самодержавие, нам не добиться лучшей жизни. Многие русские рабочие уже вполне это сознали и в многолюдных демонстрациях (в Москве, Петербурге, Екатеринославе, Одессе и др. городах) выразили готовность бороться с самодержавием до последней капли крови для достижения своих человеческих прав, и в этот торжественный день, день 1-го Мая, когда силы всех недовольных рабочих сливаются в один могучий боевой клич, заставляющий трепетать всех врагов рабочего класса, бросим и мы, николаевские рабочие все как один человек, работу в этот день и присоединим свой голос к победному хору рабочих всего мира, требуя установления за нами 8-ми часового дня, и заодно с рабочими всей России будем требовать от правительства своих политических прав. Мы требуем права свободно устраивать союзы, собрания, стачки, свободно говорить и писать о своих делах: 2) мы требуем, чтобы законы издавались выборными от народа (парламентом).

Достигнув этих прав, мы будем ближе к царству социализма, к царству, где не будет больше ни бедных ни богатых, ни праздности, ни непосильного труда, а все будут трудиться в меру сил своих, где не будет власти одного человека над другим, где будет свобода, равенство и братство.

Вперед, товарищи, на борьбу!

Да здравствует рабочий праздник 1-го Мая!

Да здравствует социализм!

Да здравствует Р. С.-Д. Р. П.!

Долой самодержавие!

Николаевский Комитет Российской Социал-демократ. Рабоч. Партии

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем типографским рабочим

ТОВАРИЩИ!

Слишком долго мы терпим от гнета своих эксплоататоров—хозяев. С утра до ночи мы работаем на них, как каторжные, а что мы получаем за свой труд? Нам платят гроши за то, что мы надрываемся, а вдобавок к этому хозяева наши обращаются с нами не как с людьми, а как со скотом. Мы теряем свое зрение от того, что хозяева из жадности не хотят улучшить лампочек, а в награду за это нас немилосердно штрафуют, если случится иногда опоздать на свою каторгу на несколько минут, нас принуждают оставаться на сверхурочные работы и на бесплатные дежурства, а когда рабочему случится заболеть, хозяева отказываются его лечить. Мы целый день задыхаемся в мастерских, где нечем дышать, потому что алчные хозяева не хотят улучшить вентиляцию, а когда рабочий человек хочет отдохнуть немного, то ему не только этого не позволяют, но и в праздники заставляют работать.

Товарищи типографы! Долго ли мы будем беззащитными мухами? Долго ли пауки из нас будут кровь сосать?

Довольно. Мы не хотим быть рабами, мы хотим жить по-человечески. Как один человек, должны мы подняться на борьбу с капиталистами и дружно держаться до тех пор, пока хозяева не удовлетворят все наши требования.

Мы знаем, что хозяева обратятся сейчас же за помощью к полиции—жандармам. Мы знаем, что фабр. инспектор попробует угрозами и хитрыми речами уговорить нас, чтобы мы опять стали на работу и запрягались в свое ярмо. Мы знаем, что полиция захочет арестовать наших товарищей, а хозяева мелкими уступками попытаются склонить нас опять на работу. Ну чтож? На всякую попытку полиции вмешаться, мы грудью постоим за товарищей и дружно заявим: «Долой царских чиновников. Да здравствует политическая свобода». А на хитрые речи и обещания хозяев и фабричного

инспектора мы ответим: «Ни один из нас не станет на работу, пока не удовлетворят всех наших требований»:

Товарищи! Если мы сами не будем бороться за лучшую долю, то кто же нас защитит? Освобождение рабочих—есть дело самих же рабочих. Мы твердо должны это помнить. Наша сила—в единении. Так об'единимся же в прочный союз и выставим следующие требования:

1) Уменьшение рабочего дня до 8-ми часов.

2) Повышение платы на 50% всем рабочим, кроме газетчиков, у которых есть особые требования.

3) Полная отмена всяких штрафов.

4) Полная отмена обязательных сверхурочных работ и право хозяина оставлять на них только по соглашению с рабочим.

5) Двойная плата за сверхурочные работы.

6) Вежливое обращение со всеми взрослыми и мальчиками.

7) Бесплатная медицинская помощь и лекарства.

8) Сохранение за рабочими полной платы за все время болезни.

9) Выдача годовых книжек.

10) Установление праздника 1-го Мая с сохранением платы.

11) Накануне всех годовых праздников кончать работу за 1/2 дня до обычного времени, а пред евр. нов. год., судным днем и пасхой—за целый день.

12) Возвращение всех отмененных евр. праздн. и установление праздника в 1 день на русский нов. год, крещ., троицу, пасху и рождество.

13) В пятницу кончать работу в 4 часа дня для евреев, а в субботу—для русских с обеденным временем в один час.

14) Правильная выдача жалованья 15-го и 31-го числа каждого месяца.

15) В эти же дни выдавать и плату за сверхурочные работы.

16) Перед новым годом и пасхой выдача всем рабочим безвозвратной ссуды в размере недельного заработка.

17) Плата всем ученикам.

18) Установление часов в мастерской на видном месте.

19) Установл. умывальника, полотенца и мыла в каждой мастерской.

20) О начале и об окончании работы извещать звонком.

21) За опоздание на 15 минут не высчитывать, а свыше высчит. по размеру жалованья.

22) Перед обедом и вечером кончать работу на 5-ть минут раньше.

23) Устройство вентиляций, хороший и правильный надзор за чистотой в мастерских.

24) Не давать рабочему другой работы, пока он не кончил одной.

25) Никого не увольнять за стачку.

26) Платить за все время стачки.

ОСОБЫЕ ТРЕБОВАНИЯ РАБОЧИХ ТИПОГР. БАХМУТСКОГО И ГОЛЬДЕНБЕРГА:

27) Не употреблять бронзы при литографии, так как она вредно влияет на здоровье.

ОСОБЫЕ ТРЕБОВАНИЯ РАБОЧИХ ТИПОГРАФИИ ГОЛЬДЕНБЕРГА:

28) Установление нормы набора для газетчиков в 250 строк в день.

29) Установление минимальной платы за норму в 35 рублей в месяц.

30) За дежурства двойную плату.

31) За два субботних дня в месяц—двойную плату, как за сверхур. работу.

32) Не назначать одного рабочего на несколько машин.

33) Улучшение освещения, назначение особого человека для присматривания за ним; покупка стекол за счет хозяина.

Итак, товарищи, бросайте все работу и поднимайтесь на борьбу, уже давно по всей России восстал рабочий люд.

Так примкнемте же и мы к своим товарищам и дружно провозгласим:

Да здравствует стачка! — Да здравствует единение рабочих!

Елисаветградский Комитет Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

Привет вам, товарищи. Всему российскому пролетариату, всем борцам за наше великое социал-демократическое рабочее дело, привет и поздравление с наступлением нашего светлого, нашего всемирного, нашего рабочего праздника.

Из рода в род, из века в век,
Да чтится свято праздник майский.
То праздник братства и любви,
Свободы радостной и света, весны грядущей, вестник чудный.

Хмурится старая Европа, гремят орудия на Дальнем Востоке, щедро расточается кровь российского и японского пролетариата, буржуазные дипломаты всего мира стараются превзойти друг друга в кознях лжи, лицемерия и интригантства...

Вооружаются бесчисленные армии, строятся чудовищные броненосцы, возводятся несокрушимые крепости, целые миллиарды идут на то, чтобы отгородить один народ от другого, чтобы воспользоваться минутой и придушить слабого...

Тризну, кровавую тризну, справляют старые боги одрахлевшего буржуазного мира. Тризну, погребальную тризну, над своим собственным делом, делом вражды, крови, угнетения, человеконенавистничества, мрака и позора.

Взгляните: вот они, чудные символы нового века, новое знамя на небе «сим победиши».

Над этой обесдоленной страной, в эту тяжелую годину народных бед, мы попрежнему гордо и смело поднимаем наши светлые и чистые, наши майские знамена. Как светозарно веют они рядом с такими же знаменами наших, немецких и французских, английских и голландских, американских и испанских, австрийских и итальянских, наших японских и других товарищей-пролетариев почти всех стран мира...

Как все просто и ясно, честно и правдиво на нашем дружном, братском, рабочем празднике. Не нужно нам ни лживых нот, ни ловких дипломатов. Достаточно несколько лучей животворящего весеннего солнышка, чтобы весь мир прочел на наших знаменах наш первый всемирный, пролетарский, первомайский девиз:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Так решаем мы вопрос о границах, так отвечаем мы старому миру на его злобную травлю народа на народ...

Выше знамена, товарищи, тесно сплетайте их русское с японским, немецкое с фрацузским, Петербурга и Гельсингфорса, Москвы и Варшавы...

Нам не нужны многотомные трактаты международного гражданского, уголовного, полицейского и всякого другого буржуазного права, чтобы весь мир уразумел глубокий и простой смысл нашего второго всемирного, пролетарского, первомайского требования:

8-ми часового рабочего дня.

Мы не скот под‘яремный, мы люди. Нам нужен досуг для свободного развития своей человеческой личности, для удовлетворения своих духовных запросов, для отправления наших семейных, наших гражданских обязанностей. Да, наших гражданских обязанностей. Ибо во всем мире наиболее стойкими гражданами, наиболее передовыми борцами за дело гражданской свободы, наиболее верными слугами интересов всего человечества, оказались мы, пролетарии мира. И здесь, в этой стране гнета и насилия, своей кровью

доказали мы нашу гражданскую зрелость. Вот почему мы пролетарии, в день первого мая развертываем наше гордое, наше боевое

Красное Знамя.

Оно горит и ярко рдеет—то кровь работников на нем.

То честная кровь наших товарищей, павших в борьбе за лучшую долю рабочих, за свободу, за счастье нашей родины. Каждая капля этой благородной крови предотвращает целые потоки той крови, которую пролил бы российский народ, не будь у него мужественного защитника, пролетария гражданина.

От имени всего российского пролетариата в этот великий день нашего рабочего праздника, вечная слава и память вам благородным мученикам доблестного дела. Вот пароль славного пути наших павших борцов, нашей верной дороги.

Взгляните, каким трепетом, какой тревогой, охвачен весь вражеский стан в день нашего рабочего праздника. Сколько штыков держат они на готове, сколько казацких нагаек висят уже в воздухе, как мечутся и снуют их шпионы и полицейские. Они, вооруженные с ног до головы, трепещут нас—безоружных... Они со всеми своими тысячами попов, чиновников, продажных писак, лакеев профессоров, со всем тем дурманом, которым они уже столько веков опаивали трудящиеся народные массы, трепещут нашего простого, бесхитростного слова, наших ясных, как майский день требований.

Они знают, что наше слово—есть истина, а с истиной нельзя бороться ни ложью, ни штыками. Для истины из человеческого сознания только одна дорога—в жизнь. Они знают, что наши требования так просты, ясны, так напоминают всякий точно выраженный, великий, в своей простоте, закон природы, только потому, что они представляют точно выраженный закон истории.

За веком царей, королей, фабрикантов, чиновников, попов и жандармов наступает век свободных, равноправных людей—работников, граждан. За веком гнета, насилия, лжи, нищеты, муки и слез—светлое царство свободы, науки и счастья,—пролетарский социализм.

Где та сила, которая могла бы задержать зиму, предовратить весну, снова заморозить земной шар? Где та сила, где то правительство, которое смогло бы устоять перед солидарностью пролетариев всего мира, этим вестником весны всего человечества, торжественно чувствуемым нами в день первого мая...

И где тот новый пророк, который смог бы надеть «египетскую тьму» на наши прозревшие очи... Разве не видим мы отсюда, из нашего родного, несчастного края «долготерпения», как справляют этот веселый праздник мая наши более счастливые товарищи, граждане политически свободных стран. Свободно собираются они на многолюдных собраниях, смело говорят им об их жизни, о путях к лучшей доли их любимые вожди и ораторы. Правдивое слово пролетарской прессы свободно заливает всю страну. Величественными процессиями, с развевающимися знаменами, в своих лучших одеждах, в сопровождении своих жен и детей, гордо и торжественно пойдут

они по шумным городам, и ни войска, ни полиция не посмеют коснуться их. Они еще раз открыто и мощно заявят о своих нуждах и желаниях, и потребуют у правителей отчета в каждом затраченном народном рубле, в каждом призванном солдате. И правители должны будут отвечать в парламентах представителям рабочих, должны будут считаться с пролетарской волей.

Прозрели мы и не хотим, не можем, не должны быть слепыми. Нас не нужно вести, мы сами найдем дорогу. Наши правители должны быть выбраны нами, должны быть на отчете у нас. Мы должны знать, на что идет наш кровный труд, на что тратятся наши жизни. Мы хотим свободной печати, свободного слова. Мы хотим свободы союзов, собраний, сходок. Мы требуем политической свободы, республиканского правительства—правительства на отчете у народа.

От имени всего российского пролетариата долой самодержавие! Долой царя, расстреливающего наших братьев, гонящего нас в кровавую бойню, как стадо баранов! Долой самовластных министров, истерзавших грудь российского народа своими поборами, своими тюрьмами, штыками, нагайками!

Греческий мудрец Архимед сказал: «дайте мне точку опоры и я переверну весь земной шар». Мы пролетарии говорим вам: «дайте нам политическую свободу, дайте нам 8 час. рабочий день и мы покажем, как может быть счастлива жизнь на земле.»

Привет вам, товарищи, да светит вам ясно майское солнце!

Да здравствует российская, да здравствует международная социал-демократия!

1904 г. Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

Праздник светлый и свободный,
Славься, первый майский день,
Наш союз международный
Новым блеском ты одень.

Уж прошел и год десятый
С той поры, как целый свет
Облетел призыв крылатый,
В этот день работы нет.

Пусть же мчится в общем хоре,
Мировому гимну вслед,
Через горы, через море,
Наш торжественный ответ.

Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днепром,
Пусть наш отклик грянет разом,
Как весенний первый гром.

Наша жизнь идет в неволе,
Наша родина—тюрьма,
Нет позорней нашей доли,
Нет ужаснее ярма,
Встаньте, встаньте ратью смелой,
Силу дал нам бодрый дух.
Словно лен перегорелый,
Наши цепи упадут.
Разве даром так упорно
Напрягается рука
У пылающего горна
И жужжащего станка.
Пусть из горна это пламя
Хлынет вон живым ключом,
И осветит словно знамя,
Целый мир своим лучем.
Наш хозяин, тароватый
На увертливую ложь,
Соблазняет нас приплатой,
Посулив нам лишний грош.
На посул его лукавый,
Мы дадим один ответ:
Славься, праздник величавый,
В этот день работы нет,
За хозяином жандармы
Торопливо бьют в набат,
И выводят из казармы
Против нас ряды солдат.
Нас угроза не принудит,
Наш ответ готов давно:
В этот день труда не будет,
Мы решили заодно.
Встаньте братья, бодрой ратью,
Все в ряды, плечо с плечом.
Только дружно стать нам нужно,
Каждый враг нам нипочем.
Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днепром
Пусть наш голос грянет разом,
Как весенний первый гром.

РАБОЧАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног,
Нам враждебны златые кумиры,
Ненавистен нам царский чертог.

Мы пойдем в ряды страждущих братьев,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятье,
На борьбу мы его позовем;
Вставай, подымайся, рабочий народ,
Вставай на врагов, брат голодный,
Раздайся клич мести народной
Вперед.

Богачи, кулаки жалкой сворой
Расхищают тяжелый твой труд,
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб ругались они над тобой.
Вставай, подымайся, рабочий народ,
Вставай на врагов, брат голодный,
Раздайся клич мести народной
Вперед.

Тебе отдых—одна лишь могила,
Каждый день—недоимки готовь;
Царь-вампир из тебя тянет жилы,
Царь-вампир пьет народную кровь.
Ему нужно для войска солдаты:
Подавайте ему сыновей,
Ему нужны пиры и палаты:
Подавай ему крови твоей.
Вставай, подымайся, рабочий народ,
Вставай на врагов, брат голодный,
Раздайся клич мести народной
Вперед.

Не довольно ли вечного горя?
Станем братцы всюду зараз,
От Днепра и до Белого моря
И Поволжье и Дальний Кавказ.
На воров, на собак на богатых,
Да на злого вампира-царя.
Бей, губи их злодеев проклятых,
Засветись лучшей жизни заря.
Вставай, подымайся, рабочий народ,
Вставай на врагов, брат голодный,
Раздайся клич мести народной
Вперед.

Социал-демократический союз горно-заводских рабочих.

Товарищи, заучите эти песни наизусть, чтобы петь их на демонстрациях и собраниях.

Прочитав листок, передавайте товарищам.

В контору и полиции не отдавайте.

Не слушайте полицию, когда она не велит поднимать листовок.

Типография Союза 18 апреля (по русскому), 1 мая (по заграничному календарю) 1903 г.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПЕРВОЕ МАЯ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России (Бунд)

ПЕРВОЕ МАЯ

Первое мая. Великий всемирный праздник пролетариата. Праздник свободы.

В этот день все сознательные рабочие бросают свои душные мастерские-казематы, в этот день пустуют заводы, безмолвны машины, неподвижны станки; мертвая тишина царит повсюду, где вчера еще рекою струился пот, где вчера еще создавались из крови и нервов дорогие сокровища на усладу властителей мира, богатых и сытых тиранов-хозяев. Сброшены цепи. Нет больше рабства! При волшебном сиянии надежды, полные юной отваги и мощи, тысячи тысяч бодрых и смелых рабочих шлют друг другу братский привет в этот истинный *праздник рабочих*. Нынешний день—не праздник церковный по наказу попов и раввинов, с молитвой и смиренным покаянием, не праздник в память царей и вельмож, героев огня и меча. Сегодня праздник всех, кто на своей могучей согбенной спине держит *все величественное здание современного общества*, *праздник всемирного пролетариата*.

В каждой стране, в недрах каждого народа живет, живет и борется часть всемирной семьи пролетариата. Велика и многообразна борьба, ибо враг не дремлет, со всех сторон окружает рабочих, появляется в самых разнообразных видах. И как неодинаковы бывают окружающие условия, точно также многообразны и формы, в которых проявляется классовая борьба пролетариата. Но, где бы ни велась эта борьба, везде перед борцами единая цель, везде единая путеводная звезда озаряет их многотрудный путь сквозь вихри и бури житейской невзгоды; эта конечная цель—положить предел господству человека над человеком, уничтожить эксплоатацию. Ибо наше современное общество не что иное, как необ‘ятное поле битвы, на котором два громадных полчища стоят друг против друга, готовые к упорному бою. С одной стороны «законные» владельцы, свободно распоряжающиеся всем богатством общества, с другой стороны люди, свободные распоряжаться только своими мускулистыми руками; с одной стороны угнетатели, в чьих руках богатство обращается в орудие для высасывания из рабочих всех жизненных соков, с другой—порабощенные, потом и слезами создающие блага для своих врагов; с одной стороны, сытые

властелины, довольные жизнью и ея порядками, с другой—заклятые враги этого порядка, миллионы пролетариев, полные жгучей ненависти к тиранам воодушевленные надеждою, готовые с несокрушимым мужеством бороться до последней капли крови.

И ведется эта великая историческая борьба между лагерями противников, и все ярче разгорается битва, и все теснее смыкаются ряды. Какая огромная разница между обоими сторонами. Нет согласия в стане угнетателей. Словно голодные волки, стоят они друг против друга, готовые с яростью вцепиться в горло друг другу, готовые задушить своими руками своих же товарищей. Острым отравленным орудием, которому имя—конкуренция, они нещадно избивают друг друга и павших сейчас же выбрасывают из своих рядов. Угнетатели одной стороны с остервенением накидываются на угнетателей других стран, богачи одного народа со скрежетом зубовным наносят смертельные удары своим же братьям богачам другого народа. Стоны и проклятья раненых оглашают воздух. Лицемерие, коварство, подлизыванье и зависть, едкая, истребляющая душу зависть—вот узы, которые их связывают, вот цемент, скрепляющий эту хищную орду... И все меньше становится их сила, и все беспощаднее междоусобная война, и все бледнее надежды на лучшее будущее.

И в то же время, какое братское единение, какая солидарность в рядах другой армии—армии труда. Один враг вызвал к жизни эти миллионы пролетариев, один гнет сплотил их в могучую силу и одно стремление направляет эту силу по трудному пути. Не может быть вражды и разлада в семье пролетариата, ибо чем больше сплотятся ряды рабочей армии, чем прочнее будет их союз, тем успешнее будут они нападать на вражеский стан, тем дружнее будет их натиск, тем ближе они подвинутся к заветной цели. Не может быть распри между пролетариями разных народов, ибо нет у них противоположных интересов, нет противоречивых стремлений: у них один только общий враг—капиталисты, одна общая цель—царство социализма.

В этом царстве не будет ни слез, ни цепей, не будет богатых и бедных, хозяев и работников, властелинов и подвластных, сильных и слабых, угнетателей и угнетенных. В этом царстве будет вечным светом сиять солнце любви и согласия. Исчезнет корень всякой эксплоатации, не будет частной собственности, не будет интереса и возможности увеличивать эту собственность принудительным трудом неимущих. Все общество—единая семья равных и свободных граждан, все общество—единый владетель всего богатства. Все граждане обязаны работать, работать на общую пользу, все работают по мере сил и способностей, и все получают равные доли в продукте коллективного труда. Нет ни зависти, ни вражды, исчезли войны с потоками крови и неисчеслимыми жертвами. Все живут в мире, все имеют возможность широко развить свои физические и духовные силы, все с неутомимой жаждой устремляются к источнику знания. Словно пышный цветок под ласковыми лучами весеннего солнца, расцветает человеческий дух, под охраной вечного мира в царстве социализма..

Царство социализма—это великая идея, которая об‘единяет всех борцов-пролетариев во всех странах и народах. Но тяжела и упорна борьба, долга и утомительна дорога, велики еще силы врага, и занятым повседневной борьбой на месте, обремененным тяжелым трудом, нашим товарищам в одной стране редко приходится слышать слово привета из уст товарищей других стран. Знают они, движутся могучие рати по тому же пути борьбы и в то же царство свободы, знают—развеваются красные знамена повсюду, где свет сознания озаряет голову рабочих, ведают они все это, но им некогда оглядеться, некогда приветствовать товарищей, некогда обменяться братским пожатием руки.

День всеобщего единения, день мирного взаимного привета во всей пролетарской семье всего мира—это день первого мая, праздник социализма. Как один человек, сбрасывают с себя в этот день все сознательные пролетарии всего мира капитал, цепи рабства. Евреи и русские, поляки и французы, немцы и итальянцы—все с одинаковым торжеством празднуют этот день, показывая всему миру, что солидарность всего пролетариата не пустая греза, не сладкий сон, не звучное словечко—плод досужей фантазии, что все виды борьбы пролетариата во всех странах—суть только частные проявления великой всеобщей классовой борьбы пролетариата за свое освобождение, что растет и зреет сила, которая опрокинет вверх дном весь существующий строй, снесет до основания здание эксплоатации и введет царство социализма.

Праздник первого мая—это первый шаг, в котором всемирный пролетариат приучается выступить одновременно всеми своими частями, это прелюдия к той великой драме, которая будет разыграна всем пролетариатом—к социальной революции.

Завтра опять потянутся серые трудовые дни. Опять мы будем сидеть в наших мастерских. опять будем создавать сокровища нашим хозяевам, но в нашей душе все будет ликовать, будет крепнуть наш дух, будет расти наша бодрость, гордостью будут сверкать наши взоры: на нашей стороне сила, мы создадим новый мир.

* * *

Товарищи! В великой пролетарской семье мы, еврейские рабочие, занимаем не последнее место. Воодушевленные стремлением к свободе, под знаменем социализма, мы, рука об руку, с нашими товарищами—пролетариями всей России, ведем борьбу с темными силами нашего отечества. А эти силы велики. Тяжелым, мрачным кошмаром залегла по всему лицу родной земли самодержавная деспотия. Она высосала до капли все соки страны, она тяжелым камнем лежит на пути экономического и культурного развития. Она готова подавить всякое свободное движение, всякую свободную мысль, всякое проявление борьбы пролетариата за лучшую долю. Страна переживает тяжелый экономический кризис: тысячи рабочих бродят без работы, умирают с голоду, пополняют ряды нищих и преступников. В деревне, среди крестьян, картина не менее безотрадна. А тут еще самодержавное правительство начало войну с Японией, в интересах ничтожной

кучки крупных капиталистов и с целью поднять собственный престиж— эту несчастную войну, которая больше обострит кризис, увеличит число безработных, умножит сумму бедствий, нужды и горя. Но все это не в состоянии остановить великое движение пролетариата, все это придает ему еще больше бодрости, укрепляет его энергию и закаляет силы для борьбы с врагом. Азиатская деспотия дрожит под ударами, которые сыплются на нее из сильных рабочих рук, и в страхе за свою жизнь, она отражает против нас свою свору. Кишеневская резня, гомельское побоище, реки пролитой крови на улицах Златоуста, Киева, Тифлиса и др. городов России, штыки и нагайки, тюрьмы и истязания, шпионы и жандармы—вот средства, которыми она думает победить великана—российское рабочее движение. Взрывами ложного патриотизма, подогретого вином и ложными известиями с театра войны, думает она заглушить громкий голос борющихся рабочих. Буржуазия—та тоже не дремлет, та тоже прилагает все усилия, чтобы затемнить нашу мысль. Сотня мерзких тварей выползает из разлагающегося трупа сионизма, лезет к пролетариату, с целью отклонить его от пути классовой борьбы. Напрасны усилия. Напрасно хлопочут сладкоречивые апостолы буржуазии и ее слишком красноречивый слуга— русское самодержавие. Растет мощь рос. с.-дем., растет и крепнет также сила еврейского пролетариата. Массовые стачки на юге России, которые словно пожаром зажгли огромное пространство, большие политические демонстрации с десятком тысяч участников—таков ответ российского пролетариата, в общем. Всеобщая стачка в Белостоке, сотни меньших стачек, политические собрания, организации самозащиты—таков ответ еврейского пролетариата, в частности. Крепнут силы, углубляется сознание, шире захватывает борьба.

Товарищи! Мы должны провести праздник социализма так же, как и все борющиеся соц.-дем. Мы должны в этот день бросить работу, устраивать большие собрания и, где возможно, демонстрации, мы должны показать царской деспотии и капиталистическому миру, что близится день расплаты, что суд идет.

Вперед к борьбе! Пусть раздастся наш пролетарский возглас:

Долой самодержавие!

Да здравствует демократическая республика!

Долой эксплоатацию и милитаризм!

Да здравствует 8-часовый рабочий день!

Да здравствует социализм!

Центральный Комитет «Бунда»

Апрель, 1904 года Типография «Бунда»

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1-ое МАЯ

Грохот пушек, частый треск ружейных выстрелов, стоны умирающих несутся к нам, товарищи, с Дальнего Востока: Сотни тысяч солдат стоят друг против друга, брошенные навстречу смерти русским и японским

правительствами. Во славу царя проливается народная кровь, и ею пита ются народные эксплоататоры, живущие теми бедствиями, которые несет народу война, богатеющие, когда народ голодает.

Война, открытая при помощи броненосцев, пушек и ружей, сразу убивает, разоряет и обездоливает сотни тысяч людей. Но проходят месяцы, эта война стихает, оставив на долго после себя странные следы, и жизнь нынешнего общества вступает в прежний серый путь, на котором без шума и треска, без пушек и мин идет тоже разрушение человеческих сил, тоже калечение тела и души, те же убийства, тот же грабеж. Эта незаметная война внутри страны создается теми же порядками, которые вызывают войны между разными государствами.

Посмотрите кругом себя, рабочие и работницы. Вы увидите, что создаваемое вашим трудом остается в руках капиталистов, за вычетом той малой доли, которая отдается рабочему классу для того только, чтобы он мог постоянно поставлять капиталистам нужное количество новых рабочих сил, ни больше ни меньше. Если число рабочих больше, чем их выгодно нанять капиталистам, хозяева понижают заработную плату, и страх голода заставляет рабочих продавать свою рабочую силу за эту пониженную плату, вынуждает их за меньшее количество хлеба отдавать хозяину больше труда, больше здоровья. И тогда в полицейских списках растет число умерших от болезней, вызванных нуждой и лишениями. Что значит кратковременная война на суше или на море, в сравнении с этой постоянной войной богатых против бедных, в которой гибнут тысячами рабочие и их дети от болезней, порождаемых нищетой.

Взгляните на эти созданные вашим трудом громадные дорого стоящие машины, помощью которых ваши же руки каждый день производят богатства для ваших эксплоататоров. Каждая из этих машин на своем веку искалечит и убьет больше рабочих, чем иная пушка во время войны искалечит и убьет вражеских солдат. Чтобы приманить покупателей более дешевыми ценами на товары, капиталисты взапуски друг перед другом, экономят на тех грошах, которые они тратят на охрану рабочих в этой бешенной погоне за барышем, ни во что не ставится здоровье, силы и сама жизнь работника.

Та же мирная война идет и в деревне, где между миллионами крестьян, идет свалка из-за того, кому владеть землей. Обобранное дворянами, ограбляемое правительством, большинство крестьян, час от часу, разоряется, и с каждым годом новые сотни тысяч вчерашних самостоятельных хозяев уходят в наймы к капиталистам. Чтобы отстоять свою самостоятельность, крестьянин должен стараться расширить свое хозяйство, забрать больше земли, правдами и неправдами достать денег. И вот начинается глухая борьба за существование, в которой на одного счастливца, добывшего себе прочную хозяйственную самостоятельность, приходится 10 несчастных вытолкнутых окончательно на путь нищеты, на путь вечного наемного рабства. За место на фабрике, за возможность получать работу в мастерской идет глухая борьба между многими пролетариями. На одного имеющего сегодня работу, приходится несколько оставшихся без хлеба. Каждый,

занятый на фабрике, толкает против своей воли на путь нищенства или на путь преступлений того, кто не нашел себе работы. Каждая женщина, получившая заработок, сама того не ведая, вынудила свою менее счастливую подругу добывать хлеб продажей своего тела. Везде война, везде царит капитал, где все, что нужно людям для жизни—земля, фабрики и другие средства производства—принадлежит кучке богачей, тогда как громадное большинство людей не может прожить иначе, как нанимаясь работать на этих капиталистов.

Против этой войны восстали сознательные рабочие. Они вступили в борьбу против гнусного царства эксплоатации и грабежа. Они об'единяются для того, чтобы повести войну против войны. Вместо преступной войны каждого против всех и всех против каждого, они провозглашают единств. справедливость—войну класса рабочих против класса капиталистов и против всех, кто поддерживает и охраняет господство капиталистов. И когда эта война приведет рабочих к победе, то рабочий класс положит конец нынешним войнам, как между разными государствами, так и между гражданами одной страны. Рабочий класс уничтожит все эти войны тем, что отнимет у нынешних капиталистов все богатство: созданное и обработанное трудом рабочих: машины, фабрики, землю и сделает все эти средства производства общею собственностью, которою будут пользоваться все желающие работать для того, чтобы получить плоды своего труда, не отдавая, как нынче, львиные доли тунеядцам-капиталистам и их прихвостню—правительству. Тогда не будет ни богатых, ни бедных, ни невольных преступников, ни людей, вынужденных жить милостыней, ни безработицы для одних, в то время, как другие работают через силу, ни голодных и ни не одетых в то время, как товары гниют на складах капиталистов. Общий, равно распределенный труд обеспечит всему человечеству то благосостояние, при котором каждый сможет развивать все свои способности, сможет жить человеческой жизнью.

Общность интересов всех людей уничтожит ту войну, из-за куска хлеба, которая нынче заставляет людей убивать своих братьев, которая русского делает врагом еврея, поляка немца, как конкурента на один и тот же кусок хлеба. Прекратятся нынешние кровопролитные войны между разными государствами, так и исчезнет их причина—господство капиталистов и чиновников, живущих грабежем и ради грабежа посылающих русских и японских солдат убивать друг друга. Станут никому ненужными миллионные армии, стоящие народу сотни миллионов рублей в год, служащие средством для усмирения крестьян и рабочих, когда они борятся за улучшение своего положения. Уничтожьте современный порядок и создайте порядок социалистический и только тогда не будут пустыми словами—братство всех людей, только тогда осуществятся свобода и равенство для всех.

В день 1-го Мая—этот праздник нового мира, который заменит прогнивший мир грабежа и насилия, в день 1 мая рабочие всех стран открыто провозглашают, что они считают себя братьями без различия веры и национальности, что у них общая цель—социализм, что у них общий враг—

капиталисты и правительства, что они подают друг другу руки, чтобы сообща завоевать себе светлое будущее.

Рабочие всех стран требуют в этот день, чтобы повсеместно был введен 8-ми часовый рабочий день, чтобы прекратилось безграничное расхищение сил и здоровья рабочего класса, чтобы он получил возможность зажить хоть сколько-нибудь по человечески и более успешно вести свою борьбу.

Рабочие всех стран требуют, чтобы прекратились всякие войны между народами, чтобы лучшие молодые силы не отрывались от труда военной службой, чтобы не было постоянных армий.

Мы, рабочие России, присоединились к этим требованиям международного пролетариата, с каждым годом у нас растет число участвующих в майском празднестве. И к этим общим требованиям всех рабочих, мы прибавим еще одно: чтобы за нами были признаны те права, которыми пользуются рабочие других стран, чтобы нас не судили и не преследовали за стачки и собрания, чтобы мы имели право организовываться в свои союзы и печатать свои газеты, чтобы никто не был преследуем за свободное слово, чтобы мы участвовали, как свободные граждане, чрез своих выборных в издании законов, в управлении государственными делами. Словом, чтобы на место царского самодержавия, выгодного только для кучки дворян и капиталистов, стала демократическая республика (народное управление).

Рабочие и работницы! Если вы сознаете необходимость бороться за эти требования, если вы понимаете, что только общей дружной борьбой за них вы улучшите свою жизнь, примите участие в праздновании первого мая, чтобы показать всему миру, что и в России, как и везде рабочие об'явили войну всем капиталистам, что и русские рабочие присоединяются к своим братьям в других странах для общего протеста против насилия, гнета, против человекоубийства и национальной вражды, для общей борьбы за счастье всего обездоленного человечества.

Каждый, чем может, должен принять участие в этом празднике рабочего класса. Где можно, открытой демонстрацией на улице, где можно, общей забастовкой, где этого нельзя—тайными собраниями, участвуйте в день 1 мая. Каждый обязан внести свою лепту в великое дело освобождения рабочего класса. Распространяйте наши листки, собирайте деньги для их издания, для помощи товарищам, которых бросило в тюрьмы и ссылку царское правительство. В этом году 1 мая должно послужить нам для того, чтобы показать всему миру, что русские рабочие не хотели и не хотят той войны, которую затеяло царское правительство.

Громко и открыто повторяйте везде наши требования, кровные требования сознательного пролетариата.

Да здравствует 8-ми часовый рабочий день!

Да здравствует политическая свобода!

Долой самодержавие!

Долой постоянную армию и да здравствует мир!

Долой капитализм и да здравствует международное социалистическое рабочее движение!

Изд. Донецкого Союза Р. С.-Д. Р. П. 1904 г. Редакция «Искры»

РЕВОЛЮЦІЙНА УКРАЇНСЬКА ПАРТІЯ.

ДЕНЬ 1 ТРАВНЯ.

Борітеся—поборете!

Панове громадяне!

Велике діло для робочого чоловіка день празника—свята. В той день він дає спочинок своїм натрудженим рукам, що гірко працювали на якогось панка, він кладе наболілу голову на тверде своє ліжко і сном хоче забути невсипуще горе своє, неутішну журбу свою. Але важко приспати намучене серце, важко прогнати коротким легким сном важкі, довгі думи.

Хіба можно не бачити, як у те-ж таки свято одягає пан свої шовки і оксамити, на яких ще не висхла мужицькая кров і роскішними кіньми їде до церкви хвалити бога за те, що йому пощастило в цей рік здерти три шкури з своїх мужиків. Хіба можна не бачити, як піп кадилом махає до бога і тут же завидючим оком загляда у кишеню робітника, горівника-селянина, чи не зосталося там якоїсь копійчини, щоб перепровадити її в свій безодній гаманець.

А чиж є у нас справжнє свято. Чи є у нас хоч один такий день, коли-б наше серце тихо спочило? Чи є такий день, коли-б хоч раз нам світила надія на краще життя?

Є, пани-браття, є, та не знаємо ми, селяне, того єдиного робітничого свята. А свято те, той великий наш празник, є день 1 травня. Не шукайте його по календарях, не ждіть у сей день веселого дзвону з високих дзвіниць, не чекайте, щоб закликав вас товстий ваш піп нести свої останні копійки йому у кишеню. В день сього свята не впиваються пани нашою кров'ю, бо не попівське се свято,—це свято робітників, це празник робочого люду.

В цей день 1 травня по всьому евіті мильйони робітників кидают всяку роботу і спочивають не тільки тілом, але серцем і душею. В сей день вони збіраються до купи, читають, розмовляють і судять—гадають, як збутися панів та царів. А по великих містах—городах численні валки робітників з фабрик, заводів, тисячі студентів, студенток выходять на головні вулиці і могутніми співами святкують цей день. Певно не раз доводилося вам чути, що наші діти—салдати—там побили, там прибили, а там повбивали—постріляли сотні тисячі цих студентів і робітників. «Вони бунтували» кажуть вам ваше начальство, ваші кати, земські начальники, урядники, посередники і всяке панське сміття. «Вони бунтували, так їм і треба» —кажете і ви за ними.

— Так, пани-браття, вони бунтували. А чи ви знаєте, що то за «бунт?» Чи знаєте-ж ви, що вони бунтують проти тих, що катують і нас селян, і їх робітників? Чи знаєте-ж ви, що вони, йдучи в день цього свята 1 травня по вулицях города з могутніми співами, не кривдять бідного, не обижають слабого, не покривають неправди. Чи казало-ж вам це ваше начальство? Певно не казало! Певно не казало воно, які пісні співають, ті «бунтарі» в день сього свята.

А співають вони про всі кривди робочого пригнобленого люду. Співають вони про те, як пани фабриканти ошукують робітників на своїх фабриках, співають і про те, як пани, земельні власники визискують на своїх ланах робітників-селян. Співають ті «бунтарі» і про ті права, що не в панських законах списані а про ті, що дійсно мусить мати робочий люд. А права ті, пани-браття, великі права, та мовчать про них гнобителі наші. Мовчать, вони, що той тільки має право володіти землею, хто сам власними руками обробляє її. Мовчать вони, що той має право жити на світі, хто робить—працює, хто в поті чола заробляє свій хліб. Мовчать вони, бо знають, що їм, панам-дармоїдам, нема місця на світі. Мовчать вони про се, а пускають брехні між людей, щоб здурити голови, щоб не «бунтували» ні селяне, ні робітники, щоб кормили і на далі гнобителів-панів.

От це то і співають студенти та робітники в день великого свята першого травня. Бо бачуть всю їхню брехню, бо знають, чого всьому працюючому люду треба.

Не приятелі, а кати всі наші пани, не треба нам їх. Працюючий люд робить, кормить усіх, він повинен і управлятися сам собою своїми-ж робітниками, а не дармоїдами.

Не той на землі, хто силою загарбав її собі, хто чужими руками оброблює її, а той на ній пан, хто потом своїм поливає її, хзо робить, працює на ній.

От це то й співають студенти та робітники в день першого травня От за це то і б'ють їх, от за такий «бунт» і стріляють їх, полосують нагайками, морять по тюрьмах. А ми і не співаємо, ми і не «бунтуємо», а все-таки нас б'ють. Ми тільки вміємо стогнати та хилитися в панському ярмі. Ми тільки вміємо молитися та хвалити бога за катів своїх.

Чого-ж чекаєш ще ти, сірий, бідний люде! Кого похилений, пригнічений. ти ждеш? Якому богові бажаєш ще молитись? Покинь прохання! Молився вже ти. Віка молився ти крівавими сльозами, благаючи катів своїх. Чи чув хто з них твій стогін цей крівавий? Чи хто із них, з твоїх панів твоє чоло над працею похилене, твої мозолі бачив на руках?

Чи чув хто з них, як син, єдиний син твій з голоду вмірав, рвучи предсмертним хрипом твоє покромсане серце? Чи бачили вони прокляті, той цар неситий, попи, пани, начальство все твоє, як ти ховав в голодний год усіх рідних і самотою доживав свій вік, голодний і сумний.

Ні! Вони тоді не чули! Вони не бачили тебе, вони і знать тебе не знали! Кому ж молитися ти хочеш? На кого уповання складаєщ? Кого сльозою вмолити думаєш? Сльоза твоя на камінь пада, на диких звірів все уповання твоє.

Схопись-же, люде темний, убогий, забитий! Покиньте,-же, браття, дурні надії на царську ласку. На себе одних покладайте надії! На тих уповайте, хто знає і чує горе наше, хто робить, працює.

Робітники, селяне, то ваші брати. З ними, з тими, кого б'ють, стріляють на сих «бунтах», хто святкує день першого травня, нам треба брататися, нам треба єднатися.

Кидаймо-ж, панове, в цей день всі роботи, святкуймо великий і славний цей день, хай знають пани, попи та царі, що і ми маємо таке свято, коли надії наші воскресають, коли ми не працюємо на них. Хай знають, що кождого року вони мають труситися в цей день перед нашою силой, що незабаром з'єднається і скине їхнє прокляте панування.

Кидаймо-ж усякі роботи в цей день, пани-браття, читаймо розумні книжки, сходимося до купи, гуртуймо, єднаймо наші сили, бо недалеко той день, коли треба всім разом повстати по всій Україні, за правду, за долю за щастя своє!

1904 р. Закордонний Комітет Р. У. П.

Харківська вільна громада
Революційної Української Партії.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

1-ое МАЯ, 1904 год.

1-ое мая, как праздник солидарности и единения пролетариата в борьбе с буржуазией, празднуется всеми сознательными рабочими во всех промышленных странах. В этот день как бы происходит смотр боевых сил великой армии пролетариата. На западе устраиваются грандиозные процессии с красными знаменами, с огромными надписями на них: «Да здравствует социализм», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Восьмичасовый рабочий день» и другими требованиями пролетариата. Под звуки военного оркестра и революционных песен батальоны рабочих стройно движутся по главным улицам города, напоминая всему миру о грядущей пролетарской революции и экспроприации эксплоататоров-капиталистов. В России, в силу особых условий народной жизни, где рабочим приходится бороться не только с буржуазией, но и с царским правительством за право этой борьбы, для которой необходима политическая свобода, свобода собраний, коалиций и стачек, свобода слова, где борьба с самодержавием в настоящее время обострилась до крайности, в силу всех этих условий, празднование 1 мая у нас в России несколько отличается от западно-европейского: к требованиям экономическим и социалистическим присоединяются требования политической свободы, свержение самодержавия и другие. Толпы народа неудержимо несутся по улицам, потрясая воздух кличем свободы. Полиция или благоразумно исчезает, или разгоняется камнями. Возгласы: «Да здравствует социализм», сливаются с криками: «Долой самодержавие». Это демонстрация. Это праздник революционной социал-демократии. Во всех больших промышленных городах России в этот день приостанавливаются фабрики и заводы, которые покидаются рабочими для принятия участия в уличных сходках и демонстрациях. В нашем городе революционная деятельность началась сравнительно недавно, невелико еще и число сознательных рабочих, поэтому в этом году мы, пермские рабочие, с глубоким сожалением, должны отказаться от мысли отпраздновать 1 мая демонстрацией. Желая,

однако, так или иначе, присоединиться к международному празднику рабочих, мы призываем всех товарищей не работать первого мая. Пусть знают все враги рабочего класса, что и в Перми не за горами то время, когда рабочие выйдут на улицу отпраздновать этот день демонстрацией.

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

«В борьбе обретешь ты право свое».

ПЕРВОЕ МАЯ

Всякому человеку жить хочется. И жить хочется не так, как теперь приходится всякому честному труженику, не так, как живет наш теперешний изголодавшийся и измученный земледелец, рабочий, интеллигент—жить хочется не для одного только куска хлеба, ибо «не хлебом одним будет жить человек».

Хочется иной раз хоть денек пожить без этой ужасной, вечной заботы о своей семье, о своих детях, о работе. Хочется подумать о том, что видишь вокруг себя, подумать, что, и для чего создано, и как это все на свете творится, и как должно быть; хочется оторваться от ужасных картин безотрадной жизни, где всякий городовой над тобою начальник и унестись мыслью в то далекое время, где не будет ни униженных, ни оскорбленных, когда все люди сольются в одно стройное целое, все будут равными и счастливыми.

Кто создаст это будущее счастье? Кто заставит работать паразитов, кто заставит разделить между всем человечеством земные блага, кто заставит уважать человека, кто уничтожит произвол царей, министров, пьющих соки человечества? Кто заставит созвать всенародный земский собор и на нем решить все дела об устройстве русской жизни? Те, что умеют работать и не живут чужими трудами, те в ком бьется горячее, чистое сердце, те, что любят людей и правду и умеют постоять за них.

Да, хочется иной раз, хоть денек, подумать о том, что на свете творится и как должно быть. Хочется хоть одного праздника, настоящего, хорошего, своего, не поповского праздника.

Братья-товарищи, этот праздник—день первого мая.

В этот день во всех краях наши товарищи по уговору, вот уже 15-й год, бросают работы и с красными знаменами выходят толпами на улицы, чтобы бросить миру угнетателей вызов, чтобы показать свою силу, чтобы сказать, что, когда под их знамена станут еще новые силы, придет конец царству зла.

Воздух дышет весенним теплом, согревая тысячные толпы рабочих, так мало знающих тепло и радость. Лица демонстрантов горят одушевлением, глаза верой в светлое будущее. А в мозолистых руках рабочих знамя стоит высоко, и на знамени блестят надписи:

Да здравствует социализм!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует 8-ми часовый рабочий день.

Да здравствует земский собор! Долой самодержавие!

Товарищи - работники на Волыни! Нас еще мало в городах, мало в деревнях, мы еще не выходим на улицу. Пока наш рабочий праздник проходит тихо, незаметно. Но настанет день, когда и наша струя любви к правде и ненависти, ко злу смело вольется в общий поток движения.

Будем же работать, будем верить.

Волынский Комитет

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

«В борьбе обретешь ты право свое»

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПЕРВОЕ МАЯ!

Трудящийся, обездоленный люд! Ты—рудокоп, никогда не согреваемый ласковыми лучами солнца, ты ремесленник с вечно согнутой спиной над спешной работой, ты—рабочий на фабриках и заводах, вечно заглушаемый стуком колес и машин, обдаваемый полымем печей; вы—матери, сестры и жены, раставшиеся со своими кормильцами, отнятыми у вас царем для жестокой войны... все те, кому трудно живется, бросим сегодня ненавистную работу на эксплоататоров и встретим торжественно 1 мая, праздник масс трудящихся и угнетенных, праздник братства, свободы, равенства.

Счастливы наши западные товарищи, они уже завоевали себе политическую свободу. Над нами же свинцовой тучей, тяжелым кошмаром нависло мрачное пугало—самодержавие. Мы связаны им в своей борьбе за лучшее будущее; мы бедны и голодны, ибо наши недостатки поглощаются ненасытным правительством и защитником его—войском. Нас держат в темноте и невежестве, задерживая открытие школ, сотнями увольняя сознательных студентов, опутывая стеснительными законами всякое свободное слово, давая полную волю лишь проповеди попов и других мракобесов. За всякое смелое слово, нецензурную строчку - нас садят в тюрьму, где над нами всячески издеваются, оскорбляя наше человеческое достоинство; коварнейшим образом нас отвлекают от нашей борьбы с самодержавием, натравливая одно племя на другое, вызывая грязную национальную ненависть и, наконец, наступающую революцию хотят потопить в крови, проливаемой русскими в войне с японцами, войне бессмысленной, бесцельной и жестокой.

Товарищи, да можно ли перечесть все муки, претерпеваемые нами от гнусного самодержавия? Нет!

«Довольно нам вечного горя,
будем дружно бороться зараз».

Свержение самодержавия и самоуправление—первая цель нашей борьбы. Тогда только мы сумеем свободно бороться за социалистический строй, при котором не будет ни бедных ни богатых, когда все люди будут братьями и не станут бессмысленно истреблять друг друга. Теперь же, в ответ на все наши законые требования и протесты, нам отвечают нагайками, пулями и ссылкой.

Долой же самодержавие, долой его прихвостня—чиновничество!

Дружно и смело, сомкнутыми рядами, как один человек, под красным знаменем, выйдем на улицы и запоем песнь свободе, и полной грудью крикнем проклятье насилью, гнету и войне. Выйдем все, кому трудно живется, все, у кого бьется благородное сердце, кто не в силах смотреть равнодушно на человеческое горе.

Долой самодержавие!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует международный праздник рабочих—1 мая!

Екатеринославский ком. партии социал-революционеров

29 апреля, 1904 года.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

Солнце, которое взойдет с востока над землей 1 мая 1905 года, в день пролетарского праздника, увидит страшную картину смерти, разрушения и беспощадной борьбы. Оно увидит манчжурскую равнину, это великое неоплаканное кладбище многих сотен тысяч сынов русского и японского народа. Идя далее с востока на запад, оно увидит необ'ятную Сибирь на севере которой томятся наши братья и сестры, лучшие дети нашего народа. Оно увидит Сибирскую жел. дорогу,—это узкое русло, по которому из России на Дальний Восток в течение многих месяцев движется поток молодых жизней, а на встречу поток калек и увечных. Оно увидит далее всю нашу родину, истомленную, истерзанную, покрытую ранами и запекшейся кровью. Оно увидит затравленное русское крестьянство, у которого иссяк источник терпения и которое мольбу заменило проклятием. Оно увидит, как по нашей истощенной родине ползут отвратительные эпидемии и пожирают несчастные жертвы. Оно увидит, как кровожадные правительственные своры, более страшные чем самые опустошительные эпидемии носятся из конца в конец в сопровождении войска и навстречу вспышкам народного негодования несут истребления. Оно увидит героическое население наших окраин, невыпускающее из рук оружие. Оно увидит мятежные улицы наших городов и камни их мостовых, омытые кровью и вопиющие к небу. Оно увидит российский пролетариат в последней решающей битве с самодержавным чудовищем. И далее, на западе, оно увидит пролетариат свободных стран, который соберется на бесчисленные сходки, чтобы снова, в день 1 мая, дать клятву бороться до конца, доколе на свете останется хоть один угнетенный.

Всюду борьба и всюду передовым борцом выступает пролетариат. Он говорит на разных языках, он различается по внешнему виду, повсюду, где пар и электричество проложили себе дорогу, он один и тот же. Он содержит общество своим напряженным трудом. Его дети худосочны, его старики голодны, его дочери продают себя на улицах. Он работает и борется. Пролетариат,—это каторжник, прикованный цепью нужды к тачке капитала, но это каторжник, который не хочет смириться. Он борется

как лев, за каждый глоток воздуха, за каждый луч света. Первое мая—это суровый праздник его борьбы.

Всемирный пролетариат требует восьмичасового дня и это требование он сделал лозунгом майского праздника.

Товарищи рабочие! Держитесь этого лозунга и впредь, как вы его держались до сих пор. Распространяйте его и вширь и вглубь.

Впереди еще долгий период революции. Еще предстоят решительные схватки с самодержавием, еще предстоит народное восстание, а затем переустройство всего государственного строя. И непосредственно после падения царизма на вас, рабочие, будет лежать обязанность привлечь к сознательной, политической жизни крестьян, сделать их оплотом революционных завоеваний. Вам предстоит гигантская работа, пролетарии, которая потребует напряжения всех ваших физических и духовных сил, и вам необходимо отвоевать у капитала свободное время, чтобы мыслить и следить за событиями революции и бороться. Не откладывать требование 8-часового рабочего дня на неопределенное время, как советуют вам либеральные холопы капитала, наоборот, сейчас, во время жестокой борьбы с царизмом, должны вы воспользоваться напряжением ваших сил, чтобы завоевать 8-часовый рабочий день.

Не упускайте этого требования, рабочие, работницы, пишите его на ваших знаменах, повторяйте его в ваших речах, возглашайте его на баррикадах. Пусть голос ваш, как колокол, звучит во все время революции: «восемь часов для труда, восемь для сна, восемь свободных».

Долой милитаризм—бич народов. Вот другой майский клич международного пролетариата. Русский рабочий класс за последние полтора года увидел со страшной ясностью, что значит милитаризм.

Изо дня в день вооружаются государства. Растут армии, меняется вооружение. Колосальные броненосцы строятся годы и разрушаются в минуты. Возводятся крепости и, падая, хоронят под своими камнями своих защитников. Русско-японская война, плод современного милитаризма, унесла у нашей родины свыше двух миллиардов рублей и до 500,000 молодых жизней—убитыми, пропавшими без вести и раненными. А что будет с теми сотнями тысяч, которые вернутся с манчжурского позорища на родину. Искалеченные физически и душевно, выбитые из колеи труда, наполовину безумные от всего виденного и слышанного, они уже не в состоянии будут вернуться к нормальной жизни. Взяв у нас здоровых тружеников, война вернет нам насчастных калек. Страшная русско-японская война огнем выжгла в душе русского рабочего международный пролетарский клик: «Долой милитаризм»!

Долой постоянные армии!

Эксплоататоры вырывают из среды народа его неокрепшую молодежь, наряжают ее в блестящий мундир, оглушают командой и барабанным боем—и заставляют сынов народа направлять свои штыки против народа.

Долой постоянные армии!

Весь народ должен быть вооружен. Не должно быть солдат, специалистов убийства, должны быть граждане, умеющие владеть оружием. Не

должно быть казарм в которых дрессируют солдат, вооруженные граждане должны жить в своих домах и выбирать из своей среды офицеров. Вооруженный народ будет чувствовать себя полным хозяином на своей земле. Он не пойдет как дрессированная армия, точно стадо баранов, на бойню, созданную министрами и дипломатами.

Он сумеет себя защитить от своих действительных врагов.

Мы сейчас вооружаемся, чем можем и как можем для борьбы с царизмом, для вооруженного восстания. Но и после нашей победы, мы не сложим оружия. Наоборот, не давая врагу оправиться, мы потребуем от нового правительства немедленного вооружения всех граждан на государственный счет.

Товарищи рабочие! Пользуйтесь днем 1 мая, чтобы нести в массы мысль об уничтожении постоянной армии и вооружении народа.

Лозунги международного пролетариата—наши лозунги, а наша революция, вместе с тем, революция международного пролетариата. Мы боремся с царизмом не только за свое освобождение—русского народа, и за освобождение рабочего класса всего мира.

Русское самодержавие—это международный жандарм. В течение долгого ряда лет, оно стояло на страже, с шашкой на голо и озиралось вокруг злобными глазами, готовое с остервенением наброситься на революцию в любой стране. Французская буржуазия пугливо прижималась к русскому абсолютизму, поддерживала его своими деньгами и ждала от него помощи в трудную минуту, не только против внешних врагов, но и против героического французского пролетариата. Германское правительство всегда пресмыкалось перед русским абсолютизмом, и, чем могло, вредило русскому революционному движению. Всем хищникам в Германии выгодно иметь на востоке от себя могучую полицейскую силу, которую в минуту восстания германского пролетариата можно призвать на помощь. И от того то все, что страдает и стонет, все, что борется и надеется на лучшее будущее, все, что честно и смело, все это во всем мире ненавидит священной ненавистью царское самодержавие.

Гордитесь русские пролетарии! Вы выполняете теперь задачу всемирного значения. Каждый удар, который вы наносите царизму, разносится по всему миру и будит торжественный отклик в пролетарских сердцах.

Гибель русского царизма нанесет рану в самое сердце всемирной реакции и развяжет руки всемирному пролетариату. Рабочий класс Европы, прекрасно организованный, обладающий богатым опытом, скажет наконец свое великое решающее слово. Пролетариат возьмет в свои железные руки государственную власть, отбросив в сторону жадную стаю хищников бюрократии, земельного богатства и капитала.

Пролетариат скажет: довольно. В течение столетий государство служило жадному меньшинству нетрудящихся масс. Абсолютизм, дворяне и духовенство, буржуазия разных оттенков, все приобщались к политической власти, и все смотрели на государство, как на пресс, который до суха выжимает человеческие мышцы, и кровь их превращает в сверкающее золото.

В течение веков хозяйничало это жадное, сытое, нарядное меньшинство, и что оно дало человечеству? Нищету, болезни, ненависть и проклятье, преступность и проституцию—эти гнойные детища нищеты. Прочь, жадная свора, ведущая род человеческий к вырождению! Власть возьмет в свои руки рабочий класс. Он впитал в себя все стоны и крики обездоленных, он мститель за поруганное человечество. Довольно. Вы, земельные хищники, вы, хлебные ростовщики, завладевшие почвой и обменивающие хлеб насущный на человеческую жизнь—прочь! Отныне земля будет принадлежать всему обществу. Кормиться будет лишь тот, кто будет работать для общества. Вы, фабриканты и предприниматели, знающие один закон—наживу и одно средство—хищничество—прочь! Отныне пролетариат передает все фабрики, заводы и рудники в руки общества для общего труда и общего пользования.

Вы, министры и дипломаты, продажная сволочь, прислуживающая капиталу, которому вы нужны, как приводные ремни эксплоатации—прочь! Вам больше не видать ваших тридцати серебреников, за которые вы продавали интересы народа. Услуги ваши больше не нужны, пролетариат сам возьмет в свои руки государственную машину и без вашей помощи приведет ее в движение.

Так скажет и так сделает пролетариат всего мира, когда русская революция развяжет ему руки.

Приблизим же этот час, товарищи рабочие. Пусть связь нашего дела с делом всего рабочего класса удесятерит наши силы и наш энтузиазм.

Вперед на последний бой и, крикнув из глубины нашей рабской родины пролетариям всех стран: Братья. День первого мая праздник интернациональной солидарности рабочих. Помните в этот день о русской революции и приходите ей на помощь словом и делом. Готовьтесь, братья, продолжить наше дело: пусть гибель царского правительства послужит для вас сигналом к решительной революционной аттаке на буржуазию. Пусть победоносная революция в России явится началом социалистической революции во всем мире. Пусть пронесется, наконец, над этим старым миром крови и слез очищающая пролетарская гроза. Пусть вздохнет, наконец, полной грудью свободное и счастливое человечество:

Да здравствует первое мая—праздник борьбы!

Да здравствует восьмичасовый рабочий день!

Долой милитаризм!

Да здравствует вооруженный народ!

Долой самодержавие!

Да здравствует всемирная революция!

Да здравствует социализм!

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

1905 г.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

Рабочие и работницы всей России!

Близок день первого мая, великий день рабочего праздника. Сам рабочий люд установил его, как знак своей силы, как знак своей веры в светлое будущее, своей веры в радостное царство социализма. В этот день миллионы наших братьев, товарищей, во всех странах света, как один человек, бросают работу и толпами, дружной, сплоченной семьей высыпают на улицы, на площади. Нога в ногу, плечо в плечо, крепко на-крепко взявшись за руки, идет рабочая рать... А над ними высоко и мощно вздымается красное знамя пролетариев, красное знамя всесветной социал-демократии... А кругом могучим отзвуком несется отовсюду: Вставай, подымайся, рабочий народ... Рабочие всех стран, об'единяйтесь!

И трепет и робость охватывают землю. Трепещет зло и насилие, чует оно, что близок конец его всевластью, что рабочий проснулся, что вырос он умом-разумом... И нет более той силы, что вновь заковала бы его в разбитые им цепи. Трепещет старый мир, трепещет капитал и его слуги, трепещут цари с чиновным людом, потом и кровью народными вспоенные и всхоленные.

Радость охватывает сердца всех друзей и борцов за рабочее дело: чуют они свою мощь и видят трепет врагов своих, и ярким полымем загорается в них сердце на борьбу за рабочее дело.

И с каждым днем растет эта рабочая рать. Что могучий поток несется она вперед, к вольному царству социализма, все ветхое и насильническое сметая с своего пути.

Так всюду в мире, в день 1 мая дружной семьей сходится рабочий люд. И из их тысяч грудей несется вольная песня, раздается вольная речь о социализме.

И власти не прекословят этому, зная хорошо, что там, где сила, там и право.

Рабочие и работницы всей России!

Так оно всюду в мире, во всех вольных свободных странах. Так оно всюду, но только не у нас.

Видно мало нам цепей и гнета капиталистов, царь и чиновники его опутали нас целой сетью полицейских рогаток... И куда ни ступишь, всюду один привет: удар кулаком, полицейская шашка, нагайка казака и свинцовая пуля.

Словно в тупик загнали нас, и нет нам свободы для борьбы за свое рабочее дело, за свои права человеческие.

Наши заграничные товарищи—братья уже близки к тому, чтобы самим через выборных своих править землей, самим решать войну и мир, самим ведать приход и расход народной казны.

А мы все по указке, да... под свист нагаек и пуль...

Пора нам, товарищи, кончать со всем этим. Пора и на деле показать, что нет тех цепей, что могли бы навеки сковать рабочий люд.

Пора убрать с дороги этого убийцу-царя с его кровожадными опричниками—чиновниками.

Всю землю разорили они, все разграбили в утеху и усладу своей корысти.

Десятками тысяч гибнут наши отцы, братья, мужья на далеких полях чужой и ненужной нам Манчжурии... Гибнет на дне моря громадный флот... Сотни миллионов народных денег выбрасывается на ветер... И все это в угоду царя и присных его.

Всюду, куда ни повернись, стоит он на нашем пути, готовый словно воду проливать нашу кровь.

За простую стачку нас бьют нагайками, бросают в тюрьмы и расстреливают...

А когда наши братья, рабочие, в темноте своей, идут к царю правды искать, в ответ те же свинцовые пули. День девятого января, когда на улицах и площадях Петербурга пролилась рабочая кровь, кровь безоружных, ни в чем неповинных, этот кровавый день навеки останется в памяти рабочих. И ни угрозой, ни лаской коварной не выбить теперь из наших голов, кто друг нам, кто недруг.

Рабочие крепко запомнили, что царь и чиновники его—это злейшие недруги рабочего класса.

И во славу того же царя лилась рабочая кровь на улицах Варшавы, Лодзи, Риги и многих других городов.

Царь-убийца «простил» нас, рабочих, за то, что мы в слепоте своей шли к нему за правдой. Он «простил» нас и вдовам и сиротам убитых выбросил подачку. Продажный сам, деньгами хотел он откупиться за пролитую человеческую кровь, словно есть цена крови и жизни человеческой.

А тут же смиренные лжецы епископы во славу царя крестом и молитвой освятили это убийство: так же им нужно... Клевету и ложь посеяли они против нас говоря, что куплены мы на деньги врагов нашей родины...

Боясь гнева народного, сеет царь и чиновники его смуту среди темных людей. Так натравили они в Баку темных татар на армян. Так натравили они темных людей в Феодосии на евреев. Так натравляют они темных людей на тех, кто борется за свободу и рабочее дело.

Сетью лжи, обмана и насилия опутал нас царь и чиновники его.

И нет нам простора бороться за судьбу свою, бороться за разумную светлую радостную жизнь, за жизнь социалистическую.

А коли нет простора, нужно взять его.

Товарищи! Весь мир—наши братья. Товарищи всех стран с надеждой и радостью смотрят теперь на нас. Во все закоулки мира долетела весть, что проснулся русский рабочий люд, что волна за волной подымается и он требует себе политических прав. Радостью отзывается в сердцах наших заграничных братьев этот могучий клич, несущийся с одного конца необ'ятной Руси до другого ее конца.

Долой самодержавие! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Видят они нашу растущую мощь и радостно готовы принять нас, как равных граждан в родные об'ятия. С часу на час ждут они вести, что пало царское самодержавие под ударами русского рабочего люда.

Товарищи! от нас ждут этого, и мы должны добиться и мы добьемся этого.

Смотрите, как зашатался царский трон под могучими ударами рабочего кулака.

О ласке и любви к нам вспомнил царь и чиновники его. И, как грибы после дождя, повыползли на свет божий разные царские комиссии, на тот предмет, чтобы... попрежнему морочить рабочий люд.

Но не те времена теперь. Проснулся рабочий и один у него ответ на все царские заигрывания: Прочь с дороги! Не мешай нам самим устроить землю русскую!

Рабочие и работницы всей России!

Помните, царь и присные его не уступят нам по добру своего места. Много зла и насилия готовы они натворить на русской земле.

Наших братьев-солдат, одетых в эти проклятые серые шинели, темных, опутанных той же царской ложью, пошлют они на нас, и вновь прольется кровь борцов за свободу, за рабочее дело.

Товарищи! помните это. Будьте на чеку. Вооружайтесь, кто чем может.

Готовьтесь к этим кровавым дням. Не бойтесь. Против народа, когда он смел и отважен, когда он готов бороться на жизнь и на смерть за свободу, не устоять ни царю, ни чиновникам его, ни войску. Сила в нас самих, а наша сила в нашем единении, в нашей смелости и отваге.

Смелее же, товарищи!

Близок день, когда с красным знаменем в руках потребуем мы себе полных политических прав, потребуем созыва Всенародного Учредительного Собрания. Свобода нужна нам, как воздух, как свет, как хлеб и вода. Без нее, без политической свободы, нет жизни для рабочего люда. По рукам и ногам связаны мы. Что хотят, то и вытворяют с нами царь, чиновники его и капиталисты.

Путь к настоящей свободе, свободе социалистической, когда не будет гнета капиталистов, когда все земли, все фабрики и заводы, все рудники и железные дороги будут достоянием народа, достоянием рабочего люда,— этот путь для нас один: через политическую свободу. Нет нам иного пути. А тут сейчас же, на самом пороге, царское самодержавие. И стоит оно упрямо на месте, и нет ему охоты уступать нам... Так долой же его!

Товарищи! Помните, миром царь не уступит. Нужно за горло его схватить и сейчас же, в эту минуту. Вся Россия охвачена пожаром. Поднимаются по деревням наши братья-крестьяне. Поднимаются в городах люди разного звания. Удар за ударом сыплются на царское самодержавие. И жить ему осталось не дни и месяцы, а часы и минуты.

Вперед же, товарищи! Близок день, когда дружной семьей пойдем мы на открытую борьбу с царским самодержавием, когда взовьются ввысь

красные знамена социал-демократии. И под тяжким ударом мозолистой руки рабочего, рухнет царский трон. Близок этот день, когда свергнув царя и чиновников его, пошлем мы излюбленных нами людей в свободно избранное Всенародное Учредительное Собрание. И дадим им строгий наказ блюсти рабочее дело, заложить прочный и торный путь в свободное царство социализма, где не будет ни богатых, ни бедных, ни капиталистов, ни рабочих, ни знатных, ни худых, а будут просто люди, граждане свободные.

Близок этот день, когда и у нас на Руси, открыто при дневном свете, соберутся наши заграничные товарищи—рабочие и вкупе и влюбе с нами, станут рядить и судить общее социалистическое дело рабочих всех стран.

Близок этот день. Заря его уже занялась.

Рабочие и работницы всей России!

Близок день первого мая, наш рабочий праздник. Вооружайтесь, кто чем может. Готовьтесь по первому призыву стать под красные знамена Российской социал-демократической партии. Готовьтесь к последнему натиску на царское самодержавие.

Долой его!

Долой царское самодержавие!

Долой царя и его род!

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Да здравствует Демократическая республика!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая партия!

Да здравствует международная социал-демократия!

1905 г. Центральн. Комитет Р.С.-Д.Р.П.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

Товарищи рабочие! Наступает день великого праздника рабочих всего мира. 1-ое мая празднуют они свое пробуждение к свету и знанию, свое об'единение в один братский союз для борьбы против всякого угнетения, против всякого произвола, против всякой эксплоатации, за социалистическое устройство общества. Все, кто трудится, кто кормит своим трудом богатых и знатных, кто проводит жизнь в непосильной работе за скудную плату, кто никогда не пользуется плодами своего труда, кто живет подобно вьючному скоту среди роскоши и блеска нашей цивилизации, все они протягивают руку для борьбы за освобождение и счастье рабочих. Долой вражду между рабочими разных национальностей, или разных религий. Такая вражда выгодна только грабителям и тиранам, живущим темнотой и разрозненностью пролетариата. Еврей и христианин, армянин и татарин, поляк и русский, финляндец и швед, латыш и немец—все, все идут вместе, под одним общим знаменем социализма. Все рабочие—братья, в их крепком союзе—единственная порука за благо и счастье всего трудящегося и угнетенного человечества. Первого мая этот союз рабочих всех стран, международная

социал-демократия делает смотр своим силам и сплачивается для новой, неустанной, непреклонной борьбы за свободу, равенство и братство.

Товарищи, мы стоим теперь в России накануне великих событий. Мы вступили в последний отчаянный бой с самодержавным царским правительством, мы должны довести этот бой до победоносного конца. Посмотрите, до каких несчастий довело весь русский народ это правительство извергов и тиранов, правительство продажных царедворцев и прихвостней капитала. Царское правительство бросило русский народ в безумную войну против Японии. Сотни тысяч молодых жизней вырвано у народа и погублено на Дальнем Востоке. Нет слов для описания всех бедствий, которые несет с собой эта война. И из-за чего она ведется? Из-за Манчжурии, отнятой нашим грабительским царским правительством у Китая, из-за чужой земли русская кровь льется, и разоряется наша страна. Все тяжелее становится жизнь рабочего и крестьянина, все туже затягивают на них петлю капиталисты и чиновники, а царское правительство посылает народ на грабеж чужой земли. Бездарные царские генералы с продажными чиновниками погубили русский флот, растратили сотни, тысячи народного достояния, потеряли целые армии, а война все продолжается и несет с собой новые жертвы. Народ разоряется, останавливается промышленность и торговля, надвигается голод и холера, а царское самодержавное правительство в диком ослеплении идет старым путем; оно готово погубить Россию, лишь бы спасти кучку извергов и тиранов, оно начинает кроме войны с Японией вторую войну, войну со всем русским народом. Никогда еще не переживала Россия такого возбуждения от сна забитости и неволи, как теперь. Зашевелились все классы общества, от рабочих и крестьян до помещиков и капиталистов, поднялись голоса негодования отовсюду, в Петербурге и на Кавказе, в Польше и Сибири. Народ требует везде прекращения войны, народ требует учреждения свободного народного правления, созыва депутатов от всех граждан без исключения в Учредительное собрание, для назначения народного правительства, для избавления народа от той пропасти, куда его толкает царское самодержавие. Петербургские рабочие, числом до двухсот тысяч человек, пошли к царю со священником Георгием Гапоном в воскресенье 9 января, чтобы изложить эти народные требования... Царь принял рабочих как врагов, царь расстрелял тысячи безоружных рабочих на улицах Петербурга. Борьба кипит теперь по всей России, бастуют рабочие, требуя свободы и лучшей жизни, льется кровь в Риге и в Польше, на Волге и на юге, поднимаются повсюду крестьяне. Борьба за свободу становится общенародной борьбой. Царское правительство обезумело. Оно хочет занять денег на продолжение войны, но ему уже не верят в долг. Оно обещает созвать народных представителей, а на самом деле остается все по-старому: идут те же преследования, тот же произвол чиновников, нет свободных народных сходок, нет свободных народных газет, но открываются тюрьмы, где томятся борцы за рабочее дело. Царское правительство старается натравить один народ на другой; оно устроило побоище в Баку, наклеветав татарам на армян; оно готовит теперь новое побоище против евреев, разжигая в темном народе ненависть к ним. Товарищи рабочие, мы не позволим

больше так издеваться над русским народом. Мы станем на защиту свободы, мы дадим отпор всем, кто хочет отвлечь народный гнев от нашего настоящего врага. Мы поднимем восстание с оружием в руках, чтобы свергнуть царское правительство, и завоевать свободу всему народу. К оружию, рабочие и крестьяне! Устраивайте тайные сходки, составляйте дружины, запасайтесь каким только можете оружием, посылайте доверенных людей для совета Рос. Соц.-Дем. Рабочей партии. Пусть 1 мая этого года будет для нас праздником народного восстания, давайте готовиться к нему, ждать сигнала к решительному нападению на тирана. Долой царское правительство! Мы свергнем его и назначим временное революционное правительство для созыва Народного Учредительного Собрания. Пусть выбраны будут народные депутаты всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Пусть выйдут из тюрем и вернутся из ссылки все борцы за свободу. Пусть открыто устраиваются народные сходки и печатаются без надзора проклятых чиновников народные газеты. Пусть вооружится весь народ, пусть дадут ружья каждому рабочему, чтобы сам народ, а не кучка грабителей, решал свою судьбу. Пусть соберутся по селам свободные крестьянские комитеты, чтобы свергнуть крепостническую власть, чтобы избавить народ от чиновничьего надругательства, чтобы вернуть крестьянам отнятые у них земли.

Вот, что хотят социал-демократы, вот, за что призывают они бороться с оружием в руках: за полную свободу, за демократическую республику, за 8 час. рабочий день, за крестьянские комитеты. Готовьтесь же к великому бою, товарищи рабочие, останавливайте фабрики и заводы 1 мая, или беритесь за оружие, сообразно с советом комитетов социал-демократической рабочей партии. Час восстания еще не пробил, но он уже не далек. Рабочие всего мира с замиранием сердца смотрят теперь на геройский русский пролетариат, который принес неисчислимые жертвы делу свободы. Петербургские рабочие уже провозгласили в знаменитый день 9 января: «свобода или смерть». Рабочие всей России, мы повторяем этот великий боевой клич, мы не остановимся ни перед какими жертвами, мы пойдем через восстание к свободе, через свободу к социализму.

Да здравствует первое мая! Да здравствует международная революционная социал-демократия! Да здравствует свобода рабочего и крестьянского народа! Да здравствует демократическая республика и долой царское самодержавие!

1905 г. — Бюро Екатеринославского Комитета
редакц. «Вперед». — «Большинство» Р. С.-Д. Р. П.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МАЙСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Восьмичасовый рабочий день, уничтожение постоянных армий и вооружение народа, мир между народами, политическая свобода: вот требования, которые, в день всемирного майского праздника рабочих, раздаются на всех

языках, на всем земном шаре. Эти требования провозглашают рабочие всего мира. Провозгласим их и мы.

Оглянемся. Ведь эти наши требования, те самые, за которые всероссийский пролетариат боролся и истекал кровью весь минувший год.

Восьмичасовый рабочий день. Его требовали рабочие Петербурга в тот день, 9 января, когда царь пулями и штыками встретил шедших к нему наших братьев. Его требовали и требуют рабочие всей России в той всеобщей забастовке, которая и по сей час еще вспыхивает то тут, то там.

Уничтожение постоянных армий, вооружение народа, мир. Кому как не нам, со всею силою добиваться этого. На собственных страданиях, на гибели сотен тысяч наших братьев, на полях Манчжурии узнали мы, зачем нужны правительству и богачам постоянные армии, почему страшатся они вооружения народа. Хищнические войны во славу царя и его прихлебателей, расправа с народом, требующим прав и человеческого существования, вот зачем нужно войско, вот зачем нужны солдаты, отделенные от народа мундиром, казармой, дисциплиной, военной муштровкой.

Политическая свобода. Без нее нам шагу ступить нельзя. Пока страной правит самодержавный царь, нет простора рабочей борьбе. Нет свободы слова, печати, союзов, собраний, стачек. Царь пытался обмануть рабочих и после кровавой расправы 9 января, обещая сахарный пряник—комиссию Шидловского. Мы знаем, чем кончилась царская милость: комиссия и не собралась, а выбранных рабочими депутатов сотнями арестовали, посажали в тюрьмы и выслали.

Всенародное Учредительное Собрание, свободно выбранное всеобщим равным, прямым и тайным голосованием, вот чего нам нужно, вот чего требовали в своей петиции петербургские рабочие, вот чего добиваются рабочие по всей России. Долой царя. И пусть свободный народ в учредительном собрании сам установит порядок государства.

Без политической свободы мы не можем бороться. Только политическая свобода дает российским рабочим простор для сплочения в социал-демократическую рабочую партию по примеру их братьев в других, свободных странах. А только такое сплочение даст им возможность успешно вести борьбу за социализм, за уничтожение эксплоатации человека человеком, за переход всех земель, фабрик, рудников, машин в общую собственность всего трудящегося народа для общего труда на общую пользу.

Товарищи, в тяжелое время приходится нам праздновать в этом году день 1 мая. Война, безработица, голод, холера... Кровь народа не переставая лилась круглый год и на Дальнем Востоке и здесь, на родине. Никогда еще не свирепствовали так царь и его опричники, как теперь. Все усилия напрягают они, чтобы удержать за собою власть, и по прежнему сосать народную кровь. Они не останавливаются ни перед чем. Им мало того, что они более 400.000 человек убили, искалечили, потопили, отдали в плен в Манчжурии. Им мало того, что они уложили в Петербурге в могилу сотни рабочих, женщин, детей. Мало того, что не осталось уже, кажется, места на Руси, где они не стреляли бы рабочих и крестьян. Им всего этого мало. По царскому приказу полиция везде устраивает, теперь «черные сотни»,

вооружает всех, кто, как Иуда за серебренники, готов продать братьев своих, натравлять разбойничьи шайки на тех, кто борется за свободу. В Баку, по подстрекательству полиции, татары напали на армян и тысячи трупов покрыли улицы. Теперь натравляют русских на евреев, поляков, рабочих других наций. Царское правительство по колена погрузилось в народную кровь.

Но сквозь темные тучи, заволакивающие небо, проглядывает уже светлое майское солнце. Рабочий народ встает по всей России, по примеру своих Петербургских братьев. Рабочие всех наций, и русские, и евреи, и поляки, и латыши, и армяне, и грузины требуют на разных языках одного и того же, как одного и того же требуют рабочие всего мира. За рабочими подымаются крестьяне. Воли требует народ. Час свободы недалек. Революция началась. Еще усилие, и всенародное вооруженное восстание низвергнет царское самодержавие и пришлет свободу народу.

Сделаем же день 1 мая днем смотра наших сил, не только мы будем считать их, их будут считать наши братья—рабочие всего мира, ибо наше дело и их дело.

Выйдем все на улицу, явимся на наши митинги, обсудим наше положение и громко потребуем:

8 часового рабочего дня.

Мира между народами.

Уничтожения постоянного войска, вооружения народа.

Политической свободы.

Всенародного Учредительного Собрания.

Но теперь, после варварских избиений мирной толпы, которыми так прославилось самодержавие, мы должны на каждое собрание, на каждую сходку итти вооруженными, мы должны быть готовыми к защите от полицейских банд, мы должны отразить вооруженною рукою посягательства на нашу жизнь.

Да здравствует день 1 мая—всемирный праздник рабочих!

Да здравствует социализм!

1905 г. Екат. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Перепечатана из «Искры».

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

Граждане!

Сегодня великий праздник. Сегодня праздник труда, праздник всех рабочих всего мира. Сегодня рабочие всех стран будут свободно собираться, обсуждать свои нужды. Сегодня все рабочие, и только они одни, будут воодушевлены идеею борьбы за освобождение всего человечества от оков капитализма, от гнета нищеты, безвременной смерти, от рабства, насильного труда. На всех своих собраниях они одни будут искренно

провозглашать великую идею равенства, братства и свободы—искренно, потому, что каждый свой возглас они готовы соединить с решительной борьбой. И в этот же великий день, граждане, многие из вас, связанные, кто искренней верой, кто традициями и предрассудками с православной церковью, будут слушать раздающиеся с амвонов елейные речи священников о том, что сегодня Пасха, праздник любви и всепрощения. Вы, быть может, придете в умиление от этих речей. Вам, быть может, покажется, что вы действительно кого-то любите, кого-то прощаете. Кого же любите вы? Любите ли вы тех, кто в этот день, как в течении вот уже 15 месяцев, проливает потоками кровь на далеких полях Манчжурии во славу лесных концессий и хищнической наживы господ Романовых и их присных? Любите ли вы те десятки тысяч больных, голодных, нищих, вдов и сирот, живущих теперь в опустошенных и. разоренных избах? Вы любите, так отчего же не кричите и вы на всех улицах, на всех переулках: «долой преступную войну, да здравствует мир»! Любите ли вы те сотни тысяч крестьян, которые живут в постоянном тяжком труде, обреченные на систематический голод и ужасные эпидемические болезни. Смотрите, они готовы есть мякину, но и та у них не всегда бывает. У них нет скота, нет земли, они отданы во власть помещиков, а те и сосут с них последние соки, держат их в кабале, обращают их в крепостных. Крестьянам нужна земля, нужны знания. Царь разрешает все муки крестьянские учреждением комиссий, которые должны убедить крестьян в том, что нищенские наделы вполне достаточны, или посылкой казаков, солдат, земских начальников, творящих земский суд и расправу, от которых по всей Руси стон стоном стоит. Света, образования должны мы требовать для крестьян. Вы должны добиваться всеобщего обязательного для всех обучения до 16-тилетнего возраста на государственный счет. Вы должны сказать кучке дармоедов, забравшей наглостью и силой лучшие земли, а многомиллионной массе крестьян, предоставившей жалкие клочки, что земля принадлежит не ей, а крестьянству, облившему своим потом и кровью каждую пядь ее. Любите ли городской пролетариат? Что же вы делаете для того, чтобы избавить его от неизбежной эксплоатации, чтобы обеспечить ему нормальный 8-мичасовый рабочий день, чтобы обеспечить его на случай старости, инвалидности, болезни. Вы любите, так отчего же не требуете вы 8-мичасового рабочего дня, свободы стачек, сходок, государственного страхования. Когда 9 января десятки тысяч рабочих в Питере шли с женами и детьми к зимнему дворцу просить об удовлетворении их требований, их встретили пулями, нагайками, их кровью залили улицы столицы. И что же, продолжаете ли вы великое дело этих погибших борцов, дело освобождения русского народа от гнета самодержавия и капитала. Нет, вы и теперь еще прячетесь по углам, вы уничтожаете в себе всякий проблеск честной мысли, усыпляете пробуждающуюся совесть. Или, быть-может, вам приходятся по душе елейные речи попов о христианском смирении; пусть страдает, пусть голодает, пусть вымирает крестьянин и рабочий. Пусть царит в стране кулак, нагайка и насилие. Пусть льется кровь сотен тысяч братьев твоих на полях Манчжурии. Все это во славу Бога и царя. Какая

наглая ложь, какое гнусное лицемерие. Христос не смирял гордыни духа своего. Он боролся с тьмою и пошел на крестные страдания во имя того, что было для него истиной и правдой. Первые христиане также не смирялись. Их римляне бросали на с'едение зверям. Они все же боролись. Когда их стало много, они силой распространяли христианство. А когда это стало выгодно власть имущим, попы и ксендзы стали торговать христианством, а христианское смирение они предоставили послушной пастве. Сплошь и рядом наши православные миссионеры об'единяются с исправниками и казаками, нападают на мирных кочевников, грабят, убивают их тысячами. И это, граждане, тоже именем Христа. А вы молчите. Отчего же не требуете вы громко, во всеуслышание, отчего не боретесь вы за свободу вероисповеданий, равноправие национальностей, свободу совести, свободу политических убеждений. Кого же прощаете вы? Вам некого прощать, ибо самые тяжкие укоры должны испытывать вы, усыпляющие свою гражданскую совесть. Вам некого прощать, ибо своим молчанием вы увеличиваете силу народных палачей и грабителей и этим самым становитесь виновниками неисчислимых бедствий и страданий нашей родины. Но знайте, граждане, сегодня еще один великий праздник, праздник всемирного труда. И этот праздник—праздник братства, равенства, свободы. Весенний праздник—он несет в себе залог лучшего мира и братской любви на земле. Рабочие всех стран будут свободно собираться в этот день, обсуждать свои нужды и разрешать все вопросы борьбы против гнета капитала, это им осталось сделать, чтоб избавить все человечество от оков эксплоатации, а значит, и от нищеты, голода и холода, массового вымирания. Они знают, что основой этой эксплоатации и народных страданий в современном обществе является частная собственность на земли, фабрики, заводы и все другие производства. Только тогда, когда это станет общественною собственностью, тогда и все продукты будут принадлежать всем производителям их,—только тогда не будет места эксплоатации, только тогда не будем мы свидетелями безумной роскоши кучки и нищеты миллионов, только тогда все человечество сможет пользоваться всеми благами жизни. Только русский пролетариат, русский рабочий люд, больше всех эксплоатируемый, не сможет свободно собираться, свободно обсуждать свои нужды. Но, как и в прошлые годы, его не остановят казацкие нагайки, солдатские пули, тюрьма и ссылка. Он соберется. Он скажет свое решительное слово, он решит, как быть, что сделать для того, чтобы великий пролетарский праздник не оставил его и всех прочих граждан рабами самодержавия, а свободными гражданами Республиканской России. Пред российским рабочим классом стоит великая историческая задача: создать себе условия свободной классовой борьбы, создать все условия, необходимые для об'единения с пролетариатом всего остального мира, во имя последнего натиска на современный хозяйский мир, во имя социализма. Пролетариат знает, как и и все честные граждане, что самодержавие будет сметено с лица земли только силой, путем революции. Пролетариат знает, что прекратить войну без увеличения налогов, без дальнейшего разорения в конец всего народа, сможет только Всенародное Учредительное Собрание, созванное всеебщим,

прямым, равным и тайным голосованием. Пролетариат знает, что в Учредительном собрании он должен потребовать разоружения постоянного войска. Ибо, постоянное войско, наши братья, одетые в мундиры, забитые муштровкой и дисциплиной, способны озвереть настолько, чтобы стрелять в своих братьев, борющихся за свободу. Только постоянное войско можно как бессловесный скот угонять на ненужную ужасную войну. На место постоянного войска—народная милиция, вооружение без исключения всех граждан, способных носить оружие, на государственный счет. Народная милиция защищает только свободу страны, свободу граждан. Гражданин, участвующий в народной милиции, борется всегда победоносно, ибо он борется сознательно, борется только за свободу, а не за хищническую наживу, как того требует от постоянного войска Николай Романов. В Учредительном Собрании пролетариат потребует установления на место самодержавия—Демократической Республики, ибо только Демократическая Республика обеспечивает свободу борьбы за освобождение человечества от эксплоатации и угнетения борьбы за социализм. Пролетариат один только исполняет великие заветы братской любви, ибо он самоотверженно борется за угнетенное человечество. Пролетариат один не нуждается в воспрещении, ибо он не участвует в хищениях, угнетении, он борется за свободу. Но пролетариат не прощает. Прощает царь, палач, терзаемый своими собственными злодеяниями, прощает вдов и сирот, тех, кого он сам безжалостно убивал на улицах Петербурга 9-го января. Вы хотите дождаться праздника любви и всепрощения, так ступайте же смело в ряды борющихся рабочих. Тут истинная, глубокая любовь. Боритесь вместе с ним. Готовьтесь, как и он, с оружием в руках, защищайте свою честь и свободу. Вместе с ним оглашайте улицы городов и деревень одними и теми же могучими возгласами:

Долой самодержавие!

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Да здравствует Демократическая Республика!

Да здравствует социализм!

1905 г. Донской Комитет Р.С.-Д.Р.П.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

1905 года

Товарищи, 16 лет прошло, как представители всех социалистических партий собравшись на с'езде в Париже постановили считать день 1 мая праздником пролетариев. Первого мая свободней дышет рабочий, легче переносит свое угнетение, сильнее бьются сердца пролетариев. В этот торжественный день рабочие всего мира снова напоминают своим врагам капиталистам, что интересы рабочих всех стран одинаковы.

В день 1 мая нет работы на фабриках, заводах и рудниках. Огромные шествия рабочих, их жен и детей в праздничных одеждах, с красными

значками и цветами на груди, с музыкой и красными знаменами, происходят в этот день на улицах городов в тех странах, где рабочий класс отвоевал уже себе право свободно устраивать мирные демонстранции.

И, когда стройные ряды рабочих проходят мимо роскошных кварталов богачей, их встречают разодетые в золото и серебро владельцы этих хоромов и насмешливо улыбаются, глядя на эти шествия. А за улыбкой скрыты боязнь и тайный страх перед грозной силой рабочего.

Но вот появились убогие жилища рабочих кварталов: в окнах тысячи людей криками восторга встречают рабочих, сыплют на толпу цветами, развертывают красные знамена.

В других странах, где рабочие еще не отвоевали себе права демонстрации, они устраивают вместо шествий огромные многотысячные собрания с речами, знаменами и пением и оттуда шлют свой привет пролетариям всего мира.

Что же написано на красных знаменах рабочих?

Что соединяет в этот день пролетариев всего мира в одну великую пролетарскую семью?

Рабочие всех стран требуют в этот день 8 часового рабочего дня охраны труда рабочих посредством законов и уничтожения постоянных армий.

Эти требования одинаково дороги рабочим Англии и Америки, Германии и Франции, России и Японии.

Всем рабочим и работницам одинаково нужно: 8 часов для труда, 8 для сна, 8 для отдыха.

Нам нужен короткий рабочий день, потому что нам нужно предохранить себя от преждевременного истощения сил, нам нужно иметь время для семьи, для разумных развлечений, для образования и развития, для борьбы с капиталистами за полное освобождение рабочего класса, за социализм.

Мы требуем охраны труда посредством специальных законов, потому что отдельные уступки капиталистов ничего для нас не значат, капиталисты всегда могут взять обратно свои уступки. Только закон за которым стоит грозная рабочая армия, сможет обеспечить нас от алчности наших эксплоататоров.

Мы требуем уничтожения постоянных армий и замены их народным ополчением, потому что нам рабочим не нужны войска: рабочие не ведут между собой войн, у них одни и те же интересы, одни и те же враги— капиталисты и их защитники—правительства. С нами только они ведут войну.

С африканскими бурами вели войну не английские рабочие, а английские капиталисты; они не могут сбывать на родине все свои товары и затрачивать в дело все свои капиталы, потому что английские крестьяне и рабочие тоже бедны и не могут покупать много товаров. Теперь английские капиталисты захватили страну буров и там насильно насаждают промышленность и продают английские товары.

И не российские рабочие об‘явили войну японским рабочим, а царское самодержавие, не спросясь у народа, затеяло войну с японским правительством и капиталистами.

Война эта понадобилась русскому царю и его придворным лизоблюдам и дармоедам, всем этим великим князьям, Алеексеевым и Безобразовым, которым нужно было отвлечь внимание народа от их безцеремонного хозяйничанья внутри России и вылить волны народного гнева на кровавых полях Маньчжурии. Война эта понадобилась кучке русских шакалов и кровопийц, делающих поставки и подряды на флот. Война эта нужна была японским капиталистам. Но эта война не нужна ни российским, ни японским рабочим: достаточно у них своих врагов внутри своих стран. Достаточно у них капиталистов, чиновников и полиции, пьющих и сосущих кровь народную, и в России и в Японии. Японские и российские рабочие еще в начале войны посылали привет друг другу.

Точно также ни эта, ни всякая другая война не нужна рабочим всего мира. Правительства всех стран затрачивают теперь новые сотни миллионов народных денег на перевооружение армий и флота, строют новые колоссальные броненосцы для того лишь, чтобы они в какой-нибудь новой войне взлетели на воздух, как погиб Петропавловск и японские броненосцы. Благодаря войнам застой в промышленности выбрасывает на улицу новые тысячи пролетариев всех стран и обрекает их на погибель и нищету. Всякая война затуманивает сознание воюющих народов и отдаляет от нас то время, когда не будет никакого насилия и унижения человека, когда будет социализм.

Наконец, рабочие всех стран требуют уничтожения постоянных армий еще и потому, что они служат в руках правительств средством для обуздания народа, для подавления рабочих, когда они требуют прав и свободы.

Вооруженная армия и безоружный народ—вот где кроется возможность того, что кучка капиталистов эксплоататоров повелевает миллионами рабочих.

Вот почему пролетарии всего мира в день 1 мая 1905 года, кроме общих требований: 8 час. рабочего дня, охраны труда посредством законов и уничтожение постоянных армий, единодушно заявляют:

Долой Русско-Японскую войну!

Долой Русское Самодержавие!

Да здравствует мир и братство народов!

Товарищи, и мы, российские рабочие, давно уже празднуем 1 мая. Но никогда еще этот праздник не происходил у нас при таких тяжелых условиях. Никогда еще не лилось столько крови на полях Маньчжурии и на улицах России. Никогда еще не было столько безработных, как в этом году.

Но зато никогда еще крик: долой самодержавие, не вырывался из стольких уст, как в день этого первого мая. Но за то требование Учредительного Собрания никогда не имело столько защитников, как теперь. Но зато, никогда в России не бывало раньше 9 января. И в этом наша победа, победа рабочего класса.

Пусть же и на этот раз наш праздник напомнит нашим врагам еще с большей силой, чем 9 января в Петербурге, что мы готовы к бою с ними. Пусть же в день 1 мая не работает ни один пролетарий. Пусть остановятся все фабрики, заводы и мастерские, пусть закроются магазины.

Товарищи собирайтесь в этот день с оружием в руках на площадях и улицах, обсуждайте как бороться с самодержавием и капиталистами, выставляйте на знаменах общепролетарские требования: 8 час. рабочий день, охрана труда рабочих законами, замена постоянных армий вооружением народа.

Требуйте немедленного прекращения войны и созыва Учредительного Собрания, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Долой войну, долой самодержавие!

Да здравствует всенародное Учредительное Собрание!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует социализм!

Да здравствует первое мая!

Прочитав, передай товарищам.

Донецкий комитет Р.С.-Д.Р.П.

Апрель 1905 года.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

Товарищи, рабочие и работницы!

Снова встречаем мы день первого мая (18 апреля), светлый день всемирного праздника рабочего класса. Всюду на земном шаре, где только бьются горячие сердца сознательных рабочих, их мысль в этот день одинаково обращается к великой борьбе рабочего класса за полное освобождение от всякого гнета, от всякого насилия от всякого порабощения. Всюду раздается один и тот же торжествующий и победный клич:—Долой ярмо наемного труда. Да здравствует социализм!

Долой ярмо наемного труда. Долой власть капитала!

Кучка богачей, держащая в своей власти все средства производства, земли, фабрики, заводы, рудники, машины, и миллионы тружеников, которые могут назвать своими только усталые, мозолистые руки; праздность трутней, создающих свое благополучие на каторжном труде наемных рабов и праздность голодных рабочих, которых кризис и безработица выгнали за ворота фабрик; груды товаров не находящих сбыта, заваливающих кладовые и гниющих в амбарах, и вопиющая нужда в хлебе, в одежде, в крове, нужда, придавливающая человека, уничтожающая его, доводящая до кражи, грабежа, убийства и проституции; все наслаждения науки и искусства, достояние немногих; вся власть государства с его чиновниками, судами, тюрьмами, полицией, войсками—в руках у имущих классов; нищета, безправие, невежество, болезни—удел неимущего народа. Вот что такое капитал.

Да здравствует социализм!

Да здравствует тот счастливый порядок, при котором средства производства, ставшие общею собственностью всего трудящегося народа, пере-

станут служить орудием порабощения других. Да здравствует тот счастливый порядок, когда не будет богатых и бедных, не будет сытых господ и голодных рабов, когда все люди сольются в братском единении и в общем труде на общую пользу, когда все чудеса науки, все наслаждения искусства станут достоянием всего народа. Да здравствует социализм!

С такими мыслями, с такими надеждами встречает пролетариат всего мира праздник первого мая и окидывает взором истекший год тяжелой борьбы. Тяжела и упорна борьба рабочего класса за социализм. Ни на один день не прекращается она. Отстаивая короткий рабочий день и повышение заработной платы, протестуя против всякого насилия и добиваясь политических прав, кует рабочий класс оружие, которое поможет ему свалить капиталистический мир и водрузить на его развалинах красное социалистическое знамя. Класс имущих, буржуазия—силен. В его руках—власть денег, власть богатства, власть государства. Вся сила рабочего класса—в его сознании, в его организации и единении. Только свое классовое сознание и свою классовую организацию может противопоставить пролетариат буржуазии в борьбе за освобождение. Только сплотившись целиком в сознательную армию труда, в социал-демократическую рабочую партию, сможет пролетариат положить конец царству буржуазии. Да здравствует международная социал-демократия, организующая пролетариат и развивающая его классовое сознание.

Праздник рабочего класса—это день, когда он делает смотр своим силам; день когда он оглядывается на сделанные завоевания и сплачивается теснее для предстоящей борьбы. В этот день рабочий класс напоминает всему миру о своей великой конечной цели—о социализме. И в этот же день рабочий класс подтверждает свои три основных требования, удовлетворения которых ему необходимо добиться, чтобы расчистить себе путь к борьбе за социализм. Восьми часовый рабочий день, уничтожение постоянных армий, политическая свобода—вот эти требования.

В день первого мая рабочий класс всего мира провозглашает свое требование восьми-часового рабочего дня.

Восемь часов труда, восемь часов отдыха, восемь часов сна—только эти три восьмерки обеспечат рабочему хоть сколько нибудь сносные условия жизни; они дадут рабочему досуг, который необходим ему для того, чтобы вдуматься в свое положение, пополнить свое знание, войти в тесное общение со своими товарищами, организоваться и сплотиться для общей борьбы.

Рабочие и работницы! В день 1-го мая громче, чем когда нибудь, подхватим этот боевой клич российского пролетариата. Подхватим его и будем помнить, что одновременно во всех концах земли, во всех странах, под всеми небесами гремит один и тот же возглас, раздается один и тот же клич: мы требуем восьми-часового рабочего дня!

В день 1 мая рабочие всего мира подчеркивают свое требование уничтожения постоянной армии.

Военщина—милитаризм—это опора правительства и имущих классов. Армия отрывается от народа. Детей народа вырывают из родных

семей; их одевают в казенные мундиры, отличающие их от близких и родных; их запирают в казармы и муштруют, стараясь превратить в машину, готовую безпрекословно исполнять всякое приказание начальства. Так дети народа, которые были рабочими и крестьянами до военной службы и станут рабочими и крестьянами после нее, становятся на 4—5 лет послушными орудиями в руках врагов рабочих и крестьян. Оглушенного казарменной муштровкой солдата можно послать против его же братьев, борющихся за лучшую долю; свободный рабочий не пойдет на такое позорное дело. Солдата можно послать на войну, которая ведется ради интересов правительства и имущих классов; свободный рабочий не пойдет воевать, потому что знает, что не за морями, не за тридесять земель, а у себя дома, на родине, нужно бороться ему за свое освобождение; он сумеет защитить свою страну, если на нее нападут, но не пойдет по приказу начальства нападать на чужие страны. Вот почему правительство и имущие классы держатся всеми силами за постоянную армию и милитаризм. И вот почему рабочие всего мира требуют уничтожения постоянной армии, замены ее народным ополчением, вооружением всего народа. И кому, как не российским рабочим, со всею силою выставить это требование в день рабочего праздника. В истекший тяжелый год мы видели, что значит армия, в руках врагов народа. Всюду, где рабочий класс открыто выступал на борьбу, всюду солдатские ружья встречали его. Дети народа, одетые в казенные мундиры, не узнавали в нас своих братьев, как будто вбитая в них казарменная дисциплина ослепила глаза их. Солдаты обагряли свои руки в крови народа. Вот как пользуется правительство постоянной армией. Вот зачем она нужна ему. И другое видели мы за этот год. Мы видели, как царское правительство затеяло проклятую народом войну. Оно захватило чужие земли, народу ненужные, а нужные только царю, великим князьям и их блюдолизам, которые получили из наворованных земель жирные подачки. Весь народ громко роптал против войны, ни один человек не хотел итти воевать неведомо зачем. Но у царского правительства есть постоянная армия. В его руках, а не у народа—ружья, штыки, пушки. В его руках живые машины—солдаты. И царь посылал полки за полками на ужасную бойню. По цифрам, которые опубликовало само правительство, уже более 400.000 человек убито, ранено, искалечено, пропало без вести, взято в плен в этой войне. Рабочий класс хочет мира между народами, рабочим всех стран нечего делить между собою, не из-за чего враждовать, и потому он требует унучтожения постоянных армий. И в день первого мая, когда, быть может, ручьями будет литься кровь русских и японских солдат в Маньчжурии, и русские и японские пролетарии будут одинаково горячо провозглашать долой милитаризм, долой постоянные армии, да здравствует мир между народами!

В день первого мая рабочие всех стран требуют политической свободы, политических прав. Так наши австрийские братья, из года в год выставляя в майский праздник требование всеобщего избирательного права, добились его в 1897 году, и теперь с такой же настойчивостью требуют, что бы оно было не только всеобщим, но и прямым. Без политической свободы

немыслима успешная борьба за социализм. Только политическая свобода дает рабочему классу простор для долгой и упорной борьбы, без которой нельзя ему взять государственную власть в свои руки и построить социалистическое общество. Полная политическая свобода, демократическая республика нужны пролетариату, чтобы в полной мере развернуть свои силы. И опять-таки кому, как не российским рабочим, со всею силою и решимостью добиваться свободы. Ведь у нас нет даже и признаков свободы, которою уже пользуются наши братья в других странах. Ведь у нас нет и признаков свободы слова, печати, собраний союзов, стачек. Ведь мы еще даже не граждане, а только «подданные»—рабы царя.

Товарищи, весь год, который отделяет нас от прошлого майского праздника, российские рабочие не переставали вести борьбу за свободу. Они ясно и определенно сказали, чего они добиваются. Всенародное Учредительное Собрание, свободно избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием—вот требование рабочих. Это требование выставляли и выставляют сознательные рабочие всей России. За это требование мы должны быть готовы бороться с оружием в руках, ибо 9 января все увидели окончательно, что иначе как силой нельзя добиться своих требований. От царя нечего ждать созыва Учредительного Собрания для установления новых порядков в государстве. На это требование он ответил 9 января чудовищной бойней, убийствами женщин и детей. А теперь, когда народное восстание грозит разнести в щепы царский трон, царь придумывает всякие обходы, всякие хитрости, чтобы не дать собраться Всенародному Учредительному Собранию. Он хочет созвать представителей, но так, чтобы не весь народ свободно выбрал их, а чтобы попали в представители только те, которые угодны будут царскому правительству и кучке окружающих его богачей. Надо революцией, вооруженным возстанием свергнуть царя, чтобы созвать Учредительное Всенародное Собрание.

Товарищи, в этом году мы должны отпраздновать день всемирного праздника рабочих особенно торжественно. Нам есть на что оглянуться, есть о чем подумать. Борьба российских рабочих приковала к себе взоры всего мира. Рабочие всех стран с жадным вниманием и горячим сочувствием следят за нашей борьбой, потому, что наша борьба это и их борьба. Рабочим всех стран станет легче дышать, им всем станет легче бороться, когда будет низвергнуто царское самодержавие, потому что царское правительство поддерживают все другие правительства, угнетающие рабочий народ. Миллионы рабочих других стран шлют нам свой братский привет, свои горячие пожелания успеха нашей борьбе, свою помощь.

Заявим, что мы требуем 8 час. рабочего дня.

Долой милитаризм. Долой войну. Да здравствует мир.

Требуем Всенародного Учредительного Собрания.

Да здравствует всеобщая стачка в день 1 мая—международный праздник труда!

Одесская группа Центрального комитета Р. С.-Д. Р. П.

1905 г.

Товарищи, празднуйте 1 Мая!

Особенное значение имеет этот праздник для рабочих с тех пор, как с‘езд представителей от рабочих разных национальностей: русских, поляков, евреев, немцев, французов, англичан, бельгийцев и т. д., бывший в 1889 году в Париже, заявил, что интересы рабочих всего мира одинаковы, что всех рабочих притесняют капиталисты и правительства, стоящие на стороне капиталистов, что рабочие только тогда получат возможность жить по человечески и сравняться в правах с благородными угнетателями, когда они заберут всю власть в государстве в свои руки и установят свое правительство. А для достижения этого рабочие всего мира должны помогать друг другу. «Пролетарии всех стран соединяйтесь!»—провозгласил с‘езд. Чтобы закрепить этот союз рабочих, чтобы показать, что все рабочие братья и должны стоять друг за друга, с‘езд постановил: всем рабочим без исключения праздновать 1 мая и выставлять требования, без исполнения которых невозможно существование рабочих. И с тех пор всюду, где есть сознательные рабочие, понимающие почему им живется плохо, празднуют 1 мая. Особенно величественны такие празднества заграницей. Десятки тысяч рабочих в праздничных костюмах с развернутыми знаменами, на которых написаны требования рабочих, с музыкой, цветами ходят по улицам. И полиция не хватает участников процессии, не избивает нагайками, не стреляет в безоружный народ, как это делают в России. Но не доброте полиции обязаны заграничные рабочие тому, что они свободно празднуют 1 мая. Были и заграницей мрачные времена, когда за каждое свободное слово хватали и гноили по тюрьмам, когда стреляли в безоружный народ. Но рабочие соединились и боролись против таких порядков. И они победили. Правительства уступили и теперь заграницей всюду, где рабочие дружно стоят за свои интересы, свобода слова, печати, собраний. Празднуют 1 мая и в России. У нас тоже рабочие выходят на улицу, тоже несут знамена и поют рабочие песни. Правительство боится этих празднований, оно понимает, что рабочие после каждого такого праздника сильнее почувствуют гнет висящий над ними, сильнее почувствуют связь между собою и необходимость сплотиться на борьбу с угнетателями. Поэтому, правительство всячески препятствует рабочим праздновать 1 мая. Но дни самодержавного правительства уже сочтены, оно не в состоянии уничтожить рабочего движения, а своими преследованиями только разжигает ненависть к себе и жажду свободы. Рабочие уже не хотят быть баранами, которых можно безнаказанно бить и убивать. Уже во многих местах рабочие с оружием в руках защищают свои права. По всем городам России, где есть сознательные рабочие, запасают к 1 мая оружие, чтобы не дать полиции издеваться над беззащитной толпой. В Петербурге среди врагов народа царствует ужас и смятение. Царь, его родственники и друзья, и множество всяких больших и малых кровопийц и разорителей земли русской удирают кто куда может, опасаясь народной мести. Туда им и дорога: народ сам должен управлять страной и издавать законы. Выходите на улицы города и требуйте созыва Учредительного Собрания.

Да здравствует политическая свобода! Да здравствует 8 час. рабочий день!

1905 г. Сумская Социал-демократическая группа

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! 18 апреля по нашему, 1 мая по европейскому календарю, рабочий класс во всех свободных государствах торжественно встретит свой майский праздник. Более грозным и торжественным, чем в старые годы, был нынче этот праздник торжественным для обездоленных и угнетенных, грозным для насильников и угнетателей. Пролетариат всего мира сознает, что близится день, когда начнет распадаться тяжелая цепь, сковывающая его силы, когда начнет разваливаться здание обирательства и эксплоатации, от которых страдает всюду рабочий человек. Пролетариат всего мира чувствует, что в истории человечества близится перелом и что на смену господства бездушного капитала уже выдвигается величественное царство братства и равенства.

Что же вдохнуло в сердца пролетариев всего мира эту веру в приближение конечной цели, к которой стремится сознательный пролетариат в своей упорной борьбе с эксплоататорами?

Ее вдохнула великая Российская Революция, ее вдохнули великие подвиги российского пролетариата, совершенные им в январе, октябре, ноябре и декабре прошлого года.

Свыше 30 лет после того, как потерпело поражение социалистическое восстание парижских рабочих 1871 г., свыше 30 лет пролетариату европейских стран приходилось вести упорную, медленную борьбу, каждый маленький шаг отвоевывать неисчислимыми жертвами. В его руках были те свободы, которые он успел отвоевывать прежде и которых все еще не имеют пролетарии России. Сильное это орудие для борьбы за уничтожение нищеты и эксплоатации, но это орудие применять против сильного и бессовестного врага—против европейской буржуазии, не отдающей ни малейшей уступки без боя и готовой отказаться от свободы и попирать все народные права, лишь бы сломить натиск пролетариата. И под свинцовым гнетом бездушных порядков, созданных торгашами-капиталистами, творил европейский пролетариат свое великое дело освобождения, скрашивая серые будни своей борьбы сознанием неизбежности своей полной победы в будущем.

Как яркий солнечный луч эту великую борьбу озарила российская революция.

Она пришла в грозных размерах народного гнева и пошатнула каменные, казавшиеся неприступными твердыни самого злого врага всемирного пролетариата, самого злого врага освобождающегося человечества—твердыни русского самодержавия. Она сказала народам: в мире нет ничего прочного, нет того застарелого зла, которого не может сломить железная воля пробудившихся к свободе людей. Она сказала пролетариям Западной Европы: вооружившись вашим опытом, ваш юный брат, пролетарий России, своим мощным под'емом разбил цепи крепостных порядков, учитесь же у него как разбивать цепи капиталистического наемного рабства.

И через все европейское рабочее движение пронеслось дуновение новой силы. Новая энергия воодушевила старых борцов, и с удвоенным рвением европейские пролетарии повели свою борьбу за социализм.

Вот почему на этот раз день 18 апреля—1-го мая приобрел такое значение для европейского пролетариата—тот день, когда пролетарии всего мира, по решению своего с‘езда 1889 года, общим выступлением подтверждают свою готовность бороться за социализм, за уничтожение бедности и эксплоатации. Вот почему к этому дню буржуазные правительства всех стран собрали в городах несметные военные силы, а капиталисты и прочие тунеядцы перебрались из столиц на дачи. Вот почему на всех собраниях 18 апреля во Франции и Англии, в Германии и Австрии, Италии и Бельгии, поминали русскую революцию и ее передовой отряд—русских рабочих; вот почему прославляли ее героев борцов и мучеников декабрьского восстания. День 18 апреля был отпразднован и в России польскими, еврейскими и латышскими рабочими. Забастовки и митинги происходили в Прибалтийском крае, в Польше и Литве. Но в коренной России этот день прошел тихо. По желанию большинства рабочих празднование перенесено на 1 мая по русскому календарю.

Готовьтесь с честью встретить этот день, товарищи!

Готовьтесь показать всему миру, пролетариату всех стран, что русский рабочий твердо знает свое почетное место в стане борцов за освобождение рабочего класса. На приветственный оклик пролетариев всего мира ответьте громко; «мы здесь на своем посту».

В день 1 мая пусть бастуют фабрики, заводы, трамваи, магазины. Пусть многотысячные собрания рабочих повторят наши боевые лозунги.

Вы знаете, товарищи, во имя каких требований выступают во всем мире сознательные рабочие в день 1 мая: 8-ми часовый рабочий день. 8-ми часовый рабочий день смягчит ужас той повальной безработицы, которая постоянно гнетет рабочий класс, которая теперь разразилась над его головами. Только 8-часовый труд поднимет на прочную высоту заработную плату и даст рабочим силы для энергичной борьбы и досуг для приобретения необходимых в борьбе знаний.

Отмена постоянных армий и вооружение народа. Отмените постоянные армии и не будет войн между народами, вызванных алчностью наших угнетателей, не будет проливаться ручьями народная кровь на корейских и маньчжурских полях, брат не будет бессмысленно убивать брата. Отмените постоянные армии, дайте ружье каждому гражданину и не смогут капиталисты, помещики и полицейские расстреливать рабочих и крестьян в ответ на требование хлеба и свободы.

Полная политическая свобода, свобода пролетарской борьбы и демократическое устройство государства. Пусть власть в государстве перейдет к избранникам народа, выбранным всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, к ним одним. Пусть граждане имеют полную свободу говорить и мыслить, писать и собираться. Пусть будет введено полное равенство прав и обязанностей. Тогда, и только тогда, при демократической республике, при

народном самодержавии, рабочий класс городов и сел сможет овладеть государственной властью, отобрать у капиталистов все средства производства и, введя социализм, освободиться от нищеты и необеспеченности своего существования.

Во имя этих требований празднуйте 1 мая. Во имя их сознательные рабочие всей России ежегодно выступают на майский смотр. Во имя их вы совершили всероссийские забастовки в прошлом году. Во имя их погибали на баррикадах и на эшафотах декабрьские борцы. Во имя их томятся десятки тысяч братьев в тюрьмах всех русских городов.

В день 1 мая покажите всему миру, что вас не утомила долгая борьба что вы готовы довести ее до победы.

Наступает новая полоса русской революции. Крестьянство, мелкий городской люд, интеллигенция сплотились вокруг своих депутатов, которых они, несмотря на старания Витте и Дурново, послали в Государственную Думу. Между ними и самодержавием начнется новая борьба, в которой эти классы впервые появятся хорошо организованными. Царское правительство не отдаст без боя даже тех маленьких уступок, на которых согласились бы успокоиться либералы, попавшие в Думу. Разгорится борьба между Думой и правительством, которая найдет могучий отклик в глухой деревне и провинциальных городах, поверивших в возможность через Думу получить свободу. Эта борьба позволит и пролетариату выступить снова и отомстить за те злодеяния, которыми запятнало себя самодержавие с октябрьских дней. Пролетариат выступит с требованием созыва Всенародного Учредительного Собрания, с требованием полного и окончательного уничтожения самодержавия. Готовьтесь к этому решительному выступлению. Товарищи! Пусть рядом с голосами других классов, пославших в Думу своих представителей, будет услышан и голос пролетариата, которому самодержавие не дало избирательных прав. Готовьтесь к вмешательству в новые события, как сила, способная нанести смертельный удар врагу народа, как сила, способная вести к решительной борьбе весь обманываемый и жаждущий свободы русский народ. И пусть день 1 мая и самодержавная опричина, и бесплодно торгующаяся с ней либеральная буржуазия увидят, что пролетариат готов занять подобающее ему место в предстоящей борьбе.

Товарищи, не работайте в день 1 мая. Да здравствует однодневная пролетарская забастовка.

Да здравствует 8 часовый рабочий день!

Да здравствует мир между народами, долой постоянные армии!

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Да здравствует российская, да здравствует международная социал-демократия—партия рабочего класса!

Об'единенный Центральный Комитет

1906 г.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

1906 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Харьковский комитет Рос. соц.-дем. раб. партии поздравляет товарищей Харьковских рабочих и работниц, с днем великого всемирного рабочего праздника.

1 МАЯ

В день рабочего праздника не должны работать фабрики и заводы. Бастуйте же, товарищи! Присоединяйтесь к требованиям пролетариев всего мира и перед лицом всех ваших эксплоататоров заявляйте:

Долой военщину и постоянные армии!

Да здравствует мир между народами!

Да здравствует 8-час. рабочий день!

Да здравствует социализм!

Мы же русские рабочие, кроме того, нашему врагу—царскому правительству—должны заявить:

Долой самодержавие!

Долой войну!

Мы требуем созыва всенародного учредительного собрания, избранного всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием.

Таварищи! Празднуйте ваш великий праздник всеобщей забастовкой 2 мая. Те же, кто должен работать в воскресенье, бросайте работу в этот же день, 1 мая.

Харьковский комитет Р.С.-Д.Р.П.

1906 г.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

Бросайте работу в день 1 мая.

Бастуйте 1 мая.

Товарищи! На наших глазах братья-рабочие всего мира праздновали свой перво-майский рабочий праздник. Немцы, французы, англичане, итальянцы, все трудящиеся и эксплоатируемые, все, кто своими руками создают неисчерпаемые богатства мира, все, кто всю свою жизнь трудятся на капиталистов-эксплоататоров, все, как один человек в день своего 1 мая целым рядом демонстраций, митингов, часто заканчивающихся кровавыми столкновениями с войсками, громко заявили всему миру, что они ни на одну минуту не помирятся с капиталистическим строем. Празднованием 1 мая, они, рабочие, пред лицом всего, теряющего уже под собой почву, буржуазного мира дали клятву, что чем дальше, тем все более беспощадной будет их борьба с тем строем, в котором кучка паразитов и грабителей жнет там, где никогда не сеяла, в котором из крови и плоти

рабочих создаются роскошь и богатства... Рабочие всего мира еще раз подчеркнули свою солидарность с русскими рабочими и решили всеми возможными средствами поддерживать их в борьбе с умирающим царизмом.

Теперь, товарищи, очередь за нами. Мы, русские рабочие, уже показавшие свою готовность и способность умирать за рабочее дело, мы не можем, не должны оставаться позади. Мы, своим геройским примером воодушевившие рабочих всего мира, должны выполнить наш святой долг отпраздновать 1 мая. В этот день на пространстве всей России пусть не работает ни один человек, пусть все рабочие протянут друг другу свои мозолистые руки и вздохнув полной грудью, выставят требования, об'единяющие рабочих всего мира. Пусть остатки умирающего царизма и собирающаяся хозяйничать буржуазия увидят во всем ее величии мощь организации пролетариата, пусть они почувствуют, что близится момент, когда рабочие пред'явят свои счета, когда настанет конец эксплоатации, когда все богатство, создаваемое народом, из рук (кучки) паразитов и угнетателей перейдет в руки всех трудящихся. Пусть в этот день весь русский пролетариат, как один человек, протянет свою братскую руку рабочим всего мира и пусть из груди его вырвется могучий клич: Да здравствует 8-часовый рабочий день. Долой постоянное войско, это орудие угнетения рабочего класса в руках капиталистов. Да здравствует всеобщее вооружение, при котором народ каждую минуту с'умеет защитить себя от врагов. Долой тот строй, в котором, наряду с чудовищным богатством и роскошью, сотни тысяч рабочих обречены на голодную смерть. Долой безработицу. Да здравствуют общественные работы для безработных. Да здравствует социализм. Да здравствует международная социал-демократия, этот борец за счастье рабочих.

Но мы, русские рабочие, не должны забывать, что борьба за выставленные здесь требования встречает страшные препятствия в гнусном режиме умирающего царизма. И для того, чтобы мы могли успешно бороться за перечисленные требования, за социализм, нам прежде всего нужна политическая свобода. Нам нужно добиться, чтобы народ, в лице своих избранных представителей, сам управлял государством, нам нужно разрушить стену, стоящую нам поперек дороги, нам нужно добиться созыва Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, которое ликвидировало и раз навсегда покончило бы с царизмом и тем дало бы нам возможность успешно вести классовую борьбу, борьбу труда с капиталом.

Долой куцую конституцию!

Долой поддельную Государственную Думу!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует Р. С.-Д. Р. П.!

Екатеринославский комитет Р. С.-Д. Р. П.

Апрель 1906 года.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГОТОВЬТЕСЬ К 1-му МАЯ

Рабочие и работницы.

Семнадцать лет тому назад во Франции, в Париже, собрался с'езд рабочих всего мира. Цель одна, враг один у пролетариев, всех стран: и для борьбы с общим врагом они должны соединиться в один могучий крепкий стан. И с'езд рабочих всего мира собрался обсудить, как повести борьбу. И он решил:

1-е мая должно стать днем, когда на смотр будут выходить миллионы пролетариев всех стран, борющихся за свое освобождение. В этот день ни один сознательный рабочий, русский, немец или японец, не должен работать на капиталиста. Майский праздник должен стать зловещею угрозой капиталу, радостным благовещением свободной жизни пролетариям всех стран. В этот день рабочий класс будет говорить капиталистам всего мира: пока не весь народ разорен вами, пока не весь народ сошелся под наше социалистическое знамя, мы не работаем на вас один день в году. Настанет час, и мы навсегда перестанем на вас работать.

Так решил с'езд. И 16 лет уже рабочие всего мира празднуют первое мая, 16 лет уже они не работают в этот день.

Рабочие и работницы.

И снова близится наш славный праздник.

Из-за мрачных туч насилия, нависших над страной, светит ли он вам навстречу ярким светом?

Грохот царских пушек, треск ружейных залпов и пулеметов и дикие завывания разгулявшейся опричины заглушили ли призыв, несущийся по миру, повторяемый миллионами рабочих голосов: «Пролетарии всех стран соединяйтесь»?

За железными решетками темниц видите ли своих братьев, лучших товарищей, рвущихся на волю? Или, может быть, толстые тюремные стены и сибирская вьюга не дают вам расслышать их голос, зовущий до последней капли крови продолжать борьбу.

Нет, есть еще порох в наших пороховницах, не погибла еще мощь и сила пролетарская. Высоко поднимем мы в наш праздник наше знамя, красное знамя пролетариев всех стран.

И на нем напишем мы: долой строй угнетения и эксплоатации. Долой строй, при котором кровь и пот рабочих превращается в дворцы, пиры и экипажи тунеядцев, а слезы наших маленьких детей бриллиантами и жемчугами загораются на кольцах и браслетах их любовниц. Долой строй безработицы, нищеты и проституции. Пусть все, над чем работает человек, все фабрики, заводы и машины, вся земля, все шахты, рудники, железные дороги станут собственностью сообща трудящегося народа

Мир между народами. Долой войну. Пусть люди перестанут, наконец, истреблять друг друга из-за интересов кучки правителей и богачей. Пролетарии всего мира братья: дружными усилиями должны они победить

буржуазию всех стран, они не могут идти друг на друга. Долой военщину, развращающую и разоряющую народ. Долой постоянные армии, которые нужны только правителям и богачам для подавления рабочего движения. Вооруженный народ сам сможет защищать себя от нападения.

8 часов для труда. Мы не можем работать по 10-14 часов в сутки, теряя силы и здоровье на потеху капиталу. Мы не желаем гнуть свои спины днем и ночью, создавая своим хозяевам несметные богатства, из которых нам передают только жалкие крохи. 8 часов для сна, 8 свободных. Они нужны нам эти свободные часы. Мы отдохнем за них в кругу родной семьи, мы столкуемся друг с другом о своих нуждах и требованиях, о том, как повести борьбу с общим врагом за общее рабочее дело.

Долой царское правительство. Долой правительство, расстреливающее народ, не дающее ему ни жить, ни вздохнуть свободно. До конца уничтожим царскую власть. Не нужно нам совсем царей ни дурных, ни хороших, не нужно нам царей самодержавных, не нужно и ограниченных государственной думой. Долой монархию, мы требуем республики, свободной народной республики, в которой вся власть принадлежит народу, ни капли ея не остается у его врагов — царей тиранов. Народ не нуждается в опеке, он сам должен править всей страной.

Никакой государствдннойдумы, ни черносотенной ни либеральной. Помещичья-купеческая дума не сможет дать нам ту свободу, которая нужна нам. Никакого перемирия с царским правительством, никаких переговоров с ним. Мы требуем Учредительного Собрания, всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Учредительного собрания мы будем добиваться не щадя сил. А либералам, собирающимся в думе, мы скажем: помните, если вы забудете о требованиях народа, о всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве, если вы задумаете оставаться в Думе, заключить союз с царем против народа—народ сметет вас вместе с царским правительством в одну пропасть, глубокую пропасть, откуда нет возврата.

Вооруженная борьба с врагом. Он не хочет уступить добровольно, он слишком привык к власти. Нам поведала об этом шрапнель, рассказали гранаты и пули. Царское правительство не хочет дать волю народу. Народ восстанет и сотрет его — позор страны, позор Европы, солнца земли.

Сплотимся воедино. Сорганизуемся везде, в городах и селах, в глубоких рудниках, на мелких станциях. Под красным знаменем социал-демократии будем готовиться к новому решительному бою.

Рабочие и работницы. Наши братья за границей тоже готовятся к майскому празднику, ко дню, когда пролетарская революция произведет смотр своей армии, пролетариям всех стран. И они спрашивают нас: Рабочие России! Не раздавил ли враг наше великое движение. Сможете ли свалить! н конец, царское правительство, мешающее всем нам повести широкую борьбу за наше полное освобождение. Рабочие России! Готовы ли вы выступить в бой за уничтожение всякого рабства, за освобождение всего человечества.

Первого мая дружной однодневной забастовкой мы ответим нашим братьям: «мы готовы. Пролетарии всех стран, соединяйтесь»!

Апрель 1906 года. Екатеринославский комитет Р. С.-Д. Р. П.

ЕВРЕЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

К ЕВРЕЙСКИМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ

Сегодня 1-ое мая. Под красным знаменем революционного пролетариата собирается всемирная армия труда. Сегодня она снова демонстрирует перед буржуазией всего света свою мощь, указывая, что недалек тот день, когда воля пролетариата станет законом. Оглядываясь на пройденный путь, пролетарии всего мира приветствуют друг друга с одержанными победами и желают успеха в дальнейшей борьбе. И в этот день всемирного праздника взоры всех обращены на русский пролетариат, он является в данный момент центральной фигурой, он привлекает к себе всех друзей-товарищей. Русская революция, вынесенная на плечах российского пролетариата—вот светлая страница, вписанная за последний год в историю пролетарского движения. Она не только окончательно надорвала все те жалкие устои, на которых покоилось, блаженной памяти, русское самодержавие, она расшатала те позиции, которые занимала Западно-Европейская буржуазия. Эта последняя, видя, как под влиянием побед своих братьев стали настойчивее в своих требованиях и решительнее в своих действиях ее признанные враги-пролетарии, ужаснувшись той пропасти, которая разверзлась перед ней и готова была ее поглотить, горячо бросилась в об'ятия русской реакции и заключила с ней союз против победоносного русского пролетариата. И внутри России нашлись темные силы и половинчатые малодушные «кадеты», которые пошли в эту полицейскую думу, чтобы там, занявшись «органической» работой, продать насущные интересы народных масс. Они вошли в эту думу и там не преминут об'единиться для борьбы против русского пролетариата, защищая позиции столь родственной им по духу и интересам русской буржуазии. На поле битвы остался одинокий пролетариат, который с негодованием отверг эту жалкую думу и всей своей тактикой еще раз подтвердил, что он остается неизменным своему первому лозунгу. Это лозунг У ч р е д и т е л ь н о е с о б р а н и е, созванное на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Труден путь, избранный пролетариатом. На большом протяжении он устлан трупами павших борцов и залит их кровью, но это—путь, ведущий прямо к цели.

На этот путь борьбы вступил и еврейский пролетариат, подобно всем другим пролетариям угнетенных национальностей, он лелеет завоевать себе в русской революции не только гражданские и политические права национальные права, и к первому лозунгу он присовокупляет:

Мы требуем национально-политической автономии угнетенных национальностей.

Русская революция по существу своему национальна. Она не только создает новые формы русской жизни, но и в смысле устроения быта небольших национальностей, в изобилии населяющих Россию, она не явится жалким сколком с западно-европейских конституций, но скажет свое новое

слово. И эту характерную черту—участие в русской революции пролетариев угнетенных национальностей, как активной силы, борющейся за лучшее будущее, нужно особенно иметь в виду в этот день интернационального праздника пролетариата.

В борьбе за восьмичасовый рабочий день пусть содрогнутся все наши исконные враги, пусть трепет ужаса охватит трусливую буржуазию. Пролетариат завоевывает одну позицию за другой, он вырывает одну победу из рук буржуазии за другой, чтобы все ближе и ближе перейти к окончательной победе и, подписавши своему врагу смертный приговор, на место гнилого буржуазного мира, основанного на поте и крови, воздвигнуть светлое царство будущего.

И в этот великий день, мы вас, товарищи-пролетарии, призываем к однодневной забастовке.

Пусть труден наш путь, пусть многочисленны наши враги, но за нами будущее и мы победим.

Да здравствует восьмичасовый рабочий день!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует национально-политическая автономия угнетенных национальностей!

Да здравствует территориальная автономия!

Да здравствует интернациональный социализм!

Екатеринославский Комитет Е. С.-Р. П.

Апрель 1906 года.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

К РАБОЧИМ О 1-м МАЕ

Товарищи рабочие! Близится день Первого Мая. По всему миру подымаются мускулистые руки рабочего люда. Грозными, стройными колоннами двигаются рабочие крупных и мелких городов и деревень. Дрожат насильники-капиталисты—знают они, что близится буря рабочей революции, которая уничтожит частную собственность на орудия производства (машины, фабрики, заводы, землю, железные дороги, рудники и проч.), и заменит ее собственностью общественной. В безумном страхе перед неизбежным крушением своего мира, мира бессовестного, наглого угнетения—все его насильники, все паразиты бросаются друг другу в об'ятья. Чуют купцы, банкиры да фабриканты всего мира, что гибель несет им широко разлившееся рабочее революционное движение в России. И спешат они на помощь гнусному, преступному правительству, шлют ему своих слуг—серебро и золото, помогают займам самодержавию, не забывая обеспечить себя изрядными процентами.

А пролетариат на улицах в радостных криках «Да здравствует социализм», подтверждает, что все рабочие—братья по борьбе, что одни у них интересы и цели.

И с каждым годом все большее количество рабочих в день Первого Мая соединяется под красным знаменем социализма, все громче звучит и

шире разносится клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» —все настойчивее раздаются требования: «Восемь часов для труда, восемь—для сна, восемь—свободных». «Мир между народами. Долой войну. Пусть люди перестанут, наконец, истреблять друг друга из-за интересов кучки правителей и богачей: Пролетарии всего мира—братья; дружными усилиями должны победить буржуазию всех стран, они не могут идти друг на друга. Долой военщину, развращающую и разоряющую народ. Долой постоянные армии, которые нужны только правителям и богачам для подавления рабочего движения. Вооруженный народ сам сможет защищать себя от нападения».

И с новой силой закипает борьба.

Семнадцать лет тому назад на международном с'езде в Париже из представителей сознательных рабочих-социалистов всего мира установлен праздник 1-го МАЯ—ежегодный смотр наростающей силы всемирной рабочей армии. И за эти 17 лет он из мирного празднества все более и более превращается в угрозу всему отживающему буржуазному миру.

В этом году рабочие за-границей встречают Первое Мая сплоченными рядами и упорной борьбой за восьмичасовый рабочий день, за самодержавие народа, за торжество его передового отряда рабочего класса, борца за счастье всех угнетенных и обездоленных, всех страдающих и униженных.

Кипит борьба, сорок тысяч горнорабочих Франции, пятьсот тысяч—Америки, таких же углекопов, как и вы, товарищи шахтеры, вот уже несколько недель бьются с неослабевающей настойчивостью за улучшение своего положения. Первое Мая застает рабочих за-границею в ожесточенной борьбе с непримиримым своим капиталом. Бастуют типографы, портовые рабочие, а в день Первого Мая рабочие всех стран будут бастовать по призыву международной социал-демократии. Та могучая волна революционного движения в России призвала их, рабочих всего мира, к усиленной борьбе за счастье, за лучшую долю.

И русские рабочие готовятся к празднованию Первого Мая. Уральские заводские и горные рабочие уже постановили не работать в день Первого Мая. То же решили рабочие многих заводов Петербурга, и многие хозяева в Питере, Москве и на Кавказе из страха признали этот праздник.

Не работать и тем доказать, что долгие месяцы господства пушек и пулеметов не умертвили нашей силы, готовности биться за волю. Государственной Думой хотело правительство заткнуть нам глотку, прекратить борьбу рабочего класса. Думой, которая не может издавать законов без одобрения царя, и сидящих в Государственном Совете чиновников.

Не работать для того, чтобы ясно видели все—и друзья, и недруги—что не мирятся рабочие с Государственной Думой, обманным представительством народа, что только Учредительное Собрание, избранное всем народом равной, прямой и тайной подачей голосов, заменит самовластие чиновников—грабителей самодержавием народа.

Не работать,—и тем показать, что мы рабочие России, так же как и рабочие всех стран боремся за одно и то же—за уничтожение мира

насилия, угнетения и за замену его социалистическим строем, где не будут выжимать из нас все соки и каждый из нас будет хозяином своей жизни.

Так не будем же работать в день Первого Мая.

Пусть прекратится в этот день стук и грохот машин, пусть не вертятся станки, не дымятся трубы, не подымается и не опускается клеть, не стучит кирка рудокопа под землею.

Так пусть же не будет работы Первого Мая!

Товарищи! Готовтесь к 1-му Маю!

Да здравствует 8-ми часовый рабочий день!

Долой постоянные армии!

Долой Государственную Думу!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует международная Социал-Демократия!

Да здравствует социализм!

Комитет Донецкого Союза Р. С.-Д. Р. П.

(печатано 40,000 экземпляров Тип. Союза)

1906 г.

1906 г.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

МАЙСКИЙ ЛЕТУЧИЙ ЛИСТОК

1 мая за-границей и в России.

И за-границей и в России с затаенным трепетом ждала буржуазия праздника 1 мая 1906 года.

Не впервые празднуют рабочие всего мира этот день: уже 17 лет, как 1 мая останавливается всякая жизнь, и сознательные рабочие, одетые в праздные одежды, возбужденные, с горящими отвагой и угрозой глазами, десятками тысяч заполняют улицы, народные дома; уже 17 лет, как 1 мая льются горячие речи с призывом к об‘единению, с требованиями 8-часового рабочего дня, народной милиции, полного народовластия; уже 17 лет, как заплывшие жиром, отупевшие буржуа в ночь на 1 мая беспокойно ворочаются на своих мягких пуховых постелях: им снится тот день, когда пролетариат, об‘единившись в громадную семью не захочет больше терпеть издевательства, угнетения, когда он сбросит с себя цепи капитализма и гордый, могучий вступит в свободную трудовую жизнь, в царство социализма.

Им ненавистен этот день—провозвестник великого будущего. И они всеми силами стараются не допускать рабочих праздновать 1 мая. Но никогда еще буржуазия не смотрела с таким ужасом в глазах, никогда еще она не принимала таких мер, как 1 мая 1906 года. Российская революция, геройская борьба российского пролетариата с самодержавным правительством заставила сильнее биться сердца пролетариев всего мира, заставила их гордо поднять свои головы, смело и вызывающе смотреть в глаза своих врагов—капиталистов. Буржуазия испугалась этого вызова. Она собрала все свои силы. Берлин (столица Германии) был разделен на

участки наводненные войсками, готовыми в каждый момент выпустить сотни и тысячи патронов в груди рабочих. Но немецкие товарищи провели этот день величественно спокойно. 200.000 рабочих перебывали на митингах и собраниях. На них говорились речи о значении 1-го мая, о первомайских требованиях. Порядок нигде не был нарушен: за ним следили сами рабочие. Этим они еще раз показали всему миру всю организованность, всю сознательность немецкого пролетариата.

Так же провели праздник наши товарищи Австрии, Англии, Бельгии и других государств Европы и Америки.

Всюду грандиозные шествия рабочих с красными знаменами, всюду митинги, собрания, всюду приподнятое, праздничное настроение, сознание силы и единения и отовсюду выражения восторга, горячие приветствия и пожелания русским товарищам—рабочим могучим борцам за свободу.

Только Париж и вся рабочая Франция мрачно, сурово и гневными лицами встретила праздник 1 мая. Смерть 1200 товарищей от обвала шахты в Куррьере заставила их еще раз призадуматься над жизнью рабочего; еще раз глубоко и ярко проникло в их головы сознание зависимости, угнетения, сознание всей тяжести цепей капитализма и необходимости от него избавиться. Разразилась 50-ти тысячная забастовка, разразились протесты всего рабочего люда во Франции.

В таком положении застало их 1 мая.

Мрачны были улицы Парижа, мрачны были улицы других городов. Всюду блестели штыками солдаты, шныряли подозрительные личности, раздавались провокационные выстрелы, имевшие целью вызвать на бой отдельные отряды рабочих, чтобы с большей верностью разбить их. В отдельных местах воздвигались баррикады, и пролилась рабочего кровь: были убитые и раненые. Было арестовано 800 человек.

Как же праздновалось 1 мая в России. Как праздновал этот день тот пролетариат, который вот уже два года несет на своих плечах революцию, который выделил из себя не мало героев, сложивших головы за рабочее дело, за освобождение всего русского народа.

Он может гордиться, рабочий класс России. Несмотря на военные, чрезвычайные и всякие другие положения и охраны; несмотря на штыки и пули, которые смертью грозили каждому поднявшему свой голос в защиту обездоленных; несмотря на пьяные и дикие орды палачей, расстреливающих, засекающих и насилующих Россию. Несмотря на все это—еще никогда так широко не праздновалось 1 мая, как теперь. 120.000 рабочих Петербурга, десятки тысяч Екатеринослава, Харькова, Одессы и других городов; десятки и сотни тысяч Польши и Западного края—бросили в этот день всякую работу, оставили свои тюрьмы—фабрики, заводы и шахты. Где только было возможно, происходили митинги, массовки и шествия с красными знаменами.

Как же поступила буржуазия с рабочими, праздновавшими 1 мая.

И за-границей, и у нас буржуазия употребила один прием наказания. Она отстранила рабочих от работ на известный срок, начиная с 5 недель и кончая несколькими днями.

У нас в России правительство применило еще один способ устрашения. В Вологде было организовано полицией и жандармами отряды черной сотни, которые окружили Народный дом, где происходили митинги, разбили его и сожгли, убив и ранив много рабочих и интеллигентов. В Царицыне стреляли в рабочих: ранили 8 человек. То же было на Никитовских рудниках Донецкого бассейна. В Екатеринославе надзиратели и полицейские, ворвавшись в камеры заключенных в тюрьмах, зверски избили и изранили их: 4 уже умерло.

Старый испытанный способ. Еще десятки жертв за свободу, за рабочее дело. Они думают устрашить этим рабочий класс.

Нет, товарищи. Они нас этим не устрашат. Наоборот. Только лишние трупы легли между нами и насильниками. Они нас давят, значит они боятся нашего пролетарского праздника. В этом мы черпаем сознание нашей силы и их слабости.

Первого мая 1906 года международный пролетариат произвел еще один смотр своей армии. Этот смотр прошел блестяще.

1 мая в Юзовском районе

Пролетариат Юзовского района в первый раз принял участие во всемирном празднике рабочих. Один из самых молодых членов великой рабочей семьи, он оказался в этот год не в последних рядах ее. На рудниках: Рыковском, Успенском, Рутченко, Алексеевских, Французской компании, Смоляниновой, Проходке и Ветке—Новороссийского общ. Волынцова, Пастухова, Берестова—Богодуховском, Григорьевском, Вознесенском (Карповском), Лидиевском и друг., на двух заводах и нескольких шахтах в Макеевке и во всех почти ремесленных мастерских Юзовки города работа в день 1 мая замерла по призыву социал-демократической рабочей партии. Бастовала и часть рабочих Юз. завода.

Начальство заранее старалось нагнать страху на рабочих, показать, что свобода у народа еще только на бумаге. Всюду прибавилось храброго воинства: солдаты, казаки, пушки, пулеметы...

Распускались зловещие слухи. Юзовский главнокомандующий есаул Денисов публично держит к солдатам речь, призывает их бить и резать забастовщиков. Но напрасно. Только на Юзовском заводе большая часть работала. Остальных не испугала ни пехота, ни кавалерия, ни артиллерия.

Наши товарищи в других местностях, где рабочее движение началось раньше, отпраздновали этот день митингами, демонстрациями, у нас это удалось только на Карповских рудниках.

Более трех тысяч собралось на митинг, старики и молодежь, мужчины и женщины, в красных рубахах, с красными ленточками. Ораторы говорили о празднике 1 мая, о задачах рабочего класса в данный момент русской революции. Читалось с громадным интересом письмо члена Государственной Думы Михайличенко, рабочего социал-демократа. Единогласно решено: Дума не должна вступать ни в какие соглашения с правительством. Она должна немедленно добиться освобождения всех так называемых политических преступников, установить полную свободу слова, печати, собраний, союзов,

стачек; об'явить о созыве Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Об этом послана телеграмма в Думу.

Затем вся масса с красными флагами, с революционными песнями торжественно двинулась по руднику. Обошли уже весь рудник, когда явилась полусотня казаков. Но на этот раз они не произвели обычного впечатления. Никто не дрогнул, никто не показал спину. Все остались на местах.

У многих руки полезли в карманы и потянулись за камнями. Однако и сами опричники вели себя не так, как всегда. Офицер под'ехал к толпе, поздоровался честь-честью и даже поздравил рабочих с «праздником». Но все-таки... просил разойтись. Пусть де дума сначала установит ваш праздник, тогда и собирайтесь. Один из товарищей от имени всех ответил: «мы расходимся. Не потому, что Дума еще не установила этого праздника. Его уже установил сам рабочий класс. Мы закончили свой мирный праздник и только поэтому расходимся. Но прежде уберите казаков». Казаки от'ехали. Товарищи с песнями разошлись, полные бодрости и веры в конечную победу рабочего класса.

На других рудниках боевое майское настроение неожиданно вылилось в забастовки с экономическими требованиями: на Колачеевском, Пастуховском, Григорьевском и шахте «Ольга». Но слишком велика сейчас голодная армия безработных, чтобы буржуазия уступила в таких единичных забастовках. Плохо организованные, все они скоро закончились полной неудачей; работают на старых условиях, несколько товарищей выкинуто, а на «Ольге» даже сбавлены расценки. Еще одно доказательство необходимости широкой организации пролетариата для успешной экономической борьбы. Почти везде рабочие бастовали дружно и хозяева не решались преследовать их за празднование 1 мая. Только на Юзовском заводе рабочие обнаружили мало солидарности и администрация решила, что можно немного потешиться. Бастовавшие были посланы на несколько дней «погулять». Будем надеяться, что через год наш пролетарский праздник будет полным.

1-е мая 1906 года в Русской Революции.

После декабрьской резни в русской революции наступило затишье. Пролетариат проиграл битву. Ряды его были расстроены. Он устал от кровавой борьбы. Казалось сила его сломлена.

Придушили пролетариат, справились и с крестьянством. В потоках крови, в грохоте пушек и трескотне пулеметов, в зареве пожаров и свисте нагаек потонул его голос.

На сцене остались одни буржуазные партии. Их не было на баррикадах. По трупам рабочих прошли они вперед. Но теперь, оставшись одни, они громко заявили: это мы завоевали свободу. Мы спасали отечество. Вожди пролетариата фантазеры, ведущие его к гибели. Идите за нами. Выбирайте нас в Думу. Мы и впредь будем бороться за свободу. Мы клянемся умереть за права народа. И их выбрали. Не потому, что все пошли за ними, а потому, что некого было выбирать, передовая часть проле-

риата не могла свободно участвовать в выборах и отказалась от них; лучшие борцы из крестьян сидят в тюрьмах.

Кадеты, партия буржуазной свободы, ликует. Революция кончилась, думают они. Власть попала в их руки. Они устроют новый порядок посвоему и старые кровожадные волки будут сыты и овцы будут думать, что они целы. Дело народа было в опасности.

Но вот наступает 1 мая. По всей стране подымается на весенний смотр могучая армия пролетариата. Его сила не сломлена. Нет, она растет не по дням, а по часам. Его не обманули фарисейские речи буржуазных либералов. Он не пошел за их знаменем. Попрежнему он выставляет свое революционное социал-демократическое знамя. Он снова готов к борьбе. Попрежнему он требует Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Пусть не спешит либеральная буржуазия торговаться с правительством, революция не окончена. Рабочий класс еще не сложил оружия.

* * *

ДРУЖНО ТОВАРИЩИ В НОГУ...

Дружно товарищи в ногу.
Духом окрепнем в борьбе.
В царство свободы дорогу
Грудью проложем себе.
Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой,
Братский союз и свобода,
Вот наш девиз боевой.
Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил,
Время за дело приняться.
В бой поспешим поскорей,
Нашей-ли рати бояться
Призрачной силы царей.
Все, чем держатся их троны,
Дело рабочей руки.
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.
С верой святой в наше дело,
Дружно сомкнувшись в ряды,
В битву мы выступим смело
С игом проклятой нужды.
Свергнув могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда.

Юзовская группа Донецкого союза Р.С.-Д.Р.П.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Наступает первое мая—рабочий праздник, установленный Парижским международным с‘ездом рабочих партий в 1889 г.

Нет сомнения, что русский пролетариат не отстанет от своих французских, немецких, итальянских и других товарищей, и сумеет достойно отпраздновать этот день.

Поэтому, важно выяснить, какое он имеет значение и что может нам дать.

Было время, когда и еще недавно от празднования 1 мая ждали чудес. Фабриканты уезжали из городов, и в ужасе прятались, полиция

готовилась к мерам пресечения, войска ожидали в боевом порядке сигнала к выступлению.

Призрак красной пролетарской революции грозно витал над головами эксплоататоров, пугая их нечистое сознание. И рабочие думали, что первомайское выступление чуть ли не сразу перебросит их из царства угнетения в царство свободы, или, по крайней мере, ожидали близкого, немедленного введения 8-часового рабочего дня.

Но это не случилось, и не могло случиться. Социализм придет не как навеянное откуда то прекрасное устройство общества, он явится, как результат последовательного развития капитализма, после долгой и упорной борьбы, сознавших свои классовые интересы рабочих.

И для нас теперь 1 мая—не день внезапных завоеваний, не день революционного переворота, но праздник всемирного об'единения рабочих масс.

Среди растущей конкуренции промышленников различных наций, среди борьбы всех против всех—в этот день пролетарии всех стран подают друг другу руки через головы буржуазных правительств, сквозь острые жала штыков, охраняющих спокойствие и безопасность правящих классов; в этот день они громко всему миру возвещают:

8-часовый рабочий день.

Всенародное ополчение (милиция).

Нам нужно уменьшение рабочего дня, потому что оно ведет к увеличению заработной платы, давая место большому количеству рабочих, уменьшая соперничество между ними.

Оно, вместе с тем, повышает потребности рабочего, дает ему возможность покупать больше товаров (увеличивает его покупательную силу), расширяет производство и тем влияет на улучшение условий труда.

8-часовый рабочий день необходим для сохранения здоровья рабочих он дает им свободное время, необходимое для того, чтобы учиться. Знание—великая сила. Без знания рабочие никогда не избавятся от гнета капиталистов. Но как же можно учиться человеку, проводящему за станком 12—15 часов в сутки. Тут не до книги. Тут—лишь бы отдохнуть, да выспаться, чтобы на завтра опять приняться за ту же работу.

Но если нельзя теперь же добиться повсюду 8-часового рабочего дня, зачем бороться понапрасну, зачем же проливать свою кровь? слышатся возгласы. Это не так.

Борьба за 8 часов для труда ведет к постоянному и неуклонному сокращению рабочего времени, а последнее всегда на пользу рабочим.

Вспомните Петербургский Совет Рабочих Депутатов, пытавшийся ввести 8-часовый рабочий день революционным путем. Правда, это не удалось. Но за то на фабриках и заводах Петербурга, везде уменьшился рабочий день, и там, где трудились по 15 часов в день, он сократился до 10—12 часов.

Главное—удержать сделанные завоевания. Чтобы не повторилась история Петербургского Совета Рабочих Депутатов, чтобы 8-часовый рабочий день не мог быть отнят правительством, ни фабрикантами в удобном для них

случае, при упадке промышленности, чтобы его не нарушили малосознательные, отсталые наши товарищи, мы требуем законодательного введения 8-часового рабочего дня.

Но законные права должны охраняться от всех посягательств, иначе в них нет прока. Всенародное ополчение—вот единственная гарантия наших прав, вот другое первомайское требование пролетариата. Постоянная армия стоит народу огромного количества денег, более 500 миллионов рублей ежегодно уходит в России только на ее содержание, кроме уплаты по военным займам процентов, достигающих 250 миллионов в год, кроме расходов населения на содержание солдат. Между тем, на народное образование тратится всего 20 миллионов, т.-е. в сорок—пятьдесят раз меньше.

Многие города: Полтава, Смоленск, Самара, Одесса, прямо разоряются, не говоря уже о деревне, для которой войсковые постои хуже татарского нашествия. А в конце концов, эта полуторамиллионная армия не может защитить страну от неприятеля. За то она прекрасно действует против «внутреннего врага», молодежь в цвете сил отнимают от работы, от земли, лишают деревню кормильцев, и на долгое время, на 3—4 года, запирают в казарму. Здесь парня муштруют, выбивают из него все человеческое, обращают в бездушную машину, изаставляют избивать своих же братьев, отцов, матерей, насиловать сестер. Его спаивают водкой, чтобы он расстреливал стачечников, в среде которых, быть может, завтра он будет сам. А затем, лишь только пройдет срок «царской» службы, его выбрасывают за борт, позабывшего родство, отвыкшего от работы.

Довольно. Армия должна быть частью народа, должна отстаивать народные права. В день 1 мая мы требуем уничтожения постоянного войска, мы требуем всенародного ополчения.

Мы поднимаем свой голос в защиту своих требований, мы устраиваем собрания, митинги, забастовки, мы празднуем этот день.

В год, когда реакция подымает повсюду голову, грозя истребить силу, враждебную ей, создающую все, на чем покоится сытая жизнь, в этот год, когда былые репрессии готовятся снова вступить на место закона в Германии, и Европе, в этот год особенно важно поддержать своими выступлениями миллионов западно-европейских товарищей; в этот год на почве обостренной классовой борьбы, заметней и ярче всякий протест: дружнее и громче должны раздаваться над миром пролетарские требования. Наши дни—дни бурь.

Кроме общих первомайских задач, перед русскими рабочими сейчас, в момент революции, встают особые задачи.

Русский пролетариат встречается с враждебным ему классом буржуа, не в недрах свободного капиталистического общества, но в пределах старого крепостного самодержавия. И все неприглядные стороны капитализма он чувствует втрое сильнее, потому что выгодные стороны, сопровождающие расцвет буржуазного общества: рост заводов, об'единения больших рабочих масс, повышения их сознательности и организованности, облегчение условий борьбы—русский недоразвитый капитализм не успел еще, не мог проявить. Потому обостренная гнусной политикой правительства, вызванная искусственными массовыми расчетами, намеренными локаутами, погромами,

разорениями целых промышленных округов, больнее и резче бичует пролетария безработица, острее голод, нужда.

Надо жить, надо есть, чтобы добиваться лучшего будущего, и клич: долой безработицу, для рабочих масс есть клич борьбы, клич ненависти к старому, отжившему, клич надежды на будущее.

В день 1 мая мы повторяем свое насущное, свое необходимейшее требование: работы. Мы требуем организации общественных работ. Мы требуем законов, обеспечивающих рабочих от произвола полиции и фабрикантов.

И наши требования грозно несутся над страной, вызывая отзвук в миллионах рабочих сердцах.

Они доходят до наших товарищей в Государственной Думе, они говорят им: пусть дума выставит, пусть бьется за наши нужды. Они напоминают нам, что Дума сама по себе, как и наши представители в ней—ничто. Сплотитесь тесным кольцом вокруг своих избранников, если вы хотите, чтобы слова воплотились в жизнь, в настоящее дело.

Только общие организованные выступления научат вас действовать, научат сражаться умело, удар за удар.

В борьбе за Учредительное Собрание, за всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, в борьбе за широкий простор для борьбы—нам важно учесть, важно знать свои силы, определить степень организованности, сознания и боевой готовности пролетарских масс. Нам важно ринуться в бой развернутым фронтом, умело использовав все свои силы.

И в день 1 мая, в день смотра пролетарских полков, пусть от края до края в наших рядах прогремит:

Народовластие!

Уничтожение постоянной армии!

Работы безработным!

Восьмичасовый рабочий день!

Апрель 07 г. Харьковский комитет Р. С.-Д. Р. П.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С первомайским праздником, товарищи!

ПЕРВОЕ МАЯ

При этом одном слове крепче бьется наше сердце и радость наполняет нашу душу.

С этим праздником связана наша жизнь, наша борьба, наше будущее.

1 мая—это праздник весны, праздник всего молодого и живого, праздник света и борьбы. Еще не наступило лето, еще не завладело оно миром, но зима уже погребена,—ей уже не вернуться. В свои права вступает тот, кому принадлежит будущее.

Товарищи рабочие, это наш праздник. В этот миг встают все наши товарищи. Встают английские рабочие, встают французские, немецкие,

итальянские, встают рабочие всех стран и через головы гнилого, отживающего буржуазного мира подают друг другу руки и смело смотрят вперед.

Еще крепки цепи, еще царь-капитал пирует на костях своих жертв. Пускай. Пусть ночь темна. Пусть тяжело, несносно нам живется. Но тем горячее мы встретим 1 мая, тем милее, дороже нам этот праздник. Это праздник угнетенных, это праздник пролетариев.

Но смотрите, товарищи, туда. Смотрите в ряды наших врагов. Какое смятение, какой ужас вызывает у буржуазии и всех ее прихвостней наш пролетарский праздник. Что их так пугает? Чего они хватаются за оружие? Чего заполняют улицы войсками? Расставляют пушки, направляют ружья на рабочие кварталы? Почему они превращают мирные города в военный лагерь? Откуда этот испуг? Что ему грозит сытому, и довольному буржую?

Его пугает наш пролетарский праздник.

В этот день самый темный, самый забитый рабочий, весь год работавший безропотно, весь год гнувший спину, отдавший все свои силы господину капиталу, в этот день 1 мая подымает голову.

Кто не потерял еще надежды на лучшее будущее, кто не хочет бороться, кто страстно жаждет победы, тот с радостным чувством встречает майский праздник. Весь год бьются рабочие всех стран, весь год трудятся они под раскаленным солнцем юга, в холодных снегах севера, в сырых глубоких рудниках, на шахтах и заводах. Весь год бьются они со своими хозяевами капиталистами. Бьются со всем буржуазным обществом. Бьются в парламентах, бьются в мастерских. Профессиональные союзы с одной стороны, союзы предпринимателей—с другой. Здесь стачки, там локауты. Класс против класса. Борьба повсюду и всякими средствами. Борьба по всему фронту. Борьба не прекращается ни на минуту и становится все ожесточеннее, все упорнее, все грознее.

1 мая показывает нашим врагам, что мы продолжаем бороться.

1 мая показывает, как растет рабочий класс, как растет эта сила, которая сокрушит буржуазный строй, которая построит на его месте новое царство, царство социализма, царство свободы.

1 мая показывает нашу солидарность. 1 мая об'единяет нашу борьбу.

ВОСЬМИЧАСОВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Не так страшно буржуазии само это-требование, не так страшен ей этот 8-часовый рабочий день, как та сплоченность, с которой выступают рабочие 1 мая, та солидарность, с которой поднимаются на этот праздник рабочие всех стран.

Это грозное предзнаменование для нее и радостное для нас. Это напоминает ей о смерти, а нам о жизни.

Уничтожение военщины. Уничтожение милитаризма.

Буржуазия пользуется постоянным войском, регулярной армией, как одним из орудий порабощения рабочего класса. Она хватает отдельных рабочих, одевает их в мундиры и посылает с ружьями против их же братьев. Текут народные деньги, потные, кровавые рубли.

Милитаризм поглощает эти рубли и дает капиталу надежную охрану, вооруженную послушную силу.

Долой милитаризм.

1 мая пролетариат замахивается на всю буржуазию, на буржуазию всех стран.

Но в каждой стране перед рабочими особые препятствия. И кроме общих требований, у рабочих разных стран есть и разные требования.

Нет, русским рабочим труднее чем другим бороться с буржуазией. Перед нами столько препятствий. Перед нами столько преград. В России угнетен не только пролетариат,—угнетена вся Россия. Кучка помещиков, стоявшая так долго у власти, разорила всю страну. Страшный голод в деревне, безработица в городах. Нет прав у народа. Нет власти у его представителей. Полицейско-дворянский кулак умирающего самодержавия еще давит Россию. И грубая лапа врывается, как хочет и куда хочет. Сегодня она избивает рабочих конными городовыми прямо во дворе фабрики, как это было в Петербурге, завтра она закрывает профессиональные союзы, вмешивается в стачку одесских портовых рабочих, посылает к Каспийскому морю барона Таубе с чрезвычайными полномочиями по случаю стачки судовых команд. Тут свирепствуют карательные отряды, горят села и деревни. Горит последний крестьянский скарб. Там работает военно-полевой суд—новый быстрый и легкий способ истребления «крамольников». Истязают в тюрьмах, разрушают артиллерийским огнем города. Устраивают погромы. Пущены в ход все средства, чтобы затушить революцию, чтобы убедить голодных, что голода нет, чтобы убедить крестьян, что земля им не нужна, чтобы убедить безработных, что правительство только о них и заботится.

Пущены в ход все средства... Но все усилия напрасны. Грозно, неумолимо двигается Великая Российская Революция. Лицом к лицу стоят народные угнетатели и народные представители, правительство и Дума. Задача Думы вырвать последних защитников у своего врага и с‘организовать своих друзей; об‘единить, усилить свои ряды, расстроить ряды врагов. Поддержка народа—вот сила Думы. В борьбе Думы с правительством народ станет на стороне Думы. В первых рядах народа идет рабочий класс. Ему нужно смести преграды, которые стоят на пути к его освобождению. Он хочет идти рядом со своими товарищами-рабочими других стран к полному освобождению всех рабочих.

1. мая русский рабочий класс присоединит свой громкий голос к общему пролетарскому хору. 1 мая русские рабочие покажут всем своим врагам, что никакие репрессии не убьют в них живого духа. Пусть тяжелые условия не дают нам возможности повсюду встретить единственный пролетарский праздник, так как мы бы этого хотели,—мы все-таки отпразднуем его. Мы бросим работу... и станут заводы и фабрики. С бодрым, радостным чувством встретим мы этот день.

С 1 мая, товарищи.

Апрель 19, 1907 г. Харьковский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

ОТДЕЛ 5

ВОКРУГ ИСТПАРТА

Вокруг работы Истпарта

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ИСТПАРТОВ

Во время 12 парт. с'езда в Москве 22—24 апреля состоялось первое совещание работников Истпарта С. С. С. Р.

На нем было представлено 27 губернских и областных органов Истпарта.

От Украины, кроме Истпарта ЦККП(б)У, были представлены все губернии, кроме Донбасса, но к сожалению представители некоторых из них, Одесской, Черниговской и Подольской, на совещание не являлись, будучи не чисто истпартовскими работниками, а делегатами с'езда контрольных комиссий или 12-го с'езда, получившими мандат также и на совещание Истпартов.

В президиум совещания вошли: т.т. В. Невский, П. Лепешинский и Е. Адамович. На повестке дня стояли следующие вопросы: 1) Доклад о деятельности Истпарта—т. Лепешинского, 2) доклады с мест, 3) доклад о ближайших задачах работы—т. Невского, 4) опыт работы мест—доклад т. Волковичера, 5) о журнальной работе—т.т. А. И. Елизарова и В. П. Невский, 6) о работе архива—докладчик от центроархива и 7) текущие дела.

Тов. Лепешинский в своем докладе обрисовал весь период деятельности Истпарта, главным образом, последних полутора лет.

Работа Истпарта широко развернулась, штат его разросся до 60 чел. Охарактеризовав работу двух основных подкомиссий: 1) истории РКП и 2) истории Октябрьской революции (под руководством т. Покровского) т. Лепешинский указал, что 2-й комиссией намечен большой план по разработке материалов по хронике Октябрьской революции, в результате работ которой выходит на днях 3 тома «Хроники Революции» за 1917 г. Первый выпуск сокращенный «Хроники Революции» за 1917 год уже вышел. Комиссия по истории РКП издает журнал «Пролетарская Революция», вышло 14 номеров богатых разнообразным материалом, главным образом мемуарного характера, чтобы дать место показаниям участников событий.

Недостатка в таких материалах, бывшего в начале, теперь нет.

Кроме 14 №№ журнала «Пролетарская Революция», подкомиссией выпущено 33 книжки, около 350 печатных листов.

Систематического описания истории партии еще не сделано, т. к. многие периоды не освещены ни в литературе, ни в архивных делах. Надобность в книге по истории партии очень велика, ввиду этого решено удовлетворить ее хотя частичным изданием «Хрестоматии», которая явится пособием при изучении истории партии. Хрестоматия выйдет летом. Т. Невскому поручено написать историю партии, часть работы уже в печати.

Кроме этого Истпартом открыта выставка. Т. к. она находится в Кремле, то мало доступна для экскурсий, т. ч. поставлен вопрос о ее перенесении.

Все же, кроме с‘ездов и конференций, за год ее посетило 82 экскурсии, $2^1/_2$ тыс. человек.

Из докладов с мест выяснилось, что несмотря на отсутствие средств, существующее во многих организациях недостаточное понимание роли и значения работы Истпарта, многие провинциальные бюро развернули значительную работу.

На первом месте, конечно, стоит Питерское бюро, издающее большой журнал «Красная Летопись», выпустившее биографический словарь от 1880—1905 г. от букв А до Д, I том. «Черный Передел» и пр.

Московское, выпустившее 9 сборников воспоминаний и биографических материалов погибших товарищей.

Новгородское, где рабочий, Иванов, совершенно не подготовленный, развернул очень интересную большую работу.

Казанское (Татбюро) и Донбюро, также Уралбюро.

На Украине, кроме Истпарта ЦКП(б)У, выпустившего две книги «Летопись Революции» (3-я уже вышла), Юбилейный альбом к 25 летию партии, произведшего громадную работу по организационному строительству, как по созданию губернских бюро, так и по организации архивов, создавшему огромную выставку «от революционного рабочего кружка до Коминтерна» с массой новых оригинальных диаграмм, картограмм и материалов, выставку пользующуюся громадным успехом, служащую прекрасным пособием для изучения истории партиии и революции, пропустившую за 2 первых месяца 2200 челов.

Из Украинских Губбюро выдвигается Екатеринославское, разработавшее историю своей организации от 1889 до 1903 г. выпустившее, как и многие другие Губбюро, к 5-летию Октябрьской революции сборник и подготовившее к 25-летию партии большой сборник о вышеуказанном периоде, где будут помещены воспоминания большинства наиболее видных работников того периода, сборник выходит на днях.

Почти все губбюро создали выставки по истории партии—новый метод наглядного изучения истории партии и революции широкими массами.

На очередь дня поставлен вопрос о создании передвижных выставок, путем фотографирования для волшебного фонаря. Слабее поставлена на местах разработка исторических материалов, т. к. еще шел процесс приведения в порядок архивов революции.

Там, где он заканчивается, к этой работе, важнейшей работе Истпарта, приступлено.

Общие условия работы, как выяснилось из докладов, очень неблагоприятны: кроме недостаточно осознанной важности работ Истпарта, о которой упомянуто выше, всюду недостаток средств и людей, отчасти вытекающий из первой же причины: Губкомы не дают ни средств, ни даже тех 2 работников, которые полагаются по смете, считая работу Истпарта неважной и несвоевременной. В большинстве мест (Харьков, Киев) работники Истпарта совмещают работу в др. учреждениях, чаще всего с работой контрольных комиссий и так перегруженных.

Где же такого отношения Губкомов нет—находятся и средства и люди. Голодные Екатеринослав и Николаев нашли средства и людей, а хлебная Киевщина ничего не дает Истпарту, хотя историческим материалом богаче всех.

В более активных бюро выработали методологию вечеров воспоминаний (составляют книжки по архивным материалам и по конспекту дополняют воспоминаниями), дают участникам исправлять стенограммы, что приводит к написанию целых статей и т. п.

Вечера воспоминаний на заводах всколыхнули массу, учли старых партийных и беспартийных работников, организовали ячейки содействия по Истпарту на заводах, уполномоченных в уездах и т. д., словом осуществили все то, о чем в руководящих статьях и инструкциях писал Истпарт ЦККП(б)У, но что еще мало применили у нас в губерниях.

Интересный доклад о ближайших задачах Истпарта сделал т. Невский. Он рассказал о новых данных по работе рабочих кружков 80—90 г.г. и считал, что в первую очередь необходимо обработать и опубликовать материалы по истории рабочего движения 70—80—90 г.г.

Он полагает, что программа работ должна быть расширена: должны быть исследованы история рабочего движения и положение рабочего класса и крестьянства; жизнь более крупных фабрик и заводов, влияние рабочего движения на рабочее законодательство и т. п. К этой работе небходимо привлечь заводские ячейки, втягивая широкие массы в работу Истпарта. Необходимо использовать архивы предприятий, и т. п.

Затем необходимо приступить к переизданию нелегальной литературы, выходившей за границей и в подпольи в России, прокламаций, журналов, газет даже редких легальных и т. п., а также составление перечней вышеуказанной с.-д. литературы.

Пора опубликовать материалы важнейших политических процессов 1906 и др. годов, а также издание биографических словарей, что уже начато в Петербурге.

Необходимо также подготовлять историю марксизма.

Далее, тов. Невский излагает схему положения Истпартов и их губ. органов, их права и обязанности, указывает на необходимость раз'ездных инструкторов, посылаемых из центра, назначения и снятия губернских работников с ведома Истпарта. Ближайшей задачей губернских органов Истпарта он считает составление истории своих организаций, главным образом крупных центров раб. движения и собирание материалов по вышеуказанной программе. Указывалось также на необходимость изучения польского, еврейского движения, движения в прибалтийском крае и проч.

В прениях по докладу выступавшие хотя и приветствовали расширения работы научно-издательской деятельности, но указывали, что это программа максимум и также необходимо дать программу минимум. Требование, чтобы Испартовские работники на местах были большими учеными и специалистами, не осуществимо в данное время, но не смотря на это жизнь создает и выдвигает прекрасных истпартовских работников, хотя и не знающих языков и не прошедших университета.

В краткой статье невозможно передать всех интересных прений по этому и др. докладам. Они затронули все вопросы встающие в процессе работы на местах, и о связи центра и мест и об‘единение работы Истпрофа, истомолов, госиздата и др. учреждений, ведущих работу по истории рабочего движения и революции и т. п.

Доклад т. Волковичера обобщил опыт мест. Главным же во всех речах было признание необходимости определенной материальной базы, зафиксированной ЦК и даже 12 с‘ездом, без чего работа невозможна, ибо она прошла уже первый период организационного строительства и дальше уже необходима более серьезная и систематическая научно-изыскательная и издательская деятельность, требующая больше серьезных сил и средств.

Тяжелое материальное и недостаточно определенное организационное положение Истпартов привело к предложению Украинского Истпарта о необходимости провести через организационную комиссию 12 партс‘езда ряд положений об Истпартах. Это предложение было горячо педдержано и его удалось осуществить.

Комиссия из 5 лиц быстро подготовила резолюцию, потом сокращенную в организационной комиссии и принятую 12 с‘ездом.

Эта же организационная комиссия рассмотрела организационные формы и оставила Истпарту ЦКРКП ряд важных вопросов, которые выдвинулись по совещаниям, но разрешены быть не могли, напр., о приспособлении истпартовского и архивного деления к районированию и т. д.

Доклады А. И. Елизаровой и В. Невского об издательской деятельности, вызвали также живой обмен мнений. Был принят ряд резолюций. Вообще, совещание было очень интересным и очень важным, т. к. дало обмен опытом, сблизило центр с местами, шире осветило и теоретические и практические вопросы, спаяло работников Истпарта, т. ч. выражено было пожелание об установлении товарищески деловой переписки и обмена опытом между отдельными бюро и центром.

Дальнейшая работа сближения продолжалась в Истпартотделении, где работа кипела до самого от‘езда делегатов.

Полные протоколы и отчет о совещании Истпартов будут изданы в особом бюллетене.

Е. АДАМОВИЧ

РЕЗОЛЮЦИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ ИСТПАРТОВ

Резолюция об издательской деятельности Истпарта

(По докладам т.т. А. И. Елизаровой и В. И. Невского)

Совещание признает, что два центральн. журн. Истпарта «Пролетарская Революция» и «Красная Летопись», выявляющие две стороны одного и того же Истпартовского дела, оба имеют полное право на существование. Появление же журналов на местах можно приветствовать в том случае, когда такого рода журналы отвечают всем обстоятельствам дела: обилию журнального материала местного характера, степени интереса к ним со стороны доста-

точного круга читателей, достоинству литературных сил и т. д. В противном случае следует рекомендовать местным бюро не выпускать регулярных журналов, а издание отдельных сборников или передачу материала в центр.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ В ОРГАНИЗАЦ. СЕКЦИИ И НА 12-м С'ЕЗДЕ ПАРТИИ

Организационная Комиссия XII с'езда Р. К. П. полагает и предлагает с'езду принять:

XII с'езд партии констатирует, что понимание важности задач Истпарта в области изучения истории героической борьбы рабочего класса в России и его авангарда Р. К. П.—недостаточно осознано значительной частью не только членов партии, но и партийных организаций. Такое положение пагубно отражается на состоянии работ местных (обл. и губ.) органов Истпарта и самого Истпарта в целом.

В целях способствования планомерному осуществлению задач, возложенных на Истпарт, деятельность, методы и формы работы которого уже выходят из первой стадии строительства, с'езд постановляет:

1) Подтвердить существующее постановление Секретариата ЦКРКП о том, что органы Истпарта являются отделами соответствующих партийных комитетов.

2) Центр. К-ту, согласовав с Истпартом, обеспечить необходимое количество работников, как в центре, так и на местах, занятых исключительно Истпартовской работой; снятие же их с работы проводить только по соглашению с Истпартом.

3) С'езд поручает Центр. К-ту в ближайшее время озаботиться подготовкой квалифицированных Истпартовских работников.

4) Изыскать в твердом сметном порядке необходимые денежные средства не только на содержание штатов Истпарта и его органов, но и на оперативные расходы (разработка материалов, издательская деятельность и пр.).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕЩАНИЯ ИСТПАРТОВ

1) Совещание выражает пожелание, в целях согласования работ Губбюро Истпарта и Губбюро Архива, на местах производить назначения ответственных работников в Губбюро Архива по соглашению Центрархива с бюро Истпарта.

2) Признавая неотложным делом для всестороннего изучения и разработки архивных материалов по истории революционного движения на местах, составления издания описей жандармских, губернаторских и других архивов, просить ЦК обязать Госиздат принять надлежащие меры к изданию упомянутых описей.

3) Признать желание совместно с Центрархивом создание в текущем году краткосрочных курсов научных сотрудников Истпарта и Центрархива.

4) Выработать инструкции для руководства по созданию выставок архивных материалов на местах. Инструкция должна предусмотреть способы извлечения и охраны документов, необходимых для выставок.

РЕЗОЛЮЦИЯ

по докладу тов. В. И. Невского «О ближайших задачах»

Заслушав доклад В. И. Невского по вопросу о задачах Истпарта, а также приняв во внимание ряд мнений, высказанных в прениях по этому докладу, совещание принимает следующую резолюцию:

Совещание, в согласии с мыслью докладчика, признает, что основные задачи Истпарта, намеченные с самого первого момента существования его, остаются до сих пор в силе. Они сводятся к следующим главным положениям:

а) Работа Истпарта должна быть направлена прежде всего на собирание, систематизацию, обработку и издание источников по истории партии в виде отдельных монографий с научными комментариями, а также журнальных статей.

б) Такая же работа должна быть проделана по собиранию, изучению и опубликованию исторических данных, касающихся истории Октябрьской Революции.

Основными методами для производства этой огромной работы являются во 1-х, собирание живых свидетельских показаний, по возможности массового характера, о нашем близком или далеком революционном прошлом (всевозможные записи мемуарного типа), во 2-х, извлечение из историко-революционных архивов ценных документальных данных, относящихся к истории нашей революции, вообще и истории Р. К. П., в частности и в 3-х, широкое использование всяческой партийной литературы.

На ряду с этим, одной из ближайших задач Истпарта является составление руководств различных типов по изучению истории Р. К. П.

Но, кроме этих общих положений, определяющих природу деятельности Истпарта, совещание считает возможным указать на назревающую очередную задачу в процессе все более и более расширяющейся деятельности Истпарта и его местных бюро—углубить научную разработку источников по истории революции и партии, повышая научный уровень состава истпартовских органов. С этой целью полезно было бы издание Истпартом надлежащих руководств, которые бы учили научных сотрудников не только в центре, но и на местах, как обращаться с архивным материалом, как следует его изучать и обрабатывать, как можно и должно пользоваться методами исторической критики и т. д. Было бы также желательно устройство Истпартом кратковременных курсов по выучке архивному или историкографическому делу и, вообще, принятие мер к подготовке квалифицированных работников истпартовского дела. Во всяком случае, в интересах указанной задачи, связь Истпарта с работниками на местах должна быть более живой, непрерывной и актуальной, чем это было до сих пор. Необходимо добиться того, чтобы все провинциальные бюро Истпарта работали по определенным заданиям и по определенному плану, разработанному Истпартом в интересах изучения Октябрьской Революции и Р. К. П. Устранение стихийности, случайности, оторванности и самостоятельности в работе отдельных частей Всероссийского единого Истпартовского аппарата должно быть во что бы то ни стало достигнуто.

Для производства по известному плану научно-исторической работы по изучению нашего партийного прошлого, а также недавнего революционного настоящего, полезно было бы районировать Россию и сосредоточить эту работу в следующих пунктах:

1) Петербург и его район, 2) Москва и промышл. район (Ив.-Вознесенск, Кострома, Нижний, Тверь, Ярославль и т. д., 3) Украина (Харьков, Екатеринослав, Одесса, Киев, 4) Ростов н/Д, 5) Урал, 6) Кавказ, 7) Сибирь (полит. ссылка и каторга), борьба революции с контр-революцией. Особое место в изучении Р. К. П. занимает польско-литовское рабочее движение, еврейское рабочее движение и движение рабочих в Латвии и Эстонии.

Высказанный докладчиком ряд конкретных пожеланий о попутном изучении и издании Истпартом материалов и документов, охватывающих широкий круг классовых и общественных отношений данной эпохи: классы крестьянства, мелкой буржуазии и т. д., об устройстве Истпартом, помимо регулярных комиссий, публичных заседаний с поставленными на них научно-историческими докладами и пр., совещание признает вполне приемлемыми.

Кроме того, совещание признает желательным привлечение к делу изучения истории партии широких масс рабочих, хотя бы и стоящих вне нашей партии.

Наконец, совещание обращает серьезное внимание Истпарта на необходимость широкой постановки библиографического отдела в трудах Истпарта и его местных бюро.

ДОКЛАД ИСТПАРТА Ц. К. К. П. (б.) У.

НА КОНФЕРЕНЦИИ ИСТПАРТОВ Р. К. П. во время 12 с'езда партии 22—24 Апреля 1923 года.

Докладчица Е. Н. Адамович

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСТПАРТА

Формально «ИСТПАРТ» возник при ВУЦИК'е в Апреле 1921 г. Первые же практические шаги в работе «ИСТПАРТА» начинаются с Марта 1922 г. с переходом его в ведение Ц.К.К.П. (б.) У.

В начале «ИСТПАРТ» состоял из коллегии, секретарем которой был один из членов без всякого аппарата.

Ни один из членов коллегии, и даже секретарь ее, не занимались исключительно работой в ИСТПАРТЕ, а совмещали ее с другими основными своими обязанностями.

По первому протоколу заседания коллегии 4/хп—1921 г. в коллегию входили: т. т. Гр. И. Петровский (председатель ВУЦИК и член Ц. К.), Ник. Ал. Скрыпник (Наркомюст), Яворский, литератор (лектор университета им. Артема), секретарь истпарта.

По второму протоколу в коллегии отмечены, кроме вышеупомянутых, т. Харечко, Коссиор Станислав и Н. Н. Попов.

В Марте—Апреле 1922 г. при коллегии образуется секретариат из 4-х лиц, секретарь т. М. С. Иванов и 2 помощника секретаря: Е. Н. Адамович, А. И. Ваграиская. В июне в ИСТПАРТ командируется

Равич-Черкасский—которому поручается редактирование журнала «Летопись Революции». Он вводится в Коллегию ИСТПАРТА.

Вскоре большинство членов коллегии уезжают из Харькова (Харечко, Верхотурский и Попов), остальные члены коллегии, т. Скрыпник (председатель) и т. Петровский слишком заняты, чтобы уделить время Истпарту и коллегия фактически отсутствует.

С июня мес. 1922 г. она ни разу не собиралась, с 4/XII—21 г. по 9/VI собиралась 5 раз.

Вполне понятно, как это отражалось на положении и работе ИСТПАРТА: учреждению новому, которому нужно было бороться за свои права и интересы на каждом шагу, к тому же из 3-х секретарей 2 очень долго болели и 3-й был 2 мес. в отпуску.

Общие условия были также неблагоприятны и сводились к следующему: Уцелевшие основные архивные фонды, представляющие огромную ценность для изучения явлений революционного порядка,—архивы жандармского управления, охранного отделения и губернатора, «оставшиеся в живых», сложены были в беспорядке в разных местах и были совершенно недоступны для обработки. Для приведения их в порядок, Главархом почти ничего не было сделано. На местах, за исключением Екатеринослава, не было губернских бюро ИСТПАРТА, и самая мысль о создании их некоторым Губкомам была, как будто, чужда. Для создания на местах Губбюро ИСТПАРТА потребовались категорические предложения ЦК секретарям Губкомов.

Наконец, общая атмосфера, отношение—не только рядовых членов партии, но и ответственных в массе к ИСТПАРТУ и его работе было в высшей степени неблагоприятно. Задачи ИСТПАРТА широкой партийной массе были непонятны, чужды, а некоторой части ответственных товарищей казались несерьезными. ИСТПАРТ рассматривался, как своего рода богадельня, куда партия направляет вышедших в тираж своих членов копаться в ненужных бумажках.

Работа за 1 год

ИСТПАРТУ расчитывать получить какие бы то ни было средства в самом начале деятельности не представлялось возможным. Приходилось работу построить таким образом, чтобы она поставила ИСТПАРТ в положение общественно-полезного учреждения. Пришлось прибегнуть к показной стороне деятельности.

Таковой было признано издание сборника. С этой целью было в первых числах марта разослано свыше 40 писем ряду товарищей, которые в порядке партийной дисциплины обязаны были (по постановлению оргбюро) представить свои воспоминания об Октябрьской борьбе на Украине к определенному сроку.

В первых числах апреля вернувшийся со с‘езда т. Скрыпник привез свыше 50 письменных обязательств от разных товарищей, которые брали на себя задачу представить статьи к определенному сроку.

Наконец, в начале мая было разослано 20 писем военным коммунистам из бывших на с‘езде комсостава. Но, несмотря на постановление оргбюро, письменные обязательства, двукратные и пятикратные напоминания,

откликнулось на это немногим более 30% товарищей. С большим трудом удалось лишь 2 июля сдать в печать 1-й номер журнала «Летопись Революции». В начале декабря сдан в печать 2-й номер журнала. Он вышел. 3-й номер печатается и выйдет на днях.

Выход сборников, ряд руководящих статей о значении истпартовской работы и формах ее, привели к оживлению истпартовской работы, вообще, и притоку воспоминаний и статей для сборников. В частности, работа в связи с 25-летним юбилеем, специальная поездка в Киев, подготовка юбилейного альбома, розыски 80—90 годов участников революционного движения, также дали приток литературно-исторических статей и материалов, т. ч. в портфеле редакции имеется материала приблизительно сборника на 3.

Предполагается довести выпуски до ежемесячных. Имеются воспоминания живых участников кружка Юв. Мельникова, Перазича, Бекарюкова, Членов комитета Харьковской с.-д. организации 1897—98 г., участвовавших в переговорах о созыве 1-го с'езда и т. п.

К 25-ти летнему юбилею партии Истпартом, без участия редакции «Летописи Революции» (Летопись печатается Госиздатом), издан Альбом ИСТПАРТА, составленный и редактированный т. Е. Н. Адамович, посвященный Владимиру Ильичу Ленину, где собраны редчайшие, большею частью нигде раньше не печатавшиеся исторические группы от Южно-Русских и Сев.-Русских Союзов, и «союзов борьбы», существовавших до 1-го с'езда, главным образом украинских городов.

Часть необходимых для юбилейного сборника групп («Первый с'езд», «Петерб. Союз Борьбы», «Редакция Искры» и т. п.) перепечатаны из Альбома Выставки ИСТПАРТА Р. К. П. Остальное представляет самостоятельную историческую разработку. В Альбоме дано значительное количество исторического пояснительного текста.

Т. к. ИСТПАРТ не может работать без архивов, то Истпарту пришлось затратить много сил и энергии на организацию архивов, их упорядочение; хотя архивы не находятся в его ведении непосредственно.

Здесь ИСТПАРТОМ проделана огромная работа, ибо без его участия архивы не только не были бы разработаны, но погибло бы значительное количество материала.

Архивные учреждения находились в ведении Наркомпроса и работники их почти не оплачивались по несколько месяцев, не снабжались и потому совместительствовали и т. п. Часто помещения для работы не отапливались, и много требовать от архивных учреждений было трудно.

ИСТПАРТУ удалось получить в свое распоряжение особый дом, в котором теперь сосредоточены: архив революции, центро-архив «ИСТПАРТ». Силами работников архива к концу года под руководством ИСТПАРТА и частью за его счет, основные фонды архива были разработаны, и на них составлены карточки.

Таким образом, материал для научной обработки подготовлен процентов на 75, и для журнала «Летопись Революции» можно на основании этих материалов сравнительно легко уже составлять статьи. Для этого нужно лишь привлечь одного-двух постоянных научных работников.

Общее количество разработанных дел свыше 11 тысяч, которые распределяются таким образом:

Секретных дел канцелярии Харьковского губернатора за годы 1858-1917 г. г.—5213, Харьковского генерал-губернатора 1879-1882 г. г.—25; Харьковского генерал-губернатора 1905 г.—6; Сумского генерал-губернатора 1906 г.—9; Юго-Восточного района охранного отделения за 1902-1916 г.г.—1695; Харьковского губернского жандармского управления 1901-1917 г.г.—4229, железнодорожного жандармского управления до 100, уездных жандармских управлений—100, периода Директории и Гетманщины до 400 и секретно-полицейского архива—3000; фотографических снимков—5000.

Разработка обнаружила также и исчезновение из архива жандармского управления целого ряда дел партийного характера и дневники наружного наблюдения и секретной агентуры за 1914—16 г.г.

Есть основание полагать, что здесь на лицо не случайная пропажа, а систематическое хищение, имевшее место, очевидно (кое-какое указание на это есть), во время работы т. н. «Комиссии по выяснению провокаторов», возникшей вскоре после Февральской Революции. Такого рода явления наблюдались и в других местах, где члены этих комиссий, просто-на-просто, раздавали дела знакомым «на память» об их былой причастности к движению. Благодаря же такому «раздариванию», мы лишились значительного количества очень ценных документов.

Архивная работа, как указано выше, затруднялась отсутствием средств у Наркомпроса и потому ИСТПАРТУ пришлось употребить усилия для перевода Архивных учреждений в ведение ВУЦИК'а, что удалось, так что с января 1923 г. материальное положение архивных учреждений стало на твердую почву.

В настоящее время при центральном архивном управлении существуют: центр. архив революции в Харькове, центр. истор. архивы в Харькове и Киеве, содержащиеся на средства ВУЦИК'а, а также Губ. архивн. упр. с отделениями в общих Губернск. архивах—истор. револ. матер., содержащиеся на средства Губисполкомов.

Кандидатуры ответственных работников архивных учреждений выдвигаются ИСТПАРТОМ и его местными органами, что дает возможность фактического руководства работами архивов и подчинения их ИСТПАРТАМ.

При центр. архиве образован совет из представителей ИСТПАРТА и Наркомпроса, который взял в свои руки общее руководство, начал «подтягивать» архивы, прекратил совместительство, начал чистку от засевших в архивах заплеснелых спецов, приступил к разработке ряда положений и инструкций, вообще, приводит всю застывшую машину в действие, так что можно ожидать вскоре описаний архивов и др. предварительных работ, столь необходимых для серьезной научно-исторической разработки архивных материалов, дальнейшего собирания архивов. Так получен материал из Наркоминдел, найдены архив фабричн. инспекторов, архив Ч. К. и проч. После долгих хлопот, налажено снабжение через Книжную Палату и т. д.

ИСТПАРТУ также удалось добиться обеспечения ВУЦИК'ом дома ИСТПАРТА, где помещается и выставка по истории партии и архивные учреждения.

Огромная незаметная организационная работа проделана, теперь возможно перейти к настоящей истпартовской работе в архивах, если только возможно будет привлечь научных работников.

Выставка-музей

Следующей крупной работой ИСТПАРТА было устройство выставки-музея, которое приурочивалось к пятилетию Октябрьской Революции.

Первоначальный план выставки был довольно широк, в расчете, что губернские бюро ИСТПАРТА пришлют с мест материалы. Но расчеты эти не оправдались: ИСТПАРТ ничего от бюро не получил. Поэтому пришлось план менять и строить выставку, исходя из наличия имевшегося материала в центр. архиве революции, а также из того материала, который можно было достать в Харькове. Но выполнение этого плана было сопряжено с огромными трудностями. Зачастую приходилось затрачивать огромное количество времени на выискивание разного рода данных, на основании которых можно было бы создать диаграмму или даже какой-нибудь плакат. Особенные трудности представляло отразить революционную борьбу, партийное и советское строительство с 1917 г.

Здесь отсутствие материалов больше всего и сказалось на результатах.

Октябрьская Революция представлена слабо.

С большим трудом для устройства выставки удалось добыть в сметном порядке 16½ миллиардов (д. з. 1922 г.) и 15 миллиардов дал ВУЦИК из кредитов на празднование Октябрьской Революции.

С этими ничтожными средствами (в том числе для губ. выставок) в течение 2-х месяцев была собрана выставка в 2700 экспонатов (схема прилагается).

Выставка была открыта для Всеукраинского С'езда Советов, а также других с'ездов и экскурсий.

Выставка вызывает большой интерес среди членов партии, рабочих, красноармейцев и разных школ. Посещается она, главным образом, экскурсиями (она открыта 2 вечера в неделю и в воскресенье днем).

За 2 месяца выставку посетили 2200 человек. Так как специального руководителя экскурсий нет, об'яснения даются одним, редко двумя секретарями ИСТПАРТА, то приходится прибегать к далеко несовершенному способу, дать руководителю экскурсии самому заранее осмотреть выставку и подготовиться к об'яснению экспонатов. Конечно, такие руководители не только не совершенны, но часто очень плохи, но другого выхода не было: и очередь на экскурсии была так велика, что приходится по воскресеньям отказывать.

Предпринимаются шаги к созданию кадра опытных руководителей экскурсий (получается краткая лекция по истории партии и революц. движения от Стеньки Разина до Коминтерна), ибо создается новый вид партпросвет. работы.

Агитации за посещение выставки по заводам не ведется, из боязни не справиться с количеством экскурсий и самотеком превышающим наши

силы. Выставка так популярна и имеет большое революционно-воспитательное значение, что легко видеть из книги записей впечатлений посетителей.

Выставкой, как наглядным пособием, пользовались и совпартшколы, и докладчики, беря для иллюстрации диаграммы и пр.

Во время, 9-го января, 25-летнего юбилея партии работники выставки снабдили все газеты иллюстрационным и историческим материалом.

К 7-й партконференции выставка была расширена вообще и, кроме того, добавлен был новый отдел: отчетная работа за год ЦК.

Также была закуплена литература и создан кабинет-библиотека (пока бедный) для научных занятий. Потребность в таком кабинете есть и все больше растет.

Материальных средств, кроме отпущенных на выставку и на юбилейный альбом, ИСТПАРТ не имеет.

В данное время ИСТПАРТ имеет 4-х ответственных и 2-х технических работников.

Из средств выставки временно содержится еще один технический работник.

С этим штатом, без малейших ассигнований на организационные расходы и пр. приходится вести работу ИСТПАРТУ, за счет ночных занятий части своих работников.

Кроме создания кадра руководителей экскурсий на выставке, ближайшей задачей выставки ИСТПАРТ ставит создание передвижной выставки путем сфотографирования ее по частям для волшебного фонаря. К осуществлению этого уже приступлено, необходима только работа на местах, помощь агитпропов и наробразов и, конечно, отпуск средств.

Кроме вышеуказанной, т.-е. ударной работы, ИСТПАРТ вел текущую организационно-инструкторскую работу.

Для руководства работой Губбюро ИСТПАРТА было разослано до 20 циркуляров. Написан ряд руководящих статей (они частью прилагаются).

Ведется обширная переписка с авторами, многократные просьбы о написании воспоминаний и т. п.

С мая 1922 г. зарегистрировано входящих бумаг 171, за 1923 г. по апрель 110.

Исходящих за 1922 г. (с мая) 450.

„ за 1923 г. (по апрель) 147.

Поступило статей за 1922 г. 111.

„ „ за 1923 г. 26, всего 137 страниц.

Из большого преобладания исходящих над входящими видно, что центр работал гораздо энергичнее мест.

РАБОТА НА МЕСТАХ

Руководство Губбюро может быть только общим, поскольку нет живого обмена между центром и местами, нет работы мест, как конкретных запросов и т. п., нет об‘езда мест и пр.

ИСТПАРТ Ц.К. считал существенно необходимым об‘езд губерний, ибо только непосредственное ознакомление с положением на местах даст

ясную картину, поможет инструктированию. Попытка инструктировать и связаться через раз'ездных инструкторов Ц. К. не дала существенных результатов.

Положение на местах представляется в следующем виде по данным с мест.

Огромные архивные фонды, как, например, архив судебной палаты в Харькове, погибли за время революции, а с ними почти погибла возможность изучить историю, во всяком случае полноту борьбы, которая велась до октября. Погибло в большей своей части и то, что должно было отражать октябрь. Но если так обстояли дела в Харькове, то еще печальнее картина была на периферии, которая пережила больше Харькова.

Поэтому ИСТПАРТУ нужно было предпринять шаги к сохранению и собиранию оставшихся на территории Украины документов.

На периферии по-прежнему гибли материалы, и губархи почти ничего не предпринимали. Это обстоятельство с особенной настойчивостью выдвинуло необходимость создания губернских бюро ИСТПАРТА, которые должны были принять все меры, как к охране существующих архивов, так и к собиранию новых материалов. Однако, Губкомы далеко не везде и в неодинаковой мере спешности выполняли эти задания.

По мере возникновения бюро приходилось давать общие руководящие указания. Однако, этих указаний было слишком мало для того, чтобы бюро работало, им нужны были средства, которых ИСТПАРТ дать не мог. Будучи же вынужденными искать средства из местных источников, бюро развивали постепенно местнические тенденции, что вело к совершенно ненормальному положению. На требование ИСТПАРТА о высылке наиболее ценных материалов в центр, бюро отвечали лишь высылкой ненужных для них дубликатов. И в то время, как на местах, напр., имеются полные комплекты «ИСКРЫ», в ИСТПАРТЕ этого нет. Также обстоит дело и с другими материалами. А при таком положении невозможно говорить о серьезной работе в центре по изучению истории революционной борьбы на территории УКРАИНЫ, т. к. в общем все же довольно большие ценные материалы разбросаны в разных местах.

В отношении сохранения материалов губернские бюро достигли многого. Они добились почти полного прекращения уничтожения документов. Правда, это достигнуто было за счет собственно истпартовской работы, но это было абсолютно необходимо и важно для дальнейшей работы ИСТПАРТА ИСТПАРТЫ собирали воспоминания, часть которых поступала в центр, часть же обрабатывалась и издавалась на местах. К годовщине революции везде были устроены выставки материалов по истории революционного движения и т. д.

Наиболее работоспособными были бюро в Екатеринославе, Одессе и Николаеве, а за ними в Киеве, Подолии и Волыни.

Общим признаком в работе всех бюро является сепаратизм, кустарничество: каждое бюро стремится все (почти) материалы, как воспоминания, так и обработанные архивные материалы воспроизвести, издать на месте, не согласуя эту деятельность с задачами ИСТПАРТА при ЦК. В результате

получается, что очень много интересного в освещении истории революционного движения не выходит за пределы данной губернии.

Правда, взгляды некоторых бюро на свою работу начинают меняться, но чрезвычайно медленно и слабо.

Главные причины, тормозящие развитие работы ИСТПАРТОВ, следующие:

1) Недостаточное понимание, даже в кругу ответственных товарищей, сущности и значения работы ИСТПАРТА, как исторического, так и революционно-воспитательного и полит-просветительного.

2) Недостаток средств и сил, отчасти вытекающие из первого. Там, где находились подходящие понимающие работники, где губкомы не считали ИСТПАРТ—местом для партийных инвалидов, разбирающих «ненужные бумажки», работа развертывалась и довольно широко.

В Киеве богатейшие материалы по истории партии и революции. Они лежат в мерзлом помещении и ИСТПАРТ ЦК не мог добиться присылки даже дубликатов, что сделано другими Губбюро давно. Киевский губком не дал даже денег для выставки. Она настолько требуется жизнью, что ее начинают делать другие учреждения, находящие для этого средства.

В Киеве, например, научное описание архивов производит Госиздат для своих работ. Какая гарантия, что это описание будет действительно научным. Ряд частных лиц издают то, что должно быть издано под контролем ИСТПАРТА.

Ряд учреждений ведут параллельно работу с ИСТПАРТОМ: ВУЦИК, Истпроф, Истмол и пр.

Все эти работы должны вестись под контролем ИСТПАРТА. Определенный минимум постоянных ассигнований в Центре и на местах—необходимое условие планомерной работы ИСТПАРТА.

Е. АДАМОВИЧ

СХЕМА ВЫСТАВКИ ПО ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

I. Выставка по истории развития коммунистической партии ставит себе целью наглядно представить, как из отдельно работавших революционных кружков далекого прошлого, через разрыв с народничеством, определяется база пролетариата, на которой и вырастает партия рабочего класса.

Как партия массовая, она охватывает все большие и большие слои пролетариата и с ним идеологически связанные группы и, как единая партия рабочего класса, постепенно сводит на нет в Р.С.-Д.Р.П. остальные партии, претендующие на звание социалистических.

Как партия интернациональная, она распространяет свое влияние на Восток и на Запад, постепенно группируя вокруг III Интернационала пролетариат Запада.

Профинтерн с его ролью организатора рабочего класса Запада, являющийся в настоящий момент базой, на которой развивается и крепнет влияние коммунистической партии, должен найти также свое отражение на выставке.

Таким образом, выставка должна по отдельным этапам ярко отобразить превращение кружка, через Социал-Демократическую рабочую партию в правительственную коммунистическую партию (большевиков), и от нее в международную партию рабочего класса—III Интернационал.

СХЕМА ВЫСТАВКИ

1-й этап.

I. Кружковщина.

1) Петр Алексеев «Народная воля».

2) Степан Халтурин «Чёрный передел».

2-й этап.

«Организация партии».

II. Первые попытки организации работы в партийном масштабе на базе пролетариата.

1) Группа освобождения труда—«1883 г.».

2) Голод 1891—92 г.—«об‘единенная касса Петербургских рабочих».

3) Союз освобождения труда 1895 г. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Группа и печатный орган «Рабочая газета»,—«Бунд»

4) Заграничный союз русских Социал-Демократов.

3-й этап.

1) Борьба с ревизионизмом и экономизмом.

Легальный марксизм (1895—8 г.) «Рабочая мысль».

Стачки 1896 г. Первая победа рабочего класса—закон о $10^{1}/_{2}$ час. рабочем дне.

2) Первый учредительный с‘езд российских Социал-Демократов в 1898 г.

4-й этап.

1) Раскол: «Искра», «Заря». Разногласие между экономистами и политиками 1898—1903 г.

2) 2-й с‘езд Российской Социал-Демократической Партии в Брюсселе—Лондоне (раскол партии) 1903 г.

5-й этап.

Р.С.-Д.Р.П. (большевиков)—руководящая партия рабочего класса.

1) «Впередовцы» и «Ново-Искровцы».

2) Аграрный вопрос—конференция 1903 г.

1905 г.—9 января.

3) Женевская конференция—вопрос о всеобщей забастовке и о вооруженном восстании в России 1905 г.

Хвостизм (Мартов).

4) 3-й с‘езд С.-Д. в Лондоне—май 1905 г.

5) «Вперед».

«Пролетарий».

6-й этап.

Попытки об‘единенной работы с меньшевиками.

1) Государственная Дума и Социал-Демократия.

4-й с‘езд С.-Д. в Стокгольме (об‘единенный).

Аграрный вопрос (национализация).
» (муниципализация).
Женевская конференция С.-Д. меньшевиков.
2) «Пролетарий».
3) «Бойкотизм».
4) Блок в Государственной Думе.
«Волна», «Новый луч».
5) Легализм (ликвидаторство).

7-й этап.

Р.С.-Д.Р.П. (большевиков), как самостоятельная партия.
1) 5-й с'езд С.-Д. в Лондоне—выработка нового устава партии 1907 г.
2) Течения в С.-Д. партии (большевиков):
(Примиренчество) ортодоксальн., твердокаменные.
«Вперед» («отзовисты»).
Разгон Думы—реакция 1908 г.
(Ультиматисты).
3) «Звезда». 1910 г.
4) Парижская конференция Р.С.-Д.Р.П. (большевиков)—1912 г.
(Августовский блок—бесплехановцев и конец ликвидаторства).
5) «Правда».
6) Общепартийное совещание в Кракове, 1913 г.
7) Суд над рабочими депутатами—Петербургская конференция С.-Д. 1914 г.
8) Циммервальд (5—8 сентября 1915 г. Кенталь—24 апреля 1916 г.).

8-й этап.

Р.С.-Д.Р.П. (большевиков), как организатор пролетарской власти.
1) Апрельская конференция большевиков 24—29 апреля 17 г. (выправление ортодоксальной партлинии).
Июльские дни 1917 г.
2) 6-й с'езд партии—лозунг «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства».
3) Большевики-оборонцы.
4) Пресса С.-Д. (большевиков).
5) Репрессии временного правительства:
а) аресты большевиков (Троцкого, Луначарского и друг.);
б) закрытие газет.
6) Выборы Президиума в Петроградский С. Р. и К. Д.
«Демократическое совещание»—рабочая делегация, требование перехода власти к Советам—сентябрь 1917 г.
7) а) заседания Северного областного с'езда С. Р. и К. Д. Резолюция Троцкого о немедленном переходе власти в руки Советов—12 октября 1917 года.
б) соединенное собрание Московского С. Р. и К. Д. 1/XI 17 г.
8) Деятельность Военно-Революционного Комитета (октябрь 17 г.).

9) II-й Всероссийский с‘езд рабочих и крест. депутатов 25 окт. 1917 г. Октябрьская революция.

Первые дни, Совет Народных Комиссаров 11/XI—1917 г. (нов. ст.).

10) 7-й с‘езд партии Р. К. П. (большевиков). Постановление о заключении Брестского мира в марте 1918 г.

9-й этап.

Партия, как международный штаб борьбы пролетариата.

1) 1-й с‘езд III Коммунистического Интернационала—март 1919 г.

2) 8-й с‘езд Р.К.П., программа партии 18—23 марта 1919 г.

3) Всероссийская партконференция—декабрь 1919 г.

Устав партии.

10-й этап.

РКП, как правящая партия.

1) Рост коммунистической партии, состав ее.

2) Роль компартии в Советском строительстве.

3) Управление страной, внутрипартийные течения.

Перерегистрация, чистка партии, партперепись.

IX, X и XI с‘езд РКП 20, 21 и 22 годы.

Крестьянство, пролетариат и коммунистическая партия.

11-й этап.

РКП и Коммунистический Интернационал.

1) РСФСР как центр, распространяющий идеи коммунизма на западе.

2) Влияние коммунистической партии в рабочих организациях Запада.

3) Стачки, синдикалистское движение, резолюции, принимаемые на конференциях, требования и постановления бастующих.

4) Партия в международных государственных сношениях.

Генуэзская и Гаагская конференции. Торговые и прочие договоры.

История К. П. (б) У. с 1917 г.—1922 г.

История КП(б)У на выставке вливается в общую историю партии по вышеуказанным этапам. Здесь, в плане, она изложена отдельно для ясности, тем более, что за последние 5 лет она протекала в своеобразной исторической обстановке, и история 5 лет революции—ударный момент выставки.

1. ГРУППИРОВКА ПАРТИЙ НА УКРАИНЕ

I. С.-Д. Большевиков, как центр организации революционных масс на Украине.

II. Остальные «Социалистические» партии и их дифференциация.

С.-Д. партии.	С.-Р. партии.
1) С.-Д. меньшевики	1) Украинские С.-Р.
2) С.-Д. об‘единенцы	2) Левые С.-Р.
3) С.-Д. Спилка	
4) Украинские С.-Д.	
5) Бунд	
6) Поалей-Цион, и др.	

АНАРХИСТЫ

РАЗЛОЖЕНИЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ» ПАРТИЙ

1) Комфарбанд, 2) Незалежники, 3) Боротьбисты, 4) УКП, 5) Левые С.-Р. Борьбисты, 6) С.-Р. Синдикалисты, 7) УКП, 8) ЕКП.

III. Поглощение их КП(б)У.

Вхождение в КП(б)У меньшевиков, Интернационалистов, Комфарбанд, Боротьбистов, Борьбистов, Бунда.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ 1917 г.

1) Украинская Рада, 2) Брестский мир, 3) 1-й период Соввласти, 4) Ц. И. К. У. К., 5) Немецкая оккупация, 6) Гетманщина-директория,	Областные организации: Юго-Запад, Рум.—Черод., Кривор.-Донецкий бассейн, Харьковский и Екатеринославский комитеты. Областной с‘езд в Киеве 2/VIII—1917 г. Конференция в Киеве 15/XII 1917 г. Главный комитет. Таганрогское совещание (конфер. 1/IV—18 г.) Оргбюро. Подготовка с‘езда К. П. У. Тайная конференция в Киеве. Временный всеукраинский центр. Коммун. больш. 30/III—18 г. 1 с‘езд КПБУ в Москве 5/VII—18 г. Заграничное бюро КПУ. Центральный Военно-Революционный Комитет. 2-й Всеукраинский с‘езд партии в Москве 18/X 18 г. (газеты Коммунист, Донецкий Пролетарий, Большевик).
7) 2-й период Соввласти,	3-й с‘езд К. П. Б. У. Харьков 2/III 19 г.
8) Атаманщина,	Зафронтбюро 27/VII—19 г.
9) Петлюровщина-деникинщина,	Вхождение Комфарбанда с 6/VIII—19 г. Самороспуск ЦККПУ 2/X 19 г.
10) Третий период Соввласти,	Московская конференция 15/XI—1. Партийный центр К. П. Б. У.
11) Врангелевщина.	Партийная неделя, февраль 1920 г. 4, 5, 6 конференция, 20, 21, 22 г.
IV. КП(б)У как часть РКП.	Перерегистрация и чистка партии, разные партийные совещания, партперепись 1922 г.

АРХИВНОЕ ДЕЛО НА УКРАИНЕ

С переходом архивного управления в ведение ВУЦИК‘а (Положение о нем утверждено президиумом ВУЦИК‘а 3 января с. г.) явилась возможность поставить работу по архивному делу на должную высоту.

Смена властей на Украине, отсутствие архивного законодательства, несознательное отношение к архивным материалам многих руководителей учреждений, и вообще лиц, которым архивы попадали в руки, привело

архивы Украины в состояние полного разрушения. С окончанием гражданской войны и общим под‘емом хозяйственной жизни страны, явилась возможность обратить внимание на эти ценнейшие памятники нашей истории. Советское Правительство, сознавая всю важность сохранения архивных материалов, издало специальные законы об архивных учреждениях и охране архивов, и дало средства для постановки архивного дела.

Цель Центрархива добиться фактического осуществления поставленных им заданий. Союзником архивного управления в этом является Истпарт, работа с которым проводится в тесном контакте как в центре, так и на местах. Во всех губерниях организованы губернские архивные управления, через которые Центрархив ведет работу на местах. Помещаем несколько извлечений из отчетов Губархов, чтобы дать представление о положении архивного дела на Украине.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. Губисполком помогает Губарху в его начинаниях. Губарх зарегистрировал архивы в губернии и уездах. Приводятся кошмарные цифры: в некоторых уездах архивы погибли на 90-100⁰/₀, главным образом архивы революционного периода. Это значит, что историку, который начнет писать историю революции и Советской власти на Украине не будет хватать материала для написания нескольких страниц, касающихся некоторых учреждений или некоторых уездов. А так как таких уездов и учреждений, которые не позаботились спасти свои архивы, а некоторые даже способствовали их уничтожению, оказывается много, много страниц в истории революции на Украине будет недоставать. Черниговский Губарх энергично начал преследовать расхитителей архивных документов как частных лиц, так и ответственных за хранение архива служащих учреждений. Так привлечен Зам. Завгубфинотделом и управделами Губфинотдела за незаконную продажу архива. Губархом были обследованы лавки на базаре, откуда извлечено большое количество ценных документов по истории революции. Совместно с Истпартом устроена была выставка архива революции. В историческом архиве организованы были занятия со студентами ИНО с целью подготовки практиков-архивистов. Ближайшая цель Губарха—совершенно прекратить хищения архивного материала, привести в известность и порядок сохранившийся материал и передать его для научного описания в Губернский исторический архив. Работа подвигается, несмотря на все затруднения, встречающиеся на пути.

КИЕВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. Киевский Центральный Исторический Архив получил в свое ведение огромное помещение, бывш. Софиевского училища, поставил своей задачей централизовать в этом здании все Киевские архивы. Поэтому главная работа Киевского Губернского Архивного Управления состояла в приведении помещения в порядок, поскольку позволяли средства, и перевозке разбросанных в разных частях города архивных материалов в это здание. За четыре месяца (январь, февраль, март и апрель) перевезено 243 подводы и 6 автомобилей материалов. Принимались меры к охране архивов.

Из архивов, по требованию частных лиц и учреждений, выдавались справки; выдавались дела для научных работ.

В архиве сотрудниками Исторического архива разбирались и приводились в порядок перевезенные в новое помещение архивные материалы. В отделе «Истории Революции» подобраны были материалы для сборников Истпарта «ТРУД и МЕЧ», «ПУТЬ РЕВОЛЮЦИИ» и «1-ое МАЯ». Составлялись каталожные карточки.

Подготовлялись материалы к 25-ти летнему юбилею Компартии. Продолжалось описание архива Революции. Начата разработка материалов по истории Компартии 1917 г.

ПОЛТАВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. Немедленно по реорганизации, Губарх вошел в тесный контакт с Губбюро Истпарта. Многие из документов отд. революции Губернского Исторического Архива уже приведены в порядок и описываются. В отделе истории революции имеются 13 архивных фондов. Перевозятся архивные материалы из угрожаемых помещений во вполне безопасные и разбираются Разборочной Комиссией. В Губ. Историческом архиве приступлено к описанию целого ряда ценных фамильных архивов и архивов правительственных учреждений (15 архивных фондов).

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. Екатеринославский Губарх окончательно организовался только в апреле. Незамедлительно было приступлено к обследованию архивов г. Екатеринослава и его окрестностей. По губернии были разосланы запросы Уисполкомам о состоянии архивов в его уездах. Для работ в разборочной комиссии привлечены сотрудники ИНО. Пока работы по описанию архивных материалов не ведутся, т. к. все сотрудники Губарха заняты спасением архивов, находящихся в угрожаемом положении.

С. В.

